

Малколм Хэй

Кровь брата твоего

Да не наступит на меня нога гордыни, и рука грешника да не изгонит меня.

Псалмы, 35:12

И обратился я, и увидел всякие угнетения, какие делаются под солнцем: и вот слезы угнетенных, а утешителя у них нет; и в руке угнетающих их – сила, а утешителя у них нет. И ублажил я мертвых, которые давно умерли, более живых, которые живут доселе. А блаженнее их обоих тот, кто еще не существовал, кто не видел злых дел, какие делаются под солнцем.

Екклезиаств, 4:1-3

Предисловие к английскому изданию

Вот уже 36 лет прошло с тех пор, как в конце лета 1914 года капитан Мапколм Вивьен Хэй из Ситона (Абердин) пересек Ла-Манш в составе 1-го Гордонского полка шотландских стрелков и проследовал по деревенским дорогам Франции к местечку Монс. Он неплохо знал Францию и в селениях, где полк останавливался на отдых, любил потолковать с крестьянами и лавочниками на их родном языке. Казалось, их вовсе не беспокоили предстоящие военные действия, в первую очередь их живо интересовали «кельты».

Около Монса стрелки свернули налево и углубились в свекольное поле. Им было приказано копать траншею; пока они окапывались, на соседнем поле крестьянин сажал капусту. Когда земляные работы были закончены и стрелки залегли, на краю темнеющего перед ними леса показались серые пятна: передовые части Британского экспедиционного корпуса вплотную подошли к правому флангу германской линии фронта. На протяжении долгого дня и ночи, тянувшейся вечность, 3-я дивизия, в которую входили шотландские стрелки, сдерживала продвижение немцев. Противник превосходил ее численностью в живой силе в десять раз, а в артиллерии – в семь.

Хэй стоял у бруствера, наблюдая за происходящим в полевой бинокль, пока, как он вспоминал, тяжелые орудия врага, установленные у деревни Бетанкур, не начали разносить траншею, в которой он находился. "Снаряды стали разрываться слишком близко от моего левого уха, и я собирался положить бинокль и несколько минут посидеть на дне траншеи, чтобы передохнуть. Я уже наполовину присел, когда немецкий снаряд достиг своей цели... Я сразу понял, что произошло. Удар был похож на падение молота, в нем было ощущение сумасшедшей скорости. В мгновение ока мне представилось поле боя, за которым я следил в би-

нокль весь день. Затем это видение сменилось алыми кругами и чей-то голос сказал: «Хэй свое получил». Сквозь красный туман я посмотрел на часы (это движение я начал за секунду до взрыва); циферблат был залит кровью, стрелки показывали без пяти четыре. Тот же голос произнес: «Мистер Хэй убит».

Он начал терять сознание и подумал: «Неужели это конец?» И тотчас ответ всплыл в его мозгу: «Нет, еще нет». Некоторое время Хэй пролежал без сознания, потом очнулся. В ногах была жгучая боль. Рядовой Синклер, тот самый, который объявил его мертвым, заметил, что Хэй еще дышит, положил его на солому на дне траншеи, перевязал рану на голове и хотел дать раненому глоток воды. Капитан Хэй расстегнул нагрудный карман, где он всегда носил фляжку со старым бренди. Брошюрка Красного Креста утверждала, что бренди – наилучшее из всего, что можно дать пить раненному в голову, но рядовой Синклер выпил все содержимое фляжки в глотку капитана. Тот пришел в сознание и почувствовал себя лучше. Синклер и другой солдат хотели остаться с ним, когда батальон начал отходить, но Хэй приказал им оставить его.

Ночь капитан Хэй пролежал на свекольном поле, а утром немцы нашли его и передали французскому Красному Кресту. Красный Крест направил капитана в госпиталь в Кодри. Там он еще раз услышал, что его положение безнадежно, и получил как католик предсмертное отпущение грехов и благословение. «Есть между жизнью и смертью, – писал Хэй позже, – период, когда все обычные мыслительные процессы прекращаются и на смену старому сознанию приходит новое: душа, задержавшись на пороге, оборачивается к беспомощно лежащему телу. В течение той ночи, в маленькой комнатухе в Кодри... я медленно открывал в себе другое Я, не связанное с телом, покоившимся на постели, но все же охватывавшее его, словно туманом и тенью. Это была тень смерти».

Хэй выкарабкался из кризиса и стал поправляться; но оказалось, что в результате ранения он частично парализован. Его отправили в гражданский госпиталь в Камбрэ, где стояли немецкие оккупационные войска. Там в день Св. Андрея французская сиделка, зная, что этот праздник почитаем шотландцами, принесла ему деликатес – блюдо улиток. Хэй попробовал их, и они ему понравились. Вскоре после этого немцы перевели его из французской больницы в Вюрцбург, в тюрьму крепости Мариенбург, где его, как и других заключенных, содержали в ужасных условиях. Там он увидел, что представляет собой немецкий ум, породивший спустя поколение нацизм, в действии: «Мы попали в самую сердцевину той машины, которая работала с единственной целью –

сокрушить европейскую цивилизацию и подчинить её тевтонским идеям».

В феврале 1915 года его обменяли как военнопленного, признали негодным к дальнейшей службе и отправили в Англию. В Лондоне он сумел одолеть свой паралич и научился ходить с палочкой. Там он поступил на службу в «Интеллидженс сервис», где организовал группу молодых выпускников университета для шифровальных работ и внес такой вклад в военные действия, что если бы его тюремщики в Мариенбурге узнали об этом, они пришли бы в ярость. Кроме того, Хэй записал свои впечатления солдата и военнопленного, и его записки появились в «Блэквудс мэгэзин»; капитан Хэй предпочел остаться неизвестным и подписал свое повествование как «М-р Х». В 1916 году его записки вышли отдельной книгой – «Раненый и военнопленный. Рассказ офицера, спасенного благодаря обмену». Книгу хорошо встретила критика, она стала бестселлером; она была первой из множества опубликованных позже книг, написанных солдатами Первой мировой войны. И стиль, и композиция, и ясность слога заслуживали всяческих похвал, и это ошеломило самого автора, ибо капитан Хэй никогда не считал себя писателем и не помышлял о литературном поприще. Однако, когда война закончилась и он вернулся в Шотландию, идея писательского ремесла постепенно овладела им. Хэй счел, что это превосходное занятие для полуинвалида, и всерьез занялся литературным трудом.

Хэй жил в Ситоне, в поместье близ Абердина, которое в середине XVIII столетия было куплено его прадедушкой, мистером Форбсом, владельцем фирмы «Форбс и Компания» в Бомбее. В 1813 году единственная дочь Форбса Элизабет вышла замуж за лорда Джеймса Хэя, второго сына маркиза Твиддэйла. Он был адъютантом герцога Веллингтона в битве при Ватерлоо, а позже исправлял должность военного губернатора Парижа. Любопытно отметить, что когда лорд Джеймс в 1815 году короткое время был командиром гвардии гренадеров, они стояли на зимних квартирах в Камбрэ. А спустя почти сто лет его внук занимал больничную койку в госпитале этого городка.

Малколм Хэй вновь вернулся к заботам о полях и угодьях поместья, не забывая при этом и о другом труде – литературном. Сочетание таланта писателя и основательности исторического исследователя принесло ему на протяжении последующих двадцати лет плоды в виде четырех достойных упоминания и изучения книг: «Цепь ошибок в шотландской истории», «Документы Блэрса», «Иезуиты и папистский заговор» и «Загадка Якова II». Три из этих книг были посвящены одной общей проблеме: проникновению в исторические исследования современных представлений

о прошлом; случаи, когда эти современные представления – в сущности, предрассудки, штампы, социальные стереотипы, не говоря уже просто об ошибках и недопонимании, – объявляются существовавшими в описываемую историческую эпоху. Хэй уделял постоянное внимание и анализу повторяющихся ошибок историков, не затрудняя себя проверкой источников и работой непосредственно с первоисточниками. В качестве темы для анализа этой проблемы Малколм Хэй избрал роль католицизма в шотландской и английской религиозной и политической жизни во времена Реформации и непосредственно после нее. Первой мишенью Хэя было прочно укоренившееся в шотландской популярной и научной исторической литературе представление, согласно которому кельтская церковь в VI-VII столетиях была полностью независима от Рима и являлась своего рода «предшественницей» протестантизма.

В «Цепи ошибок в шотландской истории» он проследил истоки этой концепции, рассмотрел аргументацию историков, которые приняли ее без сомнений и испытаний фактами, и показал ее несостоятельность при помощи документальных источников. Особенно важную роль в его аргументации сыграло письмо Св. Колумбана папе Бонифацию, в котором недвусмысленно провозглашалась преданность и подчиненность кельтской церкви Святейшему престолу, несмотря на то, что там же провозглашалось право критиковать римскую курию за те или иные ее конкретные действия, а также право давать советы церквям других стран (право, к несчастью, не использованное ни одним из церковников в те тяжелые времена).

Книга эта была опубликована в 1927 году. Тщательный и точный анализ документов, собирание источников и свидетельств, подготовка текста заняли одиннадцать лет. Книга произвела эффект разорвавшейся бомбы. Литературное приложение к «Тайме» опубликовало рецензию, в которой беспощадно выражалось резкое несогласие с автором. Один почтенный профессор писал в «Шотландском историческом обозрении», что «откровенно партийный и злонамеренный характер этой книги исключает любые серьезные отзывы о ней».

Но нашелся молодой священник, по имени Роналд Нокс, который писал: «Если бы я был миллионером, я бы послал по экземпляру этой книги в каждый монастырь Шотландии... для пользы и наставления его обитателей». И непримиримой критике, и значительной доле восторженной поддержки книга Хэя была обязана острой наблюдательности автора, блестящему стилю и выразительным метафорам; произведенное ею впечатление невозможно было отрицать. Редактор «Шотландского исторического

обозрения» опубликовал в следующем номере протесты многих выдающихся ученых (среди них был профессор Джон Фрэзер из Колледжа Иисуса в Оксфорде), которые они направили в журнал по поводу явной предвзятости рецензента. Признанные ученые соглашались, как подчеркивал редактор, что автор «Цепи ошибок в шотландской истории» показал, что «большое количество важнейших документов по ранней шотландской истории было полностью неправильно интерпретировано историками».

Двумя годами позже, когда появились «Документы Блэрса», уже не было ни резкого раздражения, ни оголтелой критики; рецензенты уважительно писали «м-р Хэй, историк», а литературное приложение к «Тайме» похвалило книгу за точность и историческую достоверность. Последующие книги Хэя были приняты с таким же уважением и вниманием, хотя «Тайме» продолжал отпускать замечания по поводу стиля «ситонского помещика», казавшегося чересчур свободным и сатирическим для тех серьезных проблем, которые обсуждались в его книгах.

«Документы Блэрса» были предварительным исследованием ряда документов, перевезенных из Шотландского колледжа в Париже в колледж Св. Марии в Блэрсе (Абердин), где размещалась шотландская католическая семинария. Эти записи, в основном письма, отражают попытки католического духовенства спасти свою веру от полного разложения в эпоху триумфального шествия протестантизма в Шотландии.

Книга охватывала период приблизительно с 1603 по 1660 годы, поэтому значительное место в ней уделено времени правления Кромвеля в Шотландии, описанию зависти католиков-мирян и священников к иезуитам, а также отступничества Карла II от католицизма.

Неприязнь части духовенства к иезуитам стала материалом для анализа в следующей книге этой серии – «Иезуиты и папистский заговор», которая появилась в 1934 году.

Естественным шагом после этой книги была публикация в 1938 году «Загадки Якова II», в которой Хэй полемизировал с негативной оценкой правления последнего английского католического короля, принятой многими историками. Декларация Якова II о вероисповедании предоставила религиозную свободу католикам и сектантам. Это, по мнению Хэя, было поступком либерального человека, а не просто желанием добиться религиозной независимости от Рима. Яков II был человеком, опередившим свое время; до наступления реальной религиозной терпимости, которая, как мечтал Яков, будет приемлема для народа Англии, было еще очень далеко.

За двадцать лет работы Малколм Хэй стал историком и писателем большой силы и глубины.

Во время Второй мировой войны Хэй организовал в рамках Красного Креста службу помощи для военнопленных; он основал и редактировал ежемесячный журнал, который доставлялся, несмотря на множество трудностей, в большинство концлагерей Германии и Италии. Под впечатлением массовых убийств, которые в это время совершали немцы, Хэй обратился к еврейской истории. После дневной работы в своем Бюро помощи военнопленным он отправлялся в постель со словарем и Библией в руках, изучая язык, который евреи в Палестине сумели возродить и вновь сделать разговорным*. Он встречался с сионистскими лидерами: Вейцманом, Бен-Гурионом, Чертоком**, когда они приезжали в Англию. Он начинал различать другую «цепь ошибок» в истории.

После войны Хэй посетил Палестину. Это произошло в 1947 году, когда всем британским гражданам, не служившим в вооруженных силах или в гражданской администрации, было предписано покинуть страну. Вместо того, чтобы подчиниться приказу, Хэй «ушел в подполье» и поселился в Реховоте под именем «рабби Хая». По возвращении в Шотландию он стал писать «Кровь брата твоего», книгу, которая, как он чувствовал, должна была быть написана, и написана христианином. Книгу – признающую, выявляющую, анализирующую и предающую проклятию ту «цепь ошибок» в христианской теологии и этике, которая была вызвана антисемитизмом.

(* С 2 в н.э. иврит перестал быть разговорным языком еврейского народа, сохранившись лишь как язык религии и письменности, однако в 20 в он был вновь возрожден в Эрец-Исраэль в качестве разговорного Пионером возрождения разговорного иврита стал Элиэзер Бен-Иехуда (1858 – 1922), пропагандист иврита, издатель, педагог.

**Вейцман Хаим (1874 – 1952) – один из лидеров сионистского движения, государственный деятель Израиля В 1921 – 1931 и 1935 – 1946 гг занимал пост президента Всемирной сионистской организации, в 1949г стал первым президентом государства Израиль Бен-Гурион Давид (1868 – 1973) – лидер еврейского рабочего движения, первый премьер-министр Израиля Шарет (Черток) Моше (1894 – 1965) – деятель сионистского движения, впоследствии первый министр иностранных дел Израиля.)

В своем исследовании Хэй обратился к оригинальным источникам, к самим основам той дьявольской ошибки, которая омрачила всю историю христианского общества на восемнадцать сотен лет. Он отстаивал свою точку зрения с завидным умением,

блеском, со всей научной добросовестностью и сильной любовью к справедливости, которая и до этого отличала его книги о «цепи ошибок» в шотландской и английской истории.

Когда в 1949 году Хэй посетил государство Израиль, он привез с собой рукопись новой книги. Я встретился с ним в Тель-Авиве, и когда он рассказал мне о своей последней работе, я попросил разрешения познакомиться с ней. Прочитав рукопись, я стал умолять автора передать книгу американскому издателю.

Мы сидели тогда на балконе моей комнаты на третьем этаже тель-авивской гостиницы, я не знал еще о его физическом недуге и не помог ему подняться по лестнице. Должно быть, этот подъем был для Хэя весьма болезненным и трудным, но он вошел в комнату улыбаясь, подтягивая парализованную ногу и опираясь на крепкую трость. Он был в твидовом костюме, держался свободно и с достоинством; у него было прекрасное шотландское лицо, голубые глаза, румяные щеки, седеющие светлые волосы и подстриженные усы. После того как мы уселись так, чтобы одновременно видеть и друг друга и Средиземное море, я постепенно проникся обаянием его глубокого ума, гармонично сочетавшегося со всей личностью Хэя, с его блестящим чувством юмора. Я полагаю, что глубина и прочность дружбы зависят от того, насколько двое людей могут найти общие темы для размышлений, насколько сходны их интересы, понимание вещей и мировоззрение. Дружба – это умение подняться над своим "я", хотя всегда есть опасность сведения такого союза к низшему уровню, где людей объединяет желание потакать друг другу; такая дружба приводит к общим пристрастным суждениям, а не к духовному развитию. В течение нескольких часов мы с Хэем стали друзьями, мы были едины в неприятии ненависти и несправедливости; кроме того, мы стали партнерами в деле ознакомления американских читателей с книгой «Кровь брата твоего».

Поступая так, мы – М.Хэй, я и издатель – были уверены, что американцам, которые прочтут книгу, необходимо это послание с предостережением. Хэй никогда не бывал в Америке, и он не включил в книгу материалы об антисемитизме в Соединенных Штатах. Читатель, таким образом, подвергался искушению поверить, что его там и вовсе не существует, и порадоваться терпимости и свободомыслию своих соотечественников, которые никогда не изгоняли евреев, не отнимали их имущества, никогда не обвиняли их в ритуальных убийствах и не сжигали их на кострах. Этому искушению не следует поддаваться. Американцы, как и другие народы, антисемиты; их антисемитизм проявляется намного меньше, чем у немцев или русских в нашем столетии, меньше, чем у французов и англичан в другие эпохи, но это лишь

потому, что евреи меньше раздражали их. Как христиане, американцы естественным образом разделяют представление о том, что евреи прокляты Богом и должны жить в постоянном покаянии, обреченные на вечную отверженность и тяготы дискриминации. В Америке эта дискриминация существует в завуалированном виде, как некое «джентльменское соглашение». Но антисемитизм не становится менее реальным или опасным из-за джентльменского обрамления.

В конце концов, в каком бы виде он ни существовал, он всё равно связан с убийством – и с убийством не только евреев, но и христиан. Христианин-антисемит мертв, его предрассудок убил его веру.

Сами евреи пытались определить степень наличия антисемитизма в Соединенных Штатах. Через Лигу борьбы с диффамацией Бней-Брита* они предприняли изучение таких наглядных примеров антисемитизма, как деятельность Ку-Клукс-Клана – организации фанатиков, сеющей ненависть и ужас; как система квот в колледжах и профессиональных школах, как комментарии политиков и редакторов, в которых антисемитизмом пронизано отношение к коммунизму, к перемещенным лицам и к возрожденному государству Израиль. Антидиффамационная лига пыталась обнародовать эту информацию, проводя социологические опросы по поводу антисемитизма с помощью системы голосования и анкет. Некоторые из полученных результатов появились в книге Арнольда Форстера «Мера свободы». Но боюсь, что они представляют излишне оптимистическую картину, – эти результаты отражают в основном доброе и прекраснодушное, но сугубо отвлеченное отношение американцев к евреям, ни мало не соответствующее их действительным чувствам и поступкам. Собственно говоря, американцы в большинстве своем не анализируют своих чувств по отношению к еврейству до тех пор, пока не оказываются лицом к лицу с «еврейской ситуацией».

*Бней- Брит (букв. «сыны завета») -еврейская общественная организация, основанная в 1843г. в Нью-Йорке с целью «объединения лиц еврейской веры в работе, направленной на удовлетворение их важнейших интересов и интересов всего человечества». В 1913г. ею была организована Лига борьбы с диффамацией для борьбы с антисемитизмом.

Американец может заявить, что он не стал бы возражать, если бы его сестра собралась замуж за еврея, но поскольку его сестра на самом деле не собирается выходить за еврея, ответ теряет смысл.

Может случиться так, что его сестра и впрямь выйдет замуж за еврея, и он отнесется к этому спокойно; раздражение может на-

ступить позже – когда, например, выяснится, что его свояк оказался удачлив в бизнесе, а сам он – нет. Тогда психологические трудности этого американца, его раздражение, неуверенность в себе естественным образом обратятся против еврейского родственника, который неожиданно представится ему не просто более ярким, энергичным или даже более удачливым, чем он сам, человеком, а «проклятым евреем».

Ему придет в голову, что у евреев есть все; евреи – везде, и их так просто не вышибить; они делают свои деньги, когда все честные люди мирно спят; они снуют по всей стране, превратив ее в свой большой муравейник. Вот примерно таким образом и может выявиться антисемитизм обычного американца, существовавший всегда, но осознанный им лишь теперь. Но, с другой стороны, если он человек удачливый, он может всю жизнь прожить без особых проявлений своей неприязни к евреям, время от времени замечая даже, что «лучшие друзья у него как раз из этого племени».

С антисемитизмом ничего нельзя поделать, покуда ничего не изменяется в христианстве. Для последователя Иисуса вроде бы нелогично преследовать еврея, сваливая на него все ненавистные грехи. Однако христианин осознает свой антисемитизм как исполнение одного из предписаний, которыми религия наполняет его жизнь.

Тот факт, что происходит эта подмена, является сутью проблемы; тот факт, что христианство позволяет не осознавать антисемитизм в качестве греха, а напротив, расценивает его в качестве добродетели, как соучастие в божественном возмездии народу богоубийц, – это то зло, которое возбудило, сохранило и усилило нарушение христианами заповеди любви. Пока этот предрассудок присутствует в христианском сознании, еврей всегда будет отверженным, с отличительным знаком в виде желтой звезды, чтобы быть узнанным непременно.

Религиозная веротерпимость в Америке провозглашена законом, но на практике она часто оказывается благопристойно прикрытым обманом; ненависть к инакомыслию и предвзятость стали лишь менее заметны, они никогда не уменьшались и не умирали; они могут возникнуть снова от малейшего дуновения, подобно ряби на стоячей воде пруда. Достаточно лишь похвалить еврея перед неевреем, чтобы брови последнего поднялись, а глаза затуманились, и он начал бормотать: «Ну, конечно, некоторые из них... но, знаете ли, у евреев нет способности к сопротивлению» (сюда можно вставить любую другую на ходу придуманную вину). Такой человек не может относиться к евреям как к народу, у которого есть свои грешники и свои святые, где множество до-

брых людей, но немало и дурных; евреи для него – это племя, обуреваемое жаждой наживы, себялюбием, страстью к деньгам и надувательству простаков, мечтающее о власти. Такой человек не осознает, что этот портрет, который он сует под нос каждому еврею, на самом деле является слепком с его собственного дурного начала, образом Иуды в его душе, предающего Христа вновь и вновь. Он не понимает, что отнюдь не еврея видит он, ненавистного и коварного, но Иуду внутри самого себя, Иуду, предательство которого он переносит на еврея, изгоняя таким образом предательство из своей души. Когда же предатель твердо ассоциируется с евреем, тогда он уничтожает еврея. Обличая и преследуя еврея, он тем самым уничтожает предателя внутри себя. То, что эта практика имеет теологические корни, является страшной неожиданностью для антисемитов, ужасом, который выявил и документально доказал Малколм Хэй в книге «Кровь брата твоего».

Каждое слово этого горького и полного неприятных открытий произведения обращено к американским язычникам так же, как и к современным немцам или к уже ушедшим в прошлое испанцам, французам, англичанам и прочим европейцам, чьи деяния встают со страниц этой книги, навевая ужас и леденя кровь. Мы не меньше заражены этим, ведь и мы не лучшие христиане, чем они: просто наши сознание и подсознание более адаптированы, и мы меньше нуждаемся сейчас в козле отпущения для собственных грехов.

Теперь читатель знает, что Малколм Хэй потратил двадцать лет, стремясь выявить причины несправедливого отношения протестантов к католикам, а затем применил свои познания, профессионализм историка и добросовестность исследователя – исследователя христианского образа действий и мировоззрения – для создания книги о народе Израиля.

Я сейчас перечел эту книгу в третий раз и полюбил ее еще больше, чем раньше. Это великолепная книга, великая и отважная работа, и я горжусь тем, что впервые она была опубликована в Соединенных Штатах Америки.

Томас Сьюгрю, 1950

Златоуст

Никому и ничему не дано избежать вечного наказания, которым история карает зло.

*Лорд Эктон *1*

Люди не рождаются с ненавистью в сердце. Они заражаются ею от других людей. Микроб ненависти нередко внедряют сознатель-

но, а иногда и бессознательно, родители или учителя. У взрослых, если их не спасает интеллект или сильно развитое нравственное чувство, мало шансов избежать заражения. Болезнь может поразить страну подобно эпидемии, и тогда какой-либо класс общества, религия или народ могут стать объектом общей ненависти. При этом никто толком не сумеет объяснить, откуда она возникла. Появятся самые различные мнения на этот счет, возникнут даже споры о подлинных причинах этого явления, но никто не сможет предугадать его неотвратимых последствий.

Ибо ненависть следует извращенными путями, как сказал бы Св. Павел, если бы он писал свое Послание к коринфянам *2 сегодня, – она возносится вместе с гордыней, радуется несправедливости и пренебрегает истиной. Три вещи опасны для мира: безверие, отчаяние и ненависть, но самая опасная из них – ненависть.

Весной 1945 года три грузовика, каждый из которых вез по 8-9 тонн человеческого пепла, выехали из концентрационного лагеря Заксенхаузен и сбросили свой груз в канал, чтобы скрыть масштабы происходившего в этом концлагере уничтожения евреев. Когда на Нюрнбергском процессе немецкого генерала спросили, как могли совершаться подобные вещи, он ответил: «По-моему, если годами и десятилетиями проповедовать доктрину, что евреи, в сущности, не люди, подобный результат неизбежен». Этот ответ поразительно точен, но требует некоторого дополнения. Доктрина, которая привела к такому результату, проповедовалась не годами и даже не десятилетиями – она проповедовалась не одно столетие и на протяжении средневековья много раз грозила истреблением еврейскому народу. "Евреи, – писал Леон Блуа *3, – самые подлинные свидетели гонений средневековья, ненавидевшего их во имя любви к Богу и столь часто желавшего истребить их. В те времена убийства евреев оправдывались тем, что они «не люди» и, если воспользоваться лексиконом Рейха, «неспособны к адаптации»: они не вписывались в средневековую концепцию «всемирного государства»⁴.

Совершенное немцами преступление – геноцид, уничтожение целого народа, логически коренится в средневековой теории, утверждавшей, что евреи – изгои, осужденные Богом на вечное рабство, и сам геноцид подготовлен предшествующими периодами истории. Более того, ответственность за немецкий план уничтожения целого народа, едва не увенчавшийся успехом, нельзя возлагать лишь на Гитлера и его подручных или только на немецкий народ. План этот чуть не увенчался полным успехом потому, что никто не помешал его осуществлению.

«Когда Солон *5 спросили, – писал Ричард Бентли *6, – что могло бы избавить мир от несправедливости, он дал замечатель-

ный ответ: 'Если бы стоящие в стороне способны были почувствовать то же, что жертвы несправедливости'». Об ответственности тех, кто «стоял в стороне» и бездействовал при осуществлении немецкого плана, говорил Ян Масарик *7. Он заслуживает такого упрека меньше, чем другие политические деятели Европы того времени – при его помощи многие тысячи евреев были спасены от немецких газовых камер. Масарик сказал:

*«Я не специалист по Ближнему Востоку и ничего не знаю о трубопроводах. Но один образ преследует меня постоянно: желоб, по которому столетиями льется еврейская кровь; прежде это происходило периодически, а с 1937 по 1945 год – ужасным непрерывным потоком. Я не могу, не хочу забыть этот чудовищный факт. Я со стыдом опускаю голову как один из тех, кто позволил произойти величайшему из массовых убийств, вместо того, чтобы мужественно и решительно выступить против готовивших его, пока еще не было поздно». Даже после Нюрнбергских законов 1935 года *8 для евреев, бегущих от фашистского террора, официально были закрыты границы всех стран, хотя некоторые из них, случалось, приоткрывали для беглецов «черный ход».*

В 1938 году представители 32 стран собрались в Эвиане на конференцию (Эвианская конференция) для обсуждения проблемы беженцев. Ими был сформирован постоянный межправительственный Комитет по делам беженцев *9 для осуществления необходимых приготовлений, позволяющих принять иммигрантов из Германии. «Вплоть до августа 1939 года Комитет не преуспел в изыскании возможностей для иммиграции, хотя велись переговоры с Доминиканской республикой, Северной Родезией, Филиппинами и Британской Гвианой» (158, 52)¹⁰.

Американский писатель спрашивал в 1938 году:

«Что же делать с миллионами этих людей, бьющихся, как обезумевшие животные, в стены своих душных темниц? Христианский мир фактически бросил их на произвол судьбы и почти не испытывает угрызений совести при виде этой ужасной катастрофы. Западные евреи замкнулись в своем чопорном самодовольстве и ограничиваются великодушной благотворительностью» (197, 487).

До тех пор, пока нацисты не установили контроль над большей частью Западной Европы, их политика в отношении евреев состояла, главным образом, в изгнании их из Германии. Однако победы 1940 года открыли новые возможности: было решено изолировать евреев в гетто Польши и прилегающих к ней территорий. Там были сделаны приготовления к «окончательному решению», которое было объявлено в 1942 году и приводилось в дей-

ствие в Германии и оккупированных ею странах. «Что с ними делать?» – спрашивал 16 декабря 1941 года генерал-губернатор оккупированной Польши Ганс Франк. Немцы уже тогда не скрывали своих планов. «Я должен попросить вас, господа, – сказал губернатор, – отбросить всякую жалость. Мы должны уничтожать евреев, где бы мы их ни находили».

В 1941 году Гитлер еще выжидал, что же собирается предпринять христианский мир. Если бы союзники открыли для евреев въезд в свои страны, по меньшей мере миллион человек, в том числе сотни тысяч детей, были бы спасены. Но все границы были закрыты. Мало кто испытывал сострадание к обреченным. – В Палестине, в том уголке земли, который был отведен евреям решением Лиги Наций *11, морские и сухопутные границы бдительно охранялись британскими войсками. Множество евреев, особенно польских, избегли бы надвигающегося кошмара, «если бы у них была возможность, – писал в 1938 году Жак Маритэн *12, – если бы другие страны открыли для них свои границы». В то время, и даже позже, правительство Германии не препятствовало эмиграции евреев; и в 1939, и в 1940 году оно еще было согласно выпустить их на определенных условиях. «Союзникам было сказано, что если евреи Германии получают сертификаты на въезд в Палестину или визы в любую другую страну, они смогут выехать. Но эти клочки бумаги, необходимые для спасения людей, так и не были выданы, хотя было ясно, что в Германии евреев ожидает смерть» (173, 68)¹³.

Виз и сертификатов не выдавали даже ради спасения детей. В апреле 1943 года шведское правительство обратилось к правительству Германии с просьбой разрешить выезд 20 тысяч детей из Германии в Швецию на время войны, оговорив, что после войны Швеция не будет нести за них никакой ответственности.

Они были бы спасены, если бы британское правительство согласилось выдать им сертификаты на въезд в Палестину. «Но даже судьбы 20 тысяч детей, – сказал британский министр в палате представителей, – не позволяют правительству Ее Величества отступить от политических принципов, одобренных парламентом».

Примерно в то же время, в 1943 году, немцы рассматривали внесенное Красным Крестом и Великобританией предложение об эвакуации 70 тысяч детей из Румынии в Палестину. Переговоры тянулись с обычной волокитой. А тем временем иерусалимский муфтий *14 и бывший премьер-министр Ирака, жившие тогда в Берлине под покровительством нацистской верхушки, убедили немцев отвергнуть этот план. И 70 тысяч детей были отправлены в газовые камеры.

Немецкими фашистами было уничтожено более миллиона еврейских детей; это число было бы гораздо меньше, если бы другие государства приложили усилия для их спасения. Но они этого не сделали. Детей отнимали у родителей и отправляли в переполненных поездах смерти к крематориям Освенцима и Треблинки, ко рвам, где расстреливали евреев Польши и Западной России.

Немецкий способ захоронения трупов в общих рвах был значительным «усовершенствованием» старой и считавшейся негуманной системы, когда каждого обреченного заставляли рыть для себя могилу. Убийство и захоронение двух миллионов человек представляли собой серьезную организационную проблему – не хватало рабочих рук. У еврейских женщин и детей, ослабленных пытками и заключением в концлагерях, не было сил копать землю; мужчины, занесенные в списки подлежащих «особой обработке», были настолько изнурены непосильной работой и голодом, что с трудом могли передвигаться. Огромные братские могилы были очевидной необходимостью. Однако «немецкий гений» проявился и здесь. Было решено, что перед расстрелом жертвы должны сами спускаться в ров; таким образом, отпадала необходимость перетаскивать трупы и сбрасывать их в братские могилы. Сотни таких рвов есть по всей Центральной Европе. Впоследствии фашисты начали использовать для уничтожения людей свои хорошо известные «эффективные научные методы». Одна из самых больших братских могил, в Керчи, была обследована в 1942 году специальными экспертами советской армии:

«Было установлено, что этот ров, длиной в 1 км, шириной в 4 м и глубиной 2 м, был переполнен телами женщин, детей, стариков и подростков. Возле рва были лужи замерзшей крови. Детские шапки, игрушки, ленты, оторванные пуговицы, перчатки, бутылки для молока и соски, детские ботинки, калоши вместе с оторванными ногами и другие останки человеческих тел лежали рядом. Все было забрызгано кровью и мозгом».

Свидетельство о событиях, происходивших в местечке Дубно на Украине, возвращает нас еще к одному эпизоду хроники человеческих преступлений. Это свидетельство принадлежит немцу Герману Грэбе, управляющему строительными работами в Дубно. 5 октября 1942 года он, как обычно, пришел в свою контору и там услышал от мастера о страшных событиях, происходящих поблизости. Фашисты уничтожали всех евреев округа, около 5 тысяч человек. Ежедневно они расстреливали полторы тысячи евреев.

Происходило это в окрестностях Дубно; там были вырыты три больших рва по 30 метров длиной и 2 метра глубиной каждый. Грэбе и мастер поехали к месту расстрела. Они увидели длинную

земляную насыпь высотой больше двух метров, возле насыпи стояло несколько грузовиков, набитых людьми. Охранники с плетками выгоняли людей из грузовиков. У всех жертв были пришиты к одежде желтые лоскуты – еврейский знак *15. Из-за насыпи слышались частые выстрелы. Эсэсовцы подогнули к насыпи мужчин, женщин и детей и приказали им раздеться. Было приказано снять и аккуратно сложить обувь, одежду, белье. Большие груды одежды и гора обуви уже лежали здесь. Матери раздевали маленьких детей «без криков и слез», – рассказывал Грэбе спустя пять лет. Они дошли до такой степени человеческого страдания, когда уже нет слез и все надежды утрачены. «Они стояли семьями, целовали друг друга, прощались и ждали». Ждали сигнала от эсэсовца с плеткой, стоявшего у насыпи. Так продолжалось около четверти часа, пока с другой стороны насыпи не затихли выстрелы. Грэбе рассказывает:

«Я не слышал ни жалоб, ни мольбы о милосердии. Я обратил внимание на семью из восьми человек: мужчина и женщина, обоим на вид около пятидесяти лет, со взрослыми детьми и внуками. Рядом пожилая женщина с седыми волосами держала на руках младенца, напевая и покачивая его. Младенец смеялся и лепетал. Муж и жена смотрели друг на друга со слезами на глазах. Отец держал за руку мальчика лет десяти и нежно говорил с ним; мальчик с трудом сдерживал слезы...»

Тут раздался крик эсэсовца: пора было вести следующую партию. Отсчитали двадцать человек и погнали их за насыпь. Обойдя насыпь, они увидели ужасный ров около 30 метров длиной и 3 метров глубиной. «Люди были плотно прижаты друг к другу и лежали грудками, так что были видны только их головы. Почти у всех по плечам струилась кровь». Они были убиты выстрелами в затылок. «Некоторые из расстрелянных еще шевелились. Некоторые подымали руки и двигали головой, показывая, что они еще живы».

Ров был уже почти заполнен; в нем было около тысячи тел. Эсэсовец-палач сидел на краю рва с автоматом на коленях и курил сигарету. Новую партию из двадцати человек, среди которых была та семья и седая женщина с младенцем, раздетых, согнали вниз по глиняным ступеням в стенке рва и заставили вскарабкаться на тела мертвых и умирающих. Они легли среди трупов. «Некоторые гладили тех, кто еще был жив, и тихо говорили с ними». Наконец, эсэсовец, бросив сигарету, начал стрелять. Грэбе заглянул в яму и «увидел дергающиеся тела одних и уже неподвижные – других, лежавших поверх горы трупов».

Евреи, убитые таким способом в Дубно, были еще счастливыми. Они избежали пыток в лабораториях, где немецкие врачи

ставили опыты, изучая продолжительность агонии человеческого тела. Они не испытали леденящего ужаса гибели в газовых камерах, где сотни людей, стиснутых до предела, ожидали, когда камера заполнится отравляющим газом. Сотрудники немецкого лагерного персонала выжидали десять-пятнадцать минут, прислушиваясь к затихающим крикам. Наконец, можно было открыть дверь и войти туда.

Разгрузка газовой камеры была пыткой для других узников, которые были обречены на гибель в одной из следующих партий. Группа из четырех человек по команде надзирателей открывала дверь и входила в камеру. Одетые в особую санитарную форму, в высоких резиновых сапогах и кожаных рукавицах, они вытаскивали трупы длинными металлическими крюками. Другая группа молодых мужчин грузила трупы на тележку и везла в крематорий; и все они знали, что скоро придет и их очередь.

Ответственность за эти злодеяния, позорящие человечество, лежит не только на Гитлере и людях, сидевших на скамье подсудимых в Нюрнберге. Другой трибунал будет судить свидетелей Катастрофы, в частности, некоторых англичан, которые видели, что начались убийства и отворачивались с чувством скрытого удовлетворения. «Еврейская кровь, пролитая нацистами, – писал Ж.-П. Сартр *16 в „Портрете антисемита“, – запятнала нас всех».

Максим Горький более тридцати лет тому назад сказал, что одно из величайших человеческих преступлений – безразличие к судьбе других. Об ответственности безразличных за несколько лет до заключительного акта трагедии говорил Жак Маритэн. «Видимо, существует некое состояние человеческого ума, – сказал он в лекции, прочитанной в Париже 5 февраля 1939 года, – при котором, не одобряя крайних мер против евреев... и не декларируя антисемитизма, человек позволяет себе наблюдать еврейскую драму с безразличием рационалиста, хладнокровно следующего своим путем».

Именно безразличие, холодная отчужденность наблюдателей позволила Гитлеру превратить Европу в еврейское кладбище. Один из современников Катастрофы, англичанин Джеймс Парке, который многие годы «испытывал те же чувства, что и жертвы злодеяния», возлагает моральную ответственность за происшедшее на христианство. «Более шести миллионов преднамеренных убийств, совершенных в наши дни, в рамках нашей цивилизации, являются следствием того представления о евреях, ответственность за которое, в конечном счете, несет христианская церковь, того отношения к иудаизму, которое не только характерно для христианской церкви, но изначально восходит к самому Новому завету», – писал доктор Джеймс Парке (137, 167).

Вчитайтесь в слова одного из бывших узников Освенцима, не пытаясь сразу же найти оправдательные аргументы:

«Немецкая ответственность за эти преступления, как бы велика она ни была, – лишь вторичная ответственность. Она является чудовищным следствием общепринятой традиции, сформированной христианством. Разве можно забыть, что христианская церковь, особенно начиная с 11 века, проводила политику унижения евреев, политику еврейских погромов. У некоторых христианских народов она сохранилась и в новое время, она и сегодня существует в католической Польше. Гитлеровская система – лишь копия этой политики, доведенная до жестокого совершенства» (87, 572).

Даже в странах, не знавших погромов, именно холодное отчуждение большинства сделало возможной еврейскую трагедию в Европе.

«Я убеждён, – писал Пьер ван Паассен, – что Гитлер не смог бы совершить и не совершил бы с евреями того, что произошло... если бы мы сами активно не подготовили для этого почву нашим собственным недружелюбным отношением к евреям, нашим эгоизмом и нашим антисемитским воспитанием, вынесенным из церкви и школы» (136, 45).

Почва была подготовлена ненавистью, имеющей длительную историю. Ядовитые семена были посеяны очень давно, еще во времена раннего христианства.

Миллионы детей всех национальностей впервые услышали о евреях из рассказа о порочных людях, убивших Христа: был осужден евреями, распят евреями. Потом они узнавали, что Бог покарал этих порочных людей и навсегда проклял их народ, поэтому они стали изгоями и не могут жить вместе с христианами. Когда дети выросли, они начинали размышлять о смысле учения Христа, о Его жизни, смерти и воскресении. Потом для кого-то из них христианство могло стать лишь формальностью, но большинство продолжало исповедовать его в степени, достаточной для того, чтобы сохранить ненависть к вероломному еврейскому народу, народу хриstopродавцев и богоубийц.

Хотя распространенное представление о том, что «евреи распяли Христа», восходит к ранним временам христианской церкви, оно не находит ни малейшего подтверждения в тексте Нового завета. Евангелисты Св. Матфей, Св. Марк и Св. Лука постоянно старались подчеркнуть, что еврейский народ, их собственный народ, по большей части не ведал о происходящих событиях и не нес ответственности ни за арест, ни за суд, ни за казнь Иисуса. Рассказ Св. Матфея об этих событиях недвусмысленен. В двадцать шестой главе своего Евангелия он прямо пишет о том, что «евреи»

не имели отношения к заговору против Христа, объясняет, кто были заговорщики и почему им приходилось действовать тайно. «Тогда собрались первосвященники и книжники и старейшины народа во двор первосвященника, по имени Каиафы, и положили в совете взять Иисуса хитростью и убить» (Матф., 26:3-4). Они опасались, что «евреи» могут обнаружить их козни и поднять мятеж.

Заговор, завершившийся казнью на Голгофе, начал складываться на собрании во дворе Каиафы. Эти люди замыслили дело, которое, как они знали, не встретит народного одобрения. Еврейский народ не желал того, что они собирались совершить. Они не представляли ни двух миллионов евреев, живших в то время в Палестине, ни миллиона евреев, живших в Египте, ни нескольких миллионов евреев, рассеянных по всей Римской империи. По меньшей мере три четверти всех этих людей прожили жизнь и умерли, ни разу не услышав имени Христа.

Заговорщики не выражали воли и большинства евреев Иерусалима. Они, как объясняет Матфей, боялись захватить Иисуса в праздничный день, «чтобы не сделалось возмущения в народе» (Матф., 26:5), должны были действовать быстро и избегать огласки. Они прибегли к услугам толпы бездельников и негодяев, которую всегда легко возбудить для совершения грязных дел, и с ее помощью создать видимость народной поддержки. Эта толпа составляла большинство среди присутствовавших на суде, и это они отвечали Пилату, пытавшемуся умиротворить их и спасти Иисуса; их слова доподлинно приводит Матфей: «И весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших» (Матф., 27:25).

И хотя Матфей разъясняет, что «весь народ» означал лишь тех, кто присутствовал, когда «первосвященники и старейшины возбудили... просить Варавву, а Иисуса погубить» (Матф., 27:20), его рассказ в течение столетий использовался бесчисленными христианскими проповедниками для разжигания ненависти и оправдания еврейских погромов. «О, проклятый народ, – гремел с кафедры Боссюэ *17, – твоя просьба исполнится в полной мере: эта кровь будет преследовать тебя до отдаленнейших поколений, пока, наконец, Господь, утомившись отмщением, не обратит в конце времен свое сердце к жалким остаткам твоего племени».

Св. Марк также пишет, что еврейский народ не имел никакого отношения к заговору, а если бы узнал о нем, воспротивился бы ему силой. «Услышали это книжники и первосвященники и искали, как бы погубить Его; ибо боялись Его, потому что весь народ удивлялся Его учению» (Марк, 11:18). «И старались схватить Его, но побоялись народа» (Марк, 12:12). Они хотели захватить и убить Его, но «говорили: не в праздник, чтобы не произошло возмуще-

ние в народе» (Марк, 14:2).

И в Евангелии Св. Луки ясно различаются отношение к Иисусу заговорщиков и народа. «Первосвященники же и книжники и старейшины народа искали погубить Его, и не находили, что бы сделать с Ним, потому что весь народ неотступно слушал Его» (Лука, 19:47-48). «И искали в это время первосвященники и книжники, чтобы наложить на Него руки, но побоялись народа...» (Лука, 20:19). «И искали первосвященники и книжники, как бы погубить Его, потому что боялись народа...» (Лука, 22:2).

Христианская традиция, возлагающая на евреев вину за смерть Христа, впервые намечается в четвертом Евангелии. Для Св. Иоанна эра и события, предшествующие христианству, не представляют особого интереса. В отличие от остальных евангелистов, он пишет с позиций, внешних по отношению к еврейству и даже враждебных ему. Он уже отчужден от еврейского мира, и его Евангелие содержит первые намеки на враждебность, первые признаки религиозной юдофобии. Он, как правило, использует слово «иудеи» и в тех случаях, когда контекст и сопоставление с другими Евангелиями позволяют заключить, что речь идет о действиях или мнениях первосвященников и старейшин.

В то время как Матфей, Марк и Лука, словно предвидя будущие обвинения против своих соотечественников, пытались заранее опровергнуть их, Иоанн навязчивым употреблением слова «иудеи» внушает читателю мысль о виновности всего народа. Например, Матфей говорит, что Иисус исцелил сухорукого в субботу, «фарисеи же вышедши имели совещание против Него, как бы погубить Его» (Матф., 12:14). Иоанн, повествуя о тех же событиях, обвиняет не фарисеев, а «иудеев»: «Посему иудеи говорили исцеленному: сегодня суббота; не должно тебе брать постели... и стали иудеи гнать Иисуса и искали убить Его за то, что Он делал такие дела в субботу» (Иоанн, 5:10, 16).

Когда Иоанн рассказывает историю об исцелении слепого, вначале он упоминает о «фарисеях», однако затем пишет, что родители исцеленного «боялись иудеев» (Иоанн, 9:22), хотя из контекста ясно, что они боялись фарисеев. В той же главе мы читаем, что:

«иудеи сговорились уже, чтобы, кто признает Его за Христа, того отлучать от синагоги». Этот «сговор» был не между иудеями, а между первосвященниками и старейшинами. В десятой главе, посвященной описанию деятельности этой политической группы, Иоанн сообщает, что «...опять произошла между иудеями распря... Многие из них говорили: Он одержим бесом и безумствует... И ходил Иисус в Храме, в притворе Соломоновом. Тут иудеи обступили Его и говорили Ему:...если Ты Христос, скажи нам прямо...

Тут опять иудеи схватили камень, чтобы побить Его... Иудеи сказали Ему в ответ: не за доброе дело хотим побить Тебя камнями, но за богохульство...» (Иоанн, 10:19-33).

Описывая казнь Христа, Иоанн тщательно подбирает слова. Он особо подчеркивает, что Христос был распят не евреями, а римскими воинами. «Воины же, когда распяли Иисуса, взяли одежды Его... и хитон... И так сказали друг другу: не станем раздирать его, а бросим о нем жребий... Так поступили воины» (Иоанн, 19:23-24). Однако в рассказе Иоанна об аресте, суде и смерти Иисуса ответственность, насколько может заключить читатель, возлагается на весь еврейский народ: на первый план выступают действия «иудеев», что, судя по остальным Евангелиям, безосновательно.

Лагранж предположил, что Иоанн пользуется словом «иудей» как литературным приемом во избежание бесконечного повторения слов «первосвященники и книжники» (100, 131). Жаль, что эта интерпретация не приходила в голову никому из ранних отцов церкви *18. Когда в начале 3 века Ориген *19 (135, IV:8) писал, что «евреи... пригвоздили Христа к кресту», он тоже мог подразумевать что-нибудь отличное от того, что писал, однако на протяжении многих веков все христиане понимали его слова буквально. Как признал современный английский историк, «преступление группы первосвященников и старейшин в Иерусалиме было вменено христианской церковью в вину всему еврейскому народу» (65, 3).

Эта традиция передавалась без особого внимания к действительным фактам и к тому, как они изложены в евангелиях. Так, в 13 веке благочестивый монах Жак де Витри отправился в Святую землю, посетил Голгофу, где, как он повествует в своей «Истории крестовых походов», он сел и погрузился в размышления "на том самом месте, где *евреи* делили одежды Христа и бросали жребий о Его хитоне". Примечательно, что средневековые писатели, повествуя о чем-либо, что могло, по их мнению, пробудить симпатии христиан к евреям, называли их не *Judaei*, а *Hebraei* (не иудеи, а евреи). Например, Жак де Витри описывает, как Иисуса при въезде в Иерусалим приветствовали *Hebraei*; эта терминология до сих пор сохранилась в церковной литургии Вербного воскресенья: «*Plebs Hebraea cum palmis obviam venit*» («Народ еврейский вышел навстречу с пальмовыми ветвями»). Сочинения средневековых мистиков, в которых религиозное чувство выражено в наиболее популярной форме, показывают, как ненависть превратилась в постоянного спутника набожности. Английская отшельница Юлиана из Норвича, чьи «Шестнадцать откровений божественной любви» (1373) настоятель Индж характеризует как «одну из ценнейших жемчужин средневековой религиозной литера-

туры», отвергает в своей христианской любви только одну часть человечества: "Хотя Откровение было дано мне силами добра, в котором нет места злу, я ни в чем не уклоняюсь от веры, которой научила меня Святая церковь..."

В своем Откровении я не видела евреев, погубивших Его, однако я твердо знаю, что за это они прокляты и осуждены навечно, а спасения удостоились лишь те, кто по Его милости обратился к истине".

Эти слова выглядят так, словно они были добавлены Юлианой по совету ее духовника или религиозного цензора, с удивлением обнаружившего, что в «Откровениях божественной любви» вовсе не упомянута та роль, которую, по средневековому убеждению, в распятии Иисуса сыграли евреи. Правда, это упущение было исправлено позже мистической писательницей Мерджерии Кемпе. Описывая Страсти Господа, представшие ее духовному взору, она следует всеобщему убеждению, что к кресту Иисуса пригвоздили еврей: «Она видела, как жестокие евреи положили Его драгоценное тело на крест и, схватив длинный гвоздь... с превеликой низостью и жестокостью вонзили Ему в руку». Вид евреев, забивающих гвозди, возбуждал одновременно ненависть и благочестие. Анонимный автор начала 16 века упоминает «церковь, в которой находилась деревянная скульптура, изображающая еврея, стоящего перед Спасителем с молотком в руке».

Благочестивая изобретательность достигла новых высот в Испании, где в первой четверти 18 века, через два столетия после изгнания всех евреев, рядом с христианской верой и предрассудками по-прежнему процветала ненависть. Сборник популярных в средние века фаблю, изданный в 1728 году и озаглавленный «Sentinela contra Judaeos» («Сто басен против евреев»), возрождал веру в то, что некие евреи, «родившиеся с червями во рту... вели свое происхождение от еврейки, приказавшей кузнецу, ковавшему гвозди для распятия Иисуса, сделать их тупыми, дабы увеличить Его страдания». В 17 веке рьяный католик, пытавшийся обратить Спинозу *20 в христианство, увещевал его не забывать «ужасные и несказанно жестокие кары, доведшие евреев до столь бедственного и страшного положения за то, что они распяли Христа».

Чтобы укрепить эту традицию, христианские комментаторы все больше отдалялись от прямого смысла евангельского текста и иногда подставляли слово «евреи» там, где даже Иоанн писал «первосвященники и книжники». Например, аббат Проспер Геранжер, рассказывая о Марфе, Марии Магдалине и Лазаре, сообщает больше, чем написано в Евангелии Св. Иоанна. В частности, он пишет, что «Мария Магдалина знала о замысле евреев погу-

бить Иисуса, ибо Святой Дух сошел на нее» (81, 251). Это не совпадает с повествованием Иоанна, согласно которому убийство Иисуса было замышлено не евреями, а «первосвященниками и фарисеями» (Иоанн, 11:47).

В России народная вера породила ту же ненависть, что и в Западной Европе. Когда императрице Елизавете (1741 – 1761) предложили открыть доступ в страну евреям, мотивируя это экономическими выгодами государства, она ответила: «Я не желаю никаких выгод от врагов Христовых». Спустя более ста лет, в 1890 году, Александру III был представлен проект официального донесения, в котором рекомендовалось несколько ослабить репрессивные меры против евреев в Российской империи. Царь написал на полях проекта: «Однако нельзя забывать, что евреи распяли Христа». Православным постоянно напоминали об этом: «Представители придворного духовенства публично проповедовали, что христианин не должен вступать в дружеские отношения с евреем, ибо евангелие велит 'ненавидеть убийц Спасителя'» (56, 2, 379).

В начале нынешнего столетия основатель и глава «Аксьон Франсез» Шарль Моррас *21 пришел к выводу, что антисемитизм евангелий недостаточен, он предпочитал следовать средневековой традиции. Утверждая, что он католик, Моррас тем не менее готов был пренебречь свидетельствами всех евангелистов. «Неужели я отрекюсь, – писал он, – от всех церковных соборов, пап и суждений многих великих людей и доверюсь рассказам четырех неизвестных евреев?» (178, 175)22.

С отдаленнейших времен и до наших дней читатели четырех евангелий за редким исключением воспринимают выражение «евреи» буквально. Безусловно, литература христианства на протяжении многих столетий участвовала в создании традиции, принесшей безмерные страдания множеству людей, традиции, согласно которой «еврейский народ осудил Христа на распятие» (18, 1, 75). Иосиф Клаузнер *23 пишет:

*"Евреи как народ были гораздо менее виновны в смерти Иисуса, чем греки как народ были виновны в смерти Сократа *24.*

Но кто теперь думает об отмщении соотечественникам Сократа, нынешним грекам, за его кровь? Однако на протяжении последних девятнадцати веков мир не переставал мстить за кровь еврея Иисуса его соотечественникам-евреям, и они расплачивались и продолжают расплачиваться за это реками крови" (99, 348).

*Степень ответственности евреев за арест, суд и распятие Христа была определена высшим авторитетом христианской церкви. Св. Петром *25, чье суждение показывает, сколь пристрастен*

был евангелист Иоанн. Петр говорил о вине «мужей Израильских», обращаясь к ним, собравшимся в «притворе Соломоновом» (Деян., 3:12); то есть он обращался к конкретным людям, действительно виновным в совершившемся. Св. Петр знал о роли, которую они сыграли в заговоре и на суде; они, по его свидетельству, были соучастниками преступления. Однако заключительные слова Петра часто предают забвению: «Впрочем, я знаю, братия, что вы, как и начальники ваши, сделали это по неведению» (Деян., 3:17).

Конечно, неведение, которое Маймонид *26 определяет как «отсутствие знания вещей, знание которых достижимо» (111,51), служит оправданием только тогда, когда оно не ведет к преступлению. Возможно, Абельяр *27 излишне широко толковал принцип: «где есть неведение, нет прегрешения», когда утверждал, что власть предержавшие Израиля действовали, "руководствуясь рвением в соблюдении своих законов", а потому на них не следует возлагать никакой вины. Однако христианская традиция, особенно в первые столетия христианства фактически игнорировала утверждение Св. Петра, что «власть предержавшие» действовали в неведении. Св. Иоанн Златоуст *28 резко противоречит Петру, когда пишет в своей Восьмой проповеди, что «евреи... грешили не по неведению, а в полном знании». Однако, какова бы ни была степень виновности «власть предержавших», нет ни малейшего основания исключать из их числа тех, за кого молил на Голгофе Иисус: «Отче! Прости им, ибо не знают, что делают» (Лука, 23:34). В евангельском тексте эти слова, несомненно, относятся к римским воинам, а не к евреям.

Распространенное в средние века убеждение, против которого выступал Абельяр и защитником которого был Св. Бернар *29, состояло в том, что «евреи» все виновны, что они действовали по злему умыслу, поэтому вина их навеки ложится на весь еврейский народ. Все евреи из поколения в поколение осуждены влачить рабство у христианских владык. Св. Петр полагал иначе. Если бы христиане помнили его слова, история евреев в их долгом изгнании была бы, возможно, другой, и западная цивилизация, может быть, не стала бы свидетельницей того варварства, к которому пришли немцы с их газовыми камерами и лагерями смерти.

Вопреки сказанному Св. Петром, в христианском мире существовало убеждение, что всякий, будь то христианин или язычник, кто преследовал или убивал евреев, действовал как орудие Божьего возмездия. Живший в начале 13 века хронист удивлялся терпению Бога, «который ждал 49 лет после распятия евреями Христа, чтобы покарать их» (187, 11). Согласно Флэри, автору труда по истории церкви, написанному в первой трети 18 века, но не

утратившему значения и сейчас, Бог «начал наказывать» евреев в 38 году христианской эры. В тот год в Александрии разразились антиеврейские беспорядки. Флакк, римский наместник в Египте, тайно поддерживал погромщиков и не принял действенных мер, чтобы помешать толпе сжигать синагоги, взламывать еврейские лавки и выбрасывать на улицу товары. Флакк проявил «нейтралитет», разоружая не смутьянов, а их жертвы. «Он произвел обыски в еврейских домах под предлогом разоружения населения, причем нескольких женщин, отказавшихся есть свинину, увели и подвергли истязаниям»³⁰. Множество людей было убито, и их тела таскали по улицам. «Таким способом, – писал Флэри в 1732 году, – начало обнаруживаться божественное воздаяние евреям» (66, 1, 32).

Разрушение в 70 году Иерусалимского храма ^{*31} и беспощадное уничтожение более миллиона человек в глазах многих благочестивых христиан было частью плана божественного воздаяния. «Евреи, – писал автор „Священной истории“ Сульпиций Север, – были таким образом наказаны и рассеяны по всему свету только потому, что наложили свои безбожные руки на Христа». Это толкование событий повторялось на протяжении веков. Одно из тяжелейших оскорблений здравому смыслу и исторической истине бросил Боссюэ. В своих многочисленных проповедях и в 11 главе II части «Рассуждения о всеобщей истории» он поведал о кровавом ужасе того, что он называл «божественным воздаянием проклятому народу». Тезис о «воздаянии» мы встречаем и 300 лет спустя в «Истории Франции», предназначенной для юношества (1947):

«Наказание евреев-богоубийц не заставило себя долго ждать. Через 36 лет после смерти Спасителя римский император Тит захватил Иерусалим и до основания разрушил еврейский Храм. Рассеянные по всему миру евреи так больше никогда и не смогли вновь стать народом. Они скитались по свету, как проклятые, вызывая презрение других народов».

Итак, все еще есть люди, верящие, что евреи были обречены на изгнание из Палестины потому, что разгневали Бога своими делами.

Но если бы все народы подвергались изгнанию по этой причине, вряд ли многие из них жили бы сейчас на своей земле. «Проклятие, – как заметил Ж.-П. Сартр, – было географическим».

Были ли события 70 года результатом божественного воздаяния или нет, но то, что реально произошло, передавалось и истолковывалось неверно. После разрушения Иерусалима «евреи» не были изгнаны из Палестины. Тем не менее средневековые христиане верили, а многие современные христианские писатели

продолжают повторять и теперь, что евреи были рассеяны по миру именно тогда. «Тит разрушил Храм Ирода, – пишет Х.В.Мортон, – и рассеял евреев по свету» (129, 40). Отдав должное этой общепринятой традиции, он через несколько страниц повествует о восстании евреев в Иудее, происходившем намного позже *32. Римляне подавили этот мятеж с обычной для них жестокостью: «Юлий Север начал беспощадную войну... в которой... было убито 580 тысяч человек» (129, 55). Если римляне вырезали четверть населения (хотя это, вероятно, преувеличение, то в Палестине через 50 лет после разрушения Храма оставалось более двух миллионов евреев. Следовательно, Тит не «рассеял этот народ по всему свету».

После разрушения Храма евреям еще разрешалось жить в Палестине (всюду, кроме Иерусалима). На протяжении первых столетий новой эры они занимались главным образом земледелием и не имели никаких национальных и политических прав *33. Государственное признание христианства еще больше ухудшило их положение. Под христианско-римской властью евреи были абсолютно бесправны. Им было запрещено служить в армии, и таким образом, как заметил Св. Иероним *34, «они лишились возможности отстаивать свою честь». В 4-5 веках законы Римской империи позволяли евреям заниматься только самыми унижительными видами работ, их практически низвели до положения рабов, чтобы убить в этом народе всякую надежду на восстановление политической и национальной свободы.

Вследствие такого законодательства и в результате церковной пропаганды уже во второй половине 5 века слово «еврей» широко использовалось как бранное (57, 3, 300). В собрании писем и постановлений, известном как Кодекс Феодосия *35, этому слову впервые официально был придан бранный смысл, сохранявшийся в христианском мире на протяжении более тысячелетия: «Даже имя их ужасно и отвратительно»³⁶. «Само слово „еврей“, – писал английский автор конца 18 века, – долгое время связывалось с представлением о позоре, лжи, низости и беспринципности». «Во всем мире, – писал епископ Т. Ньютон в 1765 году, – с евреями обращаются, как с существами особого рода» (134, 101).

Люди, санкционировавшие это унижение и угнетение еврейского народа, были убеждены, что выполняют волю Бога. Церковные историки объясняли страдания евреев, в которых зачастую были повинны сами христиане, божественным промыслом и воздаянием за грехи. В первом разделе своей «Церковной истории» Евсевий *37 пишет, что хочет «рассказать о несчастьях, обрушившихся на весь еврейский народ сразу же после заговора евреев против нашего Спасителя» (1:1). В следующем поколении Созомен

*38 начинает свою «Церковную историю» выражением удивления по поводу упрямого отказа евреев принять христианство.

«Я не раз задумывался над тем, как это может быть, что другие люди готовы уверовать в Сына Божьего, Который есть Слово, а евреи столь не склонны к вере» (1:1).

Действительно, их трудно было убедить. На них не производило впечатления множество чудес, которые, по мнению христиан, должны были любого убедить в правоте христианства. Пример такого упрямства евреев приводит церковный историк Сократ *39. Он сообщает, что в правление Юлиана Отступника *40 евреи попытались восстановить в Иерусалиме свой Храм, и тогда «на их одеждах появились светящиеся изображения креста, которые они тщетно старались счистить или смыть вечером» («Церковная история», 111:20). Люди, которых не может убедить такое чудо, определенно не пригодны для жизни в христианском обществе. Некоторые из верующих полагали, что подобное упрямство следует карать смертью и что убивать евреев – богоугодное дело.

Но есть более современное оправдание массовых расправ, к которому часто прибегают христиане: евреи сами провоцировали беспорядки, а погромы были лишь ответной мерой на них. В тех местах, где евреи были достаточно сильны, они иногда могли быть зачинщиками беспорядков. История их изгнания из Александрии, возможно, была бы менее поучительной с христианской точки зрения, если бы сохранилось не только свидетельство Св. Кирилла, но и еврейские свидетельства. Многие обвинения против евреев в эпоху раннего христианства основываются на сообщениях их врагов; сегодня уже нелегко установить, где в них кончается правда и начинается злонамеренная ложь. Упомянувшийся выше церковный историк Сократ обвиняет евреев в том, что в городе Инместар они привязали к кресту христианского мальчика и забили его до смерти плетьюми. «Еврейские обитатели этого места, – пишет он, – заплатились за преступление, совершенное в ходе этой их благочестивой забавы» («Церковная история», VII: 16). Возможно, что эта история правдива, но возможно также, что кто-нибудь выдумал ее, а Сократ повторил выдумку, чтобы оправдать последующую массовую резню.

Таким образом, в распоряжении христиан было два оправдания преследования евреев: либо христиане действовали в целях самозащиты, либо выполняли волю Бога. В учениях ранних отцов церкви чаще встречается второе объяснение. К насилию не побуждали прямо. Афанасий *41 не призывал людей выйти на улицы и избивать евреев. Он только сказал, что «евреи более не народ, избранный Богом, а властители Содома и Гоморры»⁴² (Послание X, 338 г.), и задал многозначительный вопрос: «Разве не достаточ-

но пророчеств осуществилось, чтобы они не могли безнаказанно отвергать веру?» («Трактат о Преображении», XL: 7).

Когда Св. Амвросий *43 сказал своей пастве, что еврейская синагога – «вертеп безбожия, прибежище безумцев, осужденное самим Богом», никто не удивился, а когда толпа пошла и сожгла синагогу, Св. Амвросий взял на себя ответственность за эту незаконную выходку. «Я заявляю, что это я поджег синагогу или, по меньшей мере, велел сделать это, чтобы не оставалось места, где отвергают Христа. И если мне возразят, что не я поджигал синагогу, я отвечу, что она загорелась по воле Бога» («Послание к императору Феодосию»). Он сказал императору, что нельзя наказывать поджигателей синагоги, ибо это – справедливое воздаяние евреям за то, что при императоре Юлиане они сжигали церкви.

«И кроме того, – добавил он, – раз в синагоге не было никаких ценностей, что могли потерять евреи вследствие пожара?» Когда же евреи обратились с жалобой к императору, тот возмутился их дерзости. Он заявил, что евреям нет места в храме правосудия, ибо нельзя верить ни одному их слову. «Какова цена клятвы тех, кто своим лжесвидетельством оклеветал даже Христа!» Тем не менее император, не одобрявший призывов к беспорядкам, распорядился охранять синагоги от ярости толпы. И тогда он получил письмо с просьбой отменить распоряжение о наказании поджигателей. Письмо пришло оттуда, откуда его никто не ждал – с вершины столпа, на котором обретался Св. Симеон Столпник. Этот аскет, знаменитый тем, что 36 лет прожил на вершине колонны высотой в 25 метров, «отказался, – как заметил Дж. Ф. Аббот, – от всей мирской суеты, сохранив только ненависть к евреям» (1). И он был не единственным святым, который не смог отказаться от такого соблазна, как антисемитизм.

В 4 веке милосердие и даже святость редко распространялись на отношение к евреям. Святой Григорий Нисский *44 со всей мощью своего красноречия обрушил на евреев всеобъемлющее обвинение:

«Богоубийцы, убийцы пророков, враги Господа, богоненавистники, люди, выказавшие презрение к закону, недруги милосердия, враги веры своих отцов, заступники дьявола, змеи, клеветники, богохульники, люди, чьи души блуждают во мраке, фари-сейская закваска, сборище демонов, грешников, порочных, поби- вающих камнями и ненавидящих праведность» (79, 685).

Подобное сгущение красок, возможно, грешило против милосердия, однако не было столь пагубно для души, как нынешнее лицемерие, выставляющее ранних отцов церкви в качестве непреходящих образцов подлинно христианского поведения. «Наш долг, – писал в 17 веке Баснаж *45, – извинить экзальтацию отцов

церкви, а не искать ей оправдания, дабы их авторитет не побуждал к подражанию нынешних духовников и не укреплял ненависти и мстительности в сочинителях» (14, 553).

Один из величайших отцов церкви. Св. Иоанн Златоуст, всю свою жизнь как в церкви, так и за ее стенами, стремился реформировать мир. Христианские писатели самых различных толков единодушно восхищаются его горячей любовью ко всему человечеству. «Златоуст, – писал один протестантский теолог, – был одним из самых красноречивых проповедников, которые когда-либо, начиная с апостольских времен, несли людям откровение божественной истины и любви» (169, 357). «Светлая, жизнелюбивая и тонкая душа, – писал кардинал Ньюман, – чувствительное сердце, характер, способный на сильное чувство и порыв, и все это возвышено, преображено и облагорожено небесной благодатью – таков был Св. Иоанн Златоуст» (133, 2, 234).

Однако в нежной душе этого проповедника, несшего людям откровение истины и любви, таилась жестокая ненависть. «Следует признать, – писал один честный французский агиограф *46, – что в проповедях против евреев он позволял себе заходить слишком далеко, следуя велению овладевшей им страсти» (146, 97). Следует признать больше того.

В бранных выпадах против евреев Св. Иоанна Златоуста не превзошел ни один проповедник, чьи проповеди дошли до нас. Конечно, нужно принять во внимание условия того времени, страстную веру, опасение, что молодые побеги христианской религии могут пострадать от слишком тесного контакта с евреями, однако ничто не может оправдать того факта, что эти проповеди наполняли души христиан ненавистью, которую те передали своим детям, а через них – грядущим поколениям. Более того, в школах и семинариях эти проповеди столетиями служили образцами красноречия, по ним священники учились проповедовать и по ним же учились ненавидеть.

Когда Златоуст говорит о еврейских синагогах, в его речи трудно почувствовать «небесную благодать». «Синагога хуже публичного дома... это притон негодяев, логово диких зверей... капище демонов, поклоняющихся идолам... прибежище бандитов и развратников, пристанище дьяволов».

«Синагога, – сказал он своей пастве в другой проповеди, – это место преступного сборища евреев... убийц Христа... дом, который хуже винной лавки... воровской притон; это дом позора, убежище несправедливости, укрытие дьяволов, логово предательства». И, исчерпав свои ораторские ресурсы, он заключил: «Какое бы еще более ужасное имя ни было найдено, оно никогда не будет худшим того, чем то, которого заслуживает синагога».

Эти проповеди не были забыты, как не исчезло и презрение к иудаизму среди христиан, хотя произнесены они были более пятнадцати веков назад. «Синагога сродни проклятию. Упорная в своем заблуждении, она отказывается слышать и видеть; она умышленно извратила свои суждения, она загасила в себе свет Святого Духа, она все глубже и глубже утопает во зле и, в конце концов, низвергнется в бездну» (82, 105). Св. Иоанн Златоуст был прав, предполагая, что грядущие поколения подыщут еще более ужасные проклятья. «Симпатия к евреям, – писал Леон Блуа, – постыдна... Даже собаки презирают тех, кто не испытывает инстинктивного отвращения к синагоге».

Некоторые христиане полагали, что синагога заслуживает уважения хотя бы потому, что в ней хранятся книги Ветхого завета. «Вовсе нет! – возражал им Св. Иоанн Златоуст. – Именно поэтому ее следует ненавидеть еще больше, так как евреи пользуются этими книгами, намеренно извращая их смысл. Что до меня, то я ненавижу синагогу... и ненавижу евреев по той же самой причине».

Нетрудно представить себе, какое действие подобные проповеди оказывали на темпераментную восточную паству. Иоанн Златоуст утверждал, что не только каждая синагога, но и всякий еврей – творение дьявола: «Я бы сказал то же самое и об их душах». Он сказал куда больше. Он заявил, что христианам не подобает общаться с людьми, падшими ниже самых мерзких животных. «Разврат и пьянство уподобили их похотливым козлам и свиньям. Они думают лишь об одном: как бы набить брюхо, напиться, убить кого-нибудь или причинить вред, как те негодяи, которых изображают на подмостках».

Следующий отсюда вывод очевиден: не случайно некоторые евреи сбились с пути и ведут себя, подобно козлам и свиньям; все евреи живут именно так потому, что они – евреи.

В различных вариантах эта идея была и остается основой юдофобии; ее и до сих пор разделяет множество людей, осознанно, а порой – бессознательно.

Типичный пример такой предвзятости, еще более опасной, когда она не осознана, мы находим в жизнеописании Св. Иоанна Златоуста, написанном английским священником В. Р. В. Стефенсом в 1872 году. «Даже если допустить, что проповедник позволил себе некоторое преувеличение, – пишет он, – все равно обличения Златоуста позволяют заключить, что еврейские обитатели Антиохии были низкими и порочными людьми» (168, 133). Нет никакого сомнения, что в своем большинстве они были именно таковы; но таковы же были в своем большинстве и христиане. Однако, по мнению Св. Иоанна Златоуста, а вслед за ним и препо-

добного Стефенса, евреи Антиохии жили подобно козлам и сви- ньям, потому что были евреями, тогда как о христианах он рассу- ждает совсем иначе. «Масса так называемого христианского на- селения, – объясняет преподобный Стефенс, – была заражена рас- пространенными пороками: неумеренным стремлением к роско- ши и чувственным наслаждениям, эгоистической жадностью и тщеславием». Было бы удивительно прочесть в современной га- зете, что *"так называемое"* еврейское население Лондона или Па- рижа, зараженное распространенными пороками – стремлением к роскоши, чувственным наслаждениям и жадностью, – заполо- нило черный рынок". Про еврея никогда не скажут «так называе- мый», если он ведет себя недостойно. Если же еврей поступает хорошо, люди говорят, что он поступает как христианин. В 12 веке, когда некоторые христиане поступали дурно. Св. Бернар Клервоский не назвал их «так называемыми» христианами; он просто говорил, что они ведут себя, как евреи. Порочность евреев заключается не в их поведении, а в их еврействе. Таково было учение Св. Иоанна Златоуста.

Он говорил своим прихожанам, что евреи – это люди, одержи- мые злым духом, привыкшие убивать и разрушать. «Нам нельзя даже здороваться с ними, нельзя перекинуться несколькими сло- вами». В своих проповедях Иоанн использовал все бранные слова, какие только мог подобрать. Он называл евреев «похотливыми, прожорливыми, жадными, вероломными разбойниками». Он был первым христианским проповедником, который называл весь еврейский народ «богоубийцами». Кажется, что никто, даже в новое время, не ненавидел евреев сильнее его. «Евреи убили Сына Божьего! Как же вы смеее участвовать в их праздниках?... И вы еще смеее общаться с этим народом убийц и палачей!... О еврейский народ! Тот, Кого вы распяли, был сильнее вас, и Он уничтожил и рассеял вас...».

Все евреи виновны. Бог наказал их, и наказание будет длиться вечно. Бог осудил их, как утверждал Златоуст, терпеть на земле адские муки, он обрек их на бедствия, которые будут длиться, пока существует мир. Обрисовав те бедствия, которые, согласно плану божественного воздаяния, евреи испытали под властью Рима, он с торжеством указывает на их нынешнее состояние: «Смотрите, как Иудея стала пустыней и как все, что было у этого народа, пришло в запустение и обратилось в руины!» Более того, он предсказывает, что бедствиям этим не будет конца. «Участь твоя, еврейский народ, становится все более и более гибельной, и на лицах сынов твоих нельзя заметить ни проблеска надежды».

Подобная логика вполне оправдала бы немецкий геноцид. Св. Иоанн Златоуст мог бы произнести впечатляющую проповедь у

массовой могилы в Дубно. Он мог бы объяснить, что за мстительный Бог покарал маленького еврейского мальчика, пытавшегося удержать слезы, чтобы не показать немцам своего страха, и младенца, и ту несчастную семью – всех, кто сошел в ров. И, действительно, в его «Шестой проповеди против евреев» есть слова, подходящие для подобного случая:

«Но, – говорят евреи, – люди, а не Бог причинил нам все бедствия. Нет, напротив, это Бог наслал на них бедствия. Если вы приписываете всю это людям, задумайтесь: даже если бы люди дерзнули на такое, они не смогли бы совершить этого без воли Божьей».

Другой отрывок из этой проповеди мог бы пригодиться адвокатам на Нюрнбергском процессе:

«Итак, когда скажет тебе еврей: 'Люди пришли к нам с войной, люди злоумышляли против нас', – ответь ему: 'Никогда люди не пришли бы к вам с войной, если бы на то не было Божьего соизволения'».

«Златоуст был одним из тех непреклонных святых, принципы которых для того и существуют, чтобы проводить их в жизнь» (57, 1, 52). Сразу же по прибытии в Константинополь в 398 году он убедил императора отменить ряд изданных им прежде законов, благоприятных для евреев. Несколько лет спустя, когда Златоуста изгнали из столицы, эти законы были восстановлены. Он ненавидел евреев и делал все, чтобы заставить весь мир ненавидеть их. Но даже и этого ему было мало. Он говорил евреям, что Бог лишил их народ законного наследия. «Почему же Он обездолил вас? Да разве непонятно, что Он сделал это потому, что возненавидел и отверг вас навсегда?» («Шестая проповедь против евреев»). Даже если учесть все принятые объяснения: особенности эпохи, благочестивое рвение, восточное красноречие, словам Златоуста трудно найти оправдание. Его осуждение народа Израиля именем Бога не было забыто. Оно способствовало укреплению традиции ненависти, традиции, которая с благословения церкви прошла через средневековье и омрачила всю историю Западной Европы. На протяжении многих столетий евреев преследовало эхо слов, сказанных Иоанном Златоустом: «Бог ненавидит вас».

Кровь брата твоего

Невозможно или невероятно трудно словами изменить то, что издавна стало частью человеческого характера.

Гийом дю Вер *2

Во времена раннего средневековья, с 6 по 10 век, жизнь евреев в Западной Европе была относительно спокойной. Доктрина, отказывающая им в человеческих правах, была уже принята во всем христианском мире, но постоянных организованных гонений еще не было. Считалось, что этот народ продолжает существовать благодаря беспредельной милости Бога, сохраняющего его как свидетельство христианской правоты. Рассуждая о евреях, ссылались на слова Св. Павла в его Послании к Галатам: «Изгони рабу и сына ее, ибо сын рабы не будет наследником вместе с сыном свободной» (4:30). Поэтому, во исполнение заветов Писания, евреи должны были жить, как изгои.

Традиция враждебности по отношению к евреям, перешедшая от отцов церкви к новой Европе после падения Рима, не могла бы выжить без активной поддержки церкви. Карл Великий *3 оценил практические выгоды, которые могли принести экономике трудолюбивые евреи, по той же причине его сын Людовик заботился о соблюдении их интересов. Он назначил особого чиновника, носившего титул «Магистер юдеорум», в обязанности которого входила защита евреев от рьяных миссионеров. Однако архиепископ Лиона Св. Агобард *4 направил Людовику несколько посланий о еврейском «высокомерии» (*De Insolentia Judaeorum*, 826 – 828 годы), протестуя против учреждения этой должности. Во все исторические периоды, когда церковники писали о «высокомерии» евреев, это было верным признаком того, что светские власти обращались с евреями по-человечески. Хотя в одном из этих посланий архиепископ писал императору, что в глазах Бога евреи стоят ниже грешников Содомы и Гоморры, один современный французский автор полагает, что Агобард вовсе не нападал на евреев, а лишь пытался защитить христиан, советуя им обращаться с евреями «благоразумно и человечно» (89, статья «Агобард»). Св. Агобард использовал слова «благоразумие и человечность» в особом церковном смысле, как явствует из его яростного послания епископу Нарбонны, которого он распекал за терпимое отношение к евреям. Агобард заимствовал большую часть своих обвинений из Второзакония *5:

«Таким образом, знай, почтенный отче, что все, о чем говорят их законы, проклято, и, словно в одеяние, облачено в проклятие, которое наполняет, как вода, самые их внутренности, и как масло, – их кости; они прокляты в городах и в полях, прокляты их приход и их уход, проклят всякий рожденный ими, плоды их полей и приплод их стад; прокляты их винные погреба, их закрома, их амбары, их пища и даже остатки их пищи, и никто из них не может избежать этого ужасающего и страшного проклятия, кроме как с помощью Того, кто – проклятие для нас» (121, 5, 200-

201). «Выразим же сожаление, – писал Баснаж, цитирующий это великое проклятие, – по поводу слабости величайших из людей. Что за желчь разлита в душах святых епископов!» Как показывает письмо, раздражение святого епископа вызвал тот факт, что и в городах, и в деревнях евреи жили в благополучии, а не как изгои, что они возделывали землю, владели стадами, закромами, винными погребами и амбарами. Они не занимались ростовщичеством и торговлей подержанным платьем – это были занятия, до которых их низвели несколько столетий спустя.

Пытаясь обнаружить хоть какие-то следы терпимости к евреям в эпоху средневековья, один французский историк недавно заметил, что если бы этой терпимости не было, евреи просто не выжили бы. Светские и церковные власти могли легко уничтожить этих неверных, которые были малочисленны и беззащитны. «Их полное истребление было бы тем более простым делом, что повсюду все слои общества с энтузиазмом приняли бы в нем участие» (4, 94).

Ни про один период средневековья нельзя сказать, что повсюду все слои общества жаждали истребить евреев. Люди, действительно выражавшие такое желание или пытавшиеся сделать это, не родились с ненавистью в крови, а евреи не были столь презренными и омерзительными созданиями, что никто не мог удержаться от ненависти к ним. Ненависть была следствием церковной пропаганды, которая не всюду была одинаково действенной. В Испании ни один общественный класс, за исключением церковников, не выказывал ни малейшей склонности напасть на евреев, чьи разум и трудолюбие способствовали процветанию страны. В те времена испанцы проявляли терпимость, и привить им национальную ненависть было не так-то просто.

Однако папская власть считала процветание евреев явлением, противным Священному Писанию, и видела в нем угрозу христианскому миру. Еврейская культура и ученость угрожали распространиться к северу от Пиренеев. Папа Григорий VII (Хильдебранд)⁶ делал все от него зависящее, чтобы предотвратить эту опасность. В 1081 году он писал Альфонсу VI Кастильскому:

«Мы увещеваем Ваше Величество не терпеть более, чтобы евреи господствовали над христианами и управляли ими. Ибо допускать, чтобы христиане находились в подчинении у евреев и исполняли их приказания, равносильно принижению Божьей церкви и возвеличиванию сатанинской синагоги. Потакать желаниям врагов Христа – значит оскорблять самого Христа» (Regesta, IX:2).

Папские увещевания почти не имели успеха. Хотя усилия духовенства разжечь ненависть и привели к нескольким погромам, в

Испании в средние века евреи жили более благополучно, чем где бы то ни было в Европе. Такое положение вещей зачастую, но не всегда, вызывало недовольство пап. «Я осознал потрясающее величие тех отдаленных времен, – писал Леон Блуа, – когда папы служили защитой евреев от ярости всего мира». То, что «осознал» этот непоследовательный и зачастую плохо осведомленный боец за справедливость, представляет собой, однако, лишь часть дела. Нередко сами папы были ответственны за «ярость всего мира», от которой евреи искали защиты. Когда люди тех отдаленных времен, воспламененные церковными проповедями и папскими посланиями, преступали дозволенные границы угнетения евреев и начинали убивать их, тогда и только тогда папы принимали меры, чтобы предоставить жертвам некоторую защиту от обрушившейся на них стихии. «Общие запреты дурно обращаться с евреями стоили немногого, когда прелаты и священники без устали сеяли враждебность в народе, а папы угрожали тем правителям, которые отваживались вмешиваться и защищать несчастных» (103, 1, 82).

Возможность влиять на умы и души людей целиком принадлежала церковникам: проповеди, хроники, мистерии и даже церковные церемонии – все служило для разжигания ненависти в народе. Проповедники с ужасающим, иногда просто садистским натурализмом рассказывали о страданиях Христа, в которых они обвиняли евреев того давнего времени и всех их нынешних потомков. Столетиями в Страстную неделю епископы города Безье произносили проповеди, в которых призывали паству отомстить своим соседям-евреям, так что избивание евреев стало обычной частью празднования Страстной недели. В Тулузе вошло в обычай ежегодно на Пасху затаскивать в церковь Св. Стефана еврея и перед алтарем давать ему пощечину. Эта церемония иногда производилась с излишней энергией. Однажды, повествует монах-хронист, не выражая при этом ни малейшего неодобрения, знатный дворянин, исполнявший этот обряд, «выбил глаза и мозги этому предателю, и он тут же упал замертво... Его собратья из синагоги вынесли тело из церкви и предали земле» (3, 3, 52).

Иногда было достаточно малейшего предлога, чтобы началась резня. В 1021 году, во время празднования Пасхи, в Риме произошло землетрясение, сопровождавшееся сильным ветром. Евреев обвинили в том, что своими магическими действиями они вызвали землетрясение и ветер. После того как нескольких из них убили, «ярость ветра улеглась» (3, 3, 52). Десятью годами ранее, когда храм Гроба Господня в Иерусалиме был разрушен халифом, в этом жителями Орлеана были усмотрены козни евреев. Многие евреи в Орлеане были убиты, а несколькими, как назидательно отмечает

хронист, удалось спастись, «ибо их существование необходимо как вечное доказательство их вины, напоминание и свидетельство о пролитой крови Христа» (72, 3, 7).

Мрачный период еврейской истории в средневековой Западной Европе открывается Первым крестовым походом (1096 – 1099), начавшимся и завершившимся массовой резней. «Люди, принявшие крестовый обет, – писал лорд Эктон, – с утра, сразу после причащения, отправлялись истреблять евреев и без усталости занимались этим целый день». Они убили около 10 тысяч человек. Когда летом 1099 года Готфриду Бульонскому *7 после героического приступа удалось овладеть Иерусалимом, он всю первую неделю посвятил истреблению жителей города. Евреев заперли в синагоге и сожгли здание.

«Если Вам угодно знать, что сделано с обнаруженным в Иерусалиме неприятелем, – писал Готфрид папе, – да будет Вам известно, что в притворе и Храме Соломона *8 мерзкая кровь сарацинов *9 доставала до колен наших коней». «А затем, – пишет Мишле *10, – когда они сочли, что достаточно отомстили за Спасителя, то есть когда в городе нельзя было найти ни одного живого человека, они со слезами на глазах отправились на молебен к Гробу Господню».

В Англии призывы к Первому крестовому походу, видимо, не произвели особого впечатления, и евреи продолжали жить здесь в добрососедских отношениях с христианами. Возможно, это объяснялось влиянием кентерберийского епископа Ансельма", святого, чья любовь к людям распространялась и на евреев.

Сохранилась история, подобную которой трудно найти в анналах средневековья, – история о дружбе английского аббата с еврейским раввином. Вестминстерский аббат Гилберт Криспин был воспитанником монастыря Бек в Нормандии, где одним из его наставников был Св. Ансельм. В 1077 году Гилберт стал послушником, а спустя 12 лет был направлен в Вестминстер. Он умер в 1121 году и был похоронен в Вестминстерском аббатстве в Лондоне; там до сих пор сохранилась надгробная плита с его изображением. В отчете, посланном им Ансельму, содержится рассказ о его встрече с раввином и о состоявшемся между ними публичном религиозном диспуте. Гилберт познакомился с «неким евреем», культурным и образованным человеком, который часто посещал его в аббатстве для обсуждения деловых вопросов, но большую часть времени говорил о религии. Они решили провести диспут, на который оба пригласили своих друзей. Аббат составил отчет об этом диспуте и отправил его Ансельму с сопроводительным письмом.

«Я шлю на Ваше отеческое суждение свой небольшой труд. В нем я записал аргументы, которые привел один еврей против

нашей веры в защиту своих собственных законов, а также мои ответы, в которых я защищал нашу веру от его доводов. Не знаю, где он родился, однако мне известно, что образование он получил в Майнце; он сведущ даже в наших законах и книгах, и его разум отточен на Писании и на диспутах с нами. Он часто по-дружески захаживал ко мне, по делам или просто проведать меня, ибо нуждался во мне для решения определенных деловых вопросов; и всякий раз, как мы встречались, мы вскоре начинали дружески беседовать о Священном Писании и о вере. Однажды Бог дал, как мне, так и ему, больше досуга, нежели обычно, и мы принялись задавать друг другу вопросы. А поскольку его доводы были последовательны и логичны, и он с не меньшей последовательностью повторил те возражения против нашей веры, что высказывал и прежде, а также поскольку мы, со своей стороны, отвечали на каждое его возражение и, по его собственному признанию, наши ответы не в меньшей степени опирались на свидетельства Священного Писания, некоторые из присутствующих попросили, чтобы я записал все сказанное, ибо это может пригодиться в будущем и другим...»

Возможно, Гилберт был несколько обескуражен результатом диспута, поскольку счел нужным добавить в свою пользу: «Как бы ни был скромен мой труд, но по Божьей милости один из лондонских евреев обратился в христианскую веру и, приняв в Вестминстере монашеский обет, остался у нас». Монастырь был единственным прибежищем для обращенных евреев. Становясь христианами, евреи, согласно закону, отдавали королю все свое имущество. Но даже крестильная купель не обеспечивала им благорасположения христианского общества. В письмах Св. Ансельма упоминается другой еврей, по имени Роберт, приблизительно тогда же принявший христианство, по-видимому, тоже под впечатлением диспута между раввином и аббатом. Однако новые христианские друзья Роберта обращались с ним дурно. Св. Ансельм направил настоятелю Кентербери Арнульфу письмо, в котором умолял опекать новообращенного и его семью: «Ради Бога, пусть ни бедность, ни какие-либо иные стесненные обстоятельства, которые мы в силах предотвратить, не вызовут в нем сожаления в том, что он отвернулся от закона своих отцов... Не допускайте, чтобы он и его маленькая семья страдали от жестокой нехватки чего-либо; пусть он испытывает радость, что от неверия пришел к истинной вере; докажите своим благочестием, что наша вера ближе к Богу, чем еврейская... Ибо мое сердце болит при мысли о том, что он страдает от недостатка в пище и в одежде. Если Вы любите меня, утешьте боль моего сердца...»

В истории, рассказанной Гилбертом Криспином, так же, как и в письмах Св. Ансельма, видны столь редкие среди аббатов и видных церковников 12-13 века душевная доброта и человечность по отношению к евреям. Обычно историки представляют Св. Бернара Клервоского как великого друга и защитника евреев Рейнской области от рьяных крестоносцев, которые грозили полностью уничтожить еврейские общины прирейнских городов. Эти события происходили примерно через 40 лет после смерти Св. Ансельма. Однако в письмах и проповедях Св. Бернара нет и следа сочувствия к страданиям преследуемых людей, ни одного слова, указывающего на дружелюбие к ним.

Одной из наиболее примечательных личностей среди жертв этих погромов был родившийся в Германии и долгие годы (вероятно, еще при жизни Гилберта Криспина) живший в Англии раввин, который на старости лет вернулся в Германию, чтобы помочь в несчастье своему народу. В «Мартирологе» Эфраима из Бонна *12 сообщается, что в 1146 году некий Шимон ха-Хасид возвращался из Англии, где прожил много лет. Он направлялся в свой родной городок Тревес, но был убит близ Кельна крестоносцами, подстрекаемыми цистерцианским *13 монахом Ральфом, который проповедовал там крестовый поход. Некоторые подробности этого события сохранились в составленной на основании сообщений Эфраима из Бонна хронике еврейских страданий – «Эмек ха-Баха» («Юдоль плача»), автором которой был врач и историк 16 века рабби Иосеф ха-Кохен *14.

«А случилось это в месяце Элуле, когда священник Рудольф (да настигнет и покарает его длань Господня!) прибыл в Кельн. Тогда рабби Шимон покинул город, чтобы вернуться в свой родной Тревес, ибо там был его дом. И празднующиеся бездельники окружили его и стали понуждать креститься, но он не подчинился им. Тогда подошел к нему иноверец с лицом, искаженным злобой, и, не посмотрев на преклонный возраст рабби, отсек ему голову и поставил ее на углу крыши, а тело несчастного было брошено, подобно навозу, который никто не убирает. Когда же услышали о том евреи, печаль овладела их сердцами; трепетали и дрожали они от страха и ужаса... Горько плакали люди, главы же общины предстали перед бургомистром и ходатайствовали перед ним; и тот вернул им останки праведника, и они похоронили его на принадлежащем им кладбище». Резня евреев Кельна и других германских городов летом 1146 года была организована Рудольфом (или Ральфом), цистерцианцем, который, по всей видимости, без разрешения покинул свой монастырь в Клерво, чтобы вербовать в Германии добровольцев для освобождения Святой земли. Он призывал немцев сначала истребить врагов Христа в

своей собственной стране. Биография этого деятельного монаха неизвестна. Вмешательство Св. Бернара положило конец его деятельности, однако погромы были приостановлены лишь частично. Хронисты того времени сообщают об этой истории в обычном для них назидательном духе, а современные историки, как правило, следуют их примеру.

Когда папа Евгений III поручил Бернару Клервоскому проповедовать Второй крестовый поход (1147 – 1149), тот начал свою проповедь с Везеля в Бургундии, где его пламенные речи побудили несметное множество людей принять крестовый обет. Хотя они просили, чтобы он сам повел их в Святую землю, Бернар отказался, ссылаясь на слабое здоровье. Ему не удалось найти никого, кто мог бы заменить его. Поход закончился весьма плачевно, в чем многие обвиняли Бернара. Возможно, ему все-таки следовало отправиться с ними. Человек, основавший 160 монастырей, даже если и не мог возглавлять поход, безусловно обладал незаурядными организаторскими способностями, а ореол его святости, сила его личности и уважение к его слову могли бы дисциплинировать войско и его командиров. Однако еще прежде, чем предприятие было начато, его успех был поставлен под угрозу действовавшим в прирейнских областях монахом Ральфом, который обратил боевой пыл добровольцев от неверных в Палестине на евреев у себя дома.

Обычно монах не мог оставлять монастырь без согласия аббата или, по крайней мере, без его ведома. В ответе на письмо майнцского архиепископа, жаловавшегося на Ральфа, Св. Бернар отрицал, что наделил того полномочиями проповедника. Автор «Кембриджской истории средних веков» ставит под сомнение его правдивость и отказывается верить, что монах отправился с такой миссией без разрешения: «Эмиссар Св. Бернара, клервоский монах, нанес ущерб делу, когда, вместо того, чтобы выступить против неверных мусульман, обратился против евреев». Однако письмо Св. Бернара не дает оснований видеть в Ральфе его эмиссара. Вероятно, монах покинул свой монастырь вместе с каким-нибудь проповедником, не получив никаких полномочий, и решил действовать самостоятельно.

Многие церковные историки рассматривают деятельность Ральфа как своего рода несчастную случайность, происшедшую из-за фанатизма одного-единственного человека, а не как характерное и неизбежное явление 12 века, хотя фактически это именно так. «Какой-то невежественный монах, – писал Неандер, – по имени Рудольф, выдвинулся на первый план в качестве проповедника крестового похода» (131, 217). Нет никаких свидетельств, что Ральф был невежественен, а если он и был таковым, то вино-

ват в этом был его настоятель. Представление, что монахи, которые не были невежественными, отказались бы от участия в подобной кампании, не выдерживает никакой критики. Ральф встретил широкую поддержку со стороны монастырей и местного духовенства. На пути в Германию он прихватил в качестве переводчика настоятеля одного из бельгийских монастырей. Возможно, Неандер хотел сказать, что Ральф был невежественен, ибо не знал немецкого языка, однако и Св. Бернар не знал немецкого. История самостоятельной деятельности Ральфа явно неполна. Мы не знаем подробностей начального этапа его походов, о которых хронисты того времени не были осведомлены или умалчивали.

Св. Бернар привлек множество добровольцев, объявив, что награда за убийство неверного – место в раю, а Ральф поведал своей пастве, что к этим неверным ведет долгий путь, к тому же они воинственны и хорошо вооружены; гораздо надежнее и не менее достойно награды убивать безоружных евреев у себя дома. Народ, подготовленный к восприятию этой идеи столетиями церковной пропаганды, не заставил себя долго упрашивать: началась массовая резня в Шпеере, Кельне, Майнце и многих других городах Германии. Когда до Бернара дошли известия о погромах, он после некоторого промедления, очевидно, удостоверившись в фактах, направил послание архиепископу Майнца и энциклику *15 «К владыкам и дражайшим отцам, архиепископам, епископам со всем причтом и благочестивым народом Восточной Европы и Баварии».

Эти епископы были не способны пресечь резню, и нет свидетельств, что они серьезно попытались помешать ей. Св. Бернару пришлось самому отправиться в Германию. Он объехал прирейнские земли, в которых его враждебно встречали возбужденные толпы. Тем не менее, ему удалось помешать полному истреблению евреев. Они не забыли этого. «Если бы милосердный Бог не послал нам этого священника, – писал в 16 веке рабби Йосеф ха-Кохен, – ни один еврей не избежал бы смерти».

И все же усилия Св. Бернара были не вполне успешны. После его отъезда из Германии в феврале 1147 года крестоносцы напали на евреев Вюрцбурга, убили более двадцати из них, а остальных подвергли жестоким истязаниям. Приблизительно в то же время подобные события происходили и во Франции. «Не так далеко от Клервоского монастыря, почти на глазах у его аббата Бернара, дикие банды крестоносцев безнаказанно продолжали свое кровавое дело» (77, 3, 355). Этих головорезов нельзя было остановить посланиями и проповедями, нужны были более решительные меры. Св. Бернар сделал выговор Ральфу и отослал его назад в

монастырь, хотя его следовало бы судить и повесить. Тем не менее несомненно, что вмешательство Св. Бернара спасло жизнь многим сотням евреев. Его проповеди вряд ли могли повлиять на толпу, тем более, что он не знал немецкого языка. Но ему удалось втолковать германским епископам, что их обязанность – положить конец жестокостям, за которые они тоже несли ответственность.

При составлении своей энциклики Св. Бернар столкнулся с дилеммой. Он знал, что погромы в Германии ставят под угрозу успех крестового похода, однако явно опасался сказать что-нибудь, что могло бы нанести ущерб вербовке добровольцев или создать впечатление, будто с евреями следует обращаться как с равными. Четыре пятых послания занимает призыв к походу. О погромах Бернар прямо не говорит. Нет сомнения, что у него были веские политические причины для такой сдержанности. Он начинает с совета баварцам оставить их неразумный обычай сражаться друг с другом и призывает их записываться в Божье войско. Возможно, не без сарказма, понятного лишь немногим из его читателей, Бернар пишет: «Теперь, о храбрый рыцарь, о воинственный герой, ты нашел поле боя, на котором можешь сражаться, не подвергая себя опасности: победа принесет тебе славу, а смерть – награду. Если ты предусмотрительный торговец, если ты любишь блага этого мира, смотри не упусти выгодной сделки, на которую я указываю тебе. Прими знак креста – и ты заслужишь прощение любого греха, в котором признаешься и покаешься».

Вопроса о резне Бернар касается весьма дипломатично: «Мы с радостью слышим, что ваши сердца полны религиозного рвения, однако плохо, если такое рвение лишено мудрости». Он объясняет, что убивать евреев – ошибка, так как их существование помогает укреплению христианской веры: «Взгляните на страницы Священного Писания. Я знаю, какие пророчества о евреях содержатся в псалмах: „Бог даст мне смотреть на врагов моих, – говорит церковь. – Не умерщвляй их, чтобы не забыл народ мой“ (Псал., 58:11-12). Они для нас – живой знак Страстей Господних. Для того то они и рассеяны повсюду, чтобы нести наказание за столь великое преступление и быть свидетелями нашего искупления» (117, Послание 363, «К клирикам и мирянам Восточной Франции»). Использование Св. Бернаром религиозного, а не морального довода было, возможно, лучшей тактикой при обращении к фанатикам, которых убедили в том, что убийство евреев – их религиозный долг. Он откровенно и безбоязненно сказал толпе: «Вам не должно убивать евреев, не должно преследовать или изгонять их». Эти увещевания подкреплялись цитатами из Священного Писания, однако среди них не было одной необходимой: «И ска-

зал Господь Каину...: 'Что ты сделал? Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли'» (Быт., 4:9-10). Эти слова Св. Бернар цитировал лишь тогда, когда убивали христиан. Свои увещания не преследовать и не изгонять евреев, совершенно не соответствовавшие средневековым убеждениям и практике. Св. Бернар объяснял тем, что если с евреями обращаться слишком жестоко, обратить их в истинную веру будет весьма трудно. «Если евреи будут совершенно унижены, как же сможет произойти их избавление и обращение в христианство?» Такие уступки духу времени, несомненно, были проявлением вынужденной осмотрительности. Св. Бернар защищал евреев из чувства долга, однако без излишнего энтузиазма. В его энциклике нет ни малейшего выражения сочувствия их страданиям, однако он заступает за них, взывая к справедливости и человеколюбию. При этом Св. Бернар снимает с евреев обвинение в грабительском ростовщичестве, которое тогда, как и всегда, служило одним из распространенных предлогов для их преследования.

«Я не распространяюсь, – пишет он, – насчет того прискорбного факта, что там, где нет евреев, христиане жидовствуют еще хуже, чем евреи, выжимая проценты» 16. Он настаивает и на том, что евреев следует щадить: поскольку те не могут себя защищать, их жизнь в некотором роде священна. «И это тоже признак христианского благочестия – идти войной на гордеца и щадить униженного, в особенности же тех, чьей плоти был Христос». Письмо заканчивается словами утешения крестоносцам, которым отныне возбранялось упражнять свое искусство владения мечом на незащищенных гражданах: «От них же вы можете потребовать, чтобы все те, кто принял крестовый обет, были освобождены от уплаты взятых под проценты денег». Крестоносцы, таким образом, могли теперь заставить евреев оплачивать расходы на поход в Святую землю. Уведомление, что всякий, кто принял крестовый обет, тем самым освободился от долгов как евреям, так и христианам, естественным образом резко увеличило число добровольцев; к ним теперь присоединялись и те, кто испытывал денежные затруднения. Даже сегодня на таких условиях повсюду было бы легко завербовать множество людей. Характерно, что Св. Бернар укоряет Бога за то, что в крестовом воинстве можно было встретить подонков всей Европы: «Каких же путей к спасению не испробовал Господь, если наконец призвал на служение убийц, грабителей, прелюбодеев, клятвопреступников и виновных во всяких иных преступлениях!» Ни у кого в Европе не было причины горевать об отбытии крестоносцев. «В высшей степени радостные и спасительные последствия, – писал Св. Бернар, – заключаются в том, что среди такого множества отправляющихся на Восток лю-

дей лишь немногие – не негодяи, не бродяги, не воры или убийцы, клятвопреступники или прелюбодеи, и от их ухода проистекает двойное благо, двойная радость. В самом деле, они доставляют столько же радости тем, кого покидают, сколько и тем, кому они отправляются помогать» (117, «О славе нового ополчения, к войнам Храма», V:10). Современник этих событий, фрейзингенский епископ Отто, примерно так же комментировал набор в крестовое воинство: «Благодаря возвращению на путь истинный, что могло быть только делом рук Божьих, воры и разбойники отвратились от дурных дел и поклялись пролить свою кровь за Иисуса Христа». На добровольцев не возлагалось обязанности отправиться в Святую землю в определенный срок; более того, они всегда могли получить освобождение от обета, уплатив деньги или убедив кого-нибудь отправиться вместо них. Многие, освободившись от долгов, предпочли остаться дома, где они могли безнаказанно грабить и убивать, так как судебные власти не имели права арестовывать принявших крестовый обет без разрешения папы. А папа тем временем послал в Англию эмиссара для освобождения от крестового обета «по получении денег», что, как писал Матфей Парижский *17, заставило многих удивляться «ненасытной жадности папского двора» («Великая хроника», 111:373-374).

Крестовый поход предоставлял множество возможностей для наживы тем, кто не участвовал в нем или только сопровождал крестоносцев. Однако евреи были не единственными, кто наживался на войне. Во время Третьего крестового похода (1189 – 1192) многие предприимчивые христиане были уличены в торговле с неприятелем и справедливо осуждены Четвертым латеранским *18 собором: «Кроме того, мы подвергаем отлучению от церкви и предаем анафеме тех ложных и нечестивых христиан, которые, действуя против христиан и самого Христа, переправляют сарацинам оружие, железо и дерево для строительства галер. Мы также постановляем, что те, кто продают им галеры или корабли, и те, кто служат кормчими на пиратских кораблях сарацин, а также те, кто содействуют или советуют им в строительстве машин или в любых других вещах во вред Святой земле, должны быть наказаны лишением имущества и обращением в рабство». Этот декрет был объявлен во всех средиземноморских портах. Христианам было запрещено в течение четырех лет «посылать корабли через море или отправляться в земли сарацин, живущих в восточных областях... чтобы вышеупомянутые сарацины лишлись великой помощи, которую они привыкли из этого извлекать».

Идею заставить евреев оплачивать расходы на осуществление крестового похода пропагандировал Благочестивый Петр *19, пи-

савший из своего уютного монастыря в Клуни: «Почему бы не заставить евреев внести наибольший вклад в средства на ведение священной войны? Они – грабители, и сейчас представляется подходящий случай, чтобы заставить их вернуть награбленное. Вот прекрасный способ наказать безбожие этих нечистых богохульников!» (Приблизительно 800 лет спустя у верховного комиссара Палестины генерал-лейтенанта сэра Эвелина Баркера возникла та же идея, которую он высказал своим офицерам в весьма сходной форме. В циркуляре от 26 июля 1946 года он сообщил, что намеревается наказать евреев «тем способом, какой этот народ ненавидит более всего, – ударить его по карману и этим выказать наше презрение к нему».)

Св. Бернар начинает свое письмо к майнцкому архиепископу таким образом, который, во всяком случае для современного читателя, показывает, что предмет, о котором идет речь, не слишком важен; у аббата есть другие, более насущные дела. «Мой ответ, – пишет Св. Бернар, – по необходимости краток вследствие множества обременяющих меня забот». Жалоба архиепископа на действия Ральфа, по всей видимости, была в первую очередь связана не с его погромной кампанией, ибо Св. Бернар продолжает: «Кто я такой... что архиепископ должен обращаться ко мне с жалобой на пренебрежение его властью и несправедливость по отношению к его епархиальному престолу?» Очевидно, архиепископ жаловался Бернару, что клервоский монах действовал на Рейне от имени своего настоятеля. Бернар всячески отрицает свою причастность: «Тот человек, о котором Вы пишете в Ваших письмах, не послан ни человеком, ни в качестве человека, ни для человека, ни даже Богом» (117, Послание 365). Более того. Св. Бернар обвиняет Ральфа в том, что он «кощунственный обманщик, которым овладел дух лжи». Поэтому весьма вероятно, что монах, выдумав какую-нибудь правдоподобную историю, покинул монастырь с разрешения настоятеля, возможно, не имея еще никаких определенных планов; прибыв же в прирейнские земли, он встретил там местных антисемитов и воспользовался случаем, чтобы удовлетворить свое честолюбие.

Св. Бернар не говорит о монахе, как обычно говорят об убийце. Он называет его «человеком, лишенным разума и скромности». Он даже допускает, что Ральфа следует обвинить в отсутствии такта. «Его глупость вознесена, как свечи в канделябре, так что все могут ясно видеть ее». Три обвинения упоминаются в письме в хронологическом порядке: «Три вещи в нем более всего достойны порицания: незаконное присвоение права проповедовать, его презрение к власти епископа и, наконец, его подстрекательство к убийству». Затем Св. Бернар цитирует несколько отрывков

из Священного Писания, например, Евангелие от Матфея: «...все, взявшие меч, мечом погибнут» (26:52), – стих, который можно было бы понять как предостережение архиепископу не трогать провинившегося монаха. Далее следует гуманное утверждение, что евреев лучше обращать в христианство, чем убивать: «Разве церковь не торжествует над евреями в тысячу крат больше, ежедневно уличая их в их заблуждении и обращая их к вере, чем если бы все они однажды были истреблены мечом?» Св. Бернар приводит также строки псалмов: «Не умерщвляй их» (Псал., 58:12) и, пожалуй, менее подходящий для обвинения в убийстве: «Господь созидает Иерусалим, собирает изгнанников Израиля» (Псал., 146:2). Он указывает, что если бы все евреи были убиты, эти пророчества лишились бы своего смысла.

В глазах Св. Бернара, как следует из его письма, основное преступление Ральфа состояло в том, что в его проповедях был дух ереси: «Не ты ли превратишь пророков в лжецов и обесценишь все сокровища, благочестие и милость Иисуса Христа? Твое учение – не твое, а твоего искусителя, который послал тебя, и не удивительно, что ты подобен своему владыке, ибо он с самого начала был человекоубийца, обманщик и прародитель лжи».

Это осуждение убийства, облеченное в библейские слова, могло произвести впечатление на средневекового читателя. Конечно, в наше время его вряд ли сочли бы достаточным для обвинения монаха, ответственного за убийство сотен беззащитных мужчин, женщин и детей. Окончательное суждение Св. Бернара сурово, однако в нем не упомянуто ни убийство, ни подстрекательство к убийству. Он подчеркивает лишь грех монашеского послушания и попытку воспрепятствовать свершению библейского пророчества: «О, устрашающее знание, о, адская мудрость, противная пророкам, враждебная апостолам, извращение благочестия и милосердия. О, нечестивый еретик, богохульствующий обманщик, замысливший прискорбные дела и совершивший богопротивные поступки. Я бы хотел, но боюсь сказать более того».

Конец письма, как и его начало, создают впечатление, что, по мнению его автора, вся эта история не слишком значительна и вышедший из повиновения монах был просто неблагоприятен: «Подводя краткий итог всему тому, что я думаю об этом деле, я скажу следующее: этот человек думает, что он велик, он одержим духом дерзости. Его слова и действия показывают, что он ищет великой славы, но не располагает ничем, чтобы добиться ее. Прощайте».

Трудно сказать, почему Св. Бернар боялся «сказать более того»; возможно, он опасался обвинения во вмешательстве в дела, подлежащие юрисдикции майнцского архиепископа, на территории

которого Ральф совершил свои проступки. Ральф был из породы негодяев, которые в 1946 году оказались на скамье подсудимых: ральфы 20 века – немцы «без разума и без скромности», немцы, которые «вознесли свою глупость, как свечи в канделябре», немцы, чья «адская мудрость противна благочестию и милосердию». Св. Бернар сказал бы много «более того», если бы жертвами резни были не евреи, а христиане. Даже бесчеловечные действия не заставили его прямо осудить то разжигание ненависти к еврейскому народу, которым в это время энергично занимался его друг, клюнийский аббат Благочестивый Петр, возбуждая в толпе низменные страсти.

Сдержанность протеста Св. Бернара против резни евреев в прирейнских землях следует сравнить с его негодованием по поводу убийства сен-викторского духовника магистра Томаса, совершенного по наущению парижского архидьякона Теобальда Нотьера за 12 лет до погромов на Рейне. Архидьякон приказал двум своим племянникам убить духовника, а затем, спасаясь от возмездия, бежал в Рим. Тогда Св. Бернар написал папе. Он не характеризовал Нотьера как человека «без разума и без скромности», вознесшего свою глупость, «как свечи в канделябре». «Это дикое животное, – написал он, – бежало к Вам в поисках защиты». Св. Бернар не цитировал строки из псалмов, а нашел в четвертой главе книги Бытия более подходящие к случаю слова: «Голос крови брата твоего вопиет... от земли». И в гневе на священника-убийцу, поднявшего руку на христианина, Св. Бернар поминает недобрым словом евреев, хотя, казалось бы, здесь они вовсе ни при чем: «Если Теобальд ответит, что это не он нанес удар, я, Бернар, возражу ему: 'Действительно, ударил не ты, но это сделал твой друг и ради тебя... Если простить тебя, то нельзя обвинять и евреев в смерти Христа, ибо они были достаточно осмотрительны, чтобы не запятнать свои собственные руки'».

О монахе, побудившем толпы немцев к убийству не только старого рабби Шимона, но сотен еврейских мужчин, женщин и детей, Св. Бернар сказал, что он лишен «разума и скромности», и тот был с позором возвращен в свой монастырь. Архидьякон же, бывший соучастником убийства христианина, не мог отделаться столь легко. Св. Бернар умолял папу вынести преступнику такой приговор, чтобы «будущие поколения услышали не только о том, сколь дерзко было преступление, но и о том, сколь ужасно было наказание» (117, Послание 158, 1133 год).

В 12 веке убийство христианина считалось более серьезным преступлением, чем убийство еврея. Это различие сохранялось не только на протяжении всего средневековья, но и много позднее. Как замечает Гиббон *20, средневековые хронисты относи-

лись к резне евреев «весьма хладнокровно». И даже в 18 веке многие ученые авторы зачастую видели в убийстве евреев лишь излишнее усердие в добродетели, ложно направленное религиозное рвение. В своей «Истории церкви» Флёрри пишет о «неразумном рвении монаха, по имени Ральф», а Мабийон в предисловии к изданию трудов Св. Бернара говорит, что «некий монах, по имени Ральф, проповедуя крестовый поход... побудил христиан начать с убийства некоторого числа евреев. Св. Бернар в письме осудил его рвение»²¹.

Средневековое представление о том, что жизнь евреев имеет меньшую ценность, чем жизнь христиан, бытовало и в нашем столетии, еще до появления Гитлера. Г.К.Честертон ^{*22} одобрил бесчинства крестоносцев в заказанной ему одной известной английской газетой книге, которую он написал во время своей поездки в Палестину в 1920 году. Он признавался, что взялся за нее без всякого предварительного знакомства с предметом. «Мне было сделано превосходное предложение написать книгу о Иерусалиме, – писал он Морису Берингу ^{*23}. – Я намереваюсь написать что-нибудь полуисторическое и впечатляющее об этом месте». В этом «полуисторическом и впечатляющем» произведении, названном «Новый Иерусалим», он оправдывает убийства евреев во время Первого крестового похода как «вид демократического насилия» и сожалеет, что убийц нельзя канонизировать.

«Канонизация такой толпы невозможна и встретила бы сопротивление современного общественного мнения, главным образом потому, что, отправляясь в Святую землю, они дали выход своему инстинкту демократического насилия, убивая разного рода процентчиков. Этот образ действия наполняет современное общество гневом, смешанным с тревогой. Мой извращенный инстинкт заставляет меня оплакивать скорее смерть множества погибших крестьян, чем нескольких убитых ростовщиков». Лишь немногие критики нашли изъяны в этом «полуисторическом и впечатляющем» произведении. Жорж Гойо принял его совершенно всерьез и рекомендовал французским читателям те страницы «Нового Иерусалима» Г. К. Честертон, которые посвящены крестоносцам и в которых «чувствуется привкус парадоксальности и пронизательная историческая интуиция» (76, 210). Хотя Честертон считал, что погибшие в бою крестоносцы заслуживают большего сочувствия, чем хладнокровно убитые безоружные люди, его любовь к парадоксам вряд ли завела бы его столь далеко, чтобы оплакивать смерть павших в бою немецких солдат более горько, чем смерть евреев, отправленных ими в газовые камеры.

Немецкие крестоносцы убили старого рабби Шимона потому, что он был евреем; обвинения в ростовщичестве, как указал Св.

Бернар, были просто оправданием грабежа и насилия. Евреи были не единственными жертвами этих бандитов. Английские крестоносцы, которые были ничем не лучше и не хуже других, перед тем, как отправиться в путь, также «закаляли» свои мечи в крови безоружных евреев; а когда в 1190 году они добрались до Лиссабона (Третий крестовый поход), жителям города «пришлось взяться за оружие, чтобы защитить своих жен и имущество» (105, 2, 250).

Неважно, был ли цистерцианский монах Ральф невежественен и было ли ему дозволено проповедовать, – его проповедь не могла бы возбудить фанатизма немецкой толпы, если бы души этих людей не были уже заражены ненавистью. Ральф не смог бы натравить толпу на евреев, если бы почва не была хорошо подготовлена негативным отношением к евреям церкви и антисемитским воспитанием в школах и монастырях.

Евреи привлекали внимание Св. Бернара потому, что он питал надежду обратить часть из них в христианство. Скорее по этой причине, нежели из гуманности, он вмешался, чтобы защитить их от слишком жестоких преследований. Известная степень «унижения врагов Христовых» была религиозной необходимостью. Еврей, живущий в роскоши или хотя бы в достатке, воспринимался обществом как оскорбительное явление. Евреи должны были влачить жалкое существование, чтобы вид их бедствий свидетельствовал о правоте христианства. «Мы читаем, – писал через 50 лет Петр из Блуа, – о Страстях Христовых не только на страницах их книг, но и на их лицах». То была доктрина, которой Св. Бернар обучал в Клерво. Он произносил проповеди, внедрявшие в души монахов убеждение, что евреи – не люди. Сохранилось несколько проповедей такого рода, и они почти столь же яростны, как проповеди Иоанна Златоуста: «О грубый, тупой коровий ум, не видящий Бога даже в делах рук Его! Возможно, евреи скажут, что я глубоко несправедлив, называя их ум коровьим. Но пусть они прочтут то, что говорит Исайя, тогда они увидят, что ум их еще меньше коровьего. Ибо Исайя говорит: „Вол знает владельца своего, и осел – ясли господина своего; а Израиль не знает Меня, народ Мой не понимает“ (Ис., 1:3). Вы видите, евреи, что я более сдержан, чем ваш собственный пророк: я сравнил вас с безмозглыми животными, а он поставил вас еще ниже...» (117, Проповедь 60).

Как и все его современники. Св. Бернар был убежден, что евреи отказывались принять христианство не вследствие каких-либо изъянов в христианской догматике или образе жизни, а потому, что Бог ослепил их. Дискуссия о личной ответственности «слепца» началась еще во времена Св. Августина *24 и позволила выявить целый ряд тонких диалектических различий. Нет сомне-

ния, однако, что нелепо говорить об ответственности целой общины, насчитывавшей несколько миллионов человек, и всех их бесчисленных потомков за действие, в котором были виновны – вследствие своей слепоты или по какой-то другой причине – в лучшем случае несколько сотен человек. Обвинять весь еврейский народ, как обвинял его Св. Бернар, в «животной глупости» и «слепоте столь же великой, сколь и плачевной», означало сводить христианскую диалектику на примитивный уровень.

«Животная» природа евреев была излюбленной темой благочестивых писателей средневековья. Петр из Блуа, автор трактата «Против вероломных евреев», использовал прилагательное «животный» в его наиболее оскорбительном смысле и, уснащая сочинение цитатами из ранних отцов церкви, писал о евреях как тупых животных, не способных рассуждать разумно. Он порицал христиан, вступающих в споры с евреями, этим «жестоковым и подлинно животным» народом. Петр много лет прожил в Англии, где занимал должность архидьякона в Бате. Затем его обвинили в совершении «позорного преступления» и перевели в Лондон, где он получал столь мизерное жалование, что его не хватало на жизнь. Петр писал к папе с просьбой об увеличении жалования, и, возможно, именно финансовые трудности заострили его перо против евреев. Может быть, одно из этих «вероломных животных» отказалось ссудить его деньгами.

В другой проповеди Св. Бернар объяснял монахам, а заодно и всему миру, внимавшему его словам еще многие столетия, что евреи – ничтожный и бесплодный народ, который заслуживает такого же проклятия, каким Христос проклял бесплодную смоковницу: «О, злое семя! Как производишь ты столь грубые и жесткие плоды? И впрямь, что не грубо и не жестко в этом народе – посмотрим ли мы на их занятия или же на их склонности, на их разум или даже на обряды, которыми они почитают Бога. Ибо занятие их – войны, и все желания их – богатство; единственная пища для их самодовольного ума – буква закона, а их богопочитание – бесконечное количество зверским способом забитого скота» (117, Проповедь 60).

Среди монахов, внимавших этой и подобным проповедям, был реалист Ральф, впитавший всю эту риторику и сделавший из нее практический вывод, что убивать этих людей – богоугодное дело. Ибо Св. Бернар сказал, что они – убийцы: «Народ, чьим отцом был не Бог, а дьявол; человекоубийцы, как и он, от начала бывший человекоубийцей» (117, Проповедь 29). Согласно Евангелию от Иоанна (8:44), так говорил Иисус евреям, собравшимся в Иерусалимском храме. Следуя обычному приему христианских комментаторов, Св. Бернар распространил эти слова на весь еврейский

народ не только того времени, но и всех грядущих времен. В 1941 году Юлиус Штрайхер *25 воспользовался тем же диалектическим приемом, призывая «уничтожить тот народ, чьим отцом является дьявол».

Пока в Клерво Св. Бернар объяснял монахам, что евреи хуже животных, его друг Благочестивый Петр с еще большим жаром проповедовал ту же идею монахам в Клюни. Клюнийский аббат пользовался репутацией одного из добрейших людей в мире, человека редкой кротости, истинного христианского милосердия. «Миролюбец, – писал аббат Вакандар, – один из наиболее миролюбивых людей своего времени. Человек безграничного милосердия» (183, 1, 100). Хотя доброта мешала ему одобрять убийство, его протест против учиненной крестоносцами резни евреев не был слишком горячим. Его «безграничное милосердие» не распространялось за ту границу, за которой находился еврейский народ. «Я не требую от вас убийства этих проклятых созданий... Бог не желает уничтожить их... Их следует подвергать ужасным мучениям и сохранять для еще большего позора, для жизни еще более горькой, чем смерть» (186, 89).

Евреи не могли рассчитывать на милосердие тех, кто внимал этим проповедям или читал трактаты аббата из Клюни: «К вам, к вам, евреи, обращаюсь я, к вам, которые до нынешнего дня не признали Сына Божьего. Сколь долго еще вы, злосчастные негодяи, будете отрицать истину? И впрямь, я сомневаюсь, подлинно ли евреи – люди». На самом же деле аббат не сомневался на этот счет, ибо он продолжал: «Я выволакиваю чудовищного зверя из его логова и вывожу его на осмеяние на арену мирового амфитеатра, дабы все могли видеть его. Я вывожу тебя, еврей, тебя, грубое животное, на всеобщее лицезрение» (117, «Трактат против евреев»).

Было бы странно утверждать, что проповеди Благочестивого Петра или Св. Бернара могли оказывать сдерживающее влияние на обращенный не по адресу пыл крестоносцев. Представление, что евреи – грубые животные, имело практические следствия. «Когда в 1212 году городской совет Парижа под страхом отлучения от церкви запретил христианским повивальным бабкам принимать роды у евреев, этот акт показал, что евреи официально были признаны менее достойными человеческого сочувствия, чем животные» (103, 1,81).

В широко известной истории Франции, опубликованной в 1901 году Лависсом, есть любопытное упоминание об убеждении Св. Бернара, что евреи – хуже животных: «В душе этого человека (Св. Бернара) гнездились любопытные парадоксы. Мягкость, набожность, доброта, распространяющаяся и на животных, и на евреев

(что характерно для эпохи средневековья), сочетались со страстностью...» Эта фраза, повидимому, означает, что средневековые святые были способны любить не только людей, но и животных, и евреев, все же предпочитая при этом евреям животных. Для Леона Блуа мысль, что кто-нибудь может любить евреев больше, чем животных, и даже вообще любить их, казалась абсурдной. «Строго говоря, я хорошо знаю, – писал он в книге, которую считал своим лучшим произведением, – что выражение „наши братья“ применимо к евреям лишь в таком же смысле, как оно применимо к растениям или животным... Но любить евреев как таковых – против этого восстает сама природа. Такая любовь – чудесный избыток высшей святости или совершенно нереальной религиозности» (28, 42).

В 12 веке не только евреев стоило упрекать в том, что «их глаза были покрыты пеленой». Безразличие Св. Бернара к жизни и литературе вне его собственных церковных интересов было таким же, как у большинства других церковников его времени. Тем не менее трудно поверить, что он ничего не знал о высоком уровне культуры, достигнутом евреями в Испании, где им все еще позволялось жить более или менее так же, как и другим людям. Св. Бернар определенно должен был слышать о Габироле *26, чья слава была повсеместной, хотя, возможно, ему и не было известно, что Габироль был евреем.

Монахи Клерво и Ключни были бы удивлены, узнав, что главное стремление этого еврейского поэта и философа (известного в христианских странах как Авицеброн) – не прибыль, а мудрость:

Как откажусь я от мудрости?

Я заключил с ней завет.

Она – моя мать, а я ее возлюбленный сын;

Она обвила мою шею своими драгоценностями.

Сброшу ли я эти славные украшения?

Пока моя жизнь принадлежит мне,

дух мой будет стремиться В ее небесные высоты.

Я не успокоюсь, доколе не найду ее истоков *27.

Св. Бернар, возможно, никогда не слышал имени своего современника Иехуды ха-Леви *28. В 12 веке во Франции лишь немногие ученые знали еврейский язык, а монахам Клерво было запрещено изучать этот язык у евреев. Поэтому вряд ли кто-нибудь мог обучить их, кроме Абеяра, который немного знал иврит, и Элоизы *29, которая, как говорили, читала на иврите так же свободно, как на латыни. Более того, цистерцианским монахам запрещалось читать или писать стихи. Правда, Св. Бернар сделал исключение для себя и сложил несколько гимнов, не имеющих,

впрочем, литературной ценности.

Иехуда ха-Леви родился в Толедо в 1086 году, в то время, когда евреи могли жить там спокойно. На протяжении многих лет он занимался врачеванием в своем родном городе, а достигнув 50 лет, отправился морским путем в страну Израиля. Все, что следует знать о его жизни, любви к Богу, непоколебимой вере в божественную справедливость, выражено в его стихах с таким величием и простотой, которые до тех пор можно было найти только в библейских псалмах. Его «Песнь к Сиону» стала частью еврейской литургии и на протяжении столетий читалась в синагогах:

Сион, неужто ты не спросишь
О судьбах узников твоих,
Которых вечно в сердце носишь
Среди просторов мировых?
Во всех концах чужого света
Ночами чудишься мне ты,
Прими из дальних мест приветы
И мир от пленников мечты,
Чьи слезы горькие вырастают
В твои зеленые холмы
Росой Хермона и блистают,
Тоскою сладкою полны *30.

Иехуда ха-Леви не просто летописец бедствий, меланхолически оплакивающий несчастную судьбу народа Израиля. Он – пророк, сказавший своему народу слова, которые тот помнил в мрачнейшие периоды страданий, помнил в лагерях послевоенной Европы, где содержались люди, пережившие нацистский режим, бездомные, лишенные отечества, накануне дня долгожданного возвращения в Эрец-Исраэль:

О Сион, вершина красоты! На тебе почивают любовь и нега С древних времен, и души твоих спутников доньше неотрывны от тебя. Они рады твоему благополучию, они скорбят о твоём запустении, Они оплакивают твои руины. Это они в темнице плена тоскуют по тебе, обращаясь в молитве, Где бы они ни находились, к твоим вратам. Твои многочисленные стада, изгнанные и рассеянные По холмам, не забыли твоей овчарни.

Евреев, перенесших пытку долгих лет нацистской диктатуры, поддерживала надежда, вера и любовь к Сиону, которую они разделяли с Иехудой ха-Леви, а не, как утверждают некоторые из их врагов, надежда на то, что их освободят и позволят отправиться в Америку «делать деньги»:

Они спрашивают о пути к Сиону, они молятся, обратив к нему лицо, Дети, изгнанные из его пределов, но не снявшие с себя

своего украшения, Того прекрасного украшения, за которое их восхваляют, за которое их убивают, Сокровища, полученного на Хореве *31, которым они сильны и горды.

Несущие иго рабства, они не перестанут взывать к Тебе, Доколе Ты не положишь конец нашему рабству и не дашь утешение опустошенной земле.

20 января 1947 года еврейский иммиграционный чиновник, посетивший лагеря для перемещенных лиц в Европе, заявил в Гиват-Бреннере *32 в Израиле, что большинство уцелевших – религиозные евреи и сионисты. Один из них сказал: «Я три года жил, питаясь помоями, и единственное, что поддерживало во мне жизнь, – моя сионистская надежда».

Мужчины и женщины с выжженным на руке лагерным клеймом, освобожденные союзными армиями, однако еще три года содержавшиеся за колючей проволокой, не нуждались, вопреки утверждениям одного английского еженедельника, в «сионистской пропаганде», чтобы обрести «эмоциональную причину» для решения ехать в Палестину *33.

Они были воодушевлены «пропагандой», продолжавшейся среди евреев диаспоры многие столетия. Ха-Леви оставил свою прибыльную медицинскую практику в Толедо «по эмоциональным причинам». Согласно легенде, вскоре по прибытии в страну Израйля он был убит арабским всадником; обратив предсмертный взор на развалины Иерусалима, он повторил последние строки своей «Песни к Сиону»:

Как счастлив тот, кто ждет и верит
В твой наступающий рассвет,
Как счастлив тот, кто в этот берег
Навек впечатает свой след.
И кто, ведомый древним кличем,
Узрит, добытые в бою,
Твое забытое величье
И юность древнюю твою *34.

Склонности этого «вероломного» еврея не были склонностями к наживе, и его стихи содержат множество идей, которые Св. Бернар не мог бы назвать грубыми или низкими:

Господь, вот пред Тобою все мое желание, Которое, увы, я не могу изречь. Молю Тебя я об одном мгновении благосклонности, а затем я готов умереть. О если бы была удовлетворена моя мольба! О если бы мог я вручить Тебе остаток моего духа! Тогда я смог бы уснуть, и мой сон был бы сладок. От Тебя вдали я живу, постоянно умирая, Когда же я с Тобой, я жив, хотя и должен умереть.

Этот «чудовищный зверь», этот еврей, «грубое животное», извлеченное из логова и выставленное на осмеяние на арене мирового амфитеатра, было способно в своих стихах несколько возвыситься над животным и, вопреки утверждению Св. Бернара, буква закона не была единственной пищей для «его надменного ума»:

Я жажду найти источник истины жизни, Ибо я томлюсь пустотой и тщетностью бытия. Моя единственная цель – узреть лик моего Царя, Лишь Он и никто другой вселяет в меня трепет. О если бы я узрел Его во сне! Я спал бы вечно и никогда не просыпался. О если бы я мог носить Его образ в моем сердце! Я никогда не оторвал бы от Него моего взгляда.

Еврейские поэты средневековья находились вне поля зрения европейской культуры частично из-за языкового барьера, но главным образом из-за той традиции, которая отказывается признавать или предавать огласке любой успех евреев, за исключением успехов в коммерции или ростовщичестве. «За пределами христианства, – писал французский литературный критик Барби д'Оревиль, – нет культуры, нет живой и глубокой поэзии». Один из авторов французской «Католической энциклопедии» в статье «Иудаизм» утверждал, что иудаизм «остался сухой смоковницей, которую Иисус проклял в своей земной жизни». «Проклинающая смоковницу, – писал другой французский автор тридцатью годами позже, – Иисус осуждал закоснелую бесплодность Израиля» (39, 127). Почти все современные христианские комментаторы, как католические, так и протестантские, единодушно следуют отцам церкви, видя в сухой смоковнице аллегорический образ Израиля. Однако Лагранж, считая такую интерпретацию допустимой, указывает, что она не имеет никакого текстуального обоснования. Многие комментаторы все еще продолжают вкладывать в слова Христа смысл, который является следствием их собственного презрения к еврейскому народу. «Проклятие смоковницы, – писал преподобный д-р Ричард Дауни, – явно служит символом судьбы иудаизма... с его нелепыми утверждениями и бесплодием».

Было бы интересно узнать, что именно все эти авторы понимают под «закоснелой бесплодностью Израиля». Разве народ Израиля не был духовно наиболее активным народом мира до наступления христианской эры? А после ее наступления евреев постоянно держали в униженном состоянии при помощи специально разработанного церковного законодательства; повсюду евреи страдали от вспышек террора; одна страна за другой изгоняли их, оставляя без крова и средств к существованию. Наконец, их почти полностью уничтожили жители страны, которую в 1948 году один английский генерал характеризовал как «христианскую и цивилизованную». После всего этого упрекать такой народ в «закосне-

лой бесплодности», пренебрегая его высокими достижениями в области религии, философии и науки, и повторять этот упрек в 1948 году – значит прибавлять еще одно оскорбление к и без того безмерной несправедливости.

Наивное презрение к бесплодному народу в духе Св. Бернара звучит в словах преподобного У. Б. Морриса, который явно не сознавал, что в его словах кроется зародыш антисемитизма: «В то время как духовно евреи – наиболее бесплодный и отсталый из народов, в борьбе за материальные сокровища мира они являют собой устрашающее знамение; в этой борьбе успех евреев столь огромен, что в глазах большинства людей он представляется сверхъестественным» (127, 57). Выдающийся английский доминиканец Бед Джаррет также разделял мнение, распространенное среди английских католиков благодаря Хилари Беллоку *35, о том, что евреи больше всего любят деньги и более, чем христиане, стремятся к наживе. «Я должен признаться, – писал этот доминиканский монах в иезуитском журнале „Мане“ в сентябре 1921 года, – что я был потрясен, обнаружив, что иудаизм все еще можно считать религией. Об иудаизме можно думать в финансовых, или политических, или художественных категориях, или, возможно, как о мудром санитарном кодексе, но вряд ли как о религии». Через 20 лет после этого высказывания «мудрый санитарный кодекс» давал утешение обреченным, которых везли в битком набитых товарных вагонах по христианской земле к газовым камерам Освенцима. Они пели песни Израиля, читали по-еврейски молитвы, обращенные к Богу – те же молитвы, которые католический священник Бед Джаррет обязан был ежедневно читать по своему требнику. Один из немногих выживших писал:

«Я не могу не вспоминать тех часов без душевной боли. Я помню бедную женщину, еврейку, напуганную депортацией, утешавшую своего перепуганного ребенка, семилетнего сына Эммануэля, словами, которые я без колебания назвал бы возвышенными: „Ты не должен плакать, Эммануэль. Бог с нами. Он был с нами, когда мы пришли сюда, и Он будет с нами, если нам придется уйти. Он будет в поезде, который увезет нас отсюда. Он будет с нами всегда и повсюду“. Еврейка, простая еврейка, как был „простым евреем“ Иисус; но не успел еще остыть пепел миллионов еврейских мучеников, а благочестивая традиция оскорблений и бесчестных обвинений уже возродилась»(87, 381).

Несмотря на злодеяния Торквемады *36, несмотря на огонь и пытки и менее жестокие способы грабежа и преследований путем экономических санкций и изгнаний, несмотря на толпы отчаявшихся людей, крещенных под страхом смерти, иудаизм выжил как религия. И возможно, нет ничего удивительного в том, что

ученый доминиканец, знакомый с историей собственного ордена, был поражен, обнаружив, что иудаизм не уничтожен полностью.

«Мир присвоил нашего Бога, – сказал Ахад-ха-Ам *37, – а затем упрекает нас в том, что мы потеряли Его». Существование средневековой еврейской литературы было неизвестно в первой четверти нашего столетия не только доминиканским монахам, но и людям иной, более современной культуры. «Невозможно отрицать, – писал Джордж Мур, – что в средневековой Европе, в период с 6 по 12 век, не было ни искусства, ни литературы» (122, 2, 421). Не будет ли правильнее сказать, что древняя традиция презрения была все еще столь сильна, что образованные христиане даже после того, как они утратили религиозную веру, были неспособны заметить евреев, если только те не были ростовщиками? Эта традиция строилась не только на преувеличениях пороков, но и на постоянном игнорировании достоинств и достижений еврейского народа. С 12 и до конца 19 века о еврейской литературе редко упоминали в христианских школах. В 16 веке Эразм Роттердамский *38 не смог нарушить эту традицию. Он соглашался с Бернаром, сравнившим евреев с бесплодной смоковницей. Он «начал присматриваться к ивриту», но, «испугавшись чуждости заключенной в нем мысли», отступил. Очевидно, он полагал, что изучение еврейского языка – пустая трата времени, ибо с эпохи Ветхого завета евреи не создали ничего, достойного чтения. В 1518 году он писал другу:

«Я бы хотел, чтобы Вы больше занимались греческим, чем Вашими еврейскими штудиями, хотя и не считаю их вредными. Но я считаю этих людей, с их в высшей степени холодными историями, лишь напускающими туману; Талмуд, каббала, Тетраграмматон *39 – пустые имена. Я скорее предпочел бы видеть Христа зараженным идеями Дунса Скота *40, чем всем этим вздором» (Письмо от 15 марта 1518 года).

Незнание достижений евреев в сфере литературы можно обнаружить и в среде образованных людей нашего времени. Жером и Жан Таро *41, получившие образование в парижском лицее Луи ле-Гран в конце 19 века, были удивлены, что евреи, которые испытали столько бедствий, не создали великой поэзии. «Израиль терпел бедствия, но не создал поэму о своей несчастной судьбе» (176, 55).

В шумихе 12 века музыку Давидовой арфы *42 расслышал всего лишь один человек – Пьер Абеляр, который, хотя и не был канонизирован, снискал вместе с великой Элоизой признание и любовь потомков. Было время, когда его либеральные идеи грозили стать популярными. Его поражение объясняется главным обра-

зом энергичным сопротивлением Св. Бернара, который, когда Абельяр апеллировал к Риму, добился от папы осуждения его сочинений прежде, чем дело было передано на рассмотрение папского трибунала. Бросающаяся в глаза незаконность папского вердикта не укрылась от взгляда Вакандара, который деликатно заметил: «Поспешная акция Иннокентия II поставила под угрозу ту репутацию глубокой мудрости, которая сопровождает все решения Святейшего престола» (183, 2, 165).

Абельяр был единственной значительной личностью средневековья, дерзнувшей открыто выступить против средневековой антиеврейской традиции. Он подрывал самые ее основы, заявляя, что еврейский народ не несет ответственности за смерть Христа. Он напугал многих своих современников и особенно монахов Ключни и Клерво, написав, что если судьи, вынесшие приговор Иисусу, верили в его виновность, с их стороны было бы тяжким грехом вынести ему оправдательный вердикт.

Теологам всегда было легко находить ошибки в учении Абельяра. Да и сам он признал, что иногда слишком беспечно высказывал свое мнение, и всегда заявлял о своей готовности принять (и фактически принял) вердикт церкви относительно своих взглядов. Однако Св. Бернар никогда не упоминал имени Абельяра, не прибавив какого-нибудь нелестного эпитета. Современные агиографы редко приводят цитату о различии между этими двумя людьми, кратко и откровенно сформулированную бенедектинскими авторами «Литературной истории Франции»:

«Нежное сердце и ищущий ум ввели Абельяра в заблуждение; его оппонент был хорошо защищен от этих соблазнов: от первого его спасал аскетический образ жизни, от второго – строгая приверженность общепринятым концепциям, непреодолимый страх ко всякому новому мнению и даже к исследованиям, чреватых новшествами» (84, 13, 139).

Судьбу евреев в Европе с 12 по 16 век решали не «нежные сердца и ищущие умы», а жесткая политика Св. Иоанна Златоуста и Св. Бернара. В начале 13 века на Четвертом латеранском соборе эта политика получила официальное одобрение церкви.

Всемирные скитальцы

*Полною ненавистью ненавижу их:
Враги они мне.*

Псалмы, 138:22

Средневековые папы часто, хотя и не всегда успешно, выступали в защиту евреев от насилия, однако весьма редко осуждали

злую волю, неизбежным следствием которой было это насилие. Единственное папское послание, напоминающее об основной христианской заповеди: любить ближнего, как самого себя, – было бы более полезно, чем перечни тех видов насилия, которые запрещены или которые можно применять по отношению к евреям лишь в ограниченной форме.

Вскоре после восшествия в 1198 году на папский престол Иннокентия III к нему обратились с просьбой о помощи французские евреи. Часть крестоносцев решила отметить свое близящееся, несмотря на неоднократные отсрочки, отправление в Святую землю истреблением «неверных» у себя дома. Папа ответил евреям эдиктом, известным под названием *Constitutio pro Judaeis*, «самой достопамятной хартией еврейских свобод» (40, 7, 634). Первый из эдиктов на эту тему был издан еще в 1120 году папой Каликстом II. Обнародовав свой эдикт, как пишет современный историк папства, «Иннокентий принял под свое особое покровительство преследуемых евреев» (112, 12, 286). Таково общее мнение авторов 19 века, среди которых были и те, кто критически относился к католической церкви. «Следует отдать должное памяти Иннокентия, – писал один из них, – признав, что он был терпим к евреям и даже требовал к ним своего рода уважения, как к живому свидетельству христианства».

Однако утверждать, что Иннокентий III или любой другой средневековый папа был «терпим к евреям», было бы неверно, если понимать слово «терпимость» в его современном смысле. Папы никогда не рассматривали иудаизм как зло, подобное ереси, которую иногда приходилось терпеть, если ее искоренение было связано с еще большим злом. Еретиков терпели только тогда, когда их было невозможно уничтожить. С евреями дело обстояло иначе. Сознывая, что в основе христианства многое заимствовано из иудаизма, церковь признавала право евреев на жизнь и на сохранение своей религии. Еврей и христианин были из одной и той же семьи – оба были потомками Авраама *2. Поэтому *Constitutio pro Judaeis* был не манифестом терпимости, а подтверждением прав евреев, наиболее важным из которых было право на жизнь. Однако оно было ограничено оговоркой, которую часто делали еще отцы церкви: жизнь евреев должна быть жизнью бедствий и унижений. Дети рабыни должны жить в подчинении у рожденных свободной женщиной. Понятие «покровительство» применимо к любому действию Иннокентия III в пользу евреев лишь в ограниченном смысле, а утверждение насчет «особого покровительства» совершенно безосновательно.

Иннокентий исполнял долг покровительства по отношению к евреям без особого энтузиазма. Безоговорочное осуждение убийц

и выражение сочувствия жертвам были бы в это время уместнее, чем повторение осторожных формулировок папы Каликста II, постановления которого начинаются с удивительной для нас рекомендации, что евреев можно преследовать, но не слишком сильно. «Хотя еврейское вероломство достойно безоговорочного осуждения, тем не менее благочестивым христианам не следует жестоко угнетать их, ибо через них доказывается истинность нашей собственной веры». История последующих столетий показывает, как эту фразу понимали ревнители веры, считавшие, что применительно к врагам Христа никакие преследования не могут быть слишком жестоки, и разбойники, стремившиеся заполучить еврейское имущество. В *Constitutio pro Iudaeis* папский запрет на убийство евреев выглядит так, как будто он основывается не столько на их человеческих правах, сколько на интересах церкви:

«Так говорит пророк: „Не убивай их, дабы никогда не забыли Твоего закона“; а иными словами можно сказать: 'Не уничтожай евреев совсем, дабы христиане никогда не могли забыть Твой закон, который, хотя сами евреи и не понимают его, начертан в их книгах для тех, кто способен понять его...'»

Запрет полного уничтожения народа мог быть понят как ограничение его права на жизнь. Конечно, ни один папа или католический теолог не отрицал за евреями этого права, как не отрицали и христианские правители вплоть до появления Адольфа Гитлера. Иннокентий предписал благочестивым христианам правила поведения, которые включали следующие запреты:

1. Христианам нельзя использовать принуждение, чтобы заставить евреев креститься.
2. Христианам нельзя ранить и убивать евреев или грабить их.
3. Когда евреи празднуют свои праздники, нельзя нападать на них с палками или камнями.
4. Нельзя осквернять кладбища евреев или выкапывать похороненные там тела с целью вымогания денег у родственников умерших.

К этой полной оговорке хартии вольностей было добавлено, что она применима лишь к «тем евреям, которые не злоумышляют против христианской веры». Эта поправка была весьма полезной для крестоносцев и всех тех, кто считал, что «евреи» постоянно строят козни против христианской веры. Мерзкая практика выкапывания трупов и возвращения их за выкуп могла продолжаться без помех (как это и было на самом деле), так как бандиты, грабившие, убивавшие евреев или выкапывавшие трупы, могли заявлять, что их жертвы были злоумышленниками или богохульниками. Тем не менее, если бы эти четыре гарантированные свободы соблюдались, евреи могли бы жить в условиях не меньшей

безопасности, чем их христианские соседи. Однако время было таким, что не позволяло соблюдать эти гарантии, – в полном соответствии с провозглашенным папой принципом, что евреи, осужденные Богом на вечное рабство, должны вести жизнь более жалкую, чем христиане. Если бы запрет насильственного крещения соблюдался, евреи освободились бы от угрозы, которая для многих из них была страшнее смерти. В принципе, еще до того, как Св. Фома Аквинский *3 сформулировал положение, что «вера не может быть принудительной, так как является актом воли», теологи придерживались подобного взгляда. Однако на практике эта очевидная истина не принималась во внимание. Так, в 6 веке король Хильперик *4 заключил в тюрьму упрямого еврея, по имени Приск, чтобы, как заметил Григорий Турский *5, «заставить его верить вопреки самому себе». Многие века теоретический принцип, согласно которому применение силы воспрещается, не слишком защищал сопротивляющиеся жертвы от рьяных христиан.

Теологи спорили о том, законно ли крестить еврейских детей без согласия их родителей. Дунс Скот полагал, что законно, если существует согласие какой-либо общественной власти, выступающей *in loco parentis* (вместо родителя). Окончательное решение было таково: хотя подобное крещение незаконно, оно, тем не менее, всегда действительно; поэтому крещенные еврейские дети рассматривались как христиане и были обязаны подчиняться церкви. И часто случалось, что похищенному или иным способом крещенному еврейскому ребенку не давали вернуться к матери.

Утверждение, что душа еврея не может быть спасена от вечных мук иначе, нежели путем крещения, принадлежало Св. Фульгенцию, жившему в 6 веке. «Твердо верь и не сомневайся, – писал этот выдающийся отец церкви, – что не только все язычники, но также и все евреи... оставившие эту жизнь вне лона католической церкви, оставляют ее, чтобы отправиться в вечное пламя, уготовленное дьяволу и его воинству» (81, «О вере»).

Крещение, силой навязанное взрослым людям, никогда не считалось действительным. Церковь не одобряла ни грубой процедуры, принятой Хильпериком, который сам затаскивал евреев в купель и держал их головы под водой, пока священник совершал обряд, ни еще более суровой меры Карла Великого, который, победив в 785 году саксов, распорядился, чтобы все пленники, отказавшиеся креститься, были умерщвлены (38, 591). Однако всякое экономическое давление считалось допустимым. Хотя папа Григорий Великий *6 порицал епископов Арля и Марсея за насильственное крещение евреев, он дал особые привилегии своим арендаторам в папских имениях в Сицилии при условии при-

нятия ими таинства причастия. «Если они от этого не станут подлинными христианами, – писал он в послании к управителю сицилийских поместий Петру, – то их дети будут законно крещены и приведены в христианскую веру». В первом десятилетии 11 века епископ Лиможа предложил евреям своего города выбирать между крещением и изгнанием. Двое или трое согласились креститься, а остальные вместе с женами и детьми «бросились искать убежища в других городах; некоторые же предпочли перерезать себе горло, нежели креститься» (3).

Иннокентий III явно избегал осуждать использование некоторых форм принуждения. Он разъяснял, что есть различные степени и виды насилия и некоторые из них допустимы. «Те, кто крещены, хотя бы и против их желания, подлежат юрисдикции церкви уже потому, что приняли это таинство, и потому по праву могут быть принуждены к соблюдению христианской веры». Это правило распространялось на те случаи, когда еврей вследствие экономического принуждения выражал желание креститься, а затем раскаивался в своем решении. Тем не менее, в октябре 1201 года папа ясно заявил, что силу использовать нельзя. «Нет сомнения, что насильно принуждать к принятию христианства тех, кто не желает этого, противно нашей вере». Однако папа признавал, что существует разница между «различными видами нежелающих и различными видами принужденных», а его определение «принуждения» было довольно ограниченным. Очевидно, попытка не считалась насилием, ибо папа полагал, что «всякого, кто обращен в христианство насильственно, под страхом или пыткой, можно заставлять соблюдать веру, рассматривая его как выразившего условное желание, хотя в абсолютном смысле он не желал этого».

В средние века слово «страх» часто означало «страх пытки», и современному человеку трудно провести грань между таким «страхом» и «абсолютным принуждением». Однако папа Николай III в 1278 году постановил, что те, «кто из страха, а не по абсолютному принуждению приняли крещение, а затем вернулись к своей еврейской слепоте, должны быть переданы светским властям». Долг светских властей состоял в том, чтобы сжигать евреев живо. Это же правило относилось и к тем, кто из страха позволил крестить своих детей. Десять лет спустя папа Николай IV постановил, что с евреями, которые приняли крещение, чтобы избежать преследований, а затем отступились от веры, следует поступать, как с еретиками. В средние века папские декреты никогда реально не защищали евреев от насильственного крещения.

Еще в конце 17 века некоторые теологи придерживались взгляда, что угроза изгнания и конфискации имущества не является

формой принуждения. Такие меры были не более, чем «святой строгостью», и рассматривались как «убеждение, а не насилие и принуждение» (14, 637). Когда человек должен был принять крещение, потому что иначе у него отбирали детей и имущество, а его самого изгоняли, он, по мнению этих теологов, вовсе не подвергался принуждению. Это рвение превращать евреев в христиан – поодиночке или целыми группами, правдами и неправдами, насилием или угрозами – приняло особые масштабы в Испании в 15 веке. Св. Винсент Феррер *7 и другие проповедники отправляли тысячи перепуганных до смерти людей к купелям, где священники «превращали» их в христиан. Теологи могли постановить, что такое крещение имеет законную силу, однако невозможно отрицать, что эта политика или даже угроза применения силы противоречат не только здравому смыслу, но и решениям Никейского собора. В 787 году собравшиеся на этот собор епископы и теологи постановили (канон VIII), в частности, что евреев не только нельзя принуждать войти в лоно церкви, но даже если они и выразят такое желание, перед крещением следует тщательно выяснить причины этого решения. «Если же кто-нибудь из них обратится в христианство искренне и в полном убеждении и заявит об этом от всего сердца... такого еврея следует принять в лоно церкви и позволить ему пройти обряд крещения».

Хотя в средние века папы утверждали, что людей не следует крестить против их воли, они не могли пресечь практику насильственного крещения. Простодушная вера крестоносцев не знала тонких различий между степенями принуждения и нежелания. Если у еврея были деньги, ему предлагали креститься, а когда он отказывался, ему отрубали голову. Таким образом, одним махом крестоносцы получали не только полезное прибавление к житейским благам мира сего, но и гарантировали себе спасение души в грядущем мире. Если же случалось, что под угрозой пытки или смерти жертва соглашалась принять крещение, за новообращенным внимательно наблюдали и при первых же признаках недостаточного энтузиазма в исповедании новой веры обвиняли в отступничестве, что означало потерю имущества, а возможно, и самой жизни.

В 12 веке многие евреи Франции достигли значительного материального благополучия, однако их общественному положению, имуществу и жизни постоянно угрожали зависть или фанатизм части их христианских соседей. Обращение в христианство и конфискация имущества часто шли рука об руку. Весной 1182 года французского короля Филиппа Августа *8, которому тогда было 17 лет, убедили изгнать из страны проклятый народ. «Он ненавидел евреев, – сообщает хронист того времени, – и ему неод-

нократно доводилось слышать, что они хулят имя Иисуса Христа». Эти обвинения использовались для оправдания грабежа:

«Встав в позу ревнителя благочестия, этот король изгнал евреев из своего королевства; он конфисковал их недвижимость, позволив им продать движимое имущество и забрать с собой вырученные деньги; это поставило евреев в крайне затруднительное положение, так как люди, воспользовавшись ситуацией, отказывались покупать или платить. Историки сообщают, что изгнанников грабили и довели их до столь отчаянного положения, что для многих оно было совершенно непереносимо. Многие погибли, подобно Иакову Орлеанскому, которому отрубили голову в городе, где он родился и от названия которого получил свое имя» (14, 637). Это изгнание массы трудолюбивых граждан вызвало экономический упадок в стране. Поэтому в 1198 году король Филипп Август решил предложить евреям вернуться, что было встречено папой Иннокентием III без одобрения. Зажиточный еврей был опасен, хотя и полезен принцам и прелатам, нуждавшимся в деньгах; а вид благочестивого еврея, счастливо живущего в лоне своей семьи, воспринимался как вызов христианскому миру. Рабам, осужденным Богом на вечные страдания, нельзя было позволять пользоваться жизненными благами, наслаждаться семейным счастьем. Папа никогда не выказывал признаков сочувствия к их страданиям. Он рассылал послания не с тем, чтобы спасти евреев от гонений, а с тем, чтобы упрекать властителей, обращавшихся с ними слишком мягко. Папа заботился о том, чтобы им никто излишне не покровительствовал. Если бы проповедники оставили евреев в покое, те прекрасно ужились бы со своими христианскими соседями. Лучшим доказательством того, что евреи вели себя, как добропорядочные граждане, и редко совершали тяжкие преступления против закона, служит тот факт, что обвинения против них в папских документах обычно носят достаточно общий характер. В 1205 году Иннокентий направил два важных послания: одно – французскому королю, а второе – санскому архиепископу и парижскому епископу. Речь в них шла о евреях. Событие, которое папа, величайший юрист средневековья, упоминает в этих посланиях, заслуживает большего внимания, чем то, которое ему обычно уделяют историки.

Письмо к французским иерархам начинается пространством повторением того, что уже было высказано предыдущими папами и самим Иннокентием III в *Constitutio pro Judaeis* об осуждении евреев на вечное рабство «за то, что они распяли Христа», и лишь «благодаря благочестивому христианскому милосердию им дозволено жить». Папа указывает, что евреи не выказывают ни малейшего признака благодарности за такое великодушие; напро-

тив, "хотя они милостиво допущены в наше общество, они воздают нам так, как принято воздавать у них за гостеприимство, как говорится, «подобно змее на чреслах, огню во чреве». Главное или, по крайней мере, занимающее в письме самое значительное место обвинение против евреев сегодня выглядит явно недостаточным для их публичного осуждения. Папа возражает против найма евреями христианских кормилиц. Ему стало известно, что на Пасху в еврейских домах кормилицам иногда велят «сцеживать молоко в отхожие места в течение трех дней, прежде чем снова приступить к кормлению младенцев». Вдобавок, «евреи совершают также и другие отвратительные и неслыханные преступления против христианской веры». Средневековый читатель, конечно же, предполагал, что евреи замыслили какие-то другие неслыханные до толе мерзости. Письмо заканчивается повелением, которое архиепископ должен был передать королю: принять меры, чтобы евреи не смели «распрямять шею, на которой лежит ярмо вечного рабства», и требованием запретить им нанимать христианских кормилиц «и вообще христианских слуг». Если же евреи не исполнят этого повеления, следует принудить их. «Мы наделяем вас полномочиями под угрозой отлучения от церкви запретить христианам вступать в какие бы то ни было деловые связи с евреями».

История о кормилицах, сцеживающих молоко в отхожие места, могла иметь фактическое основание. Трудно поверить, однако, что еврей, даже в средние века, когда предрассудки были характерны не только для христиан, мог открыто запретить кормилице кормить младенца после того, как она получила Святое причастие. Нет сомнения, что в ту эпоху люди сказали бы, что евреи тайно убеждены в правоте христианского представления о таинстве причастия, однако из преступного упрямства отказываются войти в лоно церкви. Есть, однако, другое, более правдоподобное объяснение.

Христианская Пасха приблизительно совпадает с еврейским праздником Песах *9, во время которого евреям предписывается есть только неквашенный хлеб *10. Если в этот период кормилица настаивала на том, чтобы есть обычный хлеб, ее хозяйка считали, что ее кровь и молоко осквернены, и возражали против того, чтобы она кормила ребенка в Песах. Такой запрет мог привести к домашним ссорам: хозяйка дома могла сказать кормилице, что если та отказывается есть неквашенный хлеб, ей следует на несколько дней прекратить кормить младенца. Кормилица же, покинув дом, могла рассказывать об этой истории в том виде, который казался ей правдоподобным, и таким образом возложить вину на хозяйку дома.

Более рациональная причина запрета евреям нанимать христианских кормилиц – опасение, что, находясь в услужении у евреев, христианская женщина может потерять веру или добродетель, или и то и другое вместе, – не выдвигалась на первый план. Цель папского письма состояла в дискредитации евреев, и упоминание об обращении в иудаизм или соблазнении еврейским хозяином христианской кормилицы тоже было бы действенным. Но история о христианских женщинах, вынужденных сцеживать молоко в отхожее место, лучше всего подходила для антиеврейской пропаганды, стремившейся представить евреев чудовищами, втайне творящими преступления столь ужасные, что о них нельзя даже упоминать вслух".

Послание к французскому королю сформулировано с большей строгостью и содержит дополнительные и более серьезные обвинения против евреев, которые якобы все время богохульствуют, лихоимствуют и убивают. Сейчас они начинают возвращаться во Францию, и король явно дает им слишком большую свободу. По этой причине папа взял на себя труд заново изложить дело перед королем. Он пишет Филиппу, что «властители, предпочитающие наследникам распятого Христа потомков распинавших Его, против которых и по сей день кровь Иисуса вопиет к Отцу Небесному; властители, предпочитающие людям, освобожденным Сыном Божиим, евреев, как будто сын рабыни может стать наследником вместе с сыном свободной, – такие властители наносят тяжелейшее оскорбление величию Божию». Однако эти соображения не имели отношения к экономической ситуации во Франции, где благодаря своим коммерческим способностям «потомки распинавших» оказались совершенно незаменимы. С другой стороны, они конкурировали с христианскими торговцами и, что еще хуже, лишали церковников монополии в сфере коммерции, управления недвижимостью и других экономических областях, где умение читать и писать было необходимо. И папа продолжает пространно излагать историю «еврейских дерзостей». Во-первых, он обвиняет евреев в лихоимстве, употребляя это слово в значении, которое впоследствии было определено в 1246 году на церковном соборе в Безье как «взыскивание одолженной суммы». В «лихоимстве» были виновны в равной степени и евреи, и христиане. Церковь все еще вела явно безнадежную войну против ростовщичества. Папа писал:

"Знайте же, что до Нас дошли известия, что во французском королевстве евреи стали столь дерзки, что при помощи своего порочного лихоимства, взыскивая не только проценты, но и проценты с процентов, овладевают церковной собственностью и христианским имуществом. Так среди христиан свершается то,

против чего предупреждал пророк применительно к евреям:

'Наследие наше – в руках чужих, дома наши – у тех, кто не жил в них'".

Но это была лишь одна сторона дела. Французский король, как и сам папа, не мог вести дел, не имея средств; однако никто, будь то еврей или христианин, не предоставил бы денег без выгоды для себя. Если евреи были вытеснены из всех сфер экономической деятельности, за исключением торговли деньгами, лишены гражданских прав и неоднократно названы в официальных документах изгоями, не было ничего удивительного в том, что некоторые из них искали возможности выжать соки из «высших существ», снизошедших до них, чтобы одолжить денег. Более того, Артур Дж. Бальфур *12 верно заметил:

«Если вы заставите множество людей стать ростовщиками, некоторые из них наверняка окажутся лихоимцами» (11, 262). В средние века жалобы на грех лихоимства обычно слышались лишь тогда, когда подходило время платить долг, а должник либо не мог, либо не хотел выполнять свои обязательства перед кредитором. Когда дела шли хорошо, когда на взятые у евреев или христиан под проценты деньги строились церкви и монастыри или дело оказывалось достаточно прибыльным, чтобы выплатить долги, на лихоимство не жаловались. У папы было не больше оснований жаловаться на лихоимство французских евреев, чем на лихоимство французских христиан, ответственность за души которых лежала на нем.

Гораздо серьезнее было обвинение в богохульстве. Это понятие можно было трактовать достаточно широко, а в средние века это преступление зачастую наказывалось смертью; нередко такое обвинение служило удобным предлогом для того, чтобы лишить евреев папского покровительства, а затем ограбить их. Представление Иннокентия о богохульстве было достаточно широким для того, чтобы причислять к нему большинство суждений евреев о христианской вере. Папа жаловался королю:

«Они хулят имя Бога и публично оскорбляют христиан, говоря, что те верят в простолюдина... но мы не допускаем, что Он был простолудином по происхождению или по поведению. В самом деле, они и сами не могут отрицать, что Он был жреческого рода и царской крови, а Его манеры были превосходны и подобающи». Очевидно, Иннокентию было нелегко защищать свою позицию. Обвинения в лихоимстве, богохульстве и найме христианских кормилиц вряд ли могли произвести должное впечатление на короля. Поэтому в заключение своего письма папа приводит еще одно обвинение, которое не могло не вызвать среди христиан, с почтением внимавшим каждому папскому слову, страха и нена-

висти к отверженному народу. Папа обвинил евреев в том, что те постоянно убивают христиан, когда у них есть возможность сделать это, не будучи уличенными. Папе рассказали (это могло быть правдой) о «неком бедном ученом, чей труп был найден в еврейском отхожем месте», и папа уверял французского короля и весь христианский мир, что это род преступлений, которые евреи совершают постоянно. «Евреи, – заявлял папа, – пользуются любой возможностью тайно убивать христиан, которые позволяют им жить в своей среде». Даже приняв во внимание эпоху и благочестивое рвение, трудно найти оправдание подобному утверждению. Еще труднее объяснить, почему Иннокентий написал французскому королю, что если тот запретит службу у евреев христианским кормилицам, ему будет даровано полное отпущение грехов. Папа заверял, что если король «положит конец дерзостям евреев в этих и подобных делах... мы присовокупим к этому отпущение грехов».

Поведение евреев зачастую давало папе основание для оправданного возмущения. В письме графу Неверскому от 17 января 1208 года он с характерным для стиля этой эпохи пафосом протестовал против действий евреев, причинявших церкви массу беспокойств. Гражданские власти и «некоторые правители», затрудняясь вести свои дела из-за недостатка средств и лишившись возможности взять ссуду после церковного запрета, стали назначать евреев своими управляющими. Когда эти управляющие описывали заложенные «поместья и замки», они отказывались платить церковную десятину с перешедшей в их руки собственности, позволяя таким образом «правителям» уклоняться от уплаты церковных сборов и налогов. Несмотря на такие провокационные действия, папа не рекомендовал казнить преступников, а намекал, что им следует возобновить свои скитания. «Евреев, против которых свидетельствует кровь Христа, не следует убивать, дабы христиане не забывали закона Божьего; им должно оставаться скитальцами до тех пор, пока на их лицах не проступит печать позора». Это был весьма суровый совет, если учесть, что вся вина этих людей состояла в том, что они помогали своим правителям обходить церковные правила уплаты десятины. «Арфы церкви умолкли», – заявлял папа, ибо церковники лишились причитающегося им дохода.

В первые годы своего правления Иннокентий III надеялся на обращение евреев в христианство, и вполне вероятно, что именно разочарование в этой надежде вызвало его ярость против тех, кого невозможно было ни убедить, ни принудить войти в лоно церкви. В сложном переплетении противоречивых политических, экономических и церковных интересов папа никогда не

переставал выказывать отеческой заботы о благополучии обращенных в христианство евреев. Результат был невелик. Вопреки наложенной на них обязанности присутствовать на проповедях, вопреки различным степеням принуждения, экономическому давлению и даже угрозам пытки и смерти, лишь очень немногие евреи согласились переменить свою старую религию. Те же, кто по внутреннему убеждению или по какой-либо другой причине принял христианство, оказались в весьма затруднительном положении: без друзей, без средств к существованию и зачастую даже без пищи и одежды. Их было так мало, что не возникло никакого сообщества, которое взяло бы их под опеку. Они оказывались бременем для местных епископов, зачастую относившихся к ним с антипатией. Недоверие пустило в христианских душах столь глубокие корни, что даже после того, как новообращенные проходили обряд крещения святой водой, многие христиане продолжали взирать на них с подозрением или презрением. Однако Иннокентий делал все от него зависящее, чтобы помочь им. В его письмах упоминаются три обращенных еврея: один в Англии и двое во Франции. Папа написал несколько писем епископу Отюна, жестоко укоряя его за отказ помочь обращенному еврею и его дочери, непрестанно взывавших к Риму с просьбой о денежной помощи.

В том же году (5 декабря 1199) папа написал в Лейчестерский монастырь, требуя помочь человеку, который «вместо того, чтобы купаться в благовониях роскоши, принял таинство крещения, следуя увещеваниям одного знатного человека», а теперь находится в отчаянном положении. В письме к архиепископу Санса Петру Корбельскому (от 10 июня 1213 года) Иннокентий рассказывает еще одну, к сожалению, незавершенную историю о новообращенном. Французский еврей, по имени Исаак, прибыл в Рим со своей семьей и здесь принял христианство. Причиной его решения послужили не убедительные аргументы римских церковников или великолепие папского двора, а чудо, о котором рассказывает папа со слов новообращенного. «Мы прилагаем к этому документу то, что Мы услышали от него, ибо отрадно рассказывать о чудесах Господних»:

«Некая христианская женщина, проживая в доме отца этого человека, была соведена евреями и отступила от католической веры, так что, подпав под влияние еврейского заблуждения, постоянно утверждала, что Иисус не может ни помочь, ни повредить ей и что хлеб со стола ничем не отличается от гостий *13 с алтаря. Боясь наказания, грозящего ей в случае, если бы она публично отрицала христианскую веру, она отправилась вместе с прихожанами в церковь на случившийся тогда праздник Воскре-

сения Христова и, приняв причастие, спрятала гостию за щекой». Принеся гостию домой, женщина отдала ее Исааку.

До сих пор история развивается в соответствии с традиционным трафаретом. Читатели, знакомые с подобными рассказами, естественно, ожидали, что гостия начнет кровоточить и вся семья Исаака, пав на колени, поймет, что произошло чудо. Однако события развивались не столь просто и еще более невероятным образом, чем в средневековых историях такого рода.

Когда Исаак собирался положить гостию «в пустую шкатулку, которую он держал в шкафу, в дверь дома постучали; опасаясь нечаянного посетителя, он второпях положил гостию в другую шкатулку, где у него хранилось семь парижских ливров, а затем пошел открывать дверь. Когда он вернулся к шкафу и не нашел гостий в пустой шкатулке, куда, как он думал, он положил ее, он заглянул в другую шкатулку, в которой держал деньги, и обнаружил, что она наполнена не монетами, а облатками. Удивленный и трепещущий, он созвал друзей и, рассказав им о случившемся, начал в их присутствии перебирать облатки, чтобы найти ту влажную, которую принесла во рту женщина: он надеялся, что после того, как он достанет ее из шкатулки, остальные облатки вновь превратятся в монеты. Когда же ему так и не удалось отличить эту облатку от остальных, собравшимся стало ясно величие Божьего чуда и они приняли решение перейти в христианство».

Любопытно попытаться представить, что же на самом деле могло случиться в ту пасхальную неделю в доме Исаака. Хитрый новообращенный мог придумать всю эту историю от начала до конца, однако это кажется маловероятным. Среди множества объяснений наиболее вероятным представляется следующее.

Приняв иудаизм, но желая сохранить это в тайне, женщина отправилась на Пасху в церковь, чтобы не дать повода к толкам: соседи пришли бы в ярость, узнав о ее отступничестве. Когда же она возвратилась из церкви, кто-то распустил слух, что она украла гостию для колдовских целей своих еврейских друзей. Доверчивые соседи, которые, возможно, к тому же завидовали достатку Исаака, с готовностью поверили слуху, и арест женщины был неминуем. Она пришла к Исааку и поведала об опасности. Он прекрасно понимал, каковы могут быть последствия подобного обвинения. Отрицать вину было совершенно бесполезно, в любую минуту разъяренная толпа могла уничтожить дом вместе с его обитателями. Все члены семьи собрались, чтобы обсудить, как спасти женщину и самих себя. Поскольку отрицать обвинение в святотатстве было бесполезно, Исаак решил, что лучше всего будет запутать дело и предупредить события, выдумав потрясающую историю о чуде. Изобретательному Исааку не соста-

вило большого труда раздобыть неосвященные облатки, которые он и положил в шкатулку вместо монет. Все остальное было проще простого: он созвал соседей и показал им, как Бог наказал его за его еврейское лихоимство, превратив монеты в облатки.

Тем не менее, положение Исаака все еще оставалось опасным. Конечно, женщина была спасена, и теперь все они были христианами. Необычность и исключительность его истории гарантировала на первых порах всеобщее доверие, однако вскоре люди могли впасть в сомнение. Возможно, и папа не был вполне уверен в правдивости всей этой истории; несомненно, в доме еврея случилось что-то необычное, но нельзя было точно знать, что именно. Тем не менее, это событие служило прославлению города и папского двора, где обращение евреев было столь же редким, сколь и чудеса. Исаак и его семья должны были испытывать неловкость; все они получили тщательные наставления в новой вере и, вне всякого сомнения, находились под неусыпным надзором, чтобы выявить любое отклонение от христианского образа жизни. Им помогли вернуться домой, о чем они, по всей видимости, и просили.

Папа, взявший на себя все расходы, был рад избавиться от них. Он скоро понял, что «новую поросль такого рода» следует укреплять «не только росой учения, но и земными благами», и распорядился, чтобы архиепископ обеспечил их «всем необходимым для жизни... и они не были бы вынуждены вновь беспокоить Апостольский престол». Так они вернулись в Сане, а папе пришлось оплатить дорогу. Что рассказал Исаак озадаченному архиепископу, оставляет широкие возможности для новых измышлений. Что же касается Иннокентия, то он, кажется, что-то заподозрил. В конце своего письма архиепископу он намекает, что не вполне уверен в том, что же на самом деле произошло: «После того, как Вы установите больше правды о вышеупомянутом чуде, напишите Нам со всеми подробностями».

Поскольку еврейский народ отказывался принять христианство, Иннокентий видел в нем врага не только религии, но и того общественного порядка, который он стремился установить. «Он был убежден, что только папская власть может обеспечить совершенствование моральной и религиозной жизни в мире, и потому папа должен направлять жизнь людей при помощи церкви» (40, 6, 8). Для него было нестерпимо существование группки людей, столь непоколебимо враждебной идеалу мира, объединенного под его духовной эгидой. Но так как Бог в Своей непостижимой милости не велел уничтожать этих людей, Иннокентий считал, что его обязанность – ослабить их, насколько это в его силах. Торговые запреты, отверженность в обществе, изгнание со всех

государственных постов служили основным и весьма действенным оружием в борьбе папы против евреев. Он был полон решимости обличить их перед всем миром, сделать объектом всеобщего презрения и повсеместной ненависти – «заклеймить их лица печатью позора». Эту политику унижения диктовали не эмоции – это была политика защиты христианского мира, в котором было столь трудно поддерживать единство, от людей, отказывающихся стать частью христианского сообщества и этим угрожавших его безопасности.

В 1215 году Четвертый латеранский собор под предводительством папы принял этот план. Четыре заседания были посвящены обсуждению еврейской проблемы. Участники (их было больше тысячи человек) начали с обсуждения сложного вопроса о лихоимстве; решение, к которому они пришли, состояло в осуждении злоупотреблений, но не самой практики ростовщичества. Евреям было запрещено требовать «тяжелый и неумеренный процент»; запрет этот относился и к христианам, о которых, однако, говорилось в более мягких выражениях: «властителям» рекомендовалось «не восставать за это на христиан, а скорее стараться удерживать от этого евреев».

Отношение собора к евреям было последовательно враждебным. На трех следующих заседаниях был принят целый ряд унижительных и дискриминационных постановлений. Евреям запрещалось появляться на людях в определенные дни, в особенности на Пасху. Им не разрешалось по воскресеньям облачаться в свои лучшие наряды. Тех, кто «дерзко богохульствует» (опасная своим всеобъемлющим характером формулировка), «светские власти должны были наказать подобающим образом». Евреи изгонялись со всех общественных должностей, а деньги, которые они заработали, должны были быть переданы христианам. Постановления были специально сформулированы так, чтобы распалить народ. Евреев следовало «опозорить» и удалить «с должностей, которые они бесстыдно присвоили».

Из всех постановлений Четвертого латеранского собора, принятых с целью изгнать евреев из общества и опозорить их в глазах христиан, наиболее действенным было постановление, обязывавшее евреев носить на одежде отличительный знак, подобно прокаженным или проституткам. «Совершенно очевидно, – деликатно замечает французский историк, – что наличие этого знака не преследовало цели побудить католиков искать общества евреев» (33, 47). Евреи не подчинились этому унижению без борьбы, и на первых порах далеко не везде удавалось заставить их носить отличительный знак. Однако самого факта подобного распоряжения церковного собора было достаточно, чтобы убедить людей,

что евреи – народ изгоев, отмеченных Каиновой печатью.

Четвертый латеранский собор определил судьбу евреев на многие столетия; евреи продолжали скитаться по миру, лишённые всех прав, дома и безопасности; в любое время – в годину относительного спокойствия и в годину гонений – с ними обращались, как с существами низшего порядка.

Знак позора

Что? Приводите ваше Писание в оправдание ваших преступлений? Не проповедуйте мне то, что от меня и узнали. Некоторые евреи, как и все христиане, порочны, Но даже если племя, из которого происхожу я, Было целиком проклято за грех, Должно ли за их преступление судить меня?

Кристофер Марло *1, «Мальтийский еврей»

Вероятно, можно простить королей и прелатов за пренебрежение к папским посланиям, требующим воздерживаться от дурного обращения с евреями, которые в тех же посланиях неизменно характеризуются как люди «вероломные, упрямые, неблагодарные и заносчивые».

Определение «вероломный» постоянно сопутствовало слову «еврей». На протяжении столетий (вплоть до 1948 года) в официальную церковную литургию Страстной пятницы входила молитва за «вероломных евреев»: «Oremus et pro perfidis Judaeis...» («Помолимся же и за вероломных евреев»). В действительности слово «perfidia» было употреблено в литургии в значении «лишённый веры», «неверующий». Однако на протяжении веков оно употреблялось и понималось церковниками и их паствой в ином, уничижительном смысле – «вероломный». В конце 13 века христианам иногда предписывалось не молиться за евреев слишком горячо. Не удивительно, что при чтении этой молитвы в церкви миряне отказывались преклонять колена и до 1948 года ее произносили стоя. «Молясь за вероломных евреев, – объяснял католический теолог отец Констан, – верующие не становятся на колени, как они делают во время других молитв, потому что евреи оскорбили Спасителя вероломным и издевательским коленопреклонением»². Более того, отец Констан заявлял, что «церковь всегда исходит из предпосылки, которую она считает несомненной, что всякий еврей склонен к предательству», и именно по этой причине «церковь не считает возможным... в наиболее торжественном месте литургии молить о милосердии к евреям, не прибавив к их имени справедливое определение: 'Oremus et pro perfidis Judaeis'» (44, 239).

Это употребление слова «perfidia» в церковной литургии и неправильный перевод, придающий ему уничижительный смысл, еще более увековечивали ненависть в людских умах. Слово было не только неправильно переведено, но и истолковано церковью вопреки свидетельствам евангелий о том, что Христос был распят римскими воинами, а не евреями. В «Литургическом ежегоднике» Проспер Геранжер начинает свой комментарий к молитвам на Страстную пятницу следующими словами: «Церковь, не колеблясь, включает в литургию молитву за потомков убийц Иисуса» (81, 484). Итак, вопреки свидетельству Св. Иоанна-евангелиста, написавшего, что «это сделали» римские воины, христиане вплоть до 1948 года молились, с неохотой и не преклоняя колен, не за потомков римлян – итальянцев, а за «вероломных евреев».

Евреев обвиняли в «упорстве», потому что их не убеждали аргументы христиан и средневековые чудеса. С другой стороны, считалось, что Бог ослепил их и ожесточил их сердца, – действие, которое, по логике вещей, снимало с них всякую ответственность за это жестоковейное упорство. Характерно, что в предыдущую эпоху в том же обвиняли и первых христиан. «Если христиане упорствовали, я приказывал казнить их, – писал Плиний *3 римскому императору, – ибо я не сомневался, что их упорство – лишь тупое упрямство, заслуживающее наказания». Когда в 1135 году Иннокентий II прибыл в Париж, еврейская община преподнесла ему Свиток Закона (Тору), облаченный в шелковое покрывало. Папа проявил к евреям интерес и благосклонность; он поблагодарил их и сказал, что «надеется, что Бог снимет пелену с их глаз». Ответ раввинов не сохранился, но они могли бы ответить тем же вопросом, который впоследствии задал Поль Клодель *4: «А вы, зрячие, на что употребили вы свет?»

Еще одно распространенное обвинение против евреев гласило, что они заносчивы и неблагодарны. В этих пороках римляне обвиняли своих рабов, а в новое время богатые бездельники – уволенную прислугу. Евреи «неблагодарны» потому, что не ценят дарованного им права на жизнь; они «заносчивы», потому что отказываются признать свою неполноценность, на которую их осудила церковь.

При чтении некоторых папских установлений и решений церковных соборов начинает казаться, что церковь ставила перед собой цель заставить христиан чувствовать презрение и даже ненависть к еврейскому народу. В этих документах евреи почти всегда характеризуются как извращенные, упрямые и порочные люди, осужденные на жалкое существование, а долг христианских властителей, как указывали церковные авторитеты, – следить за тем, чтобы божественный приговор исполнялся должным

образом. В 1222 году английский епископ Оксфорда издал предписание, запрещающее христианам под страхом отлучения от церкви продавать евреям съестные продукты, но король отказался санкционировать это варварское предписание. Порой местные церковные соборы сами пытались защитить евреев от насилия. «Мы строжайше запрещаем, – заявили епископы в Туре в 1236 году, – крестоносцу или какому-либо другому христианину покушаться на жизнь еврея, сечь его, посягать на его собственность, отнимать ее или наносить ему какой-либо другой ущерб».

По-видимому, обречь евреев на жалкое существование было все же недостаточно; некоторые церковники учили, что долг хорошего христианина – ненавидеть их. С наибольшей резкостью это сформулировал клюнийский аббат Благочестивый Петр, заявивший, что обязанность христиан – ненавидеть евреев, но не убивать их:

«Execrandi et odio habendi sunt Judaei, non ut occidantur admoneo» («Евреев должно проклинать и относиться к ним с ненавистью, однако я не призываю убивать их»). Св. Фома Аквинский, чье мнение имело больший авторитет, чем мнение рьяного аббата, утверждал, что евреев «не следует лишать божественных и естественных прав». Однако эта уступка, кажется, не включала права на добрососедские отношения с христианами, ибо Фома Аквинский согласен с общепринятым в ту эпоху взглядом на неравенство евреев и на право христиан пользоваться их собственностью при условии, что такое пользование умеренно и оставляет евреям средства для существования.

В средневековом обществе отношение к ним немногим отличалось от отношения к домашним животным в наше время. Евреев следовало держать в подчинении, для этого допускалась умеренная строгость; сравнительно с домашними животными евреи обладали единственным преимуществом – их запрещалось убивать. Этот принцип был четко выражен линкольнским епископом Робертом Большоголовым *5: «Как богоубийцы, до сих пор продолжающие хулить Христа и насмеяться над Его Страстями, они должны пребывать в плену у земных владык. Неся на себе печать Каина, осужденные скитаться по свету, они должны обладать и привилегией Каина: никому нельзя убивать их». Но «привилегия Каина» не всегда предохраняла евреев от рвения тех, кто хотел заполучить их деньги. Иннокентий III постановил, что те, кто «богохульствуют», не подпадают под привилегии, даваемые эдиктом *Constitutio pro Judaeis*. До нас не дошло ни одного средневекового судебного документа об убийцах евреев и их оправданиях при расследовании дела, но можно с уверенностью предположить, что богохульство было наиболее частым обвинением про-

тив людей, которых они убивали и грабили.

Хотя *Constitutio pro Judaeis* предоставлял еврейскому народу весьма слабую защиту, папский двор был единственным двором Европы, куда они могли обращаться за помощью в отчаянном положении; и тот факт, что они столь часто прибегали к этому средству, указывает, что иногда такие обращения увенчивались успехом. Например, когда подданные Людовика Святого *6 начали избиение евреев, папа Григорий IX 7 написал гневное послание французскому королю и иерархам. Как обычно, прежде чем отправиться в Святую землю, крестоносцы пробовали свое оружие на евреях. Уцелевшие обратились к папе. Григорий был поражен ужасной новостью: крестоносцы значительно превысили ту меру угнетения евреев, которая была определена Иннокентием III, они хотели «почти совершенно» истребить евреев. В ходе этого неслыханного взрыва жестокости и безумной вражды погибло 5 тысяч человек. Одни получили смертельные ранения, других затоптали копытами коней. Разговоры о благочестии, служившие прикрытием этих жестокостей, не обманули Григория. Он писал епископам, что такие поступки не следует объяснять религиозными мотивами. «Мерзко и постыдно обойдясь с оставшимися в живых после резни, они забрали и промотали их имущество». Среди этих убийц, несомненно, было множество фанатиков, действительно веривших, что они поступают угодным церкви образом. Им внушали, что следует позволять этим людям жить, потому что некоторые из них в конце концов перейдут в христианство; потому они решили, что тех, кто упрямо отказывается креститься в соответствии с христианской верой и законом, можно убивать. Именно такое объяснение приводили французские крестоносцы. «Чтобы скрыть столь бесчеловечное преступление под покровом добродетели и найти оправдание своим безбожным поступкам, они утверждали, что сделали вышеназванное и угрожали совершить еще худшее потому, что евреи отказываются креститься».

Папа отправил копию своего послания Людовику Святому, прибавив настоятельный совет строго наказать виновных в преступлениях, «столь несказанно оскорбительных для Господа». Однако, когда евреи были в беде, Людовик Святой не проявлял к ним ни малейшего милосердия, если только не видел возможности их обращения в христианство. Он приглашал к своему столу христианских бедняков и проявлял добродетель самоуничтожения, омывая ноги прокаженным. Но поучал своих подданных, что вместо споров с евреями следует вонзать им в брюхо меч по самую рукоятку. «Так говорю я вам, – заявил король, – да не станет никто из вас, если только он не просвещенный служитель церкви, спорить

с евреем, но когда мирянин слышит о поругании христианского закона, пусть защищает его своим мечом, вонзив его как можно глубже во внутренности хулителя». Выражение «когда он слышит о поругании христианского закона» могло относиться ко всякому высказыванию, отрицающему истинность христианского учения. Подлинный смысл слов короля состоял в том, что он не одобрял участия несведущих мирян в религиозных диспутах, а его предложение, чтобы рыцари отвечали на критику мечом, вполне соответствовало практике средневековья.

Жуанвиль пространно описывает сцену, которая побудила Людовика Святого дать свой знаменитый совет. Двух еврейских раввинов пригласили в монастырь для участия в религиозном диспуте. Их доводы вызвали гнев воинственного рыцаря, который стал колотить их палкой по голове и не успокоился, пока не выгнал их вон. Бедняги-раввины не могли ответить рыцарю и Людовику Святому; ответом могли бы послужить строки Иехуды Алхаризи *8 из «Спора между мечом и пером». Меч в этом диалоге похвально своей силой, на что Перо отвечает ему:

Я молчу, но когда я делаю смотр своим войскам, в сердца гордецов вселяется страх. Мои творения обогащают умы царей, а мои слова служат утехой сердец. Не моей ли силой свет зиждется на справедливости, и можно ли найти несправедливость в моих деяниях и трудах? Мною начертал Всевышний Десять заповедей и вручил их на горе Хорев моим хозяевам. Когда повсюду вздымается меч, я возношу над ним свой стяг. Когда же, полный гордыни, он приходит сразиться со мной, я выпрямляюсь во весь рост, и он падает ниц.

На папское повеление крестоносцам вернуть евреям их разграбленное имущество никто не обратил внимания. Через несколько лет, в 1253 году, король попытался изгнать из Франции всех евреев. Этот план был результатом весьма своеобразного благочестия: «Ибо сарацины намекнули королю, – писал Матфей Парижский, – что мы не слишком почитаем и любим нашего Господа Иисуса Христа, если терпим в своей среде Его убийц». Людовик Святой не придал значения словам нескольких мудрых советников, убеждавших его, что ссуживание денег под проценты – экономическая необходимость и что без этого невозможно процветание ни ремесел, ни земледелия. Поддержку в своей борьбе против ростовщичества король получил от своих подданных, настроенных куда менее идеалистически, чем он: от аристократов, стремившихся избавиться от своих кредиторов, от торговцев, опасавшихся еврейской конкуренции, и от христианских ростовщиков. И случилось так, заключает Матфей Парижский, «что каросинцы моментально заняли места и должности изгнанных

евреев». Эти итальянские ростовщики держали в Каорсо банковскую контору, служившую центром их финансовых операций во Франции, Англии и Германии. Многие жители Каорсо участвовали в этой коммерческой деятельности, и Данте помещает их за это в своем Аду рядом с содомитами (37, 152).

В средние века ссудное дело было нелегким ремеслом, а высокие ставки, иногда доходившие до 50-80%, не следует сравнивать с процентными ставками современных банков. Процент устанавливался королевским эдиктом. Короли и правители брали себе значительную часть дохода контор еврейских ростовщиков, которые с юридической точки зрения были королевской собственностью, а иногда конфисковывали и самый их капитал. Из-за церковного запрета христианские ростовщики также подвергались значительному риску; им приходилось действовать скрытно, и они славились своим лихоимством. Средневековый хронист Джеффри Парижский писал, что в сравнении с христианскими конкурентами еврейские ростовщики были людьми, с которыми было легче иметь дело:

Ибо евреи были гораздо мягче и добродушнее В подобных делах, Нежели христиане ныне.

Любопытное смешение коммерции и религии представлено в рассказе о благочестивом ростовщике. Он включил в свои молитвы просьбу о помощи против еврейских конкурентов: «Прости нас. Господи, за наши прегрешения, как мы прощаем им за прегрешения против нас; эти проклятые евреи замыслили сокрушить нас, ссужая нашим клиентам деньги под более низкий процент. Возлюбленный Боже, помни, что они распяли Тебя, и прокляни их» (63, 3, 411).

Англичане горько сетовали, когда после 1290 года *9 они попали в лапы хищных христианских ростовщиков. «Они хуже евреев, – писал Томас Вильсон, – ибо в любой христианской стране у евреев можно получить ссуду под 10 процентов, а иногда даже и под 6, а английские ростовщики не знают Божьего милосердия и им главное – побольше содрать с вас» (193, 252). Епископ Роберт Большоголовый, никогда не славившийся дружелюбным отношением к евреям, по свидетельству Матфея Парижского, незадолго до смерти призывал «устыдить христианских ростовщиков, которые вовсе лишены милосердия, и обращаться не к ним, а к евреям».

Обвинения в бессовестном лихоимстве, часто выдвигаемые против средневековых евреев, а иногда и против христиан, основаны на незнании экономических условий того времени. Ростовщики были обязаны часть прибыли отдавать в государственную казну, сам процент ссуды устанавливался королевской властью.

Налог на доходы банкира был произвольным и иногда оборачивался конфискацией не только прибыли, но и самого капитала. «Нет такого банкира в Лондоне или страхового агента у Ллойда, – писал в 1804 году Томас Уитерби, – который был бы готов рисковать, как рисковали евреи, хотя они брали при этом меньший процент» (194, 27).

Распространенное мнение о том, что в средние века ростовщичество было занятием исключительно евреев, наживавшихся на честном труде христиан, – одна из излюбленных тем современной антисемитской литературы. Но никогда в средние века у евреев не было монополии на ростовщичество. «Роль, которую евреи играли в кредитной системе средневековой экономики, – писал Х. Пиренн, – определенно преувеличена и в сравнении с масштабами итальянского кредита выглядит незначительной» (144, 133). В конце 13 века финансовые рынки Европы контролировались христианскими дельцами. Свидетельство Матфея Парижского показывает, что христианские ростовщички в Англии своей алчностью превосходили любого еврея:

«В те дни (1235) каорсинцы стали столь страшной чумой, что во всей Англии трудно было найти человека, в особенности прелата, который не запутался бы в их сетях. Сам король был их неоплатным должником. Они опутывали нуждающихся в их услугах, скрывая свое лихоимство под личиной торговли... В тот год епископ Лондона Роджер, человек достойный и ученый, видя, как эти каорсинцы, ведя в высшей степени бесстыдный образ жизни, бессовестно на глазах у всех взыскивают свои проценты и разоряют благочестивый народ всевозможными неправдами, накапливая деньги и закабалая многих людей, пришел в совершенную ярость». Однако каорсинцы встретили проклятия епископа «насмешкой, презрением и угрозами»; они обратились к римскому двору, и епископ «был вызван в Рим для расследования оскорбления, нанесенного им папским торговцам».

Матфей Парижский сообщает также о жалобе епископа Роберта Большоголового на папскую поддержку христианских ростовщичков, которые вытеснили евреев. «Ныне коммерсанты или менялы Его Святейшества открыто действуют в Лондоне, вызывая возмущение евреев. Они строят всевозможные гнусные козни против служителей Святой церкви, а особенно – против монахов; угрожая разорением, они заставляют давать ложные показания и подписывать фальшивые бумаги». Во избежание формального обвинения в ростовщичестве они использовали всевозможные бесчестные уловки. Так, если кто-нибудь хотел взять ссуду в 100 марок, он вынужден был дать расписку в получении 100 фунтов, причем даже если он хотел погасить долг незамедлительно, кре-

дитор требовал 100 фунтов, а не 100 марок. «Эти условия, – писал хронист, – были хуже еврейских, ибо еврей с учтивостью получит назад ссуженную сумму, требуя на нее лишь процент, пропорциональный сроку ссуды».

Итальянцы в сравнительно короткий срок завладели английским денежным рынком, так как могли сочетать ростовщичество с торговлей. Они не страдали от запретов, ограничивающих сферу их деятельности исключительно кредитными операциями. Более того, они пришли в Англию как папские агенты, собирающие налоги в пользу Святейшего престола, что, между прочим, давало им в руки огромные суммы денег. В 1228 году несколько флорентийских семейств поселились в Лондоне в качестве банкиров короля Генриха III, а двадцать лет спустя так разбогатели, что вызывали зависть англичан. «Эти чужеземные ростовщики, – писал Матфей Парижский, – столь умножились и разбогатели, что построили себе в Лондоне великолепные дворцы и решили остаться здесь навсегда».

Прелаты не дерзали слишком жаловаться, ведь каорсинцы были папскими агентами; не смели выражать свое неудовольствие и миряне, потому что каорсинцы снискали покровительство некоторых знатных особ, чьи деньги, по словам современника, они вместе с папскими ссужали под проценты. Некоторые из этих ростовщиков все же попали под суд по обвинению в «осквернении английского королевства позорным ростовщичеством» и были заключены в тюрьму. Евреи злорадствовали, ибо, как писал Матфей Парижский, «теперь не только они одни были на положении рабов». Но итальянцы вышли на свободу, уплатив значительные суммы, и беспрепятственно продолжали свои кредитные операции. Более экономика Англии не нуждалась в услугах евреев, и они лишились даже видимости защиты. Преследуемая церковью и государством, еврейская община Англии во второй половине 13 века была постепенно доведена до такой нищеты, что порой даже сердца христиан наполнялись состраданием к ее бедствиям. Матфей Парижский, веривший, как и большинство его современников, что по воле Бога эти люди должны вечно страдать, выражает некоторое сочувствие их судьбе. Из записей в его «Хронике» за 1252 – 1256 годы видно, что король не давал евреям спокойно жить в Англии, однако и не позволял им покинуть страну; его политика была похожа на политику Гитлера в 1935 году:

«Король отобрал у евреев всю собственность, которой владели эти порочные люди; он не только, как это бывало раньше, содрал с них шкуру – он вытянул из них кишки. Этот ненасытный охотник за золотом обобрал как христиан, так и евреев, отняв у них

деньги, пищу, драгоценности, причем с такой алчностью, что казалось, что новый Кресе восстал из мертвых».

Евреи были теперь столь бедны, что король принялся за грабеж христианских жителей Лондона, угрожая им, «как низшим из рабов; и впрямь казалось, что на них смотрят почти так же, как и на народ рабов – евреев».

1254 год: «Король обратил свою ярость против порочного еврейского сброда с такой силой, что они прокляли свою жизнь». Наконец, евреи попросили разрешения покинуть Англию в ответ на требование короля под угрозой заточения и смерти выплатить ему крупную денежную сумму. «Как может король, – сказали они, – любить или щадить нас, если он губит свой собственный народ? У него есть папские агенты, накапливающие горы денег. Пусть король положится на них... ибо это они погубили и разорили нас». Просьба их была отклонена под тем предлогом, что евреям некуда идти. «Куда вы, порочные, можете убежать? Французский король ненавидит и преследует вас, он изгнал вас навсегда. В конце концов, – заключает Матфей, – жалкие остатки их жалкой собственности, которые позволяли им хоть как-то жить, были отняты у них силой».

Королевская политика экономического уничтожения евреев получила поддержку со стороны местных церковников, но окончательный удар был нанесен в следующем, 1255 году: «Когда подошел Великий пост, король с превеликой настойчивостью потребовал от вконец обнищавших евреев немедленно уплатить 8 тысяч марок, угрожая в противном случае повесить их». Евреи опять просили разрешения покинуть страну: «У нас не осталось никакой надежды свободно дышать здесь; папские ростовщики вытеснили нас; поэтому позвольте нам уйти и искать себе какого-нибудь другого пристанища». У них не было надежды вернуться в собственную страну. В 13 веке и на протяжении многих последующих веков Палестина была закрыта для евреев еще надежнее, чем в годы гитлеровского террора и британского мандата. Время от времени некоторым евреям удавалось вернуться туда, но они всегда рассматривались как «нелегальные иммигранты».

В Англии евреи были целиком во власти короля, они не имели права покидать страну без королевского разрешения. Теперь, когда из них выжали почти все соки, король передал их своему брату, графу Ричарду, чтобы тот «мог выпотрошить тех, с кого король уже содрал шкуру». Граф не мог извлечь из них никакой пользы. Он пощадил их, как пишет Матфей Парижский, «приняв во внимание уменьшение их влияния и их позорную бедность». Позже, в 1290 году, когда Эдуард I изгнал их из Англии, они жили уже в полной нищете.

Итальянцы, граждане Рима или Флоренции, прибывшие в 13 веке в Англию в поисках удачи, были встречены народом без особого радушия, хотя вечно нуждавшиеся в деньгах короли отнеслись к ним благосклонно. Английские церковники ненавидели их, хотя никто не обвинял их в грехах их предков – римских воинов, распявших Христа. Грабительские методы итальянских ростовщиков воспринимались мирянами и некоторыми церковниками как ненасытное вымогательство пап. Возможно, именно итальянские ростовщики заронили то семя враждебности английской церкви к папскому престолу, которое впоследствии вызвало ее разрыв с Римом. Еще до конца 13 века итальянские финансисты успели прочно обосноваться в Англии. Влиятельная флорентийская семья торговцев и ростовщиков Фрескобальди имела собственное представительство в Лондоне и ссужала короля Эдуарда I значительными суммами.

Эти успехи итальянских банкиров требовали от них значительных усилий. Как итальянцам удалось «завоевать» Англию, рассказывает совладелец фирмы, Джованни Фрескобальди, подытоживший в поучение соотечественникам свой деловой опыт в стихах:

Совет тем, кто отправляется в Англию:

Оденьтесь в темные одежды, будьте принижены, Глуповаты на вид, а на деле хитроумны; Да обрушатся беды на голову англичанина, досаждающего вам. Избегайте неприятностей и воинственных людей; Щедро тратьте деньги и не выглядите скаредами; Платите в установленный срок; будьте любезны, взыскивая долг, Делая вид, что вы вынуждены востребовать деньги. Не задавайте ненужных вопросов; Покупайте все, что кажется вам доходным; Держитесь подальше от придворных, Следите за тем, кто пользуется влиянием. Разумней действовать заодно с соотечественниками Да не забывать пораньше запирать на засов свои двери.

Если бы это «наставление» сочинил еврей, оно, возможно, заняло бы более заметное место в английских хрестоматиях по истории. Его снабдили бы соответствующим комментарием о еврейской хитрости и двуличии в денежных делах, а может быть, и о еврейской манере действовать заодно, чтобы обманывать простодушных англичан. Большинство авторов, обвиняющих евреев в низменном пристрастии к деньгам, как правило, умалчивают об итальянских ростовщиках, чью деятельность один из исследователей средневековой экономики оценил как возвышенное призвание: "Энергия, искусство и предприимчивость, – писал он, – превратившие итальянцев в банкиров Европы, – это лишь другая сторона той жизненной активности, которая произвела на

свет очищающую страсть «Новой жизни» и гневные обличения и сумрачные образы «Ада»¹⁰ (150, 133).

Мнение, что евреи особенно склонны к ростовщичеству и по природе более корыстны, чем люди иных культур, возникло в Англии из предрассудка, которому способствовали не только предвзятость некоторых историков, но и неблагосклонное отношение к ним литературы – от Шекспира до Диккенса. Евреи, обрабатывавшие свою землю, когда Англия еще была страной лесов и болот, являются, с точки зрения Голдвина Смита, сбродом, который «за кулисами сцены христианской доблести и возвышенного идеала терпеливо занимался своим пламенным финансовым промыслом» (166, 1, 108).

В средние века евреи часто обирали соседей, прибегая к лихоимству и бесчестным поступкам, однако нет никаких сведений о том, что они прибегали ради этого к насилию или пыткам. В легенде, из которой Шекспир позаимствовал своего Шейлока", злодей, требующий у должника расплатиться куском собственного тела – не еврей, а христианин. Люди, ссужавшие деньги даже под высокие проценты, наверняка были лучшими гражданами, чем те, кто обогащался, пытая свои жертвы до тех пор, пока они не отдавали все свое имущество. Этот способ добывать деньги, санкционированный, а иногда и практикуемый церковными властями, был широко распространен на протяжении многих веков. «Признания, оправдывавшие преследования и ограбление евреев, – пишет Марио Эспозита, – всегда добывались при помощи угроз и пыток» (61, 790).

Папа Григорий откликнулся на сообщение о жестокости французских крестоносцев, которые, используя религиозную нетерпимость короля, под пытками вымогали у евреев деньги. В письме к архиепископам и епископам Франции от 6 апреля 1233 года папа использовал слово «perfidia» в его исконном смысле – «неверие» и заявил, что это неверие не следует рассматривать как причину для непреодолимой розни. Он провозгласил моральный запрет убийства:

«Хотя неверие евреев следует осуждать, тем не менее их связь с христианским миром полезна и в известном смысле необходима, ибо они тоже являют образ нашего Спасителя и были созданы Творцом всего человечества. Поэтому избави Боже, чтобы они были истреблены Его собственными творениями, в особенности теми, кто верует в Христа... ибо праотцы евреев были друзьями Бога, и их потомков следует сохранить...»

Некоторые французы полагали, что так как евреи были осуждены Богом, то нет ничего дурного в том, чтобы довести их до нищеты или ограбить. Папа писал, что это неверно. Его уведомили, что

«некоторые христиане во французском королевстве... преследуют евреев и наносят им ущерб... мучают их ужасными пытками... Некоторые из этих господ жестоко свирепствуют... они вырывают евреям ногти и зубы и применяют к ним другие бесчеловечные пытки». Григорий терпеливо разъяснил, что эти поступки порочны. Свое послание к епископам он заключил разумным советом: «Христиане должны относиться к евреям с таким же милосердием, какое, как мы надеемся, будет проявлено и к христианам, живущим в языческих странах». Но подобные проповеди редко бывали действенны.

Как правило, папы не принимали энергичных предупредительных мер для предотвращения преследований евреев. Мягкость их посланий, возбраняющих дурное обращение с евреями, следует сравнить с горячностью жалоб на дурное поведение самих евреев. Протест Григория против вырывания зубов и ногтей у евреев заканчивается советом, чтобы епископы «предупредили всех благоверных христиан и наставили их не наносить евреям вреда, не грабить их имущества и не изгонять их в расчете на добычу». И в тот же день, 6 апреля 1233 года, папа направил тем же архиепископам и епископам послание с жалобой на обычные беззакония евреев: найме христианских кормилиц и т.п. Однако здесь он не предлагал переубедить и «наставить» евреев. В резких выражениях папа потребовал «полностью пресечь это, чтобы они (евреи) не посмели вновь распрямить шею, на которую наложено ярмо рабства... Вы можете обращаться за помощью к светской власти».

Месяц спустя он повторил почти то же самое в письме к компостельскому архиепископу. Испанские евреи жили в это время в относительной безопасности и, что еще хуже, в достатке – такое положение казалось церкви возмутительным. «Так как их собственный грех обрек их на вечное рабство, – начинает папа письмо, – евреи должны признать справедливость своего положения и жить, не беспокоя тех, кто принимает и терпит их из одной только доброты». В Испании, по его словам, «евреи стали столь высокомерны, что не опасаются совершать поступки, которые не только неподобающи, но и непереносимы для верующих в Христа». Читатель может предположить, что евреи виновны в вырывании ногтей и зубов христиан. Но «поступки», на которые указывает папа, не имели столь варварского характера. Евреи отказывались носить позорный знак, дерзали занимать общественные посты и по-прежнему нанимали для своих детей христианских кормилиц. «Ко всему прочему, – добавлял Григорий, – они лихоимствуют и совершают другие несказанные преступления против католической церкви».

Эти послания, во многом повторявшие друг друга, периодически рассылались папскими чиновниками, когда папа находил, что положение в христианском мире требует большей строгости к неверным евреям. Повторные запрещения найма христианских кормилиц, возможно, были следствием какого-то скандального события и, появившись однажды в папском письме, с тех пор постоянно упоминались, как будто это событие произошло совсем недавно. Даже в последней четверти 16 века история о вылитом в отхожее место молоке в который раз была использована папой Григорием XIII как обвинение против евреев. Ее приводили очень часто, хотя ни время этого преступления, ни место, где оно произошло, никогда не упоминались; даже имя преступника ни разу не было названо.

У папы Григория были серьезные основания не выдвигать на первый план ростовщичество как один из еврейских грехов; он знал, что монополия на эту запрещенную деятельность больше не находится в руках евреев, к тому же и сам он иногда обращался к ним за ссудами (37, 143). Как обойти церковные запреты, знал любой. Церковь вела ту же борьбу, которую вела когда-то синагога, и она проиграла ее по тем же причинам, что и синагога. Вопреки усилиям раввинов заставить свой народ подчиняться Моисеевым законам против ростовщичества, еврейские юристы, как показывает Талмуд, нашли законные пути обходить этот запрет (123, 2, 145).

Папа писал христианским владыкам, предупреждая их, что недопустимо позволять евреям жить на равных с христианами правах. Он упрекал архиепископов и епископов Германии за то, что в их стране евреи живут лучше, чем заповедано Богом. Они допущены на административные должности, они отказываются носить еврейский знак, а у некоторых из них даже есть христианские рабы. И держатся евреи со своим обычным высокомерием: «Не имея в сердце благодарности за оказанную им милость и не помня благодеяний, они платят оскорблениями за доброту и воздают безбожным презрением за добро – они, которым только из милости позволено жить среди нас, которым вследствие их греха следует постоянно чувствовать на себе ярмо рабства». Более того, хорошие отношения между евреями и христианами в Германии иногда приводили к религиозным осложнениям. «Некоторые христиане, – жаловался папа, – по собственной воле стали евреями». Он заканчивает письмо запрещением религиозных диспутов с евреями, «дабы простодушные люди не низверглись в пучину заблуждения».

Страх перед последствиями религиозных дискуссий между христианами и евреями был одной из главных причин этого за-

прета. В средние века по своему культурному уровню и знанию Библии евреи, как правило, намного превосходили христиан, которые были не очень сведущи даже в собственной религии. Изоляция евреев, исключение их, насколько возможно, из общества считались необходимыми для охраны христианских душ. Именно поэтому в 1223 году Парижский собор запретил христианам служить у евреев, «дабы из-за внешнего благообразия их закона, который они порочным образом толкуют, евреи не увлекли бы живущих вместе с ними христиан в бездну неверия в Христа».

Чтобы избавиться от посягательства крестоносцев и гнета церковного законодательства, многие евреи начали переселяться в Восточную Европу. Они нашли убежище, а на краткое время даже покой в Польше. Однако тень Четвертого латеранского собора преследовала их повсюду. Хотя по экономическим соображениям светские власти Польши готовы были предоставить пришельцам гражданские права, церковные власти были полны решимости исключить евреев, как прокаженных, из христианского общества. В 1266 году собор в Бреслау *12 постановил, что евреям нельзя жить рядом с христианами, ибо коренное население «могло пасть жертвой предрассудков и дурных обычаев живущих среди них евреев» (56, 1, 49). Собор подтвердил все ограничения и запреты папы Иннокентия III против евреев. Венский собор 1267 года продолжил эту политику «в высшей степени опасного плана преследования и полной изоляции евреев и, как следствие этого, создания атмосферы враждебности вокруг них» (118, 3, 202). Логика постановлений Четвертого латеранского собора с неизбежностью вела к образованию еврейских гетто.

В 1239 году был найден новый повод для разжигания общественного негодования против евреев и углубления пропасти между ними и их христианскими соседями. Крещеный еврей Николай Донин составил и направил папе Григорию формальное обвинение против Талмуда – свода религиозных высказываний и законов более чем тысячелетней давности. Гейне характеризовал Талмуд как «еврейский католицизм – готический собор, который, хотя и перегружен наивным и гротескным орнаментом, все еще восхищает своим парящим в небесах величественным блеском». Видимо, папа знал о Талмуде очень мало; судя по тону его письма, о существовании этой книги он знал понаслышке. Однако он написал французским епископам уведомление о том, что евреи «ныне следуют предписаниям новой книги, называемой Талмудом, которая несказанно богохульственна и оскорбительна», и приказал передать все еврейские книги «нашим дорогим чадам: доминиканцам и францисканцам». Аналогичные распоряжения были направлены в Англию, Испанию и Португалию, но лишь

французский король принял меры: 24 воза еврейских книг были сожжены. Это было началом гонения на еврейскую литературу, продолжавшегося несколько столетий. В 16 веке доминиканцы в последний раз возглавили эту безуспешную борьбу в союзе с невежественным еврейским отступником Иоанном Пфефферкорном, которому, как писал Эразм Роттердамский, переход в христианство не принес никакого духовного блага: «Ex scelerato Judaeo sceleratissimus Christianus» («Из мерзкого еврея – мерзейший христианин»).

Хотя церковники не смогли уничтожить Талмуд, им удалось вызвать против него предубеждение, существующее и поныне. Ложные представления о тексте и учении Талмуда, появившиеся в 13 веке, иногда и до сих пор встречаются в школьных хрестоматиях по истории. Католическая цензура, пекущаяся о вере и нравственности, к сожалению, редко обращает внимание на ложь, если она не затрагивает интересов христианских народов. Еще в середине 19 века Р.Ф.Рорбахер мог утверждать, что "Талмуд не просто дозволяет, он советует и даже повелевает еврею обманывать и убивать христиан при всякой возможности. *Это – несомненный факт, заслуживающий внимания народов и королей*" (156, 16, 406). В 1880 году французский специалист по истории 13 века Ноэль Валуа заявлял, что попытка уничтожить Талмуд была мерой самозащиты: «Единственная вина церкви состояла в том, что она пыталась защитить себя, а евреям следовало бы напомнить, что хотя христиане и терпели их присутствие, они не намеревались терпеть их наглость».

Папские декреты 13 века ясно обнаруживают решимость церкви привести еврейскую общину к интеллектуальной и социальной изоляции. Гонение на Талмуд было частью этого плана, попыткой подорвать самые устои существования этой общины, оправданием вмешательства в частную и религиозную жизнь. Предполагалось, что эта политика мелочного преследования и угнетения сломит еврейское сопротивление обращению в христианство: если сделать их жизнь несносной, то с течением времени они решат принять христианство.

Церковная защита еврея от насилия следовала не из признания его естественных человеческих прав, а из теологических доводов и понятий, которые оставляли мало безопасности в жестоком, фанатичном мире. И действительно, исключение евреев из общечеловеческого закона было, наконец, открыто провозглашено в 1268 году в Брюннском законе о евреях, гласившем: «Евреи лишены их естественных прав и осуждены на вечные бедствия за их грехи». Структура средневекового общества вытесняла их, даже если папы делали попытки встать на их защиту. «Феодальные

власти согнали их с земли, а горожане вытеснили из торговли и ремесленного производства. Вследствие этого нормальная интеграция евреев в обществе стала невозможной» (71, 200). Включиться в средневековое христианское общество можно было только путем крещения, считавшегося необходимым условием спасения души в этом и будущем мире. Тот, кто не был крещен, был исключен тем самым из братства людей. Поэтому вторая великая заповедь еврейского Закона, которую Иисус заповедовал своим последователям: «Возлюби ближнего своего, как самого себя», – не относилась к евреям. Их не считали «ближними». Наоборот, по свидетельству средневекового стихотворца, их ненавидел и Бог, и люди:

Многие ненавидят их, да и я их ненавижу, И Бог ненавидит их точно так же, как я. И весь свет должен ненавидеть их.

План Иннокентия III был успешно осуществлен на протяжении одного поколения. Евреи были исключены из общественной жизни и жили изгоями, в бедствиях, на которые, по общему мнению, они были обречены самим Богом. «Сколь бы они ни были несчастны, – писал Матфей Парижский, – никто не считает их достойными жалости». Это была трагедия народа, о которой скорбел один из величайших религиозных поэтов средневековья Иехуда ха-Левви:

Я лишен права на братство людей,
Я угнетен бременем и игом их гордыни;
Я наказан жестокой карой,
Изгнанный и заточенный в темницу,
мучимый и отринутый всеми;
У меня нет ни поводыря, ни вождя,
нет у меня ни царя, ни князя,
И когда на меня восстает мой враг,
мой Оплот покидает меня.

В объединенном католическом обществе евреям не было места. Однако, пресекая все их общественные связи с христианами, церковь, в сущности, потеряла больше, чем выиграла. Политика угнетения евреев, предложенная Иннокентием III и принятая Четвертым латеранским собором, не могла быть проведена в жизнь без ущерба для христианской нравственности. Хотя Григорий IX принимал меры для ограждения евреев от насилия, его публичные высказывания не способствовали искоренению в христианах презрения и ненависти к ним. Этот конфликт предвещал ужасное будущее.

Убийственная ложь

Брат Бернадин:...тогда иди со мной и помоги мне обвинить еврея.

Брат Джакомо: Почему? Что он сделал?

Брат Бернадин: Вещь, которую я боюсь назвать.

Брат Джакомо: Неужели он распял ребенка?

Кристофер Марло, «Мальтийский еврей»

В начале своего понтификата Иннокентий IV относился к евреям с тем же презрением, что и его предшественники. Он говорил о них как о дерзких и вероломных рабах, отказывающихся смириться с положением, на которое они были осуждены Богом. В письме к французскому королю от 9 мая 1244 года папа жаловался, что в придачу к неподобающему высокомерию, евреи виновны и в «несказанных преступлениях»:

«Порочное вероломство евреев, с глаз которых наш Спаситель до сих пор не снял пелену слепоты... мешает им подобающим образом осознать, что лишь из одной жалости благочестивые христиане приняли их к себе и позволяют им жить среди нас. Вместо этого эти вероломные люди совершают такие гнусности, о которых жутко рассказывать и страшно слышать».

Все это – повторение сетований Григория IX в характерном для эпохи риторическом стиле. Что касается «несказанных преступлений», то папа не вдавался в подробности; по-видимому, они были столь ужасны, что о них нельзя было рассказать, не оскверняя чистых душ верующих. Что же могло быть причиной той таинственности, с которой в папском письме говорилось о главном обвинении? Возможно, евреи продолжали нанимать христианских кормилиц и совершали с ними «множество позорных деяний». Возможно, в некоторых еврейских домах происходили скандалы из-за «гнусности», совершенной еврейским мужчиной и христианской женщиной, а в таких случаях нередко трудно обвинять только одну из сторон. Папа обвинял евреев и в пренебрежении их собственной религией, ибо, «презрев закон Моисея, они следуют некоей традиции своих старейшин». Это обвинение связано с деятельностью еврейских сектантов, утверждавших, что учение каббалы является ортодоксальным иудаизмом. Вмешательство папы в диспут между сторонниками и противниками каббалы было следствием глупости Соломона из Монпелье *2, неосмотрительно обратившегося к доминиканцам за помощью в борьбе против учения Маймонида *3. Папа велел положить конец «еврейским гнусностям». Их следует строго наказывать за найм христианских слуг. Книги Талмуда следует конфисковывать и сжигать. Евреев надлежит поставить на место и заставить «понять, что они рабы тех, кого освободил Христос». Библейские тек-

сты, начиная с книги Бытия (21:10) и кончая посланиями апостола Павла («К Галатам», 4:30), служили на протяжении всего средневековья оправданием и достаточным основанием для веры в то, что евреи действительно народ изгоев.

В 1245 году после политического конфликта с императором папе пришлось покинуть Рим и обосноваться в Лионе. С этого времени его отношение к французским евреям изменилось, оно стало почти дружественным. Тогда, как и позднее, многие считали, что евреи подкупили папу. Этот вывод, не подтвержденный никакими свидетельствами, основан на убеждении, что в евреях не может быть ничего хорошего, а если кто-нибудь относится к ним хорошо, то его подкупили. Иннокентий был не единственным, кого тогда обвинили в продажности. «Евреи, – писал доминиканский историк отец Мортьер, – купили за золото совесть архиепископа... Вместо аргументов они располагали силой, превосходящей самые строгие логические понятия, – золотом. А золота они не жалели» (128, 1, 428). К сожалению, цена, уплаченная за совесть архиепископа, осталась неизвестной. У отца Мортьера нет доказательств этой «сделки»; но если она действительно была совершена, то продажа совести больше дискредитирует продавца, чем покупателя.

12 августа 1247 года папа отправил тогдашнему королю Франции Людовику Святому послание относительно Талмуда; тон его сильно отличался от того, в котором было написано послание из Рима двумя годами ранее. «Мы не хотим, – писал папа, – лишать евреев их книг, если из-за этого они лишатся своего Закона». Иннокентий велел своему легату *4 Эду де Шаторо изучить эти книги и дать заключение о них. Легат не одобрял умеренности папы и даже намекнул, что того подкупили. Легат писал:

«Дабы еврейская злостность и лживость не одурачили никого в этом деле, я довожу до сведения Вашего Святейшества, что в понтификат Св. Григория некий прозелит, по имени Николай (Донин), уведомил названного папу о том, что евреи, не удовлетворяясь древним законом, продиктованным Моисею Богом, и даже вовсе пренебрегая им, заявляют, что Бог дал... иной закон, который называется Талмуд». Легат указывал, что для папского престола «было бы позорно и стыдно, если бы книги, подобные тем, что были справедливо преданы огню в присутствии множества ученых и клириков Парижа, были возвращены по папскому распоряжению еврейским старейшинам, ибо подобная терпимость могла бы быть истолкована как знак одобрения». После этого вступления легат цитировал всевозможные церковные авторитеты, а в конце письма выражал согласие дать заключение о книгах, которые он уже заранее осудил: «Я обратился к еврейским

старейшинам с просьбой показать мне Талмуд и все их прочие книги, и они представили мне пять толстенных томов, которые я тщательно исследую в соответствии с Вашим повелением».

Все попытки Иннокентия IV защитить евреев наталкивались на противодействие папских чиновников. Поэтому нет ничего удивительного в том, что борьба папы против фанатизма и глупости редко приносила плоды. Возможно, его первое послание французскому королю относительно «потрясающих гнусностей» не претендовало на слишком серьезное отношение к себе со стороны адресатов; это письмо могли составить в секретариате, вышколенном папой Григорием IX. В других посланиях папы, посвященных более серьезным темам, нет столь смехотворных преувеличений. Выражения: «высокомерное вероломство», «пелена слепоты», «осужденные на рабство» – были столь же формальными, незначащими, как и выражения любезности: «наш достопочтенный брат епископ» или «наш дорогой сын король».

Послания Иннокентия IV наваррскому королю о евреях Наварры представляют собой замечательный исторический документ. Историки почти не обращают внимания на эти послания, хотя в 1865 году французский исследователь Ф.Буркело заметил, что буллы Иннокентия IV «проникнуты чувством справедливости и терпимости, замечательными в любую эпоху, а особенно в 13 веке». В этих посланиях нет ни презрительных выражений, ни упоминания о неблагодарных рабах, ни намек на справедливость угнетения евреев. Напротив, папа писал:

«Христианской вере подобает предоставлять евреям необходимую защиту от преследователей... Знайте же, что Мы услышали от некоторых евреев Наваррского королевства, возносивших хвалы Вашему Величеству. Они сказали, что Вы показали себя мягким и милосердным властителем и что Вы обращаетесь с ними человечно и милостиво, заботитесь о них сами и побуждаете к этому других. Все это служит к Вашей чести и славе».

Силой своего непререкаемого авторитета и мягкостью тона, столь редкой в посланиях Иннокентия III и Григория IX, папа фактически осуждает древнюю традицию ненависти: «По этой причине, во имя почтения к Апостольскому престолу и к Нам лично, Мы просим и настоятельно убеждаем Ваше Королевское Величество хранить их, их детей и их имущество, как Вы по Вашей благодати хранили их до сих пор».

Узнав, что предписания его предшественников относительно насильственного крещения не всегда соблюдались, Иннокентий умолял короля сделать все, что в его силах, чтобы «предотвратить всякое насилие над евреями в деле крещения их детей, ибо крещение должно быть добровольным, а не насильственным». Он

призывал короля защищать евреев от алчности христиан. Эти письма могут удивить читателя, воспитанного на исторических сочинениях, в которых евреи всегда представлены как жадные лихоимцы, губящие любую страну, которая дала им приют. Иннокентий IV хорошо знал истинное положение дел и то, что происходит и происходило с первых веков христианства. Метод шантажа, использовавшийся христианами для обирания евреев, облегчался существованием церковного запрета на кредитные операции. В середине 13 века никто не принимал всерьез церковных запретов на ссуду денег в рост. Однако эти законы заставляли людей обращаться на «черный рынок», где можно было занять денег не только у евреев, но и у христиан, хотя последние обычно ссужали их под более высокий процент. Проценты на ссуду, если сравнивать их с нынешней банковской практикой, были высоки, однако риск был тоже велик.

Шантажисты, которых осуждал папа, не интересовались прибыльностью капитала или процентом ссуды. Они ссужали у евреев деньги, а когда подходило время платить, обращались к светским или церковным властям с жалобой на незаконность самой сделки и непомерно высокие проценты. Если такая жалоба не помогала, они распространяли клеветнические слухи, провоцировали беспорядки, а иногда выдвигали против кредитора обвинение в ритуальном убийстве. Если им удавалось получить поддержку толпы, они избавлялись от кредитора и долга, да еще получали прибыль, разграбив его имущество. Вне всякого сомнения, угрозы повернуть дело таким образом было достаточно, чтобы кредитор умерил свои требования или вовсе отказался от них. Шантаж – искусство, известное с древности. Папа был полон решимости пресечь подобную практику не только из-за ее несправедливости (хотя это было его главным мотивом), а еще и потому, что она наносила вред экономике. В июле 1247 года он вновь обратился к христианам с требованием справедливо платить долги: «Хотя названные евреи честно ссужают свои деньги этим христианам, последние, чтобы лишить их всего их состояния... отказываются возвращать им их деньги...»

Иннокентий яснее, чем большинство его современников, понимал экономическую важность соблюдения законности и ту существенную роль, которую играл капитал в развитии торговли и земледелия. Его не вводили в заблуждение попытки скрыть циничный грабеж под маской веры. Ему только что сообщили об антиеврейских выступлениях во Франции: 26 марта 1247 года в городке Вальреа (Воклюз) исчезла двухлетняя девочка Мэлла; на следующий день ее труп был найден в канаве неподалеку от города. Разнесся слух, что ребенка похитили и убили евреи, ис-

пользовавшие его кровь в ритуальных целях. Трех человек арестовали и пытали до тех пор, пока не получили ложных признаний в виновности. После этого многих местных евреев схватили, пытали и казнили. 28 мая Иннокентий направил два возмущенных письма венскому архиепископу. В резких выражениях папа осудил «жестокость христиан, обуреваемых завистью к имуществу евреев и жаждой их крови, без суда и следствия грабящих, пытающих и убивающих». Они не только пытаются и сжигают без суда этих несчастных, но и «насильно заставляют их детей креститься».

В отличие от своего предшественника Григория IX, Иннокентий не тратил времени на просьбы к архиепископу «наставить» благочестивых христиан. Папа распорядился, чтобы «прелаты, дворяне, приходские священники... и другие нарушители спокойствия были утихомирены церковными наказаниями». Во втором письме, написанном в тот же день, Иннокентий приводит ужасающий рассказ о событиях, изложенных в «обращении евреев всей венской провинции, зачитанном в Нашем присутствии». Здесь, как и в переписке с наваррским королем, папа пользуется сведениями, полученными от депутации евреев. Возможно, что при папском дворе была создана своего рода комиссия для расследования еврейской проблемы, заслушивания жалоб и выработки практических мер.

С евреями Вены обошлись с жестокостью, не имевшей себе равной ни до того, ни после того – вплоть до прихода Гитлера. Дворянин Драконе де Монтобан, крестоносец, совершивший поход в Святую землю с Людовиком Святым, упомянут папой как предводитель христианских разбойников. Нынешняя французская аристократия иногда кичится своим происхождением от предков такого рода. 18 мая 1247 года папа писал:

«Дворянин Драконе отобрал у евреев имущество и бросил их в ужасный застенок; не дав им права законно протестовать и доказывать свою невиновность, он некоторых зарубил, некоторых сжег на костре, оставшихся мужчин кастрировал, а женщинам отрезал груди. Он подверг их также и многим другим пыткам, пока, как сообщают, не заставил их произнести признания, против которых восставала их совесть, ибо они предпочитали быструю смерть продолжению пыток и мучений...»

Епископ не помогал благородному дворянину, хотя весьма возможно, что в большом зале замка Драконе, где происходил «суд», присутствовали и священнослужители. Церковники воздерживались от пролития крови, но участвовали в дележе добычи; они заключили всех оставшихся в живых евреев под стражу ради их «охраны». «Как будто ради того, чтобы заставить пострадавших

принять новое страдание, – продолжал папа, – наш достопочтенный брат епископ Сен-Поль-Труа-Шато, коннетабль Валентинуа, равно как и некоторые другие знатные лица этой провинции, воспользовавшись таким предлогом, бросили в застенки всех проживающих в их землях и владениях евреев, предварительно обобрав их до нитки». Иннокентий распорядился, чтобы его «достопочтенный брат епископ Сен-Поль-Труа-Шато» и другие мародеры вернули евреям награбленное. Папа не имел права совершать суд над Драконе и его бандитами, и, кажется, они отделались лишь внушением. Очевидно, что подлинным мотивом действий знати и дворянства Вальреа была алчность.

Венский архиепископ не предпринял ничего. Он отказался вернуть евреям их имущество и позволить им жить в мире, а пять лет спустя, когда они были окончательно разорены и отнять у них было уже нечего, он с согласия папы изгнал их из своей провинции. При этом венский архиепископ объяснял Иннокентию, что из-за присутствия в его области евреев «души христиан подвергаются серьезной опасности». Хотя трудно вообразить, что могло быть для их душ более пагубным, чем совершенные уже преступления, папа уступил просьбе архиепископа, и несчастные евреи были принуждены снова возобновить свои скитания по свету.

В Германии обвинение в ритуальном убийстве было главным, хотя и не единственным поводом для волны погромов, прокатившихся по всей стране и угрожавших евреям полным уничтожением. Тогда они обратились за защитой к папе. В письме, адресованном архиепископам и епископам Германии (5 июля 1247), Иннокентий вновь говорил о жестокости и алчности. «Евреи в Германии, – писал он, – угнетены, подвергаются голоду, заточению и многим другим несправедливостям и тяготам, многообразным наказаниям, их предадут позорнейшей смерти; так что они живут хуже, чем их предки под властью египетского фараона». Папа советовал архиепископам «выказать к евреям благорасположение и милосердие и не допускать дальнейших издевательств над ними». Совет такого рода, обращенный к германским князьям и прелатам, был бесполезен.

Но самое главное Иннокентий совершил тогда, когда опубликовал свою замечательную буллу *5, воспрещающую христианам прибегать к кровавому навету *6 как предлогу для пыток, грабежа и убийства незащитных людей. «Среди громовых отлучений и вихрей честолюбия, – писал Милман, – было столь важно услышать этот еще слабый голос человечности, справедливости и милосердия». Голос слышался, но ему не внимали, хотя папское распоряжение было сформулировано столь четко, что никто не

мог оправдаться непониманием: «И да не посмеет никто обвинять их в использовании человеческой крови для религиозных обрядов... ибо в Фульде и некоторых других местах многих евреев убили под этим предлогом. Мы строго воспрещаем повторение подобных вещей» (23, 1, 424).

События в Фульде произошли приблизительно за десять лет до этого, в 1236 году, там «34 еврея обоюбого пола были зарублены крестоносцами, потому что в день Святого Рождества два еврея жестоко убили пятерых сыновей мельника». Евреев обвинили в том, что они собрали кровь своих жертв для ритуального обряда. Папа знал, что в Фульде, в Вальреа, во Франкфурте и других местах причиной убийств стала христианская алчность. Но и после смерти несчастные жертвы не могли избежать христианской алчности. В той же булле Иннокентий повторяет запрет, изданный его предшественниками, и осуждает «порок и алчность дурных людей... которые дерзают осквернять еврейские кладбища или выкапывают из могил похороненные там тела, чтобы затем вымогать у их родственников деньги». Речь идет о преступном промысле, запрещенном за 50 лет до того Иннокентием III, но так и не прекратившемся. Неизвестно, как наживались на этом; возможно, евреям приходилось платить деньги за возвращение тела и возможность перехоронить его. Хотя папы неоднократно выражали свое отвращение подобными действиями, они не осуждали доктрину, которая в глазах преступников делала такие поступки извинительными; доктрину, согласно которой евреи были изгоями, рабами, самое существование которых – результат терпимости христиан. Зарабатывавшие на выкапывании еврейских трупов вампиры, несомненно, могли успокоить остатки своей совести тем, что евреи не принадлежат к человеческому роду.

Эти отвратительные истории о христианских охотниках за трупами, разрывающих могилы и выставляющих на продажу мертвые тела, свидетельствуют, что в средние века многие были заражены той алчностью, которую историки зачастую объявляли специфически еврейской чертой.

Спустя 20 лет другому папе, Григорию X, пришлось упрекать свою паству в поступках, почти столь же отвратительных, как осквернение кладбищ. Иногда христиане зарывали трупы своих умерших детей на еврейских кладбищах, а затем вымогали деньги, угрожая обвинить евреев в убийстве детей с целью использования их крови в своих пасхальных ритуалах. 7 октября 1272 года Григорий X писал:

«Случается, что некоторые отцы умерших детей или другие христиане, являющиеся врагами евреев, тайно прячут мертвых

детей и пытаются вымогать у евреев деньги... Они самым ложным образом утверждают, что сами евреи похитили их детей и принесли в жертву их сердце и кровь».

Отец Милман приводит рассказ об императоре Фридрихе II, который, видимо, имеет отношение как раз к такого рода событию.

«Фридрих II, человек в высшей степени необычный, еще более усилил сомнения относительно его приверженности христианству, возникшие из-за его непокорности папе: он вступался за осужденный народ, что считалось нехристианским поведением. Однажды ему сообщили, что на Пасху в еврейском доме нашли трех мертвых христианских младенцев, на что император философски ответил: 'Так пусть их похоронят!'"» (119,3, 198). Григорий X издал разумное постановление, чтобы при обвинении евреев в ритуальном убийстве свидетельства христиан не принимались в расчет, если против обвиняемого не свидетельствует такое же число евреев.

Иннокентий тщетно угрожал отлучением тем, кто игнорировал его декреты. Никто так и не был отлучен от церкви; поговаривали, что папа подкуплен евреями; кровавый навет продолжался из века в век, сея среди христиан страх, подозрения и ненависть. К концу 13 века на его счету был уже длинный список человеческих страданий.

Обвинение в похищении детей, их убийстве после пыток и использовании их крови для религиозных обрядов – самый сильный из когда-либо изобретенных методов разжигания ненависти. На протяжении столетий это обвинение поддерживало и временами с новой силой разжигало народную ненависть к евреям в Западной Европе; оно дожило и до наших дней и оказалось наиболее действенным из ядов, использованных нацистами, чтобы одурманить немецкий народ и толкнуть его на совершение зверств, которые могут легко посрамить даже самые лютые жестокости средневековья.

История, состряпанная обращенным в христианство евреем, монахом Теобальдом, была впервые записана английским бенедиктинцем Томасом Монмаутским незадолго до проповеди Второго крестового похода в середине 12 века. Мальчик, по имени Уильям, был найден мертвым в лесу близ города Норвича. Несколько месяцев спустя Томас Монмаутский обвинил евреев в смерти мальчика. Он заявил, что они заманили ребенка в дом, подвергли его пыткам, а затем распяли. Эта история вначале не встретила одобрения у вышестоящих иерархов, но вскоре была с энтузиазмом принята многими малограмотными церковниками, монахами и приходскими священниками, воспользовавшимися

ею как новым поводом для нападков на «врагов Христа». Более того, культ первого ребенка-мученика, блаженного Уильяма, оказался крайне доходным. Томас Монмаутский, человек недалекого ума, видимо, не подозревал об ужасных последствиях своей фантастической истории, и было бы несправедливо считать его ответственным за происшедшее. Обвинять следует людей, среди которых было много церковников высокого ранга, использовавших эту историю для раздувания «мощного пламени простодушных предрассудков, иррациональной ненависти и ненасытной жажды крови, которое не угасло до сих пор, хотя с того времени, как Томас впервые взял в руки перо, прошло более семисот лет» (93, XIV).

Первая трагедия кровавого навета во Франции произошла в Блуа в 1171 году. Некий конюх сообщил, что видел, как еврей сбросил в Луару тело ребенка. Тела найти не удалось. Никаких других свидетельств преступления не существовало. Несмотря на это, 51 еврей – 34 мужчины и 17 женщин – подверглись пытке и были сожжены. За два десятилетия эта история распространилась по всему христианскому миру. С церковных кафедр рассказывали, как принято у евреев выражать свою ненависть к Христу: раз в год, предпочтительно на Пасху, они распинают младенца. Для многих религиозно настроенных людей средневековья это действие казалось вполне подходящим для евреев. Поминовение Страстей и смерти Христа стоит в центре христианского ритуала, и некоторым христианам казалось естественным, что в центре еврейского ритуала должна стоять «антицеремония», оскверняющая этот ритуал. Еще в недавнее время один доминиканский автор объяснял, что еврейское ритуальное убийство – своего рода извращенная месса, «которую служат в память распятого Христа, чтобы до окончания века хранить память об ужасном преступлении на Голгофе... Евреи, если им это удастся, освящают каждый год богоубийства принесением в жертву христианина» (44, 246).

Никакая ложь, ни древняя, ни новая, не оказала на общественную и политическую жизнь Европы влияния, сравнимого с историей, пущенной в обращение Томасом Монмаутским. В 1182 году, когда он, возможно, был еще жив, французский король Филипп Август изгнал из своей страны евреев, потому что верил, что они похищают и распинают христианских детей.

«Король, – писал Флэри в 1732 году, основываясь на хрониках того времени, –...испытывал ужасное отвращение к евреям, ибо слышал от придворных, что евреи Парижа имеют обыкновение ежегодно в Страстную пятницу приносить в жертву христианина. В правление его отца многих евреев уличили в этом преступлении, а в церкви Св. Иннокентия почитались мощи младенца

Ричарда, убитого и распятого евреями. По свидетельству Роберта, аббата Мон-Сен-Мишель, у могилы младенца-мученика свершилось несколько чудес. Автор той же хроники упоминает о сожжении в 1171 году в Блуа нескольких евреев, а также об убийстве в 1144 году ребенка (Уильяма) в Норвиче, в 1160 году – в Глочестере, а в 1181 году – ребенка, по имени Ричард» (66, 16, 507-508)).

Эта легенда была жива во Франции и в 18 веке. Флэри приводит необычный довод в пользу истинности подобных историй. «Евреи, – пишет он, – утверждают, что их оклеветали. Но почему же христиане всегда обвиняли их в совершении убийств именно в это, а не в какое-нибудь другое время года; видимо, они имели для этого определенные основания?» Эта клевета стала орудием, полезным для королей и церковников. Когда в 1492 году Фердинанд и Изабелла *9 изгнали евреев из Испании, «им удалось вызвать широкие антиеврейские настроения с требованием их изгнания только благодаря всенародной огласке обвинения евреев в человеческих жертвоприношениях» (106, 216).

Иннокентий IV не выносил в своей булле окончательного заключения, он не утверждал, что все обвинения такого рода – ложь; у него не было аргументов для такого категорического утверждения. Он писал, в первую очередь, для того, чтобы напомнить верующим о заповеди «не лжесвидетельствуй». Сам он, очевидно, не верил, что в этих обвинениях, во многих случаях связанных с торговлей трупами, есть хоть капля истины. Но его протест против этих мерзостей не оказал заметного влияния на страсти и предрассудки эпохи. В 1255 году, через восемь лет после обнародования осуждавшей кровавый навет папской буллы, в Линкольне состоялся судебный процесс против евреев, обвиненных в принесении в жертву христианского ребенка. Рассказ современника, хрониста Матфея Парижского, показывает, что со времени Томаса Монмаутского вымысел разросся и пополнился новыми подробностями.

Еврей Линкольна, как повествует Матфей, похитили восьмилетнего мальчика, по имени Хью, и, «заперев его в отдаленной комнате, кормили его молоком и другой детской пищей, и в то же время направили почти во все английские города, где жили евреи, приглашения прислать представителей на совершение жертвоприношения. Они сообщали, что оно должно состояться в Линкольне, где у них припрятан ребенок для распятия. Один из евреев Линкольна играл роль судьи-Пилата *10. Мальчика подвергли всевозможным пыткам: его били, пока не пошла кровь и он не посинел, увенчали терниями, подвергали насмешкам и плевали ему в лицо. Затем распяли его и пронзили его сердце копьем. Когда он испустил дух, его тело сняли с креста и выпотро-

шили». Тем временем шли поиски пропавшего мальчика, и наконец его тело нашли в колодце. Тогда кто-то вспомнил, что слышал о подобной находке в лесу возле Норвича около ста лет назад. Джон Лексингтонский, «человек ученый, рассудительный и благородный», предположил, что мальчика убили евреи. Этот ученый муж сказал, что «они, не задумываясь, совершают подобные вещи». Немедленно арестовали нескольких евреев, один из которых «под угрозой пытки и смерти» сознался во всем в надежде, что его пощадят. Но негодяя «привязали к конскому хвосту и приволокли к виселице». 96 человек были отправлены в Лондон, где 18 из них, «богачейшие и знатнейшие из евреев города Линкольна... были повешены и отданы во власть ветрам».

Матфей Парижский намекает, что главными зачинщиками всей этой расправы были христианские ростовщики; конечно, им это было на руку, как никому другому. "Если евреев, – заключает Матфей, – мог случайно пожалеть кто-то из христиан, то уж конечно их соперники – каорсинцы не уронили ни одной слезы. 70 евреев из числа осужденных «коллегией 25 рыцарей» были освобождены по ходатайству францисканцев. Этот акт францисканского милосердия не встретил одобрения в народе. Как всегда, говорили, что евреи подкупили монахов. «Святые братья (как говорят люди, если только следует верить молве в таких вещах), будучи подкуплены, освободили их из тюрьмы и спасли от заслуженной смерти».

Однако хронист не побоялся выразить свое убеждение в том, что францисканцы действовали из возвышенных соображений: «Я полагаю, – писал Матфей, – что, пока люди дышат воздухом этого мира, у каждого есть право на собственное мнение». Тем не менее, видимо, и он находился под впечатлением свидетельств обвинения, хотя эти свидетельства состояли лишь из «признания» «под угрозой пытки и смерти» одного-единственного человека. «Ведь эти евреи, – говорю я, – были найдены виновными присяжными на суде на основании заявления еврея, первым повешенного в Линкольне».

Возведенный благочестием верующих в ранг мученика, Хью многие столетия почитался как Маленький святой Хью Линкольнский; в его память и в память о чудесах, случившихся у его могилы, была поставлена церковь – знаменитое во всем христианском мире место паломничества, где молились, умилялись чудесами и укрепляли ненависть. Чосер *11 увековечил эту ужасную историю в «Кентерберийских рассказах». Христианская религия и литература совместно пользовались самой отвратительной и действенной в истории человечества клеветой. «В общем, – писал Чарлз Лэм *12 в „Несовершенных симпатиях“, – я не испы-

тываю к евреям дурных чувств... и могу вступать в дружеские отношения с любым представителем этой нации. Но, признаюсь, я не могу войти в их синагогу. Меня удерживают древние предрассудки. Я не могу сбросить с себя бремя истории Хью из Линкольна».

Хотя в течение столетий паломники посещали церковь Маленького святого Хью Линкольнского и платили церковникам, вся эта история была трагическим фарсом. Не было никаких свидетельств, кроме полученных под пыткой, что мальчик был убит, а не погиб в результате несчастного случая.

По всем областям Европы этот культ младенцев, со статуями, чудесами и паломничеством, питал ненависть, все глубже внедряющуюся в христианские души. Пилигримы возвращались домой не как свидетели еще одного проявления святости, а как обличители непостижимой порочности евреев. Каждый паломник был апостолом ненависти. В одном важном отношении эти истории отличались от других, посвященных рассказу о житии и прославлению того или иного святого; цель их состояла в очернении евреев. Эти легенды не свидетельствовали об истинности христианской веры или об идеале святости; культ младенцев-мучеников возбуждал в умах верующих не столько благочестие и любовь к Богу, сколько чувство ненависти и жажду мести.

Кровавые наветы стали столь часты, что трудно перечислить их все. Число людей, убитых без суда и следствия по этому чудовищному обвинению, невозможно установить. В 1279 году в Лондоне обвиненные в распятии христианского ребенка евреи были разорваны лошадьми. На Пасху 1283 года близ Майнца нашли мертвого ребенка; 10 евреев были растерзаны разъяренной толпой. В 1285 году в Мюнхене по той же причине толпа сожгла синагогу, в которой погибло 180 евреев. В следующем году в Обервезеле жестоко убили 40 евреев. В истории человеческой ненависти нет ничего подобного этим продолжавшимся 700 лет преследованиям тысяч невинных людей на основании нелепых обвинений, никогда не подтвержденных ничем, кроме признаний под пыткой.

Хотя в средние века людей, против которых не было достаточных улик, редко подвергали допросу, евреев это установление не слишком выручало: считалось, что они могут быть виновны в любом преступлении против христианина или против христианства. Предполагалось, что они постоянно злоумышляют против христианской веры и всякий раз, когда собираются вместе, чтобы защитить друг друга, плетут заговоры. Поэтому время от времени следовало принимать меры самозащиты. Когда против еврея, обвиненного в каком-либо преступлении, например, в похище-

нии ребенка, не было конкретных свидетельств даже с точки зрения средневекового суда, его могли признать виновным на основании универсальной презумпции еврейской порочности. В некоторых странах еще несколько лет назад существовала подобная практика. В ходе ставшего знаменитым суда *13 многие французы утверждали (а некоторые утверждают и до сих пор), что нет необходимости в доказательствах: достаточно знать, что подсудимый – еврей.

Между 1144 и 1490 годами церковь канонизировала множество младенцев-мучеников, почитавшихся «блаженными». Эти «маленькие святые» совершили множество чудес, и их культ существовал столетия; даже культ Св. Ниньо из Ла-Гардии, хотя нет свидетельств, что он был убит, а не стал жертвой несчастного случая. Тот факт, что его тело не было найдено, не повредил популярности этого мученика, а напротив, даже разжигал воображение верующих. В 1785 году приходской священник Ла-Гардии писал, что «то, что Бог уподобил Ниньо Христу и на третий день вознес его тело на небеса, служит предметом общей веры». За не найденного младенца-мученика отомстили 16 ноября 1491 года, когда инквизиция арестовала пятерых евреев (из них трое были *конверте*, т. е. принявшие христианство); трое были удушены, а затем сожжены, а двое других разорваны на куски раскаленными щипцами. Все это дело было инсценировано Торквемадой, чтобы снискать поддержку своей борьбе за изгнание евреев из Испании. «Хотя было бы преувеличением утверждать, что этим он завоевал согласие Фердинанда на изгнание евреев, нет сомнения, что это событие сыграло большую роль» (103, 1, 134).

История Блаженного Андрея Риннского (1482) – еще одна легенда из этого ряда. Не было ни обвинения, ни суда, ни приговора. В 1754 году Бенедикт XIV даровал отпущение всех грехов тем, кто посетит Риннскую церковь в Тироле, где почитались мощи мученика. В булле *Beatus Andreas* («Блаженный Андрей») от 22 февраля 1755 года папа не выражал ни малейшего сомнения относительно еврейской традиции ритуальных убийств. Однако нет никаких свидетельств, которые могли бы быть признаны судом, доказывающих, что хоть один из этих погибших детей был убит евреем или евреями. «Нет ни одного факта, – подытожил аббат Вакандар, – историческая достоверность которого была бы установлена» (184, 367). Но те, кто хочет верить во что-нибудь, не нуждаются в свидетельствах. Простое повторение одних и тех же обвинений принимается как своего рода свидетельство.

Должно быть, разум иезуитского журналиста, сотрудника «Ла Чивильта Каттолика» был совершенно затуманен антисемитизмом: в 1881 году он написал серию статей, в которых вера в риту-

альные еврейские убийства выражена с полным пренебрежением к принципам исторического критицизма. «Нет никакой моральной возможности, – заявил этот автор, – допустить, что столь непрерывные, повсеместные и многовековые убеждения и традиция существуют без всякого реального основания... Вера в зверские поступки евреев в средние века должна была хотя бы частично опираться на факты, потому что она вызывала такое сильное возмущение народа и королей». Подобный аргумент повторяется в популярном английском издании 1901 года: «Трудно отрицать справедливость всех этих историй, которые столь совпадали в деталях и повторялись столь часто» (180, 1, 579).

Так возникает легенда. Когда самые фантастические утверждения повторяются достаточно часто, они становятся «хорошо известными» и начинают служить подтверждением для других подобных утверждений. Иногда этот процесс длится несколько поколений. А. Б. Паджин (1812 – 1852), более известный как архитектор и археолог, чем как историк, полагал, что «нет каких-либо серьезных оснований» не верить в историю Маленького святого Хью, потому что «хорошо известно, что евреи в разные времена совершали подобные зверства». По его мнению, они были достойны мучительной смерти: «Отрадно, что виновные в этом ужасном варварстве были наказаны мучительной смертью».

Преподобный Урбан Батлер, автор статьи «Маленький святой Хью Линкольнский» в «Католической энциклопедии», понимал, что пришло время отказаться от утверждений, которые стало слишком трудно защищать. Однако он не отступил, не дав последнего боя: «Сегодня нет никакой возможности удостовериться, – писал он, – есть ли доля истины во всех этих обвинениях против евреев». Это уклончивое допущение по стилю напоминает ответ британского министра на щекотливый запрос члена Палаты общин. По-видимому, д-р Батлер писал бы менее уклончиво, если бы он защищал от навета не евреев, а католиков.

Когда отсутствие свидетельств в том или ином конкретном случае становилось уж слишком очевидным, церковные авторитеты, способствовавшие учреждению многочисленных местных культов младенцев-мучеников, оказывались в затруднительном положении. Но и здесь существовал выход. Дело в том, что этих младенцев канонизировали по способу, известному у теологов как «эквивалентная канонизация». Иными словами, это было просто узаконенное признание церковными авторитетами культа, возникшего без официальной санкции. После официального признания такой культ нельзя было ставить под сомнение, не вызвав при этом церковного порицания; то же правило касалось и событий, которые привели к его возникновению или послужи-

ли основой для его одобрения.

Впоследствии некоторые теологи при обращении к этим культам были смущены отсутствием достоверных фактов. Несмотря на это, один иезуитский автор сообщал читателям в феврале 1900 года, что непогрешимость католической церкви в вопросе канонизации «безусловна, как сама вера» и «абсолютно достоверна». Всякий католик, отрицающий эту непогрешимость, «совершает тяжкий грех против христианской веры».

Поистине удивительно, что подобные теории дожили до 20 века, вопреки тому факту, что в 1758 году Святейший престол официально осудил культ «младенцев-мучеников» и вновь подтвердил ложность всех обвинений в ритуальном убийстве. В том же году этот вопрос вновь стал на повестку дня из-за возобновления еврейских преследований в Польше, где с начала 18 века процессы по обвинению в ритуальном убийстве происходили почти ежегодно. История мук, которые претерпели жертвы этих процессов, рассказана С.М.Дубновым *15. В 1747 году в Заславе «все обвиняемые были приговорены к чудовищной казни, возможной лишь у дикарей. Некоторые были посажены на железный кол, медленно входивший в тело, так что казнь была длительной и мучительной. С другими обошлись не менее людоедски: с них полосами содрали кожу, вырезали сердца, отрубили руки и ноги и пригвоздили к виселицам». В 1753 году 24 еврея были обвинены в Житомире. «Одиннадцати удалось бежать, а остальные спаслись, приняв христианство» (56, 1, 177). Еврейские общины обратились к Святейшему престолу с просьбой о защите. В 1758 году кардинал Ганганелли (впоследствии папа Клементий XI) представил отчет, в котором показал ложность обвинений в ритуальных убийствах и признал недействительными все случаи детского мученичества, за исключением двух: Андрея Риннского и Симеона Трентского. Однако и в этих двух случаях, относительно которых сейчас ясно, что они не меньший вымысел, чем все остальные, отчет отвергал ритуальные мотивы убийства.

Культ Симеона Трентского (1475) был официально признан лишь сто лет спустя после его смерти. Папа Сикст IV, в понтификат которого мальчик «принял мученическую смерть», отказался признать его святым, а последующие папы повторили запрет. Однако в 1588 году папа Сикст V¹⁶ уступил народной вере и ненависти к евреям, и с тех пор имя Симеона Трентского поминается 24 марта в католическом мартирологе. История Симеона следует обычной средневековой схеме.

Согласно записанной в Тренте вскоре после трагического события истории, еврейский врач заманил и похитил христианского ребенка двух с половиной лет отроду накануне еврейского празд-

ника Песах. После того, как мальчика распяли и собрали его кровь, синагогальные служки некоторое время прятали тело, а затем бросили его в канал. Но преступление было раскрыто, когда подозреваемые признались под пыткой. После признания виновных подвергли ужасному наказанию, а у могилы младенца-мученика произошло множество чудес.

«В средние века подлинность подобных преступлений, – заметил епископ Тэрстон, – повсеместно принималась на веру». Трентский епископ Хиндербах направил папе отчет о мерах, принятых после убийства Симеона Трентского.

Наиболее видный член местной еврейской общины Шмуэль был арестован и в течение нескольких дней подвергался допросу. После первой пытки он потерял сознание и был отнесен в камеру. На следующий день его раздели, привязали руки к ногам и подвесили на перекинутой через блок веревке, так что его суставы почти лопались. Он все еще отпирался. Тогда веревку начали натягивать и отпускать, и от этих рывков он потерял сознание. Спустя три дня повторили ту же пытку. Его поднимали «на высоту, вдвое превышавшую длину его рук», и несколько раз рывком опускали, а затем оставили висеть около получаса. После трехдневного перерыва пытку возобновили. К его носу подносили железный таз с верящей серой. Наконец, «между голеньями ему привязали кусок дерева, чтобы увеличить его вес и сделать боль сильнее», и стали дергать его вверх-вниз, а затем оставили висеть четверть часа. После этого стали вновь дергать его вверх-вниз, пока, наконец, «его сопротивление не было сломлено». Вероятно, Шмуэль отказался от своего признания, так как в отчете указывается, что спустя два месяца его снова пытали: «ему положили подмышки два вынутых из кипятка яйца», и он согласился «рассказать всю правду при условии, что ему пообещают сжечь его, а не подвергнуть какой-либо другой казни». 23 июня он был сожжен на костре. Со всеми другими евреями, даже с теми, кто согласился на крещение, обошлись таким же образом. Некоторых вместо сожжения подвергли колесованию.

Доминиканец Бед Джаррет попытался успокоить современных читателей, которых сообщения об этих пытках могли привести в ужас; он утверждал, что в средние века люди были не так чувствительны к боли, как в последующие столетия. Это утверждение безосновательно; но даже если допустить, что это так, нет никаких моральных оправданий для людей, будь то священники, епископы или папа, ответственных за такие жестокости. Если бы евреи так мучили христиан, отец Джаррет вряд ли с такой легкостью утверждал бы, что допрос не был так мучителен, как кажется в наши дни. Тот факт, что многие тамплиеры *17 под пыткой

признали свою вину, а затем отказались от своих признаний, прекрасно свидетельствует, что и в средние века люди боялись пытки и испытывали боль точно так же, как и мы. «Если бы меня вновь подвергли такой пытке, – говорил тамплиер Понсар де Гриси, – я бы отрицал все, что я говорю сейчас. Я готов испытывать мучения, если они кратковременны; пусть они отрубят мне голову или сварят живьем во славу ордена, но я не могу переносить такого длительного мучения, какому меня подвергали на протяжении моего двухлетнего заключения» (102, 382). Те, кто прощают подобные поступки или косвенно упоминают их, не осуждая при этом в самых резких выражениях, сопричастны вине и поддерживают в душах людей зло, которое сделало возможным такую ненависть и жестокость в прошлом, а в недавнее время привело к совершению в огромном масштабе еще худших зверств.

Еще в 19 веке многие австрийские католики почитали Симеона Трентского как святого. Каноник Иозеф Декерт, разжигатель расовой ненависти, осужденный австрийским судом за злонамеренную клевету, опубликовал в 1893 году брошюру «Ритуальное убийство Симеона Трентского». Ее бесплатно раздавали прихожанам венских церквей. Такие брошюры писали не по религиозным мотивам. За несколько лет до этого в Австрии была предпринята попытка разжечь ненависть к евреям путем возрождения веры в совершение ими ритуальных убийств. В нынешней исторической перспективе это событие лишено значимости, однако оно представляет собой часть древней истории политической и религиозной ненависти, которая во многих европейских странах превратилась в эпидемию. Проповедники, преследующие религиозные или политические цели, всегда могут пробудить ее и превратить в массовое безумие.

Некий каноник Ролинг, глава одной из религиозных общин в Австрии, заявил, что ему удалось обнаружить новое свидетельство истинности обвинений евреев в ритуальном убийстве. В этой истории, изложенной в «Словаре апологетики» каноником Верне, нет и намека на то, что Ролинг был виновен в чем-то большем, нежели в филологической ошибке:

«Профессор Пражского университета каноник А. Ролинг вообразил, что обнаружил в Талмуде текст, позволяющий заключить, что еврейского ребенка можно принести в пасхальную жертву, если его отец не возражает против этого; а так как евреи приносили в жертву своих собственных детей, они тем более могли приносить в жертву неевреев... Книга Ролинга „Талмудический еврей“ вызвала резкую критику... Главным критиком был Ф. Делич... на самом деле талмудический текст не имеет того смысла,

который ему приписал Ролинг». Тот, кто читает эту краткую справку, может не понять ее истинного смысла. Читатель может предположить, что профессор проявил некоторую небрежность и сделал простительную ошибку, когда «вообразил, что обнаружил» в Талмуде нечто, что оправдывало его обвинения. Каноник Берне умолчал о самом важном: Ролинга обвинили не в ошибке, не в том, что он «вообразил», что открыл нечто, а в *фальсификации* талмудических текстов. Каноник Берне должен был знать и сказать своим читателям, что Ролинг и его сподвижник д-р Юстус были жуликами, зарабатывавшими на распространении клеветы на евреев. Трудно, пожалуй, найти более яркий пример умолчания истины, чем отсутствие в «Словаре апологетики» упоминания о знаменитом скандале, в центре которого стоял Ролинг.

Лживые измышления Ролинга, подкрепленные его собственными мошенническими сочинениями, стилизованными под цитаты из Талмуда, дали в руки французских и немецких юдофобов полезное оружие. Теперь они могли ссылаться на авторитет, который трудно было не признать католикам, – католического священника и профессора знаменитого университета. Однако австрийский раввин д-р Иосеф Блох публично объявил Ролинга «лжецом, клеветником и фальсификатором». Профессор подал на раввина в суд за оскорбление, но в последний момент отказался от своего иска и был присужден к уплате всех судебных издержек. Берлинский профессор Штрак выступил со следующим обвинением: «Я во всеуслышание обвиняю профессора и каноника А. Ролинга в фальсификации и крупном мошенничестве. Я готов доказать это обвинение перед любым судом». Автор книги «Шахматы лжецов Ролинга и Юстуса» Франц Делич знал, что его противником был не ученый, совершивший ошибку, а лживый мошенник, негодяй, знавший иврит достаточно хорошо, чтобы его подделка была принята за истину людьми, не знакомыми с этим языком. Делич был возмущен не только тем, что еврейский народ подвергся лживым нападкам со стороны человека, который был католическим священником, но и тем, что университетский профессор позорил свое звание и копрометировал науку. Написав «Шахматы лжецов Ролинга и Юстуса», Делич не «принял участие в споре», не выступил с «резкой критикой»; он вывел на всеобщее обозрение подлость двух известных мошенников.

Хотя клевета Ролинга была разоблачена учеными, которые снизились до того, чтобы обратить на него внимание, тот разряд читателей, для которых писал Ролинг, вовсе не был смущен. Кажется, многие из них были действительно убеждены, что всякая гуманитарная наука, если она не воинственно антисемитская, оплачивается еврейскими деньгами. В начале христианской эры

произошло событие, почти тождественное случаю с Ролингом. Если на место Ролинга поставить Апиона Грамматика, а на место Делича – еврейского историка Иосифа Флавия *18, древнее и новое события окажутся схожими почти во всех деталях.

Один из древнейших проповедников антисемитизма, Апион из Александрии (ум. в 45 г. н.э.), знал, как найти подход к воображению доверчивых людей, прельщенных его тщеславной и претенциозной ученостью. Его обвинение против евреев не отличалось от обвинений, которые повторяются из века в век и до сих пор используются антисемитами; они представляют собой набор клеветнических измышлений против еврейского народа, обвинение его в нелояльности и грубые извращения его религиозных обрядов и веры.

Историк и воин Иосиф Флавий в сочинении «Против Апиона» говорит о том, что тот обвинял евреев в обрядах, включающих ритуальное убийство. Нападки Апиона на евреев были полны самой нелепой лжи. Текст сочинения Апиона не сохранился, однако его содержание частично известно нам из ответа, который, к счастью, решил написать Иосиф. «Сознаюсь, – писал Иосиф, – что меня одолевали сомнения относительно Апиона Грамматика, следует ли мне трудиться опровергать его... ибо большая часть того, что он говорит, – совершенное непотребство и, сказать правду, показывает, что он – совершенный невежда».

Иосиф ответил Апиону главным образом из-за выдвинутых тем обвинений касательно «священных очистительных обрядов вместе с другими ритуальными законами храмового богослужения». В соответствии с восточной традицией, Апион опубликовал свои утверждения о преступных обрядах евреев в виде собрания историй. Некого грека нашли лежащим на кровати в тайнике еврейского храма, рядом стоял стол со всевозможными лакомствами. Когда его нашли, этот человек рассказал, что его неожиданно схватили иноплеменные люди, спрятали в храме и «откармливали этими странными блюдами, стоящими перед ним». Постепенно им овладели подозрения, и он «стал расспрашивать приходивших к нему слугителей; те сообщили ему, что его так откармливают... чтобы выполнить некий еврейский закон; что евреи имеют обыкновение каждый год ловить иноплеменника-грека и откармливать его, а затем отводят его к некому дереву, чтобы убить его и принести в жертву; там они совершают принятые у них торжества и вкушают от внутренностей жертвы...» Указав читателям на абсурдность этой истории, Иосиф заключает, что «позорно Апиону излагать лживую историю... Подобные наветы против нас уже принесли несказанные бедствия...»

Однако вопреки тому, что утверждал Иосиф и множество других достойных людей после него, доверчивое большинство продолжало читать сочинение Апиона и верить в его лживые вымыслы, а евреи продолжали вследствие этого столетиями страдать от «несказанных бедствий». Тацит *19 не усомнился повторить эти клеветнические наветы, хотя, вероятно, и знал ответ Иосифа Апиону. «Среди всех народов, – сказал Исаак Дизраэли *20, – евреи находили злокозненных апионов» (88, 213).

Одно из современных звеньев в длинной цепи ненависти – подделка, совершенная в конце 19 века лидером французских юдофобов Эдуардом Дрюмоном. «Факт убийства христианских детей евреями, – писал он, ссылаясь на авторитет Ролинга, – столь же очевиден и несомненен, как солнечный свет... То, что евреи в средние века постоянно совершали ритуальные убийства, неоспоримо доказано». Он заверял своих читателей, что и человеческие жертвоприношения в лесах Западной Африки, «по всей вероятности, совершаются под руководством людей семитско-еврейского происхождения» (55, 321-324). Возможно, многие образованные французы, читавшие этот вздор, пожимали плечами и считали его бессмыслицей, не имеющей никакого значения. Однако они ошибались. Значение и опасность подобных измышлений кроются как раз в их явной абсурдности. Ибо человеческая доверчивость не знает границ, а сознание большинства людей – полуобразованных или невежественных – зачастую можно поработить и впечатлить лишь фантастической ложью.

Как заметил Сидней Дарк, деятельность Дрюмона во многом подготавливала почву для появления Гитлера. Нацисты шли по проторенной дороге. Посредством широкой камлания в печати им удалось оболванить сознание немцев. В 1936 году, спустя 700 лет после обнародования в Германии декрета папы Иннокентия, осуждавшего кровавый навет, популярная немецкая газета «Дер Штюрмер» опубликовала иллюстрации, изображающие евреев, сосущих кровь христианских детей. Фальшивые цитаты, взятые якобы из Талмуда, и кровавый навет, с которым тщетно боролись папы, заняли почетное место в пропаганде ненависти, которая сделала возможным убийство такого масштаба, которого не знала история человечества. Роль веры в кровавый навет как часть процесса моральной деградации немецкого народа осознал д-р Сесил Рот, с замечательной проницательностью предрекший его последствия. В 1934 году он писал:

«Нацистская пропаганда в Германии время от времени предупреждает немцев, что на Пасху, вследствие потребностей еврейского культа, следует особенно хорошо присматривать за детьми; не следует удивляться, если такое полуофициальное одобрение в

недалеком будущем приведет Германию к великой трагедии, напоминающей самые черные страницы средневековой истории» (155, 17).

«Их бог – деньги»

Во все времена ненависть к евреям шла рука об руку с любовью к еврейским деньгам.

С.М.Дубнов

Англичане, которые в начале становления империи покидали свою страну в поисках удачи в заморских колониях, пользовались среди своих потомков в 19 веке репутацией альтруистов, не всегда оправданной. Можно сказать, и не раз говорилось, что эти первопроходцы не просто занимались торговлей, не просто любили деньги, а были движимы высокими помыслами и фактически закладывали основы будущего. Историк Ост-Индской компании с пафосом рассказывал об их идеалах:

«Великое здание нашей Индийской империи вознеслось, преувзойдя всякое предначертание человеческой мысли и творение человеческих рук. Эта империя возведена для нас как для избранного народа, и велика та ответственность, которая проистекает из данного нам таким образом доверия. Чем более мы вдумываемся в обстоятельства рождения и роста Британской державы на Востоке, тем более убогим и близоруким выглядит скептицизм, готовый объяснить столь колоссальный и непостижный прогресс чем угодно, кроме вмешательства всемогущего Провидения с целью, соизмеримой лишь с величием самого замысла» (98, 64).

Когда задолго до начала христианской эры евреи впервые стали оставлять Палестину и отправляться на поиски удачи на просторы Римской империи, они создали сеть торговых поселений во всех портах известного тогда мира, добравшись даже до отдаленных Британских островов. Однако никто никогда не допускал, что они чувствовали глубокую ответственность, не восхвалял их за открытие новых стран для облагораживающего влияния торговли. Напротив, часто утверждают, что куда бы евреи ни приходили, их влияние было губительным и не приносило выгоды никому, кроме них самих. «Еврейство распространилось по всей Римской империи и даже за ее пределы, – сказал один озлобленный пессимист, – словно огромная паутина» (16, 160). «В это время, – пишет современный французский исследователь еврейской истории, – появляется новый, неизвестный дотоле тип еврея – человек, способный делать деньги из всего и имеющий только одну родину – кошелек» (47, 367). Однако не этот «новый тип»

принес в Римскую империю страсть к наживе и почитание денег. «Культе денег» уже имел прочные корни не только среди римлян, но и, согласно императору Адриану, среди египтян. «Деньги, – сказал император, – были их богом». И добавил: «И этого бога почитают также христиане, евреи и весь свет». В такой сентенции подытожил император один из аспектов будущей истории западной цивилизации. Ненависть к евреям на религиозной почве, побудившая в 1215 году Четвертый латеранский собор принять дискриминационные постановления против евреев, в 14-15 веках усилилась страхом перед их торговой конкуренцией во всемирной погоне за деньгами – погоне, которая в конце концов привела к открытию Америки. «Самоограничение, тяжелый труд и разум, – заметил недавно лорд Сэмюэл, – преуспевают в конкуренции, но не преуспевают в приобретении друзей из числа конкурентов» (160, 130). Поэтому конкуренты приняли меры, чтобы уничтожить своих противников. И англичане с их практическим здравым смыслом показали миру, как наиболее эффективно достичь этой цели. В 1290 году всем евреям Англии (их было около 15 тысяч) было приказано покинуть страну, причем предварительно были изданы соответствующие постановления, чтобы это действие имело законный вид. Многие семьи жили в Англии на протяжении шести-семи поколений. Все они подлежали изгнанию в течение нескольких месяцев. Исход проводился с должным соблюдением закона и порядка. Евреям было дозволено взять с собой столько личного имущества, сколько они могли унести, и под вооруженной охраной их препровождали в порт для посадки на корабль. Конечно же, английские солдаты говорили, что они «очень сожалеют». Те, кому повезло, высаживались где-нибудь на побережье недружелюбной Европы. Никого это не заботило, и никто теперь не знает, удалось ли им выжить. Один английский капитан-весельчак высадил своих пассажиров на Гудвиновых песках. Когда начался прилив, он отплыл, посоветовав евреям молить о помощи Моисея. «Если можно сказать, что нация совершила преступление, – писал в 1873 году Л. О. Пайк, – одно из величайших национальных преступлений было совершено в Англии, когда под объединенным нажимом церковников, баронов и торговцев евреи были изгнаны из страны» (143, 184).

Так в Западной Европе появился новый страх, в котором еврейский народ жил с тех пор до сегодняшнего дня, – страх, что в любой момент, без предупреждения и без всякого обвинения им; могут приказать собрать свои вещи и отправиться в изгнание; они знали, что им некуда идти.! За границей их, словно крыс, гоняли из одного места в другое. «Они подобны крысам, – сказал И лишь несколько лет назад Леон Доде *2, – паразиты на теле Евро-

пы».

Примеру Англии вскоре последовала Франция. В 1306 году Филипп Красивый *3 приказал, чтобы все евреи под страхом смерти в течение месяца покинули страну. Указ был безжалостно проведен в жизнь. 100 тысяч человек, среди которых были люди, чьи предки поселились во Франции еще до христианской эры, были принуждены отправиться в изгнание, имея с собой лишь одежду, которая была на них. Некоторые из них купили свою безопасность: их «обратили» в христианство. В отличие от своих английских братьев, которые многолетним систематическим и, конечно же, законным гнетом были доведены до нищеты, французские евреи были зажиточны, а некоторые даже богаты. Филипп не имел к ним особых претензий, он просто хотел получить их деньги. «Телеги, полные еврейским добром, серебром, золотом и драгоценными камнями, были отправлены королю; менее ценные вещи были распроданы по смехотворно низким ценам» (77, 4, 48).

Несколько лет спустя Людовик X⁴ призвал евреев вернуться во Францию, даровав, но не гарантировав безопасное пребывание в стране. Нигде в Европе не могло быть безопасности от фанатизма и алчности. «Черная смерть»⁵ послужила новым поводом для резни и грабежа. Во Франции и Германии, «где евреев смертельно ненавидели, – писал Петрарка *6, – их обвинили в том, что они нарочно ездили в Индию, чтобы привезти оттуда чуму и распространить ее среди христиан». Тысячи евреев – мужчин, женщин и детей – были сожжены заживо после пыток, во время которых у них вырвали признание в отравлении колодцев. Подлинной причиной этих преступлений была алчность. Как сообщает честный хронист – современник событий, «богатство евреев было тем ядом, который погубил их» (77, 4, 106). Папа Клемент^{УР} опубликовал буллу, снимавшую с евреев ответственность за эпидемию чумы и подтверждавшую запрет насильственного крещения. Но эти постановления не сопровождались изменением папской политики угнетения евреев, они не были подкреплены практическими мерами и потому не имели никакого реального влияния на поведение христиан.

Когда в 1394 году евреи были окончательно изгнаны из Франции, они не могли найти надежного пристанища ни в одной из подвластных Франции областей. Некоторые поселились в Провансе, откуда спустя сто лет их изгнал Карл VIII⁸. Благодаря этому благочестивому поступку король стал народным героем, а его ненависть к евреям прославлялась в балладе того времени как христианская добродетель:

Этот добрый король, второй Веспасиан *9, Столь сильно ненавидел евреев и отвращался от них, Что получил прозвище хри-

стианнейшего короля, Который вышвырнул евреев из своей страны. Он очистил от них свои города, Памятуя, что Иисус принял страдания От этих людей; он ненавидит их народ И не даст им жилья или убежища (145, 2, 453).

Ввиду особенностей политического устройства Священной римской империи полное или официальное изгнание евреев из Германии было неосуществимо. Евреев изгоняли из одного города за другим, из одной области за другой, устраивали погромы, поводом для которых была вера, а подлинной причиной, как обычно, алчность.

В 13 веке открыли новый способ натравливать толпу на евреев, весьма полезный в тех случаях, когда невозможно было инсценировать процесс по обвинению в ритуальном убийстве. Евреев обвинили в краже освященных облаток из церквей и использовании их в магических целях. Это святотатство имело объяснение: евреи преднамеренно искали возможности отомстить Христу; считалось, что они, как и христиане, верили в то, что хлеб и вино при таинстве причащения – пресуществленные кровь и плоть Христа.

Повторявшиеся на протяжении веков по всей Европе обвинения такого рода, повсюду с трагическими последствиями и «чудесами», почти всегда создавались по одному и тому же образцу. Евреи якобы крали или покупали освященную гостию, которую они затем прокалывали или увечили. Гостия начинала кровоточить, и тогда уstraшенные преступники каялись в содеянном. Свидетельство об этой последовательности событий неизменно давалось под пыткой; обвиняемых предавали мучительной смерти, их сжигали, а их имущество конфисковывали. Полученные таким образом деньги часто шли на строительство церкви в честь «чуда», туда в течение веков стекались толпы пилигримов, укреплявшие свою веру и вносявшие пожертвования на ее содержание.

Такой способ избавляться от евреев и конфисковывать их деньги был впервые применен в Берлине в 1243 году, за 700 лет до того, как Гитлер усовершенствовал эту технику. Десятки жертв были возведены на костер за городом, на месте, которое до сих пор известно как Юденберг. В последующие века подобные процессы часто повторялись в различных европейских странах. В 1290 году в Париже, в соответствии с заведенной традицией, еврея обвинили в краже гостий и передаче ее приятелю, который сначала проколол ее, а когда из нее потекла кровь, бросил ее в кипяток. С гостией ничего не случилось, а вода стала красной. Виновные были подвергнуты пытке и сожжены заживо, а их имущество отошло королю Филиппу Красивому. Часть он выде-

лил монастырю, на воротах которого в течение 400 лет, вплоть до 1685 года, красовалась надпись, уведомлявшая прохожих, что «на этом месте еврей варил святую гостию». В 15 и 16 веках эта история, украшенная еще более невероятными подробностями, послужила основой для ряда популярных мистерий (60, 3, 82; 145, 3, 103).

В Брюсселе, в церкви Сен-Гюдюль, все еще проводится ежегодная праздничная церемония в память о чуде, убийствах и конфискации еврейского имущества в 1370 году.

Как в средние века, так и в наши дни история о кровоточащей гостий производит на критически мыслящего человека впечатление нелепой мистификации. Научное объяснение ее было получено в начале 19 века, когда сходные явления стали объектом биологического исследования. Исторический аспект проблемы необъяснимого появления крови на определенных мучных изделиях был подытожен автором статьи в «Центральблатт фюр Бактериологи» в 1904 году:

«Частота, с которой определенные красные хромогенные бактерии появляются на пищевых продуктах, была известна на протяжении многих столетий. В одном из диалогов Лукиана *10 Пифагор *11 объясняет свой запрет ученикам есть бобы тем, что вареные белые бобы, выставленные на лунный свет, превращаются в кровь. Так как запрет употребления в пищу бобов характерен для разных древних религий (например, он существовал у египетских жрецов и зороастрийцев, от которых Пифагор, несомненно, позаимствовал его), очевидно, что люди обратили внимание на этот феномен еще в глубокой древности. В 332 году до н. э. так называемое `кровоавое чудо` помогло Александру Македонскому овладеть Тиром *12. Его воины, осаждавшие Тир, обнаружили, что их хлеб был красным внутри; однако жрецы успокоили их, истолковав знамение как предвестие гибели Тира: так как `кровь` была внутри хлеба, гибель должна была постигнуть тех, кто внутри, а не вне города (Курций Руф *13, `История Александра`, IV.2). Столь часто принимавшаяся в средние века за чудо `кровоавая гостия` объясняется теми же причинами. Хлеб, выпекавшийся для причащения, содержал много крахмала и мало кислот и был превосходной питательной средой для *schizomycetes*; однако в народе это явление объяснялось тем, что неверные евреи прокололи гостию. Число казней и убийств, связанных с этим суеверием, было столь велико, что, намекая на них, Шёрлен замечает, что 'этот сапрофит погубил больше людей, чем какая-либо другая патогенная бактерия'».

Дополнительные сведения об этой, как теперь доказано, безвредной бацилле получены из Израиля. Исследователь из инсти-

тута научных исследований Шифа в Реховоте *14 пишет (июль 1948):

«Тот, кто однажды видел красного „клопа“, растущего в благоприятных условиях на крахмалистых пищевых продуктах, вряд ли забудет это явление. Это и впрямь устрашающее зрелище. Я наблюдал это явление, когда прошлым летом меня пригласили в кухню одного ресторана осмотреть большую кастрюлю картофеля, ставшего „кровавым“; толстая сочащаяся пленка „крови“ была не чем иным, как влажными наростами этой безвредной красной бактерии. Этот организм известен под несколькими названиями, из которых наиболее популярны два: *Serratia marcescens* Bizio и *Bacterium prodigiosum* Ehrenberg. В 1819 году Бизио впервые опубликовал описание этого организма и дал ему название; соответственно, это название обладает приоритетом... однако данное Эренбергом в 1824 году название *Bacillus prodigiosus*, или „чудотворная бактерия“, приобрело более широкую известность, поскольку сильнее действует на воображение как более выразительное название для организма с таким историческим послужным списком. Любопытно отметить, что молодое поколение израильских бактериологов называет этот организм *Serratia marcescens*, что, несомненно, научно более правильно, однако возможно, что также и потому, что они стремятся избежать неприятных ассоциаций, вызываемых Эренберговым названием. Этот организм широко распространен; у меня есть две культуры, выращенные на воде и на масле, однако обычно он хорошо развивается на влажных крахмальных пищевых продуктах, которые вдобавок содержат определенное количество протеина». Связь между появлением *Serratia marcescens* на освященной гостий, хранящейся в церковном сосуде, и средневековым обвинением в осквернении гостий не столь логична, как это может показаться на первый взгляд. Рост бактерии не мог быть частым феноменом, и это должно было чаще случаться с неосвященными облатками, которые скорее, чем освященные, могли храниться во влажном месте. Средневековый священник, обнаруживший красную бациллу на освященной гостий, легко мог истолковать это событие как чудо, ниспосланное Богом для укрепления веры в доктрину пресуществления, официально определенную церковью на Четвертом латеранском соборе в 1215 году. Но это истолкование зиждется на ошибке. Дело в том, что католическое учение ясно утверждает, что в то время как «субстанция» – сущность освященного хлеба – претворяется в субстанцию тела Христова, составляющие вещества, то есть его «акцидентальные физические свойства», не изменяются. Кровь не является «акцидентальным свойством» хлеба. Поэтому рост красных бактерий или даже появле-

ние настоящей крови на освященной гостий не имеет отношения к доктрине пресуществления. Это должен был понимать образованный средневековый церковник. Однако массы верующих могли и не принимать этого умозаключения. Весь христианский мир в средние века соглашался, что не только возможно, но даже и вероятно, что Бог мог явить кровь на гостий, чтобы укрепить веру или обличить неверие. Из такой предпосылки некритичный ум естественно мог вывести заключение, что «чудо» служит свидетельством божественного гнева на еврейское упрямство.

Но подобное суеверие не дает полного объяснения многовековой трагедии. Рациональное и религиозное оправдание гонения евреев заключалось в убеждении, что они не имеют права жить благополучно. Всегда ли алчность была основной причиной обвинений против них, не имеет значения; результат всегда был одним и тем же: властитель и священник, которые вместе сжигали их на костре, вместе извлекали (первый – прямо, второй – косвенно) из этого денежную выгоду.

Когда евреев изгнали из Германии, их сначала радушно приняли светские власти Польши. Казимир Великий (1333 – 1370) ценил ту пользу, которую его страна извлекала из трудолюбия евреев. Но вскоре после смерти этого короля они стали жертвами зависти конкурентов. В конце 14 века познанский архиепископ организовал процесс по обвинению евреев в краже трех гостий из доминиканской церкви. Познанского раввина, тринадцать членов местной общины и христианскую женщину привязали к столбам и подожарили на медленном огне (56, 1, 55). Доминиканцы же заработали на оставшихся в живых: они обязали еврейскую общину вечно платить им ежегодный штраф, взимавшийся до конца 19 века. После энергичной кампании крещения, проведенной в 1453 году Св. Иоанном из Капистрано *15 в Бреславле, несколько евреев были обвинены в краже освященной гостий. «Еврейку разорвали на куски раскаленными щипцами. За этим последовало обвинение в ритуальном убийстве, по которому сожгли 41 еврея». Основным мотивом этих варварских действий была алчность. «Многие христиане, – писал современник, – разбогатели благодаря награбленным у евреев деньгам». Такие жестокости продолжали позорить имя Польши еще долго после того, как в Западной Европе подобное зло было уже забыто. Всего два столетия тому назад с евреев, обвиненных в убийстве детей и использовании их крови в синагогах, заживо содрали кожу.

Хотя тенденция смягчать историю польской юдофобии характерна для некоторых английских авторов, никто из них не обнаружил большей изобретательности, чем Хилари Беллок, утверждавший, что полякам присущи особое терпение, терпимость и

милосердие на протяжении длительного периода мученичества, которое, по его мнению, они приняли от евреев. «Поляки, – писал он, – превратив свою страну в убежище для всех преследуемых в христианском мире евреев, стали жертвами собственного великодушия и еще и сегодня страдают от него» (21, 109). Однако на протяжении всей польской истории не известно ни одного случая, чтобы евреи заживо сжигали поляков; если бы такое событие было зафиксировано, Хилари Беллок, несомненно, упомянул бы о нем.

Большинство англичан не обратило внимания на историю еврейских страданий, рассказанную С.М.Дубновым в его «Истории евреев в России и Польше», хотя английский перевод этой книги вышел в свет в 1916 году. Большинство людей предпочитают думать, что эти средневековые ужасы принадлежат невозвратному времени невежества и предрассудков. Наука и современное образование якобы положили им конец. Дубнов не был столь оптимистичен. Он заканчивает свою книгу вопросом, который евреи задавали на протяжении веков: "Народ-мученик стоял на пороге нового царства с застывшим на губах вопросом:

"Что на очереди?". Сорок лет спустя Дубнов, которому тогда было за восемьдесят, был убит нацистами.

Одной из причин, почему немцы избрали Польшу главным «еврейским крематорием» Европы, было подкрепленное фактами убеждение в том, что любые злодеяния против евреев оставят безразличным общественное мнение этой страны, что население может быть готово даже к сотрудничеству. Многие поляки отказывались сотрудничать и помогали евреям бежать или прятали их у себя; католические священники с риском для жизни убеждали в проповедях свою паству не выдавать евреев нацистам. Однако даже эти героические проповедники не могли изменить вековую традицию, и неудивительно, что люди, которых не научили любить своих еврейских соседей в мирное время, не всегда были готовы на жертвы, когда наступил кризис.

Представление, что на самом деле евреев вовсе не преследовали или преследовали так же, как другие меньшинства, является следствием невежества. Этот аргумент часто используют люди, втайне одобряющие притеснение евреев. В Англии человек может быть хорошо образован в области истории и даже иметь научную степень и при этом практически ничего не знать об истории евреев в Европе. Во многих европейских учебниках истории о евреях либо вообще не говорится, либо о них упоминают между прочим, как о ростовщиках.

По-видимому, именно невежеством можно объяснить удивительную фразу, написанную в 1913 году Сесилем Честертоном в

«Бритиш Ревью»: «Нам говорят, что евреев преследовали! Но ирландских католиков преследовали... более жестоко, чем евреев». Возможно, Г. К. Честертон знал историю несколько лучше, чем его брат. Но круг его познаний был столь же узок. «Говорить о евреях всегда как об угнетенных и никогда как об угнетателях, - писал он, – просто абсурдно; это подобно тому, чтобы требовать соответствующей помощи изгнанным французским аристократам или разорившимся ирландским лендлордам и совершенно забывать, что французские и ирландские крестьяне тоже пострадали!» (43, VI) По-видимому, эти авторы придерживались взгляда, что, может быть, евреев время от времени и преследовали, но они всегда заслуживали этого; христиане, оскорбленные богатством этих людей, восставали против них и с полным правом резали их. Французские антисемиты, которые гораздо откровеннее других, высказывают свою симпатию к подобным действиям в недвусмысленных выражениях. Жорж Бернанос *16 открыто одобрял преступления, совершенные его христианами предшественниками. «Когда пришло время, они очистили себя от евреев, как хирург вычищает гнойник» (25, 42).

В Испании под руководством доминиканцев «гнойник» был вычищен с хладнокровной тщательностью. Искусный хирург Торквемада подготовил и провел операцию. В 1492 году всему еврейскому населению Испании (от 200 до 500 тысяч человек) было приказано оставить свою собственность и покинуть страну в четырехмесячный срок. Несколько тысяч несчастных на время нашли спасение в крещении. Сесил Рот пишет:

«Наиболее сильные из тех, кто отправился в путь, не видели конца своим бедствиям. Голод и болезни повсюду преследовали их по пятам. Многих ограбили и убили в море бесчестные кораблевладельцы. Тем, кто высадился на африканском берегу, пришлось столкнуться с ужасами пожаров и голода и с нападениями разбойников. Те же, кто прибыл к берегам христианской Европы, оказались еще менее удачливы, и даже современники были возмущены, наблюдая, как у генуэзских причалов рьяные монахи – с крестом в одной руке и хлебом в другой – сновали среди голодных людей, предлагая пищу в обмен на принятие христианства» (156, 247). Генуэзский историк Бартоломео Сенерага, свидетель ужасного положения этих беженцев, с оттенком осуждения объяснял, почему местное население и вообще весь мир проявили столь полное безразличие к их судьбе. Это безразличие следовало не из отсутствия гуманности, а из того, что в евреях не видели людей, к ним относились почти как к животным. Страдания этих людей, по его словам, «представлялись с точки зрения нашей религии похвальными, однако если посмотреть на них не как на

животных, а как на людей, творения Господа, в том, что они обречены на страдания, есть доля жестокости».

Испанцы, сжигавшие евреев на кострах, короли, изгонявшие их, священники, стряпавшие обвинения в ритуальных убийствах и пытавшие евреев до смерти, – все они были одушевлены одним и тем же стремлением к наживе. Менялись предлоги – религиозные, политические, экономические, но результат всегда был один и тот же: еврейские деньги текли в карманы преследователей. В 20 веке эта техника была усовершенствована немцами, показавшими, как на евреях можно зарабатывать и после их смерти. Тонны золота были собраны и поступили в берлинский банк: переплавленные кольца, сорванные с пальцев, золотые зубы, вырванные у мертвецов. Когда охота на евреев стала в Германии популярным «спортом», женскими волосами набивали мешки, трупы шли на изготовление мыла, а кости – на выработку удобрений. Это делалось людьми, которые были христианами. Об этих людях следует помнить тем, кто разглагольствует о пристрастии евреев к золоту *17.

В 15 веке у евреев еще было право на погребение. Но пока они были живы, пока у них были деньги и имущество, их травили до смерти. Большинство евреев (по оценке некоторых исследователей – около 100 тысяч)¹⁸, изгнанных из Испании, нашло убежище в Португалии, где их встретили враждебно. В 1496 году король Мануэль велел под угрозой смерти покинуть страну всем евреям и маврам, отказывающимся принять крещение; вся их собственность, конечно же, была конфискована. Более того, у них должны были отобрать детей и насильственно окрестить их. Это распоряжение было особенно болезненным для евреев, которые традиционно очень преданы детям. Португальцы забыли, что, когда Иисус сказал «пустите детей и не препятствуйте им приходиться ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное» (Матф., 19:14), он не имел в виду: «Вырвите еврейских детей из рук их матерей, разбейте семьи, отнимите мальчиков и девочек от их плачущих родителей, отправьте их как можно дальше, на другой конец страны, и окрестите их во имя Отца, и Сына, и Святого Духа; главное же – сделайте так, чтобы они никогда больше не увидели своих родителей».

Большинство искавших спасения в Португалии евреев оказалось в отчаянном положении вследствие почти немедленного возобновления ужасов, которые они претерпели в Испании. Им было некуда идти, у них нигде не было друзей. Церковники твердо вознамерились спасти еврейские души. Д-р Сесил Рот пишет:

«На самом деле „изгнание из Португалии“ – неточное выражение. Число тех, кто мог эмигрировать, было настолько ничтож-

ным, что его можно вовсе не принимать в расчет. То, что положило конец присутствию евреев в этой стране, было беспрецедентное по своим масштабам всеобщее крещение, почти не имевшее исключений и проведенное в жизнь с необузданным насилием... В большинстве случаев евреям не оставили возможности принять мученическую смерть. Их буквально вталкивали в купель и после грубой пародии на обряд крещения объявляли христианами» (154, 60-61).

Их вталкивали в купель. Мавров же пощадили, опасаясь ответных действий: у мавров была армия и собственная страна. Жестокость турок, сарацин и мавров вошла в поговорку, и у христиан были серьезные причины опасаться их. Однако память об их жестокостях угасла, и сегодня никто не обвиняет «арабов» за зверства, совершенные ими в 15-16 веках. Никто не помнит, что случилось с достопочтенным архиепископом из Отранто, когда там в 1480 году высадились мусульмане. Более половины жителей этой области были казнены мучительной смертью, а оставшихся увели в рабство. Престарелого архиепископа распилили надвое (139, 4, 334). В 1453 году в Константинополе *19 турки проявили такое же отношение к христианской религии. В сообщении об их действиях папа Пий II жаловался:

«Они уничтожали изображения Богоматери и святых, повергали в прах алтари, бросали свиньям мощи мучеников, убивали священников, бесчестили жен и девиц и даже оскверняли монахинь, убивали зажиточных граждан. На пиршестве у султана они проволокли по грязи образ нашего распятого Искупителя, плевали на него и кричали: 'Вот он. Бог христиан!'»(139, 3, 90).

Во время венгерского крестового похода 1525 года «пять убитых епископов и два архиепископа были брошены на поле битвы. Перед шатром султана в честь победы была сложена пирамида из двух тысяч голов. На следующий день перебили полторы тысячи пленников» (134, 10, 179-180).

Эти действия не оставили в памяти европейцев ненависти к убийцам. Даже в то время евреи считались большими врагами христианства, чем турки и арабы. В перечне пассажиров «Корабля дураков» Себастьяна Бранта *20 евреям отводится первое место:

Проклятых евреев, презирающих учение Христа, За их упрямую и бессовестную жестокость Следует поставить впереди всех дураков.

Турки, мавры и сарацины в представлении англичан являются своего рода «джентльменами». «Память общества удивительно коротка, – писал сэр Арнольд Уилсон, – и я часто поражаюсь, что среди англичан распространено представление... что во время

войны турки вели себя, как настоящие солдаты» (192, 129). Большинство людей забыло, если вообще когда-нибудь знало, как турки и арабы обращались с английскими военнопленными в Месопотамии во время Первой мировой войны. Умиравших от дизентерии и холеры английских солдат арабы кнутами гнали по дорогам; с тех, кто падал, сдирали одежду, их истязали, а иногда хоронили еще живыми. Историю этого марша никогда не расскажут полностью, «так как те, кто мог бы рассказать самое худшее, не пережили его. Некоторые, особенно самые молодые солдаты Хэмпширского и Норфолкского полков, неоднократно вынесли от турок худшее бесчестье, какое только один человек может нанести телу другого; они были слишком слабы, чтобы сопротивляться своим охранникам...» На полях сражений в Месопотамии «арабы без усталости рыскали среди убитых, гонимые грязной жаждой добычи и человеческой жизни». Однако сегодня в Англии никто не считает, что справедливо обвинять турок или арабов за поведение их далеких предков в Отранто или их отцов в Месопотамии. Никто не помнит страшного события, которое произошло 17 марта 1919 года в Верхнем Египте, возле Миньи. Проходивший здесь поезд остановили и убили двух британских офицеров и еще восемь пассажиров. Их тела разрезали на куски, и их руки, ноги, куски тела разносили по улице деревни, выкрикивая: «Английское мясо!» (35, 40).

Если бы в какой-либо период своей истории евреи распилили надвое архиепископа или даже дьякона, им этого никогда бы не забыли. Если бы еврейские террористы разрезали на куски английских офицеров и продавали их мясо на улице еврейской деревни, ответственность возложили бы на всех евреев мира и им всегда напоминали бы об этом зверстве. Видимо, для арабов существует один закон, а для евреев – другой. Араб может украсть из табуна десяток лошадей и отделаться порицанием, а еврея, который только заглянет через ограду, арестуют и посадят за решетку.

Образованность и интеллект ученого не всегда являются преградой для тенденциозности, способной сделать необъективным даже профессионального историка. Печально обнаружить в «Истории пап» Людвиг фон Пастора фразу, которую мог бы написать начальник немецкого концлагеря. Даже у этого неутомимого исследователя были два разных исторических подхода: один – для христиан, другой – для евреев. Папу, обвиненного в слабости, глупости или преступлении, при недостаточности улик следует оправдать или извинить обстоятельствами, еврей же – и только еврей – может быть осужден без всякого снисхождения. Пастор практически не упоминает евреев и редко обращает внимание

на их несчастья и их судьбу. Но его оправдание святейшей инквизиции могло бы принадлежать перу самого Торквемады, если бы инквизиторы считали нужным объяснять, за что они сжигали людей заживо. В наши дни объяснение Пастора удовлетворило бы любого немецкого расиста-убийцу. Оно имеет легкий, но ясно различимый оттенок идеологии нацизма:

«Сикст IV *21 выказал большую твердость в вопросе об испанской инквизиции. Эта судебная организация... была создана, в первую очередь, для рассмотрения особых обстоятельств, связанных с еврейской общиной в Испании. Ни одно другое европейское государство не пострадало в этот период так, как Испания, от безжалостной системы ростовщичества и организованного вымогательства, практиковавшейся этими опасными чужаками. Преследования были естественным результатом этого...» (139, 4, 398).

В экономическом положении еврейской общины Испании не было ничего необычного. В целом евреи были трудолюбивы и, естественно, преуспевали; некоторые из них были очень бедны, а очень немногие богаты. Их роль в банковском деле и в сборе королевских налогов была необходимой для экономики зарождающегося капитализма. Несомненно, некоторые евреи в Испании и Португалии разбогатели благодаря ростовщичеству, однако в обеих странах христианское ростовщичество снискало еще худшую славу. Вследствие безопасности, в которой испанские евреи жили до конца 14 века, официальный процент на ссуду составлял 20%, что было гораздо меньше, чем повсюду в Европе (132, 201).

Расходы на церковь в Испании были большими, чем позволяла экономика страны. Доходы священников (без учета поступлений от монастырей) оценивались в 4 миллиона дукатов. Рука об руку с огромными доходами, а может быть, именно вследствие их, шли невежество и аморальность. Все эти доходы представляли собой налог на торговлю и промышленность, «значительная часть которых была в еврейских руках» (141, 53). Эти «опасные чужаки» были трудолюбивы и преуспевали. Испанские церковники смотрели на еврейское добро с вожделением. Еврейские деньги, в отличие от христианских, нельзя было заполучить в церковную кассу привычными церковными методами. Ленивая и богатая знать, промотав свои состояния, всегда была готова уклониться от уплаты долгов, учинив еврейскую резню. Разжечь же в народе ненависть и зависть было всегда просто. Церковники внушали пастве, что все евреи сказочно богаты, что они распяли Христа, что они похищают младенцев, убивают их и пьют их кровь. После всего этого было вполне логично утверждать, что Бог одобрит любые жестокие меры против евреев. Преследование было логи-

ческим следствием подобных проповедей.

После волны погромов 1391 года *22, когда около 50 тысяч евреев было убито, а многие тысячи спасли свою жизнь лишь ценой принятия крещения, аргументы христианских проповедников продолжали пользоваться еще большим успехом. Убеждение Св. Винсента Феррера, что десятки тысяч евреев приняли христианство благодаря его красноречию, показывает, что наивное самодовольство не является препятствием для канонизации. Несомненно, некоторые из этих новообращенных были искренни, но большинство, как показывает их собственная история и история их детей, приняло христианство, чтобы спасти жизнь и имущество. Они не понимали, что, согласившись на крещение, обрекли свои тела и души на жизнь в тени святейшей инквизиции.

Никто лучше Пастора не знал, что в то самое время, когда, по его словам, Испания якобы задыхалась под финансовым гнетом евреев, весь христианский мир начал восставать против организованного вымогательства папской курии *23. В конце 13 века, во многом в результате усилий папской власти, большая часть Европы перешла от системы товарного обмена к золотому стандарту. Финансовое могущество папской власти становилось главной опорой мирской мощи, к которой стремился и которой достиг Иннокентий III. Постоянная забота курии состояла в том, чтобы собрать как можно больше денег для постоянных расходов и содержания разраставшегося штата церковных чиновников. «Это была группа цепких, бессовестных и всемогущих церковников курии, которые препятствовали всякой попытке реформы, которые разжирели и развратились на церковных доходах и превратили иерархию почти что в светскую державу, которые сделали предметом торговли все права и обязанности, налагаемые церковью» (67, 1, 91). Папа Иоанн XXII²⁴ был величайшим финансистом и богатейшим человеком Европы. Он оставил после себя около 700 тысяч золотых флоринов. Авиньонские кардиналы также не были равнодушны к деньгам; один из них оставил после смерти в 1364 году 176 тысяч золотых флоринов (67, 1,91).

Возвращение папского двора в Рим не привело к улучшению его нравственности и финансовых методов. В понтификат Бонифация IX²⁵ «курия в Риме стала подлинно торговым предприятием». Места при папском дворе и церковные приходы открыто продавались тем, кто предлагал более высокую цену. Коррупция всей администрации и неразбериха вследствие «великого раскола», кульминацией которого было избрание в 1410 году антипапы *26 Иоанна XXIII, характеризуются Крейгтоном как «гротескная и богохульственная нелепость». Некий епископ того времени писал, что «симония *27 и корыстолюбие столь неприкрыто процве-

тают при папском дворе, что в них даже не видят греха». Поборы, взимаемые папами, несмотря на растущее возмущение паствы, не всегда шли на покрытие только административных расходов. Религии не принесла особой пользы покупка папой Сикстом IV, проявлявшим «великую твердость в вопросе об инквизиции», тиары, стоившей целое состояние. Из-за растущих расходов и расточительства таких пап, как Лев X (1513 – 1521), пришлось прибегнуть к средству, хорошо знакомому всем несостоятельным правительствам, – продаже должностей, титулов и индульгенций, что в свое время обличал Лютер *28.

Даже с поправкой на возможные преувеличения история римской курии 14-16 веков показывает, что евреи того времени были не единственными людьми, чрезмерно занятыми погоней за деньгами.

Экономический крах Испании был не следствием «безжалостной системы ростовщичества и организованного вымогательства этих опасных чужаков», а результатом изгнания наиболее активных и трудолюбивых граждан – евреев и мавров. Пастор должен был знать, что испанская инквизиция была орудием грабежа, она накопила несметные богатства, добытые бесчестными средствами. «Никакой другой фактор, – писал д-р Рот, – на протяжении 16-18 веков не способствовал в такой степени выкачиванию с Пиренейского полуострова богатства, накопленного там за столетия»(154, 122).

У Пастора не нашлось для еврейских жертв испанской алчности ни одного сочувственного слова. Добросердечный историк Бартоломео Сенерага, свидетель прибытия в Геную кораблей с беженцами, описал свои впечатления от зрелища, повторившегося и в наше время. Такие сцены и в 20 веке привлекали немногим больше внимания и сочувствия, чем раньше, в конце 15:

«Было грустно смотреть на их бедственное положение. Многие были изнурены тяжкими лишениями и жаждой. Невероятное количество жизней унесли не только тяготы морского путешествия и непривычка к плаванию, но и жестокость и алчность тех, кто вез их, – моряки многих выбросили за борт; те же, кто не мог заплатить за переезд, продавали детей. Многие из них прибыли в наш город, но здесь им нельзя было оставаться долго, ибо установленное в нашей республике правило ограничивало их пребывание тремя днями. Однако им все же дали разрешение остаться на несколько дней, чтобы хоть немного оправиться от путешествия по бурному морю во время ремонта судов, на которых их доставили. Казалось, что это призраки: истощенные, голодные, с закатывшимися глазами; их можно было бы принять за мертвецов, если бы они иногда не шевелились слегка... Многие из них

умерли на причале, на той его стороне, которая прилегала к рынку и была отведена для приема евреев. Об опасности мора не думали, но с приближением весны стали появляться дремавшие зимой язвы, и это бедствие, долгое время мучившее город, вызвало на следующий год эпидемию».

Если бы Пастор прожил еще несколько лет, он смог бы увидеть, как «эти опасные чужаки» снова двинулись в путь – колонны изможденных людей, гонимых на смерть. Конечно, он бы счел, что все они были замешаны «в безжалостной системе ростовщичества», направленной на уничтожение Германии. Он мог бы увидеть и еще один исход *29, на этот раз через Средиземное море, и сцены, не менее оскорбительные для человечества, чем те, которые вызывали сочувствие Сенераги. С евреями, спасшимися морем от немецкого террора, обращались еще хуже, чем с их предками, изгнанными из Испании Фердинандом и Изабеллой. Набитые беженцами корабли месяцами скитались в открытом море в поисках порта в Старом или Новом свете, порта, согласного принять этот «нежелательный груз». В 1940 году 3 тысячи евреев, которым удалось добраться до Палестины, были задержаны королевским флотом прежде, чем их утлое судно успело подойти к берегу их «национального очага». В Хайфском порту их переправили на британский корабль, который по странному стечению обстоятельств назывался «Патриа» (родина). Им сказали, что порт их назначения – Маврикий. По неясной причине корабль взорвался (возможно, его взорвал кто-то из впавших в отчаяние пассажиров), и 250 человек погибли. Нескольким беженцам, добравшимся до берега, разрешили остаться, а все остальные были депортированы на Маврикий, где в течение пяти лет их держали в концентрационном лагере.

История «Струмы», не приспособленного для морского плавания судна водоизмещением в 180 тонн, закончилась еще более трагически. 769 пассажиров, треть из которых составляли женщины и дети, прибыли в Стамбул, однако им не разрешили причалить, так как у них не было транзитных виз в Палестину. Британское правительство отказалось выдать сертификаты даже детям, когда матери заявили, что готовы отправить детей одних. После двухмесячного ожидания «Струма» была вынуждена вернуться назад, в контролируемый нацистами порт. Но ее пассажиры избежали пыток и газовых камер: корабль наткнулся на мину в пяти милях от турецкого берега, и все, кто был на его борту, за исключением одного человека, утонули. Когда из Еврейского агентства о катастрофе сообщили одному из высших чиновников британской иммиграционной службы, он испытал чувство облегчения. «Ужасно, – сказал он, – но, возможно, это лучшее, что мог-

ло случиться».

Шестью годами позже история корабля Хаганы *30 «Эксокус» была кульминацией «морской войны» между королевским флотом и кораблями беженцев. Королевский флот победил, и беженцев вернули в их концлагеря в Германии.

С конца средних веков и до конца 18 века в большинстве стран Европы история евреев – это история терпения, сопротивления и выживания. Они постоянно жили, как беженцы, отданные во власть капризов и алчности христианских правителей, поставленные вне закона церковью, защищаемые папским авторитетом не от всякого угнетения, но лишь от «слишком сильного». Ибо парадокс состоял в том, что осудившие их на вечное угнетение папы были единственными защитниками их права на жизнь. В самые мрачные эпохи на территориях во Франции и Сицилии, находившихся под папским управлением, евреи могли относительно спокойно жить и тогда, когда их подвергали преследованиям во всех европейских странах. В более поздний период с такой же терпимостью к ним относились и в Голландии. В папских владениях евреям никогда не грозило изгнание и, за редкими исключениями, они были защищены от погромов благодаря не только авторитету церкви, но и человечности итальянцев. В Риме или в папских государствах запрет физического насилия над евреями никогда не был только словами. Павел II (1534 – 1549)³¹ запретил проведение в Колизее мистерий, представляющих Страсти Господни, потому что после этих представлений зрители обычно отправлялись громить евреев.

Евреев защищали от жестокого угнетения, однако ничего не делали для того, чтобы избавить их от того унижения, на которое их обрек Иннокентий III. Позорное Корсо Раче, столетиями устраивавшееся во время римского карнавала, когда еврейских старейшин заставляли полуголыми бежать по главной улице города, было отменено лишь в 1568 году, несколько лет спустя после того, как Монтень *32, сам наполовину еврей, наблюдал это зрелище без всякого осуждения. Эта уступка человеческому достоинству была дана не даром. За отмену этого популярного «развлечения» евреи должны были платить ежегодную денежную компенсацию. По меньшей мере один из членов каждой еврейской семьи должен был еженедельно присутствовать на проповеди в католической церкви. Тех, кто не мог примириться с этим правилом, подвергали штрафу. В поэме «День Святого Креста» Роберт Браунинг *33 описывает гротескную сцену:

В беспорядке мы плотно набиты – Крысы в корзинке, свиньи в загоне, Осы в бутылке, лягушки в сите, Черви в трупе, блохи в рукаве. Тес! Распрямите плечи, расправьте руки И встретьте епи-

скопа гулом – вот он входит! Аарон заснул – ущипните его за ляжку Или ткните в брюхо!

Конечно, еврейские деньги шли на жалование проповеднику. Более того, на евреев была наложена особая подать на содержание Дома обращенных, где «заблудшие овцы», перешедшие в лоно христианства по доброй воле или в силу экономического давления, получали наставления в новой религии. Фактически эти деньги служили для того, что оплачивать согласие самих евреев принять христианство или, как предпочел выразиться один французский историк, «на благо новообращенным, которые иногда слишком торопились, чтобы ждать, пока Бог воздаст им должное за отречение от иудаизма» (94, 20).

В папских владениях евреи тоже не имели человеческих прав – их просто терпели. Однако, в конечном счете, там они вели менее тягостную жизнь, чем где-либо в Европе. На протяжении 15-16 веков репрессивные постановления против них зачастую смягчались благодаря гуманистическому влиянию Возрождения. Иногда, правда, это было вызвано другими причинами: нуждавшаяся в деньгах курия понимала, что если евреям дать немного свободы, они смогут платить большие налоги. Порой причиной была гуманность папы, отступавшего от средневековой доктрины. Хронист времени воинственного папы Юлия II сообщает об одном таком случае. Папа пригласил римских евреев встретить его на его пути в базилику Св. Петра. Евреи пришли одетые в лучшие платья, неся оливковые ветви и распевая псалмы на иврите. «Папа был доволен, услышав, как они поют».

Никогда более на улицах Рима не видели евреев, шествующих приветствовать папу и распевующих свои священные песнопения на иврите. Это молчаливое признание человеческого равенства не могло повториться. Расколовшая христианский мир Реформация отбрасывала в сторону гуманность и гуманистическое просвещение, когда дело касалось евреев. В этом случае они страдали из-за своей нейтральности между двух враждующих лагерей. Совпавшие с контрреформацией *35 гонения евреев во многом сходны с антисемитской кампанией, начавшейся с провозглашения в 1935 году Нюрнбергских законов. Кардинал Караффа, ставший в 1555 году папой Павлом IV, проводил политику притеснения евреев. В первые же месяцы своего правления он опубликовал буллу *Sum nimis absurdum* («Сколь же нелепо»), которую один современный историк характеризует как «одну из вех еврейских гонений и мученичества» (153, 295). Этот документ еще раз подтвердил доктрину средневековых пап. Еврейский народ еще раз был объявлен обреченным на «вечное рабство». Евреям снова указали на их дерзость, ибо они желали жить, как все люди,

в средневековом духе обвинили в совершении «разнообразных преступлений».

Ни в одном официальном документе вплоть до прихода Гитлера о евреях не говорилось в столь грубых выражениях, как в этом послании к христианам: «Сколь же нелепо. Ввиду того, что в высшей степени нелепо и неподобающе, что осужденные Богом на вечное рабство евреи, вследствие того, что их пестует христианская любовь и им позволено жить среди нас, выказывают неблагодарность к христианам, оскорбляя их за их милосердие и держась, как господа, а не как подданные, как им то подобает; ввиду того, что Нам сообщили, что в Риме и других местах они столь бесстыдны, что позволяют себе жить вблизи церквей среди христиан, стремясь одеянием своим не отличаться от христиан, дерзают снимать жилье на самых красивых улицах и площадях городов, деревень и мест, где они живут, дерзают нанимать христианских служанок, кормилиц и другую прислугу и совершают другие позорящие и оскорбляющие христиан проступки; и принимая во внимание, что Римская церковь терпит евреев только как свидетельство истинности христианской веры... Мы приказываем принять следующие меры, которые должно соблюдать вечно...»

Следует заметить, что папа Павел IV подчеркнул вечность еврейского рабства. Подобно Св. Иоанну Златоусту, он не оставил им надежды на спасение ни в этом, ни в будущем мире, если они не примут крещения. Конечно, им снова велели носить позорный знак – правило, которое редко последовательно проводилось в жизнь. Им, словно животным, велели жить в огороженном месте – гетто; они должны были продать по номинальной стоимости всю собственность, которой владели вне своих новых стен. Павел IV сделал так, чтобы еврейские деньги наверняка потекли в христианские карманы.

Папское законодательство в последующие века подтверждало эти репрессивные меры, а зачастую и добавляло новые. В 1565 году Миланский собор рекомендовал «бойкотировать» еврейскую торговлю, открыто приняв точку зрения, согласно которой христианская торговля была честной, а еврейская – бесчестной. Если христианские торговцы были бесчестны, они просто следовали дурному примеру евреев. Этот собор постановил, что европейские правители должны «пресекать мошеннические и коварные обычаи евреев в их торговле с христианами». Евреев отстранили от занятия медициной, им не позволялось преподавать в университетах, занимать общественные или государственные должности, которые давали бы им власть над христианами. Еврейская торговля была ограничена перекупкой ношеного платья и поддержан-

ных вещей. Любовная связь между евреями и христианками рассматривалась как святотатство или как животное поведение. Павел IV запретил употребление слова «господин» при обращении к еврею; это было повторено и в марте 1729 года Бенедиктом XIII (1724 – 1730), запретившим христианским слугам называть своего еврейского хозяина «господин». С 16 по 18 век в папских декретах часто повторялось, что евреи – рабы христиан. Тем не менее папы никогда не отменяли запрета на убийство евреев или насилие над ними.

Реформация не привнесла в жизнь евреев Европы заметного облегчения. «Худший из злых гениев Германии, – писал преподобный В. П. Инге, – не Гитлер, Бисмарк или Фридрих Великий *36, а Мартин Лютер». Это заявление сегодня кажется преувеличенным не потому, что оно драматизирует роль Лютера, а потому, что Инге не предвидел и не мог предвидеть того почетного места, которое Гитлеру суждено было занять в истории преступлений. Непримируемый догматизм Лютера усиливался его интеллектуальным высокомерием и фанатизмом веры, которая, подобно вере многих до и после него, была соединена с непоколебимым убеждением, что всякий не согласный с ним – упрямый враг Святого Духа, нарочно отворачивающийся от истины.

Лютер свято верил, что «обновленное» христианство будет с готовностью принято евреями и они присоединятся к нему в борьбе с католической церковью. Поэтому естественно, что он объяснил их отказ принять новое учение не недостатками самого учения или дурным его изложением, а упрямством жестокого народа. Потому он напал на них со всей силой своей ненависти. «Все кровные родственники Христа, – заявил он, – жарятся в аду, и это справедливая кара хотя бы за то, что они сказали Пилату». Он призывал разрушать синагоги, отбирать у евреев имущество, а их самих изгонять. Сочинения Лютера содержат множество высказываний, вполне подходящих для гитлеровской программы уничтожения евреев. «Подлинно безнадежная, порочная, ядовитая и дьявольская вещь, – писал он, – существование этих евреев, которые на протяжении 14 веков были и теперь остаются нашей чумой, пыткой и бедствием» (80, 4, 286)³⁷. Подобное заявление, на наш взгляд, лишает всякого основания утверждения протестантов насчет того, что Лютер был «пионером духовной свободы нашего времени» (172, 6, 254).

Хотя Лютер и разделял распространенную неприязнь к «ростовщичеству», он не винил в этом евреев, считая, что христиане еще больше наживаются на торговле и ссудных операциях (109, 4, 266). Он негодовал на алчность итальянских банкиров, богатевших при расточительном папском дворе. «Окружающие папу

флорентийцы, – писал он в 1518 году, – самые жадные из людей; они злоупотребляют добросердечием папы, чтобы заполнить бездонную пропасть своей страстной любви к деньгам» (80, 1, 348).

Лютер нападал на своих врагов, на католиков или евреев, с тем специфическим оттенком грубости, который всегда находил отклик в немецких сердцах. После того, как он с помощью еврейских раввинов перевел Библию на немецкий язык, он заявил, что теперь это – немецкая книга. А единственная Библия, на которую есть права у евреев, «это та, что у свиньи под хвостом; добытыми оттуда письменами вы можете насыщаться вдоволь» (80, 4, 285). Он обвинял евреев в том, что по субботам они в своих синагогах проклинали Христа; что они при всякой возможности совершают грабежи, предательства и убийства христиан. Лютер облакал свою ненависть в выражения, ставшие образцом для современных немецких гонителей евреев. Сегодня его речи кажутся бредом одержимого:

«Когда Иуда повесился и его кишки излили свое содержимое, а мочевого пузырь опорожнился, евреи с готовностью собрали эти драгоценные вещи, жадно глотали и лакали их и тем самым приобрели такую остроту глаза, что стали видеть такие тонкости Писания, которые ни Матфей, ни сам Исаяя... не могли бы заметить; или, может быть, они смотрели в задницу своего бога Шеда *38 и нашли все это написанным в этой дымовой трубе...»(80, 4, 406).

«Дьявол помочился и опорожнил желудок – эти вещи и есть подлинная святыня для евреев... – целовать, пожирать, лакать и поклоняться; в свою очередь и Дьявол жрет и лакает то, что эти его добрые ученики выплевывают и извергают сверху и снизу... Дьявол своим рылом пожирает то, что извергается из ротового и анального отверстия евреев, это его любимейшее блюдо, на которое он набрасывается, как свинья в хлеву...» (80, 6, 78). Хотя современники не всегда одобряли грубый стиль Лютера, они приняли его тезис, что евреи – изгои, дети Сатаны и не могут жить рядом с добрыми немецкими протестантами. «Нам нельзя терпеть, чтобы евреи жили среди нас, ели и пили с нами», – писал в 1558 году лютеранский проповедник Эрхардт, советуя, по примеру Св. Амвросия, «сжигать их синагоги». Не забыл он и о необходимости освободить евреев от их денег: «Следует конфисковать все их деньги, серебро и золото; такие благоверные советы и законы были даны нашим боговдохновенным Лютером». Экспрессивный стиль Лютера зачастую использовался в Германии, а иногда и во Франции для выражения той особой ненависти, которая несет на себе немецкий отпечаток. Немцы выказали подобающее уважение к своей исторической традиции, когда заявили, что первый

крупный нацистский погром в ноябре 1938 года был благочестивым мероприятием в честь годовщины рождения Лютера.

Сущность этой немецкой ненависти, которая не претерпела существенных изменений с тех пор, как в 12 веке монах Рудольф проповедовал крестовый поход на Рейне, была проанализирована в начале 20 века писателем Якобом Вассерманом *39. Он впервые столкнулся с этой стороной реальности и обнаружил, что значит быть евреем в Германии, когда его призвали на срочную службу в армию:

«Я впервые встретил ту тупую, окостеневшую, почти немую ненависть, пронизывающую этот народ. Слова „антисемитизм“ недостаточно, чтобы описать ее, так как этот термин ничего не говорит ни об истоках, ни о глубине, ни о смысле этой ненависти. В ней сочетаются элементы предрассудков и умышленного обмана, фанатического ужаса, священнической грубости, злости потерпевшего и ущербного человека, невежества, лжи, бесстыдства, апологетической самозащиты и религиозного изуверства. В этой ненависти присутствуют алчность и любопытство, кровавая похоть и страх перед соблазном и соvrращением, любовь к таинственному и комплекс неполноценности. По своему составу и подоплеке это специфически немецкое явление. Это – немецкая ненависть» (188, 53). Конечно, представителям других наций было бы очень приятно согласиться с Якобом Вассерманом, что антисемитизм – специфически немецкое явление. Но согласиться с этим – значит игнорировать европейскую историю. Одна из черт этой ненависти, которую порой упускают из виду, состоит в том, что она не зависит от непосредственных контактов с ненавистным народом и может процветать (и фактически процветает) в тех странах, где евреи не жили на протяжении многих поколений. «Мои более счастливые собратья по вере, – писал Герцль *40, – не поверят мне, пока юдофобы не докажут им на практике, что чем дольше антисемитизм остается без употребления, тем более яростно он прорывается». Поэтому выражение «каждый еврей носит антисемитизм за плечами» не объясняет распространности и постоянства этой заразы; скорее истина состоит в том, что каждый христианин носит за плечами антисемитизм.

После того, как евреев изгнали из Англии и Франции, их продолжали столь же яростно ненавидеть там много столетий. Неудавшаяся попытка Кромвеля *41 вернуть евреев в Англию спустя 350 лет после их изгнания была, очевидно, частью его плана развития английской торговли. Французский посол в Голландии писал своему коллеге в Лондон, что евреи обратились к нему с петицией, «добиваясь, чтобы этот народ приняли в Англии для развития ее коммерции». План Кромвеля встретил всеобщее со-

противление, основывавшееся на старых религиозных и экономических соображениях. Пуританский памфлетист Уильям Принн (1600 – 1669) противился ему, выдвигая благочестивый довод, что евреи в Англии «распяли по меньшей мере трех или четырех детей, что и послужило главной причиной их изгнания». Очевидно, средневековая традиция оставила глубокий отпечаток в умах англичан. Противники политики Кромвеля утверждали, что было бы неправильно «разрешить евреям жить среди нас и хулить Христа». В одной из групповых петиций было заявлено, что идея возвращения евреев «грешна», а открытие синагоги – «позор для христианской церкви». Однако кажется, что подлинной причиной протестов был страх перед конкуренцией: «Обитатели Лондона считают, что это (возвращение евреев) будет крайне вредно для торговли». И все же евреи стали постепенно возвращаться в страну «вследствие попустительства», как писали в еженедельной газете того времени. Два года спустя, в 1660 году, королю Карлу II⁴² был представлен «Протест относительно английских евреев», в котором их обвиняли в попытке «купить собор Св. Павла под свою синагогу», а в «комиссию по расследованию положения» евреев была направлена петиция протеста против их возвращения в страну. Это – первое в новой английской истории упоминание о «комиссии по расследованию», комиссии, которая много позже стала постоянным орудием политики британской мандатной администрации в Палестине.

Карл II и Яков II⁴³ либерально относились к горстке евреев, которым в периоды их правления удалось упрочить свои позиции в стране. Но, тем не менее, евреи не имели полноты гражданских прав вплоть до середины 19 века.

Возвращение евреев в конце 18 века во Францию вызвало сильное противодействие церковников. Выступая 23 декабря 1789 года в Национальном собрании, епископ Нанси сказал, что «народ смотрит на них с ужасом; декрет, дарующий им права гражданства, воспламенит всю страну».

Средневековая традиция, видящая в евреях «проклятый народ», продержалась во Франции около 500 лет после того, как они были изгнаны из страны. Вместо того, чтобы угаснуть, ненависть стала еще более сильной, чем прежде. Из-за неприятных выводов, следующих из этого факта, его не признавали те, кто пытался объяснить, не оскорбляя при этом национальных и религиозных чувств французов, неожиданный взрыв антиеврейских демонстраций, нарушивших гражданский мир Европы в последней четверти 19 века. «Массовое безумие антисемитизма – нечто совершенно новое, – писал Эмиль Фаге *44. – Это явление, совершенно неизвестное во Франции на протяжении трех столетий

[sic!], обнаружилось около 1885 года».

Отнюдь не «абсолютно неизвестная» во Франции с 1585 по 1885 год, ненависть к евреям в этот период – за исключением краткого перерыва во время Великой французской революции – была устойчивой чертой народа и его гражданских, церковных и интеллектуальных лидеров. Франция, как заметил Пеги *45, всегда была инстинктивно антисемитской. В век Людовика XIV трудно было найти человека, который не принимал бы как аксиому, как незыблемое религиозное и гражданское кредо, что с евреями следует обходиться как с изгоями, врагами Бога и людей. Паскаль *46, например, без размышлений принимал средневековую доктрину. Он никогда не задумывался об иудейско-христианской проблеме; он усвоил христианскую традицию как догмат веры, укрепил ее и передал дальше. «Условия, в которых находятся евреи, – писал он, – служат великим доказательством христианской религии. Ибо удивительно видеть этих людей сохранившимися на протяжении столь долгого времени в извечно бедственном положении; все это служит доказательством истинности веры в Христа: и то, что они продолжают существовать, и то, что они страдают, ибо они распяли Его» (138, 16:5). В сочинениях интеллектуалов уровня Паскаля трудно найти утверждение, которое так смущало бы современного читателя. Почему божественность и учение Христа требуют столь странного доказательства? Почему жалкое положение, в которое евреев поставили политические акции их врагов, и их выживание вопреки непрерывным попыткам уничтожения следует рассматривать как доказательство чего-либо иного, кроме злой воли христиан и еврейской стойкости? Почему Паскаль заявил, что «удивительно видеть этих людей... в извечно бедственном положении», как будто в этом бедственном положении есть нечто необъяснимое и оно не является неизбежным следствием преследований на протяжении столетий? После того, как евреев веками лишали экономических прав; как всевозможными способами, какие только могли придти на ум священникам и политикам, вытягивали из них деньги; как правители и прелаты изгоняли их из европейских стран и заставляли быть бездомными и ненавистными скитальцами – после всего этого явился один из величайших мыслителей 17 века Паскаль и с удивлением обнаружил, что они «всегда в бедственном положении», приписав этот факт божественному промыслу и видя в нем «доказательство истинности веры в Христа». Было ли необходимо для доказательства истинности веры в Христа, чтобы евреев уничтожали в Освенциме, чтобы младенцев заживо сжигали в печах немецких концлагерей? Можно ответить, что «Гитлер зашел слишком далеко»; но определенная ответственность,

несомненно, лежит на плечах тех, кто очень давно указал ему путь и сам шел в этом направлении.

Одним из самых речистых антисемитов, проповедовавших во Франции со времени Агобарда, был Боссюэ. Его проповеди отличались религиозным накалом, сравнимым лишь с жаром проповедей ранних отцов церкви. Но, в отличие от них, ему не нужно было наставлять свою паству – уже много поколений усвоили этот урок. Он просто со всей силой своего мощного красноречия выражал чувства, преобладавшие по всей католической Франции, где ненависть к евреям была в крови. Его писания имели еще более пагубное влияние, чем его церковное красноречие. В задуманном как пособие для дофина «Рассуждении о всеобщей истории» он популяризировал теорию, которая на протяжении веков существовала во французской церковной литературе и даже во французской историографии *47. Он радовался несчастьям «сынов Израиля» и почти с садистским удовлетворением характеризовал их как жертвы божественного возмездия, «изгнанные из Земли Обетованной, не имеющие нигде земли для возделывания, рабы повсюду, лишённые чести, свободы, человеческого образа». «Они, – продолжал он, – предмет насмешек и отвращения среди народов». Шестнадцать веков прошло с тех пор, как евреи впервые услышали из уст Св. Иоанна Златоуста: «Бог ненавидит вас».

Французская литература 18 века представляет множество доказательств того, что и 400 лет спустя после изгнания евреев из Франции народное предубеждение против них все еще было живо. Эмиль Фаге, должно быть, забыл, что Жан-Жак Руссо *48 в «Эмиле» написал о них как о «подлейших из людей», а Вольтер *49 характеризовал их как «невежественных варваров, которые на протяжении длительного времени сочетали недостойнейшую жадность с отвратительнейшим предрассудком». В письме к своему португальскому корреспонденту, обвинившему его в нетерпимости, Вольтер извинялся за то, что «приписал целому народу пороки его отдельных представителей», однако тут же присовокупил повторное признание в неприязни к «закону, книгам и предрассудкам еврейства».

В католической Франции плачевное положение евреев на протяжении всей христианской эры самодовольно объясняли божественным промыслом; ненависть или презрение к евреям продолжали вызывать восхищение, как будто они были христианскими добродетелями. «Сегодня, – писал французский исследователь еврейской истории в первой половине 18 века, – все уверены в том, что то бедственное положение, в котором пребывают евреи, и то презрение, которое люди питают к ним, суть следствия про-

клятия, которому в свое время Иисус Христос подверг этот злополучный народ. Это мнение не делает чести христианской религии» (120, 1).

Сколь глубоко эти фанатические идеи укоренились в умах французских католиков, видно из высказывания одного из наиболее либерально настроенных церковников своего времени – Ламенне *50 (1782 – 1854). Этот оставшийся незамеченным провозвестник христианского социализма не распространял свою симпатию к угнетенным на народ Израиля. В одном из наиболее популярных очерков, написанном вскоре после его разрыва с католической церковью, он относил евреев к категории людей, стоящих ниже, чем рабы. «В течение восемнадцати столетий Отец все еще не простил их, и они влачат свою страдальческую жизнь по всему миру, и даже рабам приходится нагибаться, чтобы разглядеть их».

На протяжении 19 века это мнение все еще было широко распространено, особенно среди роялистов и католиков. Одним из доказательств устойчивости такого предрассудка, зачастую скрытого, но всегда опасного и порочного, его способности сохраняться в умах образованных и интеллигентных людей служит фраза знаменитого литературного критика Барби д'Оревилля (1809 – 1889), занимавшего некогда почетное место в литературной жизни Франции. Этот выдающийся писатель, которого некоторые современники ставили в один ряд с Шатобрианом, Ламенне и Сент-Бёвом *51, косвенно одобрил средневековые погромы, осужденные в 1236 году папой Григорием IX, как «невыразимо оскорбительные для Бога». «Евреи, – писал д'Оревилль, – убили Иисуса Христа... и за это богоубийство они расплачивались в средние века. Они испытали на себе остроту копий христианских рыцарей, любивших Иисуса Христа, как никто не любил Его с тех пор... за исключением святых...»

Таким образом, долгое время после изгнания евреев в конце 14 века ненависть к ним оставалась во Франции столь же яростной и иррациональной, как и прежде. А после их возвращения во Францию повторилось то же, что происходило в средние века: конкуренция в борьбе за власть и деньги, экономические мотивы объединились с религиозным рвением, в результате чего был вновь возрожден антисемитизм. В этом явлении не было ничего нового, кроме названия.

Крестные отцы Берген-Бельзена

Господь сказал (Аврааму): если Я найду в городе Содоме пятьдесят праведников, то Я ради них пощажу все место сие.

Бытие, 18:6, 26

Эдуард Дрюмон, чье имя сегодня почти забыто, был в последнее десятилетие 19 века известен как лидер французских антисемитов. Его предшествующая журналистская карьера не оставила заметного следа и не обнаруживала признаков того обличительного таланта, который с такой силой открылся в нем во время процесса Дрейфуса. До этого его отношения с евреями складывались дружественно и с выгодой для него: в течение десяти лет он за хороший оклад работал в редакции газеты «Ла Либерте», владельцем и редактором которой был Исаак Перейр *2.

Вскоре после смерти своего еврейского патрона Дрюмон под влиянием французского иезуита отца дю Лака стал рьяным католиком. Тогда же он пришел к убеждению, что общественный и экономический упадок Франции объясняется интригами международного еврейства и что его подлинное призвание состоит в спасении страны от этого бедствия. В 1886 году Дрюмон опубликовал книгу, которая постепенно приобрела огромную популярность и принесла ему славу одного из ведущих юдофобов нового времени. Книга называлась «Еврейская Франция». Как показывает сам заголовок, это классическое произведение полемической литературы было написано с целью доказать, что Франция попала в руки евреев, замышляющих погубить христианство и захватить власть над миром. Дрюмон верил, что атакуя евреев, он, подобно крестоносцам, ведет борьбу в защиту христианства, и заявлял о своей готовности принять мученичество от рук неверных: «Я молил Христа, – заявил он, – дать мне смирение, если появление этой книги принесет мне страдания, и скромность, если мои усилия увенчаются успехом». Он заверял своих читателей, что «Бог оказал покровительство этой книге, ибо Он несомненно знал, что ее вдохновила любовь к справедливости». Сегодняшние читатели научились с подозрением относиться к авторам, объявляющим, что Бог на их стороне, поскольку их побуждением служит любовь к справедливости. Подобные заявления о высоких моральных целях часто скрывают нечистую совесть. Возможно, даже Гитлер чувствовал себя неловко, когда писал в «Майн кампф»: «Сегодня я верю, что мои действия отвечают желаниям Творца. Охраняя мир от евреев, я защищаю творение Господа».

Но если у Дрюмона и были какие-либо опасения относительно того, на чьей стороне Бог, реакция французских католиков полностью рассеяла их. Среди многочисленных посланий от читателей из всех политических лагерей, пронизанных ненавистью к евреям, более всего его тронула «радость наших сельских приходских священников: 'Ах, эти смелые люди! Какие прекрасные письма!'»

Его трогало не невежество этих священников, а то извращенное представление об истории, которое они получили в семинариях. Более, чем какая-либо другая часть французского народа, как утверждал Дрюмон, приходские священники обладают «ясным представлением о тех характерных и беспрецедентных в истории преследованиях, которым манипуляторы золотом подвергали бедняков, дети Иуды – служителей Христа». Он призвал французских клириков «осудить злокозненных семитов и предать их в руки светских властей».

Дрюмон характеризовал еврейство как разрушительное чужеродное начало, проникшее во Францию во время Великой французской революции и вдохновленное своей неизменной целью погубить Францию (что евреям уже наполовину удалось), чтобы в конце концов погубить или прибрать к рукам (обычная альтернатива) весь христианский мир. Он благословлял всякого, кто когда-либо преследовал евреев, одобрял инквизицию, как приветствовал бы и гестапо, если бы дожил до того, чтобы увидеть его действия. «Испанские монахи-доминиканцы, – писал он, – были, как и мы, горячими патриотами, без колебания действовавшими против евреев». Со свойственным ему оттенком благочестия он напоминал, что поскольку многие из этих гонителей евреев были канонизированы, «самое лучшее, что мы можем сделать, это подражать их мужественной добродетели и, подобно им, защищать наше родовое наследие, нашу страну, нашу расу». Все средства «защиты» оправданы, если они помогают достичь цели. Поэтому Дрюмон приветствовал погромы в России, где с евреями обращались со средневековой дикостью, и советовал своим читателям взять на вооружение подобные методы с тем, чтобы выгнать евреев из Франции.

Главная идея, вдохновившая «Еврейскую Францию» Дрюмона, была сформулирована его коллегой Жаном Дролем *3 в словах, которые объясняют ее популярность среди французов:

«Дрюмон вновь утвердил концепцию средневековья, которое ненавидело еврея потому, что он распял Спасителя мира». Однако Дрюмон прибегал и к экономическим аргументам (почти всегда основанным на ненадежной статистике), чтобы привлечь в свой лагерь тех французов, которые отошли от религии. Он удовлетворился бы тихой жизнью в своем кабинете, как писал один из наиболее рьяных его учеников, Леон Доде, «если бы его не угнетала тирания козлов с человеческими лицами, манипуляторов золотом и навозом» (49, 201).

Французы, возмущенные поразившей страну политической коррупцией, действительно искали «козла отпущения», и Дрюмон дал им то, чего они хотели. Увлеченная его идеями толпа

была «жертвой чудовищной мистификации» (6, 7). Французам говорили, что доля еврейского капитала в общем национальном доходе страны, составлявшем 150 миллиардов франков, равнялась 80 миллиардам; это значило, что состояние каждой еврейской семьи во Франции в среднем равнялось приблизительно 100 тысячам франков. Конечно же, по мнению антисемитов все эти деньги были приобретены нечестным путем. Численность евреев во Франции в последней четверти 19 века не превышала четверти процента всего населения; в большинстве своем это были бедняки, занятые борьбой за кусок хлеба. Блеск и влияние многочисленных богатых еврейских семейств, частью немецкого и австрийского происхождения, и вульгарное выставление напоказ богатства, что считалось особенно возмутительным со стороны евреев, вызвали зависть коммерческих конкурентов. Они были рады перенести негодование бедительного пролетариата с христианских на еврейских монополистов.

Дрюмон объединил религиозные, экономические и расовые чувства в общее чувство ненависти. Свою экономическую концепцию он унаследовал от средневековья, и если бы его предпосылки были верны, выводы, пусть и аморальные, были бы оправданы хотя бы тем, что имеют реальную основу. Он был уверен, что если бы евреев удалось изгнать из Франции или вовсе уничтожить, наступили бы мир и процветание. На самом деле это убеждение основывалось не на религиозном, а на расовом высокомерии. По мнению Дрюмона, «природная доблесть арийской расы позволила бы французам положить конец всем общественным порокам; правительство начало бы нормально функционировать и защищать бедняков; война против евреев означала войну за освобождение пролетариата» (189, 416). Подобные аргументы повсеместно используются для оправдания угнетения меньшинств; в мире практической политики, где выгода всегда является главной целью, такие аргументы невозможно опровергнуть. «Если бы было достоверно известно, – писал Бертран Рассел *4, – что без евреев мир был бы раем, против Освенцима не существовало бы веского возражения» (159, 25).

«Еврейская Франция» сначала не обратила на себя особого внимания, хотя Фердинан Брюнетьер *5 подробно проанализировал ее в «Ревю де дё Монд». Этот выдающийся критик, несмотря на то, что он тоже был антисемитом, подверг уничтожающему анализу арийскую расовую теорию, которая была единственным логическим основанием концепции Дрюмона. «Если настаивать на том, что между евреями и нами действительно есть разница, – писал он, – то причина ее не в расовом различии, а в истории и только в истории; иными словами, мы и наши предки – и их законы, их

предрассудки и история их преследований». Он полагал, что книга Дрюмона «опасна» и собьет с толку многих читателей. Французские евреи не отнеслись к ней серьезно – и ошиблись. Изидор Лёб *6 в «Ревю дез Этюд Жуив» совершенно справедливо заметил, что это сочинение Дрюмона – просто абсурд.

Популярность пришла к Дрюмону благодаря католической печати: сначала благодаря журналу французской церковной иерархии «Ле Монд», а затем и газете «ЛТОнивер», основанной Луи Вейо. «Ле Монд» имел лишь 3 тысячи подписчиков и сталкивался с серьезными финансовыми трудностями. «На 1886 год жизнь нашего издания спасена, – писал монсиньор дТольс кардиналу Лавижери 7 января. – Мы нашли нового и очень способного редактора, г-на Дрюмона, который сможет помочь нам и упрочит нашу репутацию» (17, 2, 27). Естественно, что Дрюмон воспользовался своим новым постом, чтобы представить читателям свой труд – «Еврейскую Францию». «Все благонамеренные люди, – говорилось в редакционной статье от 6 мая 1886 года, – с симпатией отнесутся к защитнику Иисуса Христа и будут благодарны ему за его неустрашимость».

На страницах «ЛТОнивер» некий священник-миссионер объяснял (13 мая), что план Дрюмона состоит «не в уничтожении евреев, а в более или менее насильственной экспроприации еврейской собственности. Еврейская раса, – добавлял он, – видимо, и создана была для обогащения, для систематического и научно разработанного грабежа». Однако, было замечено в одной из статей «Ле Фигаро», предложение о конфискации всей еврейской собственности легко может быть истолковано настолько широко, чтобы включить также и собственность честных французских католиков. Дрюмон выступал за экспроприацию всего еврейского капитала, который был, по его мнению, приобретен нечестным путем.

«Все эти идеи и аргументы Дрюмона, – писал много лет тому назад Жан Жорес *7, – были позаимствованы у определенных клерикальных противников Французской революции, убеждавших в те времена народ в том, что собственность, экспроприированная революцией, будет передана евреям. Но на этот раз Дрюмоном было проведено различие между „хорошими“ и „плохими“ капиталистами» (91, 2, 82-84). Подчеркивая это различие, Дрюмон рекомендовал улучшить положение французских рабочих за счет еврейской собственности. «В тот день, когда католики, устав защищать общество, ставшее исключительно еврейским, позволят голодным толпам ворваться в дома еврейских банкиров... эти вчерашние нищие и сегодняшние тираны будут сокрушены, и их кровь оставит пятна не краснее того кошерного мяса, которое они

едят».

В более позднем сочинении «Конец мира» Дрюмон расширил свою программу грабежа, включив в нее не только евреев немецкого происхождения, которых он особенно ненавидел, но и еврейские семьи, которые уже много поколений жили во Франции. Теперь он предлагал захватить весь еврейский капитал и передать его Национальному рабочему банку. Эту идею он сопровождал благочестивым упоминанием о Людовике Святом, который имел обыкновение запирает евреев в тюремные камеры и держать их там на хлебе и воде до тех пор, пока они не «возвращали» своих денег.

«Давайте же подражать Людовику Святому... запрем же на замок сотни евреев, католиков или протестантов, одинаково обогатившихся еврейскими методами, т.е. финансовыми операциями. Заставим их вернуть миллиарды, которые они выкачали из общего национального достояния, а затем создадим экономическое общество, куда войдут исключительно представители рабочих, которые установят общественный порядок, наиболее отвечающий всеобщим интересам».

Этой идеи никто не принял всерьез. «Еврейская Франция» имела огромный успех. В числе самых рьяных ее поклонников были стойкие сторонники капитализма – роялисты, которые видели в книге политическое оружие против республики, и церковники, нашедшие в ней материалы, подкреплявшие их воскресные проповеди. До конца года это «евангелие антисемитизма» разошлось во Франции в сотнях тысяч экземпляров. Наиболее читаемая в эти годы газета «Ле Пти Журнал» издавала книгу Дрюмона отдельными выпусками и вручала их как призы в викторинах и т.п. На протяжении десяти лет книга выдержала более 140 изданий. В Париже рекламировалось популярное издание ее с рисунком, изображающим автора в виде бородатого воина, нападающего на Моисея и Скрижали Завета. «Может ли кто-нибудь привести хоть один протест католика против изображения этого святотатствующего фигляра, облаченного в доспехи рыцаря Гроба Господня и попирающего копытами Моисея?» – спрашивал Леон Блуа.

Свое благочестивое сочинение Дрюмон распространял по всей Европе. Права на испанское издание книги он продал по номинальной цене. «Это самое меньшее, – писал он, – что я могу сделать для такой страны, как Испания, которая дала миру суд инквизиции – патриотический и гуманный суд, на который евреи нападали потому, что он охранял христианскую добропорядочность от вторгшихся в страну эксплуататоров-семитов». Польскому издателю он дал права на издание бесплатно, пояснив, что

надеется на божественное вознаграждение за свою щедрость. «Я молю Бога, чтобы мой труд жил в сердцах всех польских патриотов, ненавидящих бесчестных евреев, которые предали их». Дрюмон много молился; молитва была особой и важной частью его деятельности *8.

В Австрии, где один правый политик предложил, чтобы правительство назначило приз за отстрел евреев, как за отстрел волков, Дрюмон нашел много сочувствующих. Редактор венской газеты писал ему в 1886 году:

«Мы, австрийские антисемиты, ведущие неравный бой против всемогущего еврейства, не могли и надеяться на эту помощь из страны, относительно которой мы были уверены, что ее почти не затронуло злое влияние этих людей. Франция с ее 50-60 тысячами евреев казалась нам Эльдорадо в сравнении с нашей страной, которую эксплуатируют миллион семьсот пятьдесят тысяч индивидов этой расы»⁹. Хотя в 1931 году Жорж Бернанос похвалил «Еврейскую Францию» как «шедевр проницательности, аналитического подхода и эрудиции» (24, 185), на самом деле эта книга была шедевром лжи. У Дрюмона не было ни знаний, ни добросовестности историка. Целью его исследования был скандал. Большинство материала он позаимствовал у давно забытого А.Туссенеля *10 и подобных ему авторов, которые, собрав свидетельства об упадке французского общества, сделали патриотический вывод, что в этом виновны евреи. Дрюмон использовал и немецкие источники: в первую очередь, сочинения протестантского антисемита Иоганна Андреаса Айзенменгера" и другие книги, не переведенные на французский язык. Дрюмон не знал немецкого и, вероятно, прибегал к посторонней помощи. Вооруженный лживыми вымыслами по большей части немецкого производства, он развивал свою концепцию с легкостью, которая находила отклик в не критичных умах; его замысел почти наверняка встретил поддержку его друзей-церковников, возможно, в частности, отца дю Лака и даже монсиньора д'Юльса, хотя впоследствии они оба выразили неодобрение его дальнейшим шутовским выходкам. «Было бы удивительно, – писал „Ле Фигаро“ 19 апреля 1886 года, – если бы перед публикацией книги Дрюмон не посоветовался со своими друзьями в архиепископской штаб-квартире». Трудно было поверить автору статьи в «Ле Монд» (7 апреля), утверждавшему, что газета не знала о готовящемся издании книги почти до самого ее выхода в свет. Он писал:

«...вопреки некоторым утверждениям, ложным или недостаточно проверенным, (книга) встретила одобрение редакции... Это страшный удар по еврейскому муравейнику... который все заполняет, все подтачивает, все загрязняет... задача была неотложной.

Дрюмон выполнил ее с французской энергией, и можно почувствовать облегчение – в этой энергичной ненависти есть что-то подлинно здоровое» *12.

Владельцы и издатели клерикальной газеты «Ла Круа» также поддержали Дрюмона своей собственной здоровой и энергичной ненавистью, продолжавшейся долгие годы, пока в 1899 году Святейший престол не отстранил их от издательской деятельности.

Некоторые из этих католических изданий, столь бесстрашно порицавшие евреев за их алчность и организованную погоню за деньгами, сами не были безгрешны в этом отношении. Но их излишняя страсть к деньгам сочеталась с лицемерием и кое-чем весьма близким к симонии. Они занимались прибыльной деятельностью выкачивания денег под видом преданности вере, особенно – двум святым, один из которых был евреем: Св. Иосифу и Св. Антонию Падуанскому. Поль Виолле из Эколь де Шарт протестовал против деятельности таких газет, как «Ле Пелерин», «Ла Круа» и многих других, которые не только «поощряют антисемитизм и принимают его как доктрину», но и зарабатывают на легковерии христиан. Хотя французские епископы одобрили протест Виолле, благочестивая торговля продолжалась, как ни в чем ни бывало. «Верующие, – писал Виолле, – видят в Боге директора предприятия, а в святых – Его коммерческих агентов, участвующих в Его прибылях». Однако предпринимателей не смутило это порицание, и они несколько неосмотрительно продолжали привлекать к себе общественное внимание своими проповедями против финансовых прегрешений евреев. Один французский антиклерикал указал, что «святые отцы, тянущие деньги из благоверных кретинов в обмен на обещание рая, не имеют права говорить о еврейских рвачах».

Ободренный успехом и еще более уверенный в легковерии читателей, Дрюмон опубликовал еще несколько трудов фантастического содержания. В 1890 году, ссылаясь на авторитет Августа Ролинга (чьи подделки были только что обличены австрийским судом), он заверял своих читателей, что евреи не считают христиан людьми, так как «согласно Талмуду, брак христиан – это не более, чем совокупление животных». В 1891 году он напомнил приходским священникам, писавшим ему столь прекрасные и утешительные письма, что евреи регулярно практиковали в средние века ритуальные убийства, и предостерег, что "на сегодняшний день в любой стране, где еврей пребывает в своем естественном виде (*a letat de nature*), подобные преступления постоянно повторяются. Он сообщил им, что католическая церковь официально подтвердила и предписала веру в эти благочестивые легенды. «Просить католического священника, – писал он, – отрицать

факт ритуальных убийств – значит просто просить его допустить, что, причисляя к лику святых бедных детей, чье горло перерезали евреи, церковь была виновна в презренном жульничестве и цинично поощряла легкое верие народа» (55, 325). Дрюмон слишком полагался на серию анонимных статей в 'Ла Чивильта Каттолика', одобренных высоким церковным авторитетом; автор этих статей пытался оправдать обвинение евреев в ритуальных убийствах как в средние века, так и в новое время.

Многие французские священники, сбитые с толку подобными утверждениями, считали, очевидно, ненависть к евреям частью католической веры. Они не отрицали лживых измышлений даже в тех случаях, когда подозревали, что они лживы, лишь бы поддерживать ненависть к евреям. «Чтобы решиться на опровержение факта ритуальных убийств, – писал преподобный Стефан Кубе, – надо обладать невероятным апломбом талмудиста или масона или же невероятным невежеством некоторых христиан» (45, 23). Отец Герберт Тэрстон, бесстрашный обличитель фанатизма и предрассудков, использовал всякую возможность для разоблачения этих клерикальных антисемитов. «Если бы дух писаний отца Кубе, – сказал он, – действительно соответствовал христианскому духу, сознаюсь, что я предпочел бы рискнуть Царством Небесным вместе с еврейскими душами, которые бранит святой отец» (179).

В своих сочинениях Дрюмон смешивал ложь и благочестие с наглостью, не снившейся ни одному средневековому хронисту. Он сравнивал себя с Христом: «Следуя примеру моего Господа, я встаю на защиту угнетенных против тех, кто грабит и эксплуатирует бедняков». Он и впрямь утверждал, что Бог вдохновляет его, а его книги содержат новое откровение для человечества. «Христос узрел чистоту моей души... и вознаградил меня, позволив познать вечную истину [sic!] и мало-помалу приблизив меня к свету. Благодаря этому свету я проник в суть происходящего и помог своим современникам ясно понять его. Немногие мошенники (и впрямь очень немногие) хулили меня, но честные люди были удовлетворены и столь добры, что поздравляли и хвалили меня» (54, 321). Дрюмона действительно приветствовали как великого христианского героя не только многие церковники, но и некоторые ведущие французские литераторы. У него не было таланта к публичным выступлениям, однако в 1887 году он начал читать в Париже антисемитские лекции, ободренный, как отметили в своем журнале братья де Гонкур *13, своими церковными друзьями, заверившими, что Бог поможет ему в этом. Эдмон де Гонкур заметил, что Дрюмон «высказал то, что было на уме у всех, но только он один обладал мужеством написать это» (74, 7, 283).

Одним из наиболее красноречивых «честных людей, которые были удовлетворены», был Леон Доде, который спустя 20 лет описал свое впечатление от выхода в свет «Еврейской Франции»: «На еврейском навозе махровым цветом разрослось якобинство... Неожиданно на бледном небосклоне вспыхнула молния, и горизонт осветился отблесками истины – появилась книга мщениия, книга высокого критического уровня, историческая книга, светящаяся холодным, ясным гневом...» Леон Блуа был одним из тех «немногих мошенников», которые порицали книгу, и его объяснение успеха Дрюмона ближе к истине, чем риторика Леона Доде:

"Сказать человеку с улицы, даже самому последнему и безнадежному ничтожеству:

«Это вероломные евреи, смешавшие тебя с грязью, украли все твои деньги. Отбери у них эти деньги, египтянин! Если у тебя есть хоть капля мужества, бей их, сбрось их в Красное море!» *14

Повторять это повсюду, кричать об этом в книгах и газетах и даже раз-другой подраться на дуэли, так что благородное эхо прокатится по горам и долам, а самое главное – *никогда не говорить ничего другого* - вот рецепт мистификации, проверенная тактика «больших пушек», обеспечивающая триумфальный успех. Никто, Боже упаси, не посмеет противостоять всему этому... Следует помнить, что великий человек говорит от имени католицизма. Всякий, конечно, знает объективность наших католиков, их неизменное презрение к спекуляциям и финансовым махинациям и проповедуемое ими святое бескорыстие... Поэтому легко понять их горячее рвение, когда обезьяньи лапы антисемита начинают щекотать их напоминанием о справедливости. Можно сказать, что в этом случае многие прозревают истину, а человек вроде Дрюмона выглядит апостолом половинчатости, не сознающим до конца, сколь прибыльной может быть религия" (28,18). Получавший солидные доходы от продажи своей книги Дрюмон начал понимать, что разожженные им массовые страсти могут принести еще больше денег, гораздо больше денег. Ненависть к евреям постепенно начала уступать у него страсти к деньгам. Пришедшая известность открывала возможности не только политического влияния, но и приобретения богатства, которое он так презирал, пока оно находилось в карманах у других. В 1892 году Дрюмон основал ежедневную газету для защиты католической Франции и борьбы против республиканцев, масонов и евреев. Он напомнил своим читателям, что прошло восемь лет с тех пор, как Бог впервые воодушевил его: «Высшая сила приказала мне говорить. И я говорил». По свидетельству одного из его сотрудников, Жюля Герина, состояние, которое принесло Дрюмону его новое предприятие, было добыто, главным образом, при помощи жульничества

и шантажа.

Так как Герин поссорился с Дрюмоном из-за прибылей и основал конкурирующую газету, нельзя полагаться на его объективность; чтобы проверить все его обвинения во взяточничестве и коррупции, необходимо провести расследование, которое не стоит того. В 1905 году, незадолго до смерти, Герин опубликовал книгу «Торговцы антисемитизмом». В книге содержится достаточно свидетельств, доказывающих, что Дрюмон участвовал во многих сомнительных предприятиях и долгие годы сотрудничал с мошенниками, осужденными судом за различные финансовые аферы. Большинство обвинений Герин подкрепляет цитатами из писем, которые, несомненно, подлинны, и многочисленными фотокопиями порочащих Дрюмона документов. Малопривлекательная история основания газеты «Ла Либр Пароль» никогда не опровергалась Дрюмоном.

Многие полагали, что газету Дрюмона финансировали иезуиты. Но на самом деле ее финансировал некто Ж.-Б. Жерин, который за два года до этого был редактором «Ле Насьональ». «Ле Насьональ» посвятила себя защите евреев и борьбе с клеветническими утверждениями, содержащимися в «Еврейской Франции». 2 апреля 1890 года ее редактор разослал ряду богатых евреев Парижа письмо следующего содержания:

«Милостивый государь и единоведец!...Евреи оказались жертвами самой злобной клеветы в печати. Поэтому некоторые выдающиеся евреи сочли желательным, чтобы одна из влиятельных газет стала на их защиту. „Ле Насьональ“ готова предоставить свои страницы для этой цели... и я имею честь просить Вашей помощи в этой пропагандистской деятельности...» Однако Жерина знали как нечистоплотного финансиста, и лишь немногие евреи попались в ловушку; тогда Жерин перешел в стан их врагов. Спустя два года он объявился вновь, на этот раз в качестве владельца и редактора «Ла Семэн Финансьер», а после закулисных переговоров с Дрюмоном «понял, что будущее – за антисемитизмом».

Поэтому 14 апреля 1892 года Жерин от имени «Ла Семэн Финансьер» разослал другое письмо, на этот раз не богатым евреям, а богатым антисемитам:

«Г–н Эдуард Дрюмон, известный автор „Еврейской Франции“ и многих других сочинений, имевших столь большой успех, намеревается в газете продолжать ту деятельность, которую он столь блестяще начал своими книгами...»

Жерин предлагал адресатам акции газеты, каждая такая акция стоила 2 тысячи франков. Он указывал, что акции не будут именными и их покупка не сопряжена с оглаской. «Наша компания

приняла решение о финансировании газеты, которая будет носить название „Ла Либр Пароль“ и призвана защищать наши национальные интересы...» По соглашению между Жерином и Дрюмоном Жерин брал на себя обеспечение компании капиталом в 300 тысяч франков, а Дрюмон должен был получать редакторское жалование в 2 тысячи франков и 10% от прибылей газеты. Более того, г-да Дрюмон и Жерин «подарили» друг другу по 150 акций по 2 тысячи франков каждая, и разделили между собой 600 тысяч франков.

На стене каждой комнаты в редакции «Ла Либр Пароль» висело распятие.

Вскоре после этого Жерин был арестован по обвинению в многочисленных мошеннических операциях. Этот неприятный инцидент был объяснен на страницах «Ла Либр Пароль» (3 января 1893) как «акт политической мести». Вместо финансиста в состав редакции была введена подставная фигура – некто Виаллар. Конкурирующее издание объявило, что он еврей, а его настоящее имя – Кремьё. Хотя Виаллар-Кремьё представил свидетельство о крещении, вскоре его имя было вычеркнуто из списка директоров. Жюль Герин объясняет, как экономический раздел «Ла Либр Пароль» в сотрудничестве с «Ла Семэн Финансьер» использовался для крупномасштабного шантажа. Кампания открылась атакой на банк «Креди Фонсьер», который, как утверждалось, контролировали евреи немецкого происхождения. Задолго до этого по Парижу начали ходить слухи, что многие пайщики газеты – евреи. Герин объясняет, как это произошло. Цель Дрюмона состояла в том, чтобы продать как можно больше своих 150-франковых акций по спекулятивной цене в 2 тысячи франков. В 1897 году в «Ла Либр Пароль» появилась статья о некоей якобы незаконной сделке барона Робера Оппенхайма. Вскоре без всякой видимой причины кампания против Оппенхайма прекратилась. Он заставил Дрюмона замолчать, купив у него три акции за 6 тысяч франков.

В 1900 году богатым антисемитам разослали письма, предлагавшие им приобрести акции по 2 тысячи франков. Дрюмон старался сбыть эти акции. В течение семи лет газета рекламировала компании с сомнительной репутацией, фальшивые акции, обанкротившиеся золотые прииски и медицинские патенты. Доверчивостью читателей больше невозможно было злоупотреблять, и в 1910 году Дрюмон, которому было тогда 66 лет, продал газету. Он потерял большую часть своего состояния, когда обанкротился банк (не еврейский), в который он поместил свои деньги. Он умер во время Первой мировой войны.

Методы антиеврейской кампании Дрюмона пытались оправдать тем, что его мотивом, по его собственному признанию, было

исключительно религиозное и патриотическое чувство. Пьер Леканюэ писал: «Образ этого человека, исполненного редкостной любви к своей вере и к своей стране, с безумным бесстрашием в одиночку атакующего сильного, многочисленного и коварного врага, достоин всяческого восхищения» (104, 2, 338). Однако Дрюмон редко позволял своей ненависти к «коварным» врагам вмешиваться в денежные дела. Евреи, на которых нападала «Ла Либр Пароль», зачастую могли купить за солидную сумму молчание Дрюмона, а рекламу своих коммерческих или финансовых предприятий поместить по обычному тарифу. Poleмика Дрюмона была не просто нелепой, она была подлой, но он знал, что делает. Он писал для публики, которая, как он уже убедился, примет даже самую грязную ложь, предложенную им. Так, читатели были потрясены сообщением из его «Евангелия антисемита» о том, что евреям удалось заразить часть населения России сифилисом. Даже Юлиус Штрайхер в своих наиболее нелепых утверждениях не достигал тех границ низости, которых достиг Дрюмон в своем замечании о немецком поэте еврее Генрихе Гейне:

«Этот изысканный поэт, утонченный парижанин – на самом деле брат грязных жидов, галицийских жидов с пейсиками, которые, собравшись на очередное ритуальное убийство, смотрят друг на друга счастливыми глазами, пока из открытых ран жертвы струится чистая алая христианская кровь, которая пойдет на изготовление сладких булочек в Пурим» (53, XV). Это проявление «безумного бесстрашия», кажется, ускользнуло от внимания не только Пьера Леканюэ, но и отца Сиднея Ф.Смита, который сделал ложный шаг, включив в статью «Иезуиты и дело Дрейфуса» следующее утверждение Дрюмона, выступавшего тогда в качестве поборника интересов Франции против еврейского «международного капитала»: «Вам скажут, что наша кампания против еврейских спекулянтов – это религиозная кампания. Это совершеннейшая ложь... Я в жизни не написал ни слова, которое могло бы оскорбить религиозные чувства последнего галицийского еврея» («Мане», январь 1899). Леон Доде был в восторге от изображения «галицийских жидов с пейсиками, собравшихся на очередное ритуальное убийство». В 1904 году он сказал своим читателям, что «Эдуард Дрюмон ясно показал номадически-еврейскую *15 сторону личности Генриха Гейне» (49, 119).

Среди молодежи, окружавшей Дрюмона, самым одаренным, самым неумолимым ненавистником еврейства был Леон Доде, в прозе которого различимы те стальные, безжалостные, угрожающие нотки, которые радиослушатели слышали через 40 лет в передачах Уильяма Джойса *6 из Гамбурга:

«О раса Иуды, вы, порочные люди! Неужели вы так никогда и не поймете тех, среди кого вы живете, вы – ненавистные и вонючие, но самодовольные? Поймете ли вы, наконец, что добрые французские души, которые временами кажутся безучастными, способны перейти от спокойствия к ужасным порывам, так что ваши друзья, ваши деловые связи и ваши чековые книжки не смогут спасти вас от справедливой мести?» (49, 201).

Вскоре во Франции и Германии прозвучал многозначительный вопрос: «Что с ними делать?» «Надо быть логичными, – писал в 1925 году Жан Макс. – Поскольку они не пожелали ассимилироваться, смешаться, раствориться – что же с ними делать?... Политика решит этот вопрос своим обычным путем – силой, и никакое золото не сможет предотвратить этого» (115, 1, 560). Десять лет спустя нацисты оценили пользу этой логики. Сам Дрюмон не раз объявлял, что он лишь провозвестник будущего, что результаты его труда оценят в грядущем и следующие поколения будут помнить и благодарить его за его предостережения. «То, что провозгласил Дрюмон, – писал в 1935 году Жан Дроль, один из последних людей окружения Дрюмона, доживших до той поры, – Гитлер воплотил в жизнь».

Другой молодой человек из круга Дрюмона, Альбер Моннио, дожил до триумфа идей своего учителя в нацистской Германии и выразил свое удовлетворение по этому поводу на страницах «Ла Либр Пароль» (1933), возрожденной в качестве еженедельника и издававшейся фашистами: «Когда мы видим, как один человек подымает целый народ, избавляет его от нездоровых влияний, освобождает от мук Интернационала и возвращает его к его собственному призванию, словом, совершает дело спасения, которое у нас пытался совершить Дрюмон... нам остается только позавидовать народу, которому столь посчастливилось».

В 1931 году Жорж Бернанос, который, возможно, ничего не знал о позорной истории Дрюмона, а читал его как врага евреев, попытался возродить интерес французов к антисемитским сочинениям. Когда иезуитский священник отец Альбер Бессьер обнародовал правду о Дрюмоне, Бернанос выступил в защиту своего героя, не особенно стесняясь в выражениях, за что читатели великодушно его простили. «Смерть Жоржа Бернаноса в возрасте 60 лет, – писал автор статьи в „Блокноте“ от 10 июля 1948 года, – великая потеря для французской и европейской литературы... Исключительная сила его дарования... сделала все, что он написал, подлинно впечатляющим, незабываемым и незабвенным».

Смерть Жоржа Бернаноса не была потерей для гуманизма. Он занимает второе место после Шарля Моррасса в списке выдающихся расистов своего времени. В 1938 году, когда в немецких конц-

лагерях евреев забивали насмерть стальными прутьями, Бернанос использовал «исключительную силу» своего дарования не в их защиту, а в защиту Гитлера. «Я не верю, – писал он, – что г-н Гитлер и г-н Муссолини полубоги. Но я всего лишь воздаю должное истине, когда утверждаю, что они бесстрашные люди. Они никогда не согласились бы терпеть в своих странах организаций убийц» (25, 126).

Газета «Тайме» в некрологе, посвященном Жоржу Бернаносу, писала, что литература для него была «своего рода священнодействием». Но язык, которым он пользовался в своей полемике с Альбером Бессьером, не был ни литературным, ни священным. Он писал:

«Клоун по имени Бессьер, – один из корыстных ловцов душ, с наивной, но незамысловатой грубостью, даже с жестокостью, скрытую под мурлыканьем благочестия, поносил Дрюмона перед молодыми людьми из „Ла Ви Католик“, объявляя его одним из самых знаменитых ренегатов века. Позвольте мне сказать, Бессьер, что, простите за грубое сравнение. Вы дурно поступили, обделав его могилу, даже если, друг мой, Вам было невтерпех облегчиться. Для этого, старина, было полно места в сторонке. Во всяком случае. Вы потратили время впустую; сейчас этот добрый человек в безопасности; защищенный толстым слоем земли, он не может услышать Вас. А славные французские парни, которых Вы взяли в свидетели подобного действия – облегчаться на кладбищах, – они Вас и слушать не будут. К ним теперь будет обращаться добрый человек из той могилы, которую Вы обгадили» (24, 174). В то время, когда Жорж Бернанос защищал Дрюмона в столь подходящих выражениях, «добрый человек» действительно обращался «из своей могилы» не только к французским юношам, но и к немецкой молодежи, которая при помощи резиновых дубинок, стальных прутьев и выстрелов в затылок выполняла в Бухенвальде, Дахау и Берген-Бельзене работу по спасению мира от евреев.

В 1894 году, спустя два года после появления «Ла Либр Пароль», Дрюмон понял, что настал подходящий момент для решительных действий. Офицер генерального штаба французской армии капитан Альфред Дрейфус, еврей, был обвинен в выдаче французских военных секретов Германии. Если бы не вмешательство Дрюмона, этого «дела» могло бы вообще не быть. Даже военный министр Мерсьер, не слишком разборчивый в средствах, поначалу не был убежден, что жалких свидетельств против Дрейфуса, состряпанных сотрудниками его штаба, достаточно для назначения расследования. Но его сомнениям пришел конец, когда 3 ноября 1894 года «Ла Либр Пароль» вышла под заголовком «Арестован еврей-

ский предатель», а редактор газеты в благочестивой статье заявил, что «как Иуда продал Бога любви и сострадания, так капитан Дрейфус продал Германии планы мобилизации». Небезызвестный полковник Анри тайно уведомил Дрюмона об этом деле. Как выяснилось впоследствии, именно Анри был главным действующим лицом в длинной цепи подделок и интриг, в которые была втянута практически вся военная верхушка Франции.

Зажиточный, умный и трудолюбивый Дрейфус счастливо жил с женой и двумя детьми; он не играл в карты, не пил, не содержал любовниц, потому его коллеги-офицеры смотрели на него с подозрением и антипатией. Они не могли назвать никаких мотивов, которые якобы привели его к предательству. Но отсутствие мотивов не произвело впечатления на военный трибунал: Дрейфус был евреем и потому, были у него мотивы или нет, он по определению был предателем.

Суд над ним был закрытым, потому что речь шла о «национальной безопасности». Дрейфуса приговорили к пожизненному заключению и сослали на Чертов остров, место во французских колониях, известное своим нездоровым климатом. Там с ним обращались с исключительной суровостью. Решение суда основывалось на материалах «секретного досье», с которым защите не дали ознакомиться. Когда спустя два года это противозаконное действие было обнаружено, его объяснили «интересами национальной безопасности». Тем временем сотрудник разведывательного отдела полковник Пикар обнаружил ряд фактов, указывавших, что виновен не Дрейфус, а майор Эстергази, скандально известный разорившийся негодяй, не имевший никакого отношения к известному венгерскому роду Эстергази. После этого Пикара сместили, а Эстергази оправдали. На следующий день после этого решения суда Золя написал свое знаменитое письмо президенту республики, письмо, которому Клемансо *17 дал название «Я обвиняю». В июле 1898 года тогдашний военный министр Кавиньяк предъявил, наконец, свидетельства из «секретного досье», и его речь в парламенте, подтверждавшая виновность Дрейфуса, была опубликована в качестве официального заявления. Однако спустя несколько недель полковник Анри встретился с Кавиньяком и признался, что это свидетельство – подделка, которую он сам совершил из лучших побуждений. Анри был арестован и на следующий вечер покончил с собой. Газета «Ла Либр Пароль» заявила, что его «убили евреи». Пересмотр дела был неизбежен. В сентябре 1898 года началось повторное слушание дела в Ренне. Дрейфуса снова признали виновным, однако ввиду «смягчающих обстоятельств» пожизненное заключение заменили 10 годами, а через несколько дней он был помилован президентским декре-

том. В 1906 году решение реннского суда было отменено. Дрейфуса реабилитировали и наградили орденом Почетного легиона на том же парадном плацу, где 11 лет назад его подвергли унижительной процедуре разжалования посреди беснующейся толпы, ревущей: «Смерть евреям!»

Дрейфус на Чертовом острове в глазах французского общества стал своего рода символом еврейского предательства. Всякого, кто дерзнул бы предположить, что Дрейфус может быть не виновен или что его осудили незаконно, немедленно объявили бы врагом «святой троицы»: Родины, Армии и Церкви. «Осудили не просто какого-то одного человека за его личный проступок, – писал Дрюмон в „Ла Либр Пароль“, – а всю расу, чей позор выставили на всеобщее обозрение». Еврей был осужден судьями и почти единодушным общественным мнением еще до того, как свидетельства, даже такие, какие имелись, были заслушаны в суде. «Мне не нужно объяснений, – писал Морис Баррес *18, – почему Дрейфус предал или почему он был способен на предательство. Я знаю его расу».

Поворот в общественном мнении начался после публикации «Я обвиняю» Золя. Такие люди, как Клемансо, Бернар Лазар *19, вице-президент французского сената Шерер-Кестнер и Анатоль Франс, которые были убеждены в невиновности Дрейфуса и знали о незаконности судебной процедуры, были объявлены членами вымышленного «Еврейского синдиката», подкупленными еврейским золотом. Видимо, предполагалось, что совесть всех французов, за исключением аристократов, офицеров и клерикалов, продавалась и покупалась. Лидер французской католической партии Альбер де Мюн, призывавший к «возвращению к социальным концепциям 13 века», был убежден, что «некая оккультная сила действует во Франции, сея беспорядок по всей стране». Он отказывался обсуждать даже самую возможность того, что еврей может быть не виновен в предательстве, и противился пересмотру дела. Один из графологов на первом суде, Тейссоньер, сказал, что Дрейфус виновен «потому, что все евреи предатели». Французский депутат Жорж Берри заявил в парламенте, что «Дрейфус, виновен он или нет, должен оставаться на Чертовом острове», – замечание, которое, по мнению Клемансо, «следует запомнить на века».

Когда Шарлю Моррасу сказали, что справедливость важнее сохранения общественного строя, он ответил, что известны многие общества без справедливости, однако никогда не было справедливости без общества. Св. Августин еще в 5 веке ответил на такое фразерство: «Королевства без справедливости не что иное, как собрания бандитов».

Эту опасность сознавал и Шарль Пеги. «Одной-единственной несправедливости, – писал он, – одного-единственного преступления, одного-единственного беззакония, допущенного нацией по соображениям выгоды, достаточно, чтобы обесчестить всю нацию. Беззаконие становится язвой, разъедающей общество». Общество, как сказал рабби Шимон бен Гамлиэль *20, «зиждется на трех устоях: правде, справедливости и мире».

Моррас и его друзья-антисемиты не жалели усилий, чтобы построить новый мир, основанный на неправде, несправедливости и войне, – наш сегодняшний мир.

Франсуа Коппе *21, Фердинан Брюнетьер, Леон Доде, Морис Баррес и Шарль Моррас были наиболее яркими защитниками Франции от «еврейской чумы». Эти люди верили утверждению Дрюмона, что все евреи – потенциальные предатели и главные виновники политического, финансового и общественного кризиса во Франции. Однако они ненавидели евреев не только как предателей или ростовщиков. В христианской Франции, как сказал Пеги, ненависть к евреям была инстинктивной. Этот «инстинкт» выразился в писаниях Морраса и Леона Доде с той же яростью, которая тысячу лет назад переполняла проповеди епископа Агобарда и Благочестивого Петра. Фердинан Брюнетьер писал более сдержанно, в английской манере. «Мне мало пользы от евреев, – начал он свой разбор „Еврейской Франции“, – фактически мне от них нет вовсе никакой пользы». Франсуа Коппе выразил в стихах свое желание (и желание всей Франции) расправиться с осужденным евреем и всей его предательской расой: «Ах, почему они не дают нам увидеть подлые черты предателя, чтобы мы все по очереди могли плюнуть ему в лицо». Такая возможность представилась во время суда в Ренне. Баррес отправился туда, чтобы видеть бедствия еврея. Он смотрел на «Дрейфуса в испарине предательства» и ему казалось, «что тот был само преступление, сидящее напротив своих судей» (13, 209).

Не были забыты и герои 13 века. «Как прав был французский король Людовик Святой, – писал другой французский автор, – когда советовал не препираться с евреем, а вонзить свой меч в его брюхо как можно глубже». Кровавый навет был возрожден Дрюмоном, чей «мозг ученого был полон великими воспоминаниями 13 века» (24, 133). Дрюмон уведомил читателей «Ла Либр Пароль», что «великое религиозное жертвоприношение готовилось к трапезе праздника Пурим»²².

Хотя эти французы и не требовали физического уничтожения евреев, они были полны решимости сделать жизнь евреев невыносимой, загнать их в моральное гетто и изолировать как расу, недостойную человеческого общения. Некий архиепископ вы-

двинул новый гуманный довод, объясняя, почему евреев не следует изгонять из Франции. Он сказал, что было бы нечестно распространять заразу за границу: «Изгнать евреев из страны – значит быть немилосердными и несправедливыми к соседним странам, куда могут попасть эти ненасытные черви... Мы полагаем, что достаточно запретить евреям быть банкирами, торговцами, журналистами, профессорами, врачами и аптекарями». В то время подобные предложения встречали всеобщее одобрение французских католиков. Член парламента аббат Геро на национальном съезде христианских демократов в Лионе объяснял, что церковь всегда была антисемитской, и призывал к «изгнанию всех социальных отбросов, в частности, еврейских» (116, 489).

Когда Золя пришел на помощь Дрейфусу, опубликовав свое знаменитое письмо «Я обвиняю», Дрюмон пригрозил сжечь его на костре; а евреев, по его мнению, следовало сбросить в Сену, а не сжигать заживо, ибо «какая вонь подымется от жареного жида!»²³ Некая аристократическая дама, которая вполне могла бы принадлежать к благородному роду крестоносца Драконе де Монтобан, который 700 лет назад велел отрубить груди еврейским женщинам, выразила пожелание, чтобы Дрейфус был невиновен, «дабы его страдания были еще сильнее». Когда фальсификатор инкриминировавшихся Дрейфусу документов полковник Анри был, наконец, разоблачен и посажен за решетку, где он перерезал себе горло, половина Франции возвеличила его как мученика. «Мой полковник, – писал Шарль Моррас, – каждая капля Вашей драгоценной крови все еще пылает там, где бьется сердце нации... Ваша злосчастная подделка войдет в список Ваших прекраснейших военных заслуг». Он объяснял, что подделка была средством, которое оправдывалось целью: «Он сфабриковал ее ради общественного блага... Наше ущербное полупротестантское мышление не способно воздать должное такому интеллектуальному и нравственному благородству»²⁴. Дрюмон в своей газете провел подписку в память «мученика». Было собрано более 130 тысяч франков; среди жертвователей было два принца, семь герцогов, сотни графов, виконтов и баронов, тридцать два генерала, более тысячи офицеров и триста священников. После военного суда в Ренне, вторично осудившего Дрейфуса вопреки тому, что представленные суду свидетельства убедили весь мир в его невиновности, ярость французской прессы превзошла всякую меру. Дрюмон утверждал, что все свидетели в Ренне были подкуплены еврейским золотом. Газеты публиковали письма, требовавшие «высечь евреев», «поставить им купоросную клизму», «заживо содрать с них кожу», «выколоть им глаза» и т.п. Один фанатик написал, что не удовлетворится меньшим, чем «ковер из шкуры

еврея». Поколением позже немцы предпочитали делать из нее абажуры.

Среди всего этого кликушества явно слышались шовинистические нотки, вызванные страхом перед Германией и жаждой мести, а также ненавистью и завистью к англичанам, недавно вытеснившим Маршана из Фашоды в южном Судане. Сам Дрюмон ненавидел англичан, которых он характеризовал как «предательский народ, состоящий из природных каннибалов, которых протестантизм превратил в ханжей». Его раздражала королева Виктория, потому что она отказывалась верить в виновность Дрейфуса, и он называл ее «старой каргой с желтыми клыками». Один из его коллег написал книгу, доказывавшую, что все англичане происходят от евреев и что бог англичан – Люцифер. Шотландия также «кишела евреями». Лорд Абердин 25 был «евреем темного испанского происхождения» (41). Экземпляры этой книги дарили читателям «Ла Либр Пароль»; видно, она не слишком хорошо раскупалась.

Дрюмон был в ярости от того, что ему не удавалось произвести никакого впечатления на английское общественное мнение. Он не мог найти издателя для английского перевода «Еврейской Франции», а английская печать почти единодушно отказывалась верить в виновность Дрейфуса. После реннского суда У.Стид написал в «Ревью оф Ревьюз» редакционную статью, в которой читатели узнали пародию на экспрессивный стиль Дрюмона:

«Бессмертная и божественная идеальная Франция, возбуждавшая 50 лет назад энтузиазм всего мира, вместо того, чтобы воспарить в эмпиреях, погрязла в болоте, словно непотребная гарпия *26 в открытой канализационной трубе, куда стекают все мутные нечистоты религиозного фанатизма и разлагающиеся отбросы расточительного общества. Нация, чей пророк – Дрюмон из „Ла Либр Пароль“, а герой – Эстергази, действительно в беде». В последнем десятилетии 19 века Дрюмон был во главе тех, кто разжигал во Франции ненависть к евреям; главной темой его была ненависть к еврею, иностранцу, врагу Христа, манипулятору золотом и навозом – вечному козлу отпущения. Все евреи были потенциальными предателями, и всякий, кто верил в невиновность Дрейфуса или незаконность первого процесса, был подкуплен еврейским золотом. Поэтому фактическое оправдание Дрейфуса в Ренне не поколебало убеждений тех людей, которым гораздо легче было допустить, что еврей может быть предателем, чем то, что французские офицеры осудили его несправедливо.

Официальный иезуитский журнал «Ла Чивильта Каттолика» поместил о деле Дрейфуса анонимную статью, которая была достойна пера Дрюмона. На самом деле ее автором был редактор

журнала Раффаэле Баллерини, чьи нападки носили скорее политический, чем религиозный характер. Он заявлял, что Франция оказалась в руках республиканского правительства, «более еврейского, чем французского». Осуждение Дрейфуса, по его мнению, было ужасным ударом для еврейского мира, и космополитическое еврейство, подготавливая пересмотр дела, сумело подкупить все газеты и обеспечило себе поддержку продажных французов. Он отстаивал утверждение, что все евреи – потенциальные предатели, ссылаясь на высказывание, якобы принадлежащее Бисмарку: «Бог создал еврея, чтобы он был шпионом везде, где затевается измена». Однако Баллерини был против идеи изгнания всех евреев, во-первых, из практических и гуманных соображений – им некуда деваться, а во-вторых, следуя средневековой логике: они народ, проклятый Богом и рассеянный по всему свету, чтобы своим присутствием свидетельствовать об истинности христианства. По его мнению, вековой опыт показал, что где бы евреям ни предоставляли права гражданства, они либо «совращали души» христиан, либо начинали истреблять чужой народ. Предлагаемое им средство состояло в том, чтобы, позволив евреям оставаться в христианских странах, рассматривать их как «гостей», а не как граждан.

Хотя статья в «Ла Чивильта Каттолика», скорее всего, представляла личную позицию автора, а не официальную точку зрения иезуитского ордена, большинство читателей несомненно сделали вывод, что иезуиты Франции и Италии разделяют антисемитские взгляды. Однако обвинение штаб-квартиры иезуитов в Риме в политическом вмешательстве в дело Дрейфуса через отца дю Лака практически недоказуемо.

Многие французские католики в первой четверти нашего столетия отказывались признать невиновность Дрейфуса отчасти по политическим причинам. Новое поколение нередко получало информацию от авторов, которые не хотели сказать всей правды. Типичный пример такого рода мы находим у бенедиктинского историка христианства отца Бесса, который, излагая дело Дрейфуса, игнорирует факты, обнаружившиеся во время второго процесса и после него:

«Офицер был признан виновным в измене; он был евреем. Предательство было совершено так, что доказательств обвинения нельзя было представить широкой публике. Дело касалось важнейших национальных интересов. В подобном случае всякий здравомыслящий человек принимает решение суда с доверием и старается избежать ненужного шума... Но из-за того, что обвиненный был евреем, его легко было объявить жертвой государственной политики и антисемитизма. Деньги потекли рекой. Полити-

ки и профессора в Париже и в провинции начали крестовый поход за освобождение Дрейфуса. Остальное хорошо известно» (26, 199-200).

Такое вводящее в заблуждение краткое изложение, несомненно, помогало уничтожить в душах благочестивых читателей, молодых семинаристов, готовящихся стать священниками, всякую симпатию к народу Израиля и способствовало сохранению старинной ненависти.

В «Острове пингвинов» Анатоля Франса пародийно излагается «дело Дрейфуса». Монах Корнемюз в беседе с отцом Агариком (дю Лаком) отстаивает свое убеждение в виновности Пиро (Дрейфуса), апеллируя к «авторитету» в выражениях, похожих на те, которые через восемь лет использовал отец Бесс. Корнемюз объясняет, что был столь занят изготовлением своих ликеров, что у него не оставалось времени на чтение газет.

"Благочестивый Агарик взволнованно спросил: «Надеюсь, у вас нет сомнений относительно виновности Пиро?» «У меня не может быть никаких сомнений, дражайший Агарик, – отвечал монах, – это было бы против законов моей страны, которые должно уважать, коль скоро они не идут вразрез с законами Бога. Пиро виновен, поскольку его осудили. Сказать нечто большее за или против его виновности – значит поставить свой авторитет выше авторитета судей, и я не позволю себе подобного поступка. Да это было бы и бесполезно, так как Пиро уже осужден. Если он был осужден не потому, что был виновен, то он виновен, потому что был осужден; это одно и то же. Я верю в его вину, как всякий добропорядочный гражданин должен верить в это; и я буду верить в это, пока официальные судебные авторитеты велют мне верить... И, во всяком случае, я весьма доверяю генералу Греатоку (Мерсьеру), который, я полагаю, более умен, чем все те, кто нападает на него, хотя по его виду этого не скажешь».

Анатоль Франс эффективно боролся с антисемитизмом, высмеивая его проявления. «Остров пингвинов» был французским ответом «Еврейской Франции» – единственным видом ответа, которого эта книга заслуживала. Но большинство французских католиков, которые верили своим епископам больше, чем Анатолю Франсу, были убеждены в объективности Эдуарда Дрюмона и в виновности Дрейфуса.

Даже после полной реабилитации Дрейфуса в 1906 году те, кто утверждали, что он был осужден несправедливо, считались у многих церковников еретиками и врагами Франции. Характерное сочетание религии и политики выразилось в словах представителя Ватикана в Париже монсеньора Монтанини, который в июле 1906 года извещал Святейший престол о «духе зла», овладев-

шем некоторыми семинаристами. Они испытывают «благорасположение к Луази *27, Дрейфусу и разоружению» (196, 210). В 1906 году епископ Нанси заявил, что вера в невиновность Дрейфуса равносильна отступничеству. «К великой чести французских католиков нашего времени, – сказал он, – служит то, что среди тех, кто не отступился от веры, не было ни одного, кто одобрял бы предателей и не отвернулся бы с возмущением от хулителей армии». Епископ не объяснял, почему в это время столь многие католики одобряли Эстергази, который признался в предательстве и написал зачитанные на суде письма, в которых оскорблял Францию. Но Эстергази не был евреем, он был католиком, а в свое время даже служил в частях папских зуавов.

Лишь немногие французские католики даже сегодня одобряют поступок отца Леканюэ, признавшего свое заблуждение. Его убеждение в виновности Дрейфуса поколебалось после изучения судебных документов:

«До этого времени мы верили в виновность Дрейфуса, засвидетельствованную двумя военными трибуналами и показаниями пяти военных министров. Однако в ходе тщательного изучения документов, касающихся этого дела, в первую очередь, судебных отчетов, отчетов и протоколов заседаний Верховного апелляционного суда по вопросу о пересмотре приговора реннского суда, мы почувствовали, что наши взгляды меняются и предубеждения исчезают. Мы с болью осознали, что мы заблуждались, и полагаем, что при объективном рассмотрении этого дела невозможно придти к иному заключению. Но узнав истину, разве мы можем поступиться своей совестью и не заявить о ней во всеуслышание? Именно так мы и решили сделать, пусть даже с риском оскорбить чувства очень многих людей. Мы надеемся, что наши читатели одобряют наш поступок и, подобно нам, решат признать истину и справедливость» (104, 3, 140). Это признание истины католическим историком должно было произвести впечатление на французские католические круги, особенно на молодежь из семинарий. Возможно, этим до некоторой степени объясняется ослабление антисемитизма во Франции в сложные последующие десятилетия. Однако и сегодня во Франции есть люди, которым тяжело слышать, что Дрейфус был невиновен. Среди тех, кто боролся за оправдание Дрейфуса, одной из наиболее ярких личностей был Жорж Клемансо, опубликовавший в своей газете серию статей. В сравнении с ложью «Ла Круа», непристойностями Дрюмона или политическими выпадами «Ла Чивильта Каттолика» проза Клемансо читается, как размышления пророка, философа или святого. Цитаты из его статей могут многое сказать каждому из нас, неважно, атеисты мы или верующие и какую религию исповеду-

ем:

"Нация без совести – просто-напросто стадо на пути к бойне... Человек может оказаться в положении, когда необходимо принести своей стране жертву, большую и более трудную, чем жизнь, – принести в жертву свои предрассудки...

Я убежден, что у человека может быть идеал более возвышенный, чем убийство своих братьев, безнаказанное или даже с риском для собственной жизни...

Мы знаем теперь, что общественные институты, законы и догмы бессильны против зла, которое есть в каждом из нас, и что проведение общественных реформ должно начинаться с нас самих...

У каждого из нас есть огромные возможности для защиты угнетенных и преследуемых, важно лишь осознать это и уметь пользоваться ими...

Клемансо в своих статьях яростно обличал клерикалов, а иногда полемизировал с ними с блистательным, подлинно французским остроумием. «Апостолы, – напоминал он своим оппонентам, – были евреями».

«В нишах наших церквей я вижу статуи евреев, перед которыми люди молитвенно преклоняют колени. Должно быть, моя бессознательная религиозность мешает мне кричать: „Смерть евреям“. Я боюсь оскорбить Св. Иосифа, Св. Петра, Св. Матфея и многих других, не говоря уж о Деве Марии и ее Сыне, Господе нашем. Все основные места в христианском раю заняты евреями».

«И впрямь, – добавлял он с чуть заметной усмешкой, – судя по всему, так оно и есть».

Клемансо считал, что несправедливость нельзя оправдать ни при каких условиях, кто бы ни был ее жертвой. Вина повторного суда в Ренне, осудившего Дрейфуса, хотя его невиновность была доказана, ни в чем не уступала вине Пилата.

«Прошло пять лет с того времени, как мы схватили еврея и распяли его, как римляне, от которых мы исходим, поступили две тысячи лет назад, очевидно, не сознавая последствий своего действия. Мы же держали еврея пригвожденным в течение пяти лет... и мы-то хорошо знали, почему; мы сделали это потому, что сектантской ненавистью ненавидим народ, избранный Богом... Мы ненавидим еврея и отказываемся снять его с креста позора после пяти лет распятия».

Хотя некоторые французские священники в проповедях и даже в печати выступали в защиту Дрейфуса, «католическая Франция по большей части оставила другим честь бороться за истину» (42, IX); «Французские католики, – писал Поль Виолле папскому нунцию в Париже, – за редкими исключениями приняли сторону

лжи и преступления против истины, закона и справедливости; в Риме это знают столь же хорошо, как и при всех дворах Европы». Однако Святейший престол, подобно Людовику Святому, не испытывал сочувствия к злоключениям еврея. На дипломатическом приеме в Ватикане секретарь папского двора кардинал Рамполла выразил «свою радость» по поводу осуждения Дрейфуса в Ренне. Бесчисленные прелаты, вся эта толпа церковных деятелей не располагала временем для выслушивания жалоб какого-то еврея, осужденного всей католической Францией, на защиту которого встали к тому же, в основном, враги церкви.

Усилия Льва XIII умерить политические страсти французских католиков были восприняты роялистами и многими церковниками как предательство по отношению к Франции. В 1892 году, когда папа опубликовал письмо с призывом ко всем людям доброй воли во Франции, в том числе протестантам и евреям, объединиться против «врагов религии и общества», барон Альфред де Ротшильд нанес визит папскому нунцию в Париже монсеньору Феррата и заверил его, что французские евреи с готовностью последуют этому призыву. Феррата включил в свои мемуары рассказ об этой встрече. Беседа велась по правилам фехтовального поединка – каждая сторона вела счет ударам; однако манеры барона были лучше манер нунция, который, рассказывая о встрече, не мог скрыть своей антипатии к Ротшильду и его нации. Феррата выразил надежду, что после призыва папы ко всем людям доброй воли, включая евреев, вместе бороться против врагов религии и общества, «сыны Израиля, которые во Франции не слишком многочисленны, но весьма могущественны, прекратят поддерживать масонов и других сектантов в их борьбе против католической церкви». Нунций сказал, «что он не обвиняет всех евреев, однако должен отметить, что значительное число их всегда находится в первых рядах противников церкви и религиозных интересов. Естественно, что это вызывает у католиков раздражение, которое может иметь нежелательные последствия. В конце концов, оно может обратиться против верований, а еще более – против богатства евреев». Барон соглашался, что известное число евреев заслужило подобные упреки, однако заверял, что они не представляют большинства французских евреев. Меньшинство, как вежливо указал барон нунцию, не хочет подчиняться воле своих лидеров точно так же, как некоторые католики восстают против авторитета церкви. Монсеньор Феррата, который, несомненно, понял ответный выпад, перевел разговор на более конкретную тему, заявив, что на самом деле именно Ротшильд направляет и контролирует действия еврейских антиклерикалов. «Затем я указал ему, что дом Ротшильдов располага-

ет многочисленными способами оказывать давление на всех евреев, а он ответил мне с величайшей вежливостью, что он не устанет действовать в духе наставлений Его Святейшества, которые он считает своевременными и весьма мудрыми» (64, 2, 312-313).

Лишь немногие французские католики, как тактично напомнил Ротшильд папскому нунцию, выказали готовность следовать наставлениям папы. В провинции бесчисленные маркизы, графы, виконты и бароны, гниющие в своих приходящих в упадок замках, продолжали молиться о восстановлении монархии. Дрюмон, конечно, был возмущен предложением сотрудничества католиков с евреями и призывал какого-нибудь французского рыцаря воспользоваться железной рукавицей Ногаре, которой тот дал пощечину Бонифацию VIII²⁸ в Ананьи. Папа, «прославленный простофиля», как характеризовал его Жорж Бернанос, вызвал недовольство клерикальной и роялистской партий: им было известно, что взгляды папы на дело Дрейфуса сильно отличались от взглядов кардинала Рамполлы и римского нунция. В сложившейся ситуации он не сделал, да и не мог сделать публичного заявления по этому вопросу. Но в частном письме, которое он позволил опубликовать своему корреспонденту, он в поразительной фразе выразил свою симпатию к страданиям невинного еврея: «Счастлива жертва, которую Бог избрал достойной уподобиться Своему собственному распятому Сыну» (147, 5, 37). Большинство французов считали публикацию этого письма "недопустимым вмешательством во французскую политику, и лишь немногие были способны оценить папское упоминание о мистической доктрине искупительного страдания. В этой публикации подозревали какой-то «еврейский подвох» и ожидали официального опровержения Ватикана; однако ждали напрасно. Добрые католики, утешившие себя тем, что папа высказал свое мнение не официально, а в частном письме, искали утешения в молитве, и было отслужено множество месс за возвращение папы на путь истинный.

Возможно, Лев XIII заметил исторические признаки того, что сейчас, по прошествии 50 лет, уже более различимо. Страдания Дрейфуса, из-за которого с новой силой вспыхнула ненависть ко всему еврейскому народу, оказали влияние на ход событий, которые в эти годы никто не был способен предсказать. Никто не заметил, что посетивший Францию иностранец, человек, которому было суждено стать одним из великих вождей еврейского народа, наблюдал растущую волну ненависти с пророческим пониманием. Он приехал из Австрии, этот высокий человек примечательной наружности, свободно чувствовавший себя в нееврей-

ском мире, в котором он был принят и жил счастливо; совершенно ассимилированный еврей и тем не менее – пророк Израиля. Его звали Теодор Герцль. Дрюмон вернул Герцля народу Израиля. Герцль был наиболее деятельным из множества евреев, увидевших в трагедии Дрейфуса еще одно повторение их истории с того времени, как они отправились в изгнание. Он стал проповедником возвращения; он убедил многих евреев, что в этом мире их единственный путь к спасению – дорога, ведущая в их собственный дом.

Юдофобия, возродившаяся в Германии, Австрии, России и Польше за несколько лет до публикации «Еврейской Франции», не поколебала уверенности западного еврейства в том, что прогресс, просвещение и либеральные политические концепции 19 века являются гарантией безопасности. В 1881 году Люсьен Вольф *29 был уверен, что «приступы антисемитизма будут ослабевать, пока совершенно не исчезнут». Рабби Герман Адлер заверял свой народ, что, «возможно, недалек тот час, когда Германия будет рассматривать травлю евреев, как отвратительный кошмар... как грязное пятно на истории 19 века». И никто в 1882 году не слушал Лео Пинскера *30, чья уверенность в будущем была разрушена увиденным в России. Он призывал евреев не полагаться более на чувство справедливости или дружеские заверения других наций, а действовать ради собственного спасения. Пинскер был первым евреем нового времени, вернувшимся к древнему решению «еврейской проблемы», – решению, которое было известно еврейской элите на протяжении веков. Он сказал евреям, что они не обретут мира до тех пор, пока не восстановят свой государственный и национальный статус. Только тогда они смогут жить без позорного клейма и пользоваться привилегией свободы, равенства и братства в любом месте земного шара. «Ибо самого факта существования еврейского государства, где евреи – хозяева и их национальная жизнь развивается в соответствии с их собственными духовными потребностями, будет достаточно, чтобы снять с них клеймо неполноценности». «Самоэмансипация» Пинскера – книга, известная сегодня почти каждому еврею в мире, вышла в 1882 году, но осталась незамеченной во Франции. Редактор журнала «Этюд Жуив» (1882, V, 298) посвятил ей три строчки: «Преследования евреев в России вдохновили автора на фантастическую идею осуществить эмансипацию евреев, создав еврейское государство».

Грубая реальность древней и непреходящей ненависти, вспыхнувшей с новой силой вследствие процесса Дрейфуса, постепенно рассеяла иллюзии западного еврейства. «Мы все верили, – писал Ахад-ха-Ам, – что элементарная справедливость стала неотъемле-

мой частью европейской жизни, одной из неколебимых основ общественного устройства; теперь же мы видим, что мы ошибались». Перед приговором в Ренне действительно могло показаться, что стране свободы, равенства и братства было суждено сыграть главную роль в окончательном уничтожении еврейского народа; от этой позорной участи Францию спасло меньшинство, «пятьдесят праведников», которых не нашлось в Содоме *31.

С точки зрения Пеги, дело Дрейфуса «было серьезным кризисом в трех историях: в истории еврейского народа, в истории Франции и в истории христианства» (142, 54). Франция почти уступила вирусу ненависти, потому что она была «инстинктивно антисемитской вследствие ее христианской истории». Следы этого «инстинкта» видны в сочинениях даже тех немногих французов, которые имели мужество заступиться за евреев. Золя защищал их «не как евреев, а как человеческие существа». Леон Блуа испытывал отвращение к самодовольному антисемитизму католических буржуа. Однако его «Благополучие евреев» содержит немало фраз, которые не позволят ни одному еврейскому читателю видеть в авторе этой книги друга.

Пеги защищал евреев, потому что любил их. «Без любви, – сказал он, – справедливость и истина – просто гипсовые святые». То, что больше всего восхищало его в еврейском народе, была «их духовная сила, которую ни мир, ни плоть, ни дьявол никогда не могли уничтожить». «Всякий, – сказал он, – имеет таких евреев, каких он заслуживает».

«Буржуазные антисемиты знают и ненавидят только буржуазных евреев; антисемиты, которые в моде, знают и ненавидят только тех евреев, которые в моде; антисемиты-коммерсанты знают и ненавидят только евреев-коммерсантов. А мы, кому случилось быть бедняками, знаем великое множество евреев-бедняков и даже живущих в нищете. И я всегда нахожу этих евреев нестигаемыми, как сталь, и верными в дружбе».

Пеги знал, против чего он боролся. «Мы были героями, – писал он. – Это следует сказать со всей простотой, потому что, я уверен, никто не скажет этого за нас». И действительно, трудно сказать то, что сказал он, увидеть то, что увидел он: смысл борьбы, ее мистическое значение, которое он, почти единственный из своих современников, заметил и объяснил, – борьбу меньшинства «не только за честь нашего собственного народа в это время, но и за честь нашего народа в истории, за историческую честь всей нашей расы, за честь наших предков и наших детей».

Весь мир наблюдал за драмой еврейского народа, которая была в то же время и драмой Франции, за боем горстки праведников, выступивших против обезумевшей от ненависти толпы.

Эта горстка доблестных людей оказалась, в конце концов, способной пробудить национальную совесть и спасти свою страну от судьбы, которая через 40 лет постигла гордых немцев, когда в них тоже вселились бесы, но их не изгнали, и все стадо бросилось вниз с обрыва и погибло.

Борцы за несправедливость

Для антисемита все зло мира заключено в еврее.

Жан- Поль Сартр

Одного из наиболее видных английских проповедников расовой ненависти, историка Эдварда Фримэна *1 помнят или, по крайней мере, должны помнить в США по тому замечанию, которое он сделал во время своего визита в Америку в 1881 году: «Это была бы великая страна, если бы каждый ирландец в ней убил негра и был бы за это повешен». Это была не просто неудачная шутка; Фримэн был одним из ранних провозвестников нацистской доктрины. Кое-кто в Америке встретил его идеи с сочувствием: он записал, в каком духе его приятель из Массачусетса воспитывал ребенка. «У мистера Гэрни была маленькая племянница... которая сказала отцу: 'Спокойной ночи, папа; я надеюсь, что ты будешь хорошо спать, и все будут хорошо спать, кроме евреев'». Фримэна возмущали англичане, публично протестовавшие против еврейских погромов в России. «Я в бешенстве от всего этого еврейского притворства, – писал он. – Я утверждаю, что если один народ решает выдрать собственных евреев, то это не касается других народов... Болгария запугана и Финляндия под угрозой; кому какое дело до их евреев, кроме самих этих стран?» Хотя Фримэн прямо не призывал уничтожить евреев, в 1878 году он высказал свое сочувствие политике уничтожения в выражениях, которые сделали бы честь самому Гитлеру: «Количество воды, достаточное для того, чтобы затопить проклятое логово еврейства, было бы благословением для всего цивилизованного мира».

Английские литераторы не часто писали с такой откровенностью о том, что они неточно называли «еврейской проблемой»; исключением была их частная переписка, но в прежние времена их биографы перед публикацией подобных писем делали некоторые цензурные сокращения.

В начале нашего столетия англичане не проявляли особого интереса к внутренним делам Франции или к откровениям о международном еврейском заговоре, который, как уверял читателей на страницах «Свидетеля» Хилари Беллок, угрожал всей христианской цивилизации, но особенно Англии. В качестве

средства борьбы с этим бедствием он предлагал, чтобы евреи во всех странах жили изолированными общинами по специально установленным законам. Эта идея возврата к гетто не была оригинальной. Уже в 1850 году немецкие антисемиты требовали исключить евреев из участия в общественной жизни, потому что Германия является христианским государством. Тот же принцип изоляции евреев защищал католический журнал «Ла Круа» во время французских выборов 1898 года. Тогда от имени французской католической партии был опубликован манифест, в котором провозглашалось, что «мы будем голосовать только за тех кандидатов, которые будут выдвигать, поддерживать и голосовать за закон, лишаящий евреев избирательного права и права занимать военные или гражданские должности в государстве». Такое ограничение гражданских прав логически и исторически вело к уничтожению. Юлиус Штрайхер заявлял на суде в Нюрнберге, что «все, что он делал – это лишь пропагандировал идею, что евреи из-за их чужеродности должны быть отстранены от участия в немецкой национальной жизни и отделены от немецкого народа».

В 1922 году Беллок окончательно сформулировал свои идеи в книге «Евреи», которая, по его словам, была «попыткой установить справедливость». В предисловии ко второму изданию (1928) он жаловался, что «те, кто не читал эту книгу, называют ее антисемитской, то есть книгой, направленной против евреев человеком, ненавидящим их». Он был удивлен такой реакцией и полагал, что критики просто сводили с ним личные счеты, не потрудившись прочесть его книгу. «Всякому, кто действительно читал ее, обвинения в антисемитизме покажутся абсурдными, – заявлял он. – Я вовсе не испытываю к евреям вражды. Я далек от ненависти к ним и даже ищу их общества; среди моих друзей людей полностью или частично еврейской крови не меньше, чем у любого из моих знакомых» (20, XVI).

Людей, которые предваряют свои книги сообщением, что множество их лучших друзей – евреи, сегодня без лишних размышлений можно отнести к той категории, к которой они фактически и принадлежат. Один из наиболее ранних образчиков этого диалектического приема был дан в середине прошлого века Дэниэлом О'Коннеллом в палате общин. «Я имею счастье быть знакомым с несколькими еврейскими семействами в Лондоне, – так помпезно начал он свое выступление, – в числе которых самые утонченные дамы и самые гуманные, сердечные, утонченные и образованные джентльмены, которых я когда-либо встречал. Поэтому я надеюсь, что никто не подумает, что, говоря о Дизраэли *2 как о сыне еврея, я хочу оскорбить его. Некогда евреи были

народом, избранным Богом». После этой преамбулы О'Коннелл перешел именно к тому, чего, по его словам, он вовсе не собирался делать:

«Однако среди них были и негодяи, и от одного из таких негодяев определенно происходит Дизраэли. (Смех в зале.) Он обладает как раз теми качествами нераскаявшегося разбойника *3, который умер на кресте и чье имя, как я совершенно уверен, было Дизраэли. (Смех в зале.) Ибо, насколько мне известно, нынешний Дизраэли происходит от него, и, допуская это, я прощаю теперь законного наследника богохульного разбойника, умершего на кресте. (Гул одобрения и смех в зале.)»

Перечень современных писателей и ораторов, использовавших подобные жульнические уловки, слишком длинен. Бывший коллега Дрюмона Альбер Моннио, ставший в 1933 году лидером фашистов Франции, объявил, что «у антисемитов... как сказал Дрюмон, благородная арийская душа; они не испытывают ненависти к отдельным евреям и всегда готовы быть с ними на дружеской ноге». «У меня множество еврейских друзей», – писал в 1939 году Герберт Уэллс и на той же странице выражал мнение, что «хриплый голос нациста, в конечном счете, возможно, говорит вещи, к которым стоило бы прислушаться». «Я горжусь тем, что среди моих друзей много евреев,» – заявил маркиз Лондондерри, а в 1936 году он написал Риббентропу письмо, в котором в характерной английской манере недомолвок заверял, что «не испытывает к евреям особых чувств». Десятью годами позже Риббентроп пытался спасти свою шкуру, прибегнув к тому же приему. В протоколах Нюрнбергского процесса записан его протест: «Многие из моих друзей – евреи».

Даже если Беллок действительно «не испытывал вражды к евреям», был далек от ненависти к ним и «искал их общества», он не побуждал своих читателей следовать его примеру. Возможно, ненависть – слишком сильное определение, но враждебность и презрение к «неполноценному народу» можно встретить почти на каждой странице книги Беллока. «Еврей должен помнить, – пишет он, – что не только его господство, но даже само его присутствие на любом высоком посту ненавистно расе, в среде которой он обретается» (20, 193). Подобное чувство еще откровеннее было выражено одним литературным другом еврейского писателя Якоба Вассермана, который заметил в связи с борьбой немецких либералов за допуск евреев на административные должности:

«Я люблю евреев, но не желаю, чтобы они управляли мною». Тот же Беллок утверждал, что «почти все люди, не принадлежащие к еврейской расе, в среде которых живут евреи, испытывают по отношению к ним национальный антагонизм». Он был уверен,

что «обычный английский солдат и гражданин не имеет связей» с евреями и «не испытывает к ним симпатии». Тот, кто пишет, что «богатые европейцы... с их готовностью... идти на любое бесчестье ради увеличения своего состояния, выдают дочерей замуж за евреев» (20, 88), не должен удивляться, если читатели заподозрят его в антисемитизме.

С начального этапа дела Дрейфуса, когда Беллок некоторое время жил во Франции и познакомился там с сочинениями Дрюмона, он не переставал верить в существование международных еврейских сил, стремящихся к разрушению или к захвату христианского мира. Он так никогда и не узнал или, во всяком случае, не сообщил своим читателям имен этих всемогущих людей. Все, что о них известно, это то, что они – евреи и что при помощи каких-то тайных методов они могут делать все, что им заблагорассудится, с прессой и банками. И впрямь, в такой силе есть что-то мистическое; это, по его словам, «корпоративная и полуорганизованная» мощь, «хотя отдельный банкир или финансист может и не знать о ней». Никто не знал, кто эти заговорщики, однако существование самого заговора было одним из тех «хорошо известных фактов», которые нечего и доказывать. «Все образованные люди, даже из сравнительно низких, непривилегированных классов общества, прекрасно осведомлены об этом, и все, кто осведомлен, возмущены». Особенно возмущало англичанина, если только он не находился ниже «даже непривилегированного» класса общества, вмешательство этих заговорщиков в британскую политику общественных реформ, например, в проблемы страховки по безработице и пенсии по старости. Эти проблемы были предметом обсуждения и законодательства в те годы, когда Беллок наблюдал за коварными манипуляциями «евреев». Удивительно читать, что «евреи, контролирующие международные финансы», вмешивались во внутренние дела Англии не с тем, чтобы воспрепятствовать этим реформам, а наоборот, чтобы способствовать им. «Они, – писал Беллок, – стоят за теми великими проектами промышленного страхования, которые столь желанны для народных масс... паразиты на жалких страховках бедняков».

По возвращении из Америки Беллок изобрел новое название для антисемитизма, весьма подходящее для его теории еврейского заговора: он назвал антисемитизм «оборонным движением». В своей следующей книге Беллок писал; что «ввиду резкого раздражения, вызванного евреями, в Нью-Йорке начинает создаваться оборонное движение». В том же году, говоря о начавшейся антисемитской кампании, кардинал О'Коннелл осудил «оборонное движение», обнаруженное Беллоком за несколько недель, прове-

денных в Америке. «Мое внимание, – сказал кардинал, – привлекла организованная антиеврейская кампания в Америке»:

«Такая кампания совершенно противоречит лучшим традициям и идеалам Америки; ее единственным результатом может быть введение религиозных ограничений для предоставления гражданства и воцарения предвзятости и ненависти, совершенно несовместимых с лояльным и рациональным американским сознанием. Дискриминация какой-либо расы или религии – совершенно не американское явление, и я хочу заявить свой протест против всякой травли евреев или любой другой религиозной группы, составляющей великое гражданское единство этой страны». Кардиналу возразил один из «оборонцев», который написал в «Ревю Интернасьональ де Сосьете Секрет» (июль 1921): «На это можно достойно ответить: пусть сначала евреи прекратят нападать на общественные устои со своим большевизмом и социализмом, а на церковь – со своим масонством, как они делают это во всем мире; тогда у антисемитизма не останется никаких причин для существования».

Через 11 лет «оборонная организация в Нью-Йорке» обнаружила единственный эффективный способ борьбы с «острым раздражением, вызванным евреями» в этом городе. В листовке «Американской нееврейской молодежной организации» содержалось логическое заключение, к которому неизбежно ведет антисемитизм, как бы он ни маскировался: «Чтобы обрести вечный мир и процветание, каждый народ должен убить своих евреев». С благословения одного из лидеров немецких «оборонцев», Юлиуса Штрайхера, перевод этой листовки был доведен до сведения немцев на страницах «Дер Штюрмер» (1939).

Борьба против евреев, как утверждали виновники массовых убийств на процессе в Нюрнберге, была средством защиты. Германия должна была защитить себя и весь мир от еврейской заразы. Это объяснение дал Рудольф Гесс, комендант Освенцима с 1940 по 1943 год, признавший, что под его руководством было уничтожено около 2,5 миллионов евреев.

Следует заметить, что Хилари Беллок за несколько недель успел так хорошо узнать Америку, что написал книгу о еврейском засилье в этой стране; следует также заметить, что никто не сказал ему, что создатели «оборонного движения» против евреев вели аналогичную кампанию против католиков. В пропагандистских листовках, выпускавшихся непосредственно Ку-Клукс-Кланом или под его эгидой, утверждалось, что «евреи и католики владеют 95% крупных промышленных и коммерческих предприятий в Америке» и что большую часть прессы контролируют не евреи, а католики. Лидеры Ку-Клукс-Клана говорили народу, что «каждый

раз, когда в католической семье рождается ребенок, в сводах местного кафедрального собора прячут еще одну винтовку». Распространялись фотографии еврейской больницы в Цинциннати, где, по слухам, будет штаб-квартира папы, который вскоре покинет Италию. (165, 310-313). В этих домыслах было столько же правды, сколько в бреднях о международной еврейской финансовой организации, в существовании которой Беллок сумел убедить многих.

Хотя о международном еврейском заговоре были написаны миллионы страниц, никто не мог привести свидетельства его существования, пока, наконец, детали этого заговора не были представлены в документе, известном как «Протоколы сионских мудрецов»⁴. Этот документ выдержал бесчисленное количество изданий и до сих пор переиздается во всех странах мира; его же под руководством гитлеровского министерства пропаганды изучали немцы, хотя еще в 1920 годах лондонская «Тайме» опубликовала доказательства того, что это – подделка.

Происхождение и последующая история «Протоколов сионских мудрецов» очень напоминают историю подделки, опубликованной в 17 веке под названием «Тайные наставления». В этом сочинении речь шла о тайных действиях иезуитов, которые были в тот период предметом всеобщей ненависти. Испанская рукопись, содержащая выдержки, сделанные якобы в секретном архиве иезуитского ордена, была «найдена» в Падуе и после многочисленных приключений и странствий в 1614 году издана в Кракове в латинском переводе. Этот документ содержал секретные планы и наставления, известные якобы только избранным членам ордена и державшиеся в тайне от рядовых иезуитов. Три главы его посвящены смехотворным инструкциям о способах выманивания денег у вдов. Для этой цели следовало подбирать пожилых иезуитов; им надлежало брать вдов под тщательную опеку и «удерживать от всего того, что могло бы подтолкнуть их к новому браку». Любой аморальный поступок, ложь, мошенничество, если они увеличивали богатство ордена, считались позволительными и даже вменялись в обязанность членам ордена. Автор этой подделки, изгнанный из ордена иезуитский священник, перед смертью покаялся в содеянном. Однако, как это часто бывает, созданная им легенда продолжала жить и развиваться. В 17 веке вышло 22 издания этой брошюры, а в 18 – 19 веках антиклерикальные издательства выпускали ее массовыми тиражами, которые уменьшились лишь тогда, когда евреи заняли место иезуитов в качестве всеобщего «козла отпущения». Нынешняя вульгарная травля евреев часто ведется с той же примитивной глупостью, с какой велась вульгарная травля иезуитов.

Во Франции, где почва была подготовлена усилиями Дрюмона, появилось множество книг, утверждавших, что евреи плетут заговоры совместно с масонами и протестантами, присоединившись к ним в надежде разрушить католическую церковь. «Не подлежит сомнению, – писал французский автор в 1899 году, – что евреи, масоны и протестанты вступили в союз против католических наций, чтобы обеспечить (еврейское) господство над всем миром». Беллок не обвинял английских протестантов в участии в международном заговоре, хотя и объяснял, что «для протестантов естественно выступать против католицизма и тем самым действовать на руку евреям... Английский средний класс углублен в чтение Ветхого завета. Евреи кажутся им героями эпоса и светочами веры». Очевидно, слишком интенсивное чтение Ветхого завета может иметь плачевные последствия. «Я, со своей стороны, – писал Эразм Роттердамский более 400 лет назад, – предпочел бы при условии, что это не коснется Нового завета, чтобы люди совершенно отказались от Ветхого завета, нежели чтобы мир между христианами был нарушен из-за еврейских книг».

Во Франции «международный еврейский заговор» был обличен отцом Констаном, предостерегшим своих читателей, что не только все золото, но и вся земля Франции в ближайшее время могут перейти в руки врагов: «Франция будет еврейским государством, а 39 миллионов французов станут рабами евреев» (44, 37). Евреи якобы состоят в заговоре с протестантами, масонами, капиталистами, коммунистами и социалистами; они создают и контролируют все эти движения. Евреи во Франции, по мнению отца Констана, поддерживают социализм для того, чтобы захватить власть в стране и осуществить свои планы. Другой церковный историк объяснял:

«Чтобы усилить свое господство во Франции и распространить его на всю остальную Европу, еврейство избрало своим инструментом социализм. Когда все будет находиться в руках государства, евреи одним ударом смогут захватить все сельское хозяйство и промышленность Франции. Государство будет в руках евреев – евреев, царствующих и правящих при помощи силы золота... Социализм будет триумфом еврейского капитала».

Статья о франкмасонах в «Апологетическом словаре католической веры» содержит замечания о масонах и евреях, которые не выдерживают никакой критики. Должно быть, это ускользнуло от внимания профессора Католического института в Париже отца д'Але, под чьей редакцией вышел словарь. Автор статьи о франкмасонах утверждает, что на сегодняшний день евреи контролируют масонство и руководят им, а союз этих двух сил был есте-

ственной целью «древних притязаний народа-богоубийцы». Он цитирует «зловещее предостережение» некоего М. Дуанеля, который, видимо, знал тайные мысли и намерения дьявола:

«В замысле Сатаны синагога занимает огромное, преобладающее место. Он полагается на еврейское управление масонством и на то, что масоны разрушат церковь Иисуса Христа... Еврейский мозг направляет действия против апостольской римской церкви... не только против ее земного главы – папы, но и против ее небесного главы – Христа. Распни Его! Распни Его!»

Кардинал Гаспарри в официальном письме дал благословение этой полезной статье, которая, по его мнению, «послужит хорошим оружием» в борьбе не только против религиозных заблуждений, но и «против многих исторических предрассудков, которым всегда служили питательной почвой слабая вера и невежество». Его преосвященство, очевидно, имел в виду лишь исторические предрассудки, направленные против католиков.

Отец Бесс в 1913 году предположил, что секретная международная еврейская организация, которую разыскивали столь давно, возможно, скрывается за кулисами Всемирного Еврейского альянса *5 в Париже. Он не высказал этого прямо, но сделал осторожное предположение. Он считал, что, во всяком случае, «эта организация не более, чем инструмент в руках закулисного Синедриона, который умеет приводить в действие колоссальные силы... Мы являемся свидетелями существования всемогущей олигархии, обладающей как финансовой, так и религиозной властью...» Он уклончиво допускал, что не всегда можно установить, кто именно входит в эту олигархию: «Пять-шесть человек могут управлять всем делом, и никто не знает, кто они; их гражданство и местопребывание не имеют значения. Они евреи – и этого достаточно» (26, 110).

В 1912 году эта таинственная олигархия была явно занята разрушением, резней и подстрекательством к беспорядкам не только в Западной Европе, но и в других частях света, где происходили подобные события. Даже в Турции, как утверждал один английский автор в «Бритиш Ревью» (апрель 1913), евреи тайно плели интриги:

«Обычный магометанин не имеет никакого отношения к совершаемым жестокостям. Все это – дело рук еврейско-масонской организации, господствующей над сегодняшней Турцией... Турция мертва, – продолжал автор статьи в стиле, напоминающем Дрюмона, – но евреи воссоздали Турцию: грязный дух гальванизировал труп, дав ему ужасную видимость жизни. Сегодня мертвым телом Оттоманской империи овладел демон столь же злой, каким был ислам в свои худшие дни, но при этом – в сотни раз

более изобретательный».

Сообщения о тактике этих «изобретательных демонов» часто были противоречивы. В то время как Дрюмон утверждал, что французские евреи совместно с немецкими замышляют разрушить Францию, в Германии антисемиты обвиняли военную фирму Людвиг Лёве в том, что она подкуплена Еврейским альянсом в Париже; она производит плохое оружие и таким образом, когда пробьет час, поможет французам победить в войне. Подобные слухи о махинациях международного еврейства циркулировали и после Первой мировой войны. В 1919 году французская газета «Ла Раппель» заявила, что таинственные силы, восстанавливающие Германию для военного реванша – это силы «международного золота, золота еврейско-немецкого финансового осьминога, золота сынов Израиля». Гитлер в «Майн кампф» обвинял международный еврейский капитал в попытке «вновь ввергнуть народы в войну... в надежде погубить немецкий народ». Беллок же был уверен, что евреи плетут интриги, чтобы освободить Германию от уплаты контрибуции Великобритании. «Англичане, – писал он, – не поддадутся внушению, что ради удобства этих чужих банкиров мы должны отказаться от прав победителя... Еще более энергично англичане будут протестовать против права еврейских банкиров вмешиваться в вопрос о национальных репарациях, причитающихся англичанам за тот огромный ущерб, который был причинен Британии в ходе военных действий» (20, 95). Приблизительно тогда же французский автор «безапелляционно утверждал, что международный еврейский капитал – германофил, поклявшийся спасти Германию ради своих еврейских прибылей». Наиболее очевидное объяснение всех этих противоречий состоит в том, что никакого международного заговора еврейства не существует.

Эта легенда о международных еврейских заговорах для уничтожения христианства выросла из многовековой ненависти и заменила в Западной Европе старинные обвинения в ритуальных убийствах и осквернениях гостию; как и древние выдумки, новая основывалась на легковерности масс и так же не имела никакого отношения к фактам. «Еврею, – писал Пол Гудмэн в 1913 году в „Бритиш Ревью“, – трудно всерьез принять наивное предположение, что... еврейские финансисты, которые, подобно их христианским собратьям, стремятся лишь к наживе, тайно собираются и составляют заговоры против народов ради благосостояния их собственной нации и укрепления их религии».

Однако Беллоку было нетрудно убедить себя в том, что евреи контролируют все развитие современного капитализма, крупные банки и большинство промышленных и коммерческих трестов

как в Европе, так и в Америке. Он верил, что они используют или собираются использовать ту силу, которую сосредоточили в своих руках для некой злой, хотя и неизвестной цели, которую он называл разрушением нашей цивилизации. Одновременно он верил, что они вдохновили и организовали русских революционеров и, следовательно, действовали против источника своей собственной мощи – капитализма, который они, как предполагалось, контролировали.

В своем предисловии ко второму изданию книги «Евреи» Беллок, совершенно игнорируя это противоречие в своей теории, просто утверждал, что хорошо известно, что большевизм и еврейство – одно и то же: «Еврейское правительство в Москве пустило прочные корни» (20, XI). Спустя годы это отождествление еврейства с коммунизмом было взято на вооружение Геббельсом и Розенбергом и превращено ими в главный лозунг на съезде нацистской партии в 1936 году.

Установление коммунистического строя вряд ли могло принести особую пользу еврейству как в самой России, так и за ее пределами. И нет никаких свидетельств, что ленинская теория руководства или нынешняя система в России теоретически или практически обязаны своим возникновением еврейскому заговору. «Если Сталин правит в Кремле, – писал Сидней Дарк, – то, согласно Беллоку, выходит, что „сплоченная организация евреев“ преуспела в причинении своему народу жертв и страданий. Но ни теория, ни практика большевизма не являются еврейскими. Большевистский террор, диктатура меньшинства, политика насилия – все это ленинские дополнения к Карлу Марксу» (48).

Карл Маркс не только бранил свою религию и свой народ, но и принял христианскую традицию, включая ее антисемитизм. Он отождествлял еврейство с капитализмом; он считал, что иудаизм «исчезнет с исчезновением капиталистического строя» (140, 173). Однако Беллок полагал, что евреи ответственны за политическую программу «Капитала», который он характеризовал как «еврейскую книгу, написанную по-немецки». Но когда бывший католик Адольф Гитлер в «Майн кампф» разъяснял нацистскую политику, никому в голову не пришло назвать ее «католической книгой, написанной по-немецки». Многие из гитлеровских головорезов номинально были католиками. Фон Папен *6 был папским камергером, а о Геббельсе говорили, что он получил воспитание у иезуитов. Сталин воспитывался как православный христианин, учился в духовной семинарии на священника, однако никто не вменяет в вину православной церкви его политические взгляды. «Отождествление иудаизма и коммунизма, – писал в 1939 году Жак Маритэн, – классическая тема гитлеровской пропаганды. Эту

тому подхватывают антисемиты всех стран... Правдой является то, что в некоторых странах часть еврейской молодежи может примкнуть к революционному экстремизму из-за антиеврейских преследований. В этих случаях ответственность лежит в первую очередь на тех, кто делает их жизнь невыносимой» (113, 7-8).

Эпизод, рассказанный Николаем Бердяевым *7, показывает, что обычай делать «козлом отпущения» народ, который не может защитить себя, – общечеловеческий грех, не знающий ни национальных, ни культурных границ. «Я помню, – писал Бердяев, – как, когда я еще жил в советской России, еврей – владелец дома, в котором я жил, часто говорил мне: 'С Вас не спрашивают за то, что Ленин – русский, а я пострадаю за то, что Троцкий – еврей. Разве это справедливо?'» (22, 31).

Хотя после Первой мировой войны на первый план выдвинулись социальные и экономические противоречия, поток религиозной ненависти продолжал литься со страниц газет и с церковных кафедр, где священники не прекращали проповедь антисемитизма, не подвергаясь контролю со стороны епископов и папы. «Еврей, – сказал монсиньор Э.Жуни, прелат Его Святейшества и священник церкви Св. Августина в Париже, – всегда еврей; мысли его – талмудические, воля – деспотическая, а рука – богоубийственная». Двадцатью годами позже те немецкие евреи, которые преклонили колени у подножия Христова креста, были отправлены в газовые камеры вместе со всеми остальными.

В 1935 году у Дрюмона было еще множество фанатичных последователей, и, как писал отец Джозеф Бонсэрвен, «повсюду господствовал скрытый антисемитизм» (34, 7). Ученики Дрюмона никогда не упускали возможности напомнить французскому обществу о международном еврейском заговоре. «Ла Либр Пароль», возрожденная в качестве ежемесячника, служила исключительно этой цели. Эта деятельность имела определенный успех и, возможно, сыграла свою роль в ослаблении моральной стойкости французских солдат накануне Второй мировой войны. В 1933 году французам внушали, что евреи хотят использовать французскую армию как орудие для уничтожения Гитлера. Поэтому война с Германией будет войной в защиту евреев, войной, спровоцированной ими. Пресса всех политических партий, правых и левых, как писал Анри Костон в статье «Израиль хочет войны», продавалась евреям и возбуждает мировое общественное мнение против Рейха. Гитлер не хочет войны; но есть сила, нация, желающая войны и страстно рвущаяся к ней – еврейская нация. Война 1914 года была начата евреями, и это может повториться: «Если Германию победят, евреи отпразднуют триумф»; снова «христианские народы натравливают друг на друга для взаимного уничтожения»

на благо еврейства».

Как ни фантастически все это сегодня звучит, трудно сомневаться, что в начале войны нежелание некоторых французских солдат сражаться частично могло быть результатом подобной пропаганды. Еврейский депутат французского парламента, потребовавший, чтобы правительство выразило протест против еврейских погромов в Германии, был обвинен на страницах «Ла Либр Пароль» в попытке спровоцировать войну «глупым вмешательством во внутренние дела соседнего государства... Если этот преступный маневр окажется успешным, французы, по крайней мере, будут знать, за что они пойдут на смерть...»

Конечно же, было бы абсурдом начинать войну, чтобы предотвратить хладнокровное истребление 6 миллионов человек.

Беллок никогда не переставал верить, что евреи тайно собираются, скорее всего – в банках, и решают судьбы мира. Подобные действия, конечно, порождали волнения и серьезные конфликты, которые, как он говорил, в Америке сносят с терпением, граничащим с добродетелью. Но у англичан вся эта заговорщическая деятельность евреев вызывала недовольство. Поскольку она не прекращается ни на миг, «люди начинают чувствовать себя, как в улье. Они начинают понимать, что их одурачивают». Беллок писал:

«Большинство людей, если их спросить о причине конфликтов между евреями и теми, в чьей среде они живут, ответят (по крайней мере, в Англии), что причина коренится в антиобщественной пропаганде, распространяющейся по всей индустриальной Европе. „Наша проблема с евреями, – услышите вы из сотен различных источников, – состоит в том, что под маской социальных революционеров они плетут заговоры против христианской цивилизации и, в частности, против нашей страны“. Подобный ответ, хотя на данный момент он самый распространенный, в высшей степени неудовлетворителен» (20, 69). Еврейский заговор с целью разрушения христианской цивилизации и в первую очередь Англии, казалось бы, достаточно хорошо объясняет причину конфликта. Но это объяснение, по мнению Беллока, «в высшей степени неудовлетворительно», потому что такого рода конфликт между евреями и другими народами продолжается уже более двух тысяч лет. В нескольких сжатых фразах он указывает, что эта проблема существовала и в средние века, и еще раньше – в Римской империи.

«Конфликт между евреями и теми народами, среди которых они рассеяны, – утверждает он, – не просто следствие нынешних еврейских попыток установить свой контроль над Англией или Америкой».

«Это гораздо древнее, гораздо глубже, гораздо универсальнее. Ибо за целое поколение до наступления нынешнего кризиса несколько человек, постоянно работавших над еврейской проблемой, пытавшихся поставить ее на обсуждение и настаивавших на ее важности, сосредоточились главным образом на другом аспекте еврейской деятельности – на контролируемом ими международном капитале. Прежде чем эта сторона еврейской деятельности приобрела свой нынешний масштаб, евреев упрекали в том, что их международное положение враждебно нашим расовым традициям и нашему патриотизму».

Лишь немногие из читавших эти гладкие фразы понимали, что «люди, постоянно работавшие над еврейской проблемой», были Дрюмон и его французские ученики; читатели не помнили, что эти «аспекты еврейской деятельности» – международный еврейский капитал и война «против наших расовых традиций и нашего патриотизма» – составляли главный тезис «Еврейской Франции».

О «конфликтах» в средние века говорится в одной короткой фразе. «Первоначально обнаружилось их отрицательное отношение к другой религии и, в особенности, к учению о Воплощении и всему тому, что из этого учения следует». Фактически отрицательное отношение состояло в том, что «неблагодарные, дерзкие и вероломные» евреи отказывались отречься от своей древней религии. Отрицательное отношение к ним Драконе, храброго рыцаря, пытавшегося разрешить конфликт, отрубая груди у еврейских женщин, не упоминается. Ничего не говорится также о «конфликтах», заставлявших христианских вурдалаков раскапывать еврейские захоронения и зарабатывать на этом, равно как и о повсеместных обвинениях евреев в ритуальных убийствах, за которыми следовали пытки и жестокая смерть бесчисленного множества невинных людей. Конфликт – слабое оправдание для сожжения людей заживо, даже если их иногда предварительно удушали и полагали, что они были менее чувствительны к боли, чем мы. И, наконец, не только бедные христиане пострадали, ибо «еще до этого великого конфликта» римляне «имели все основания» жаловаться на то же самое.

Характерное для рассуждений Беллока выражение «великий конфликт», обозначающее угнетение ничтожного еврейского меньшинства в христианском мире в средние века, представляет собой уловку №12 в шопенгауэровском перечне распространенных диалектических приемов *8. Чтобы отстоять свою точку зрения при анализе того или иного явления, вы просто выбираете для него определение, пригодное для вашего тезиса. Например:

«То, что объективный человек, человек не заинтересованный, назовет „религиозным культом“ или „религиозной системой“, приверженец назовет „благочестием“ или „набожностью“, а противник – „фанатизмом“ или „предрассудком“. То, что должно быть доказано, предварительно вносится в определение, откуда оно выводится просто путем анализа».

Таким образом фашистский историк мог бы писать о «великом конфликте» между немцами и евреями в правление Гитлера, и тигр мог бы жаловаться на агрессивное блеяние привязанной козы, а волк был бы справедливо возмущен отсутствием сотрудничества со стороны удирающего ягненка.

«Еще задолго до наших дней, – продолжает Беллок, – евреев упрекали в том, что они – плохие граждане языческой Римской империи, вечно восстающие против власти и виновные в массовых убийствах других граждан».

Действительно, евреи вели длительную борьбу против римского владычества. Они создали серьезный «конфликт», когда в их страну вторглись римские легионы. Римляне были изумлены и озлоблены размахом еврейского восстания, им пришлось вести длительную и кровопролитную войну, чтобы покорить Израиль; римляне, посланные на покорение британцев, справились с этой задачей гораздо легче. Св. Иоанна Златоуста в евреях восхищало только одно – их упрямое сопротивление римским завоевателям. «Разве позабылось, – сказал он, – как еврейский народ восстал и поднял оружие на римлян, противостоя их объединенной мощи, а иногда и побеждая их, и как он причинил тогдашнему императору серьезные неприятности? Таковы были великая энергия и доблесть евреев». Их обвиняли в том, что они были «плохими гражданами» в языческой Римской империи, потому что они были единственными гражданами империи, отказывавшимися поклоняться идолам. Как правило, римляне признавали их религиозную независимость. Однако, когда Калигула вознамерился воздвигнуть в Иерусалимском Храме колоссальную статую Юпитера, евреи бурно воспротивились, и римский наместник Сирии Петроний обвинил их в подготовке к восстанию. «Мы не бунтовщики, – ответили евреи, – но мы скорее умрем, чем нарушим наш Закон». Они восстали в 66 году н.э., потому что были доведены до отчаяния тираническим поведением прокуратора Иудеи Флора, который, как сообщает Евсевий (II, 30), «порол и распинал многих наиболее уважаемых евреев». Когда казалось, что наступает затишье, Флор «вновь разжигал пламя беспорядков».

Евреи не имели обыкновения совершать «массовые убийства других римских граждан»: напротив, они оказывали объединяющее и цивилизующее влияние на империю. Именно поэтому бы-

ли приняты законы, предоставляющие евреям особые привилегии и восхваляющие их как «друзей Рима... лояльных подданных... подчиняющихся законам» (96, 1, 220). «Мне кажется необходимым, – писал Иосиф Флавий в 14 книге „Еврейских древностей“, – рассказать здесь обо всех почестях, которые римляне и их императоры оказали нашему народу... с тем, чтобы все люди могли узнать... что они были в высшей степени удовлетворены нашим мужеством и верностью». Тиберий Клавдий *9 даровал привилегии «евреям, живущим во всей Римской империи... ввиду их верности и дружественности к римлянам». Император приказал, чтобы этот эдикт был объявлен по всей империи и «выставлен для всеобщего чтения в течение тридцати дней в таких местах, где его можно было без труда читать, стоя на улице».

Цицерона *10 часто цитируют как представителя характерного римского отношения к евреям. Его антисемитизм напоминает христианский, в частности, – британский. Он заявлял, что боги враждебны к евреям: «Сколь мало бессмертные боги любят евреев, доказывает еврейское поражение и унижение». Этот союз божественных сил против еврейского народа был подтвержден и отцами церкви, которые жаловались светским властям на «конфликты» с евреями. Св. Амвросий, которому благочестивое рвение мешало считаться с фактами, заверял императора Феодосия, что «евреи не считают себя обязанными соблюдать римские законы; напротив, они видят в послушании законам преступление». Немецкое средство 20 века для устранения «конфликта» было впервые открыто и предложено во Франции Шарлем Моррасом, сожалевающим, что «римские императоры не использовали возможности освободить мир от семитской проказы» (178, 98).

Томас Уитерби, который более 150 лет назад выступал в защиту евреев, забыт, как и бесчисленное множество других авторов, однако следовало бы вспомнить его и воздать ему должное. Временами он обнаруживает пророческое вдохновение и талант. В нескольких лаконичных и емких фразах он возражает против чванства людей, подобных Хилари Беллоку и Шарлю Моррасу:

"Как прославляли героев древней Греции за их неустанную борьбу за независимость своих государств: их имена сохранились в потомстве, чтящем их как храбрейших из людей; а борьбу еврейского народа против римского владычества рассматривают в ином свете, и восторженные поклонники греческого патриотизма никогда не обращают внимания на эту борьбу. Никогда никто не проявлял героизма большего, чем проявили евреи, защищая себя (следует помнить, что они подверглись нападению и защищались), но греков уважают, а евреев презирают. Я упоминаю об этом, чтобы показать, как пристрастно человечество в своих су-

ждениях, а когда суждения сформированы, люди следуют общему предубеждению, словно стадо овец...

Римских патриотов восхваляли и почти обожествляли; но если те качества, за которые их прославляли, были доблестью, насколько же превзошли их доблестью даже еврейские дети, не говоря уже о мужчинах, которые были готовы вынести все мыслимые пытки и даже смерть, лишь бы не признать императора «Божественным»; ибо они признавали только одного Бога, Творца неба и земли. Я объясняю эту несправедливость той злобной ненавистью, с которой все остальное человечество столь несправедливо взирает на евреев" (194, 88).

Придерживаться того или иного взгляда на сравнительные достоинства героизма греков, римлян и евреев – не столь уж важный вопрос; но в наше время обвинять евреев в заговоре с целью овладения миром – значит попасть в дурную компанию, так как это обвинение составляет содержание подделки, известной под названием «Протоколы сионских мудрецов». Люди, содействовавшие распространению подобной клеветы, были осуждены немецким судом в 1922 году, когда Гитлер еще не заглушил голоса справедливости в Германии. В тот год Верховный суд Германии недвусмысленно высказался о пропаганде, способствовавшей убийству Ратенау", пропаганде, которая спустя двадцать лет способствовала убийству миллионов:

«За спиной убийц и их подручных стоит главный виновник... безответственный, фанатичный антисемитизм... Низкие и клеветнические „Протоколы сионских мудрецов“ являются всего лишь одним примером навета на еврея как такового, безотносительно к тому, кто он, навета, сеющего инстинкт убийства в незрелых и неустойчивых умах».

Согласно историческим представлениям Беллока, «хороший европеец» почти две тысячи лет страдал, иногда с удивительным терпением, от постоянного присутствия раздражающего меньшинства, которое принадлежало к расе, уступающей христианам в моральном, философском, культурном и бытовом отношениях; отсюда возникали конфликты, мешавшие правильному действию социальных механизмов. Потому это меньшинство неизбежно страдало от преследований. Если когда-либо христиане и преследовали евреев, они делали это по праву самозащиты; фактически они предупреждали агрессивные действия привязанной козы. Это объяснение, вполне подходящее для оправдания политики Гитлера, Ленина, Торквемады и большинства бесчисленных тиранов в истории человечества, начинается обычным утверждением, что евреи всегда были агрессорами. «Если косвенные враждебные действия, – объясняет Беллок, – предпринимаются мень-

шинством против большинства, в среде которого это меньшинство живет, его можно подавлять и наказывать. Что еще более важно, можно подавлять и наказывать неискреннее и притворное обращение (в христианство), используемое для маскировки». Таким образом, Торквемада получает отпущение грехов. «Однако если общество обладает правом определять свой образ жизни, и если для этого необходимо даже устранять (по справедливости, а не жестокостью, насилием и несправедливостью в любой их форме) чуждое враждебное меньшинство, то это меньшинство также имеет право на жизнь, если не в этом, то в другом месте» (20, 210). Большинство всегда считало возможным устранять меньшинство без жестокости, насилия или несправедливости. Современная формулировка гласит: «Заключенный застрелен при попытке к бегству». Евреи никогда не получали особой выгоды от «права на жизнь, если не в этом, то в другом месте». У них не было «другого места», куда бы они могли отправиться.

Однако Беллок признает возможность существования взглядов, отличных от его собственных, и даже полагает, что было бы любопытно выслушать и другую сторону. «Я бы хотел, – писал он, – чтобы какой-нибудь ученый еврей написал историю Европы с точки зрения своего народа. Я имею в виду краткий обзор, предназначенный для нас, чтобы показать нас с точки зрения, весьма отличной от нашей собственной» (20, 284). Такую книгу, озаглавленную «Краткая история еврейского народа», написал Сесил Рот, приведя в ней ряд фактов, неизвестных большинству англичан. Прочтя эту книгу, сэр Филипп Гиббс сказал, что «следует признать, что обращение с евреями является самым темным пятном в анналах христианства, которое предало заветы Христа, бывшего евреем, и совершало зверства, утратив милосердие и поступая с такой низостью, которая отвратительна или должна быть таковой для современного человека» (70, 298).

Однако человеку, желавшему узнать правду, не было необходимости ждать, пока ее расскажет еврейский историк. Это «самое темное пятно в анналах христианства» не всегда обходили молчанием и английские историки, – «официальные» историки, которых презирал Беллок. Х. А. Л. Фишер в начале своей «Истории Европы» (1936) с впечатляющей краткостью подытоживает обвинения по поводу обращения христиан с евреями.

«На протяжении многих столетий ворота милосердия были закрыты перед ними: их считали изгоями, не допускали к наиболее почетным должностям и запирали в холерном убожестве гетто. Всегда презираемые, иногда ограбленные, а в годину общественных бедствий или паники отданные в руки кровожадной и невежественной толпы, евреи Европы на протяжении средневековья

испытывали несказанные бедствия...» В чем смысл, подлинный мотив этих преследований, длившихся столетие за столетием во всех странах; преследований, которые всегда оправдывались одними и теми же религиозными, общественными и экономическими причинами? Никто не может дать убедительного ответа на этот вопрос. «Даже Фрейд, наиболее проникательный человек своего времени, с которым мне довелось беседовать, – писал Стефан Цвейг *12, –...был обескуражен и не мог найти смысла в этой бессмыслице» (198, 322). Возможно, нет более горького ответа, чем тот, который дал Соломон Гольдман: «Причины антисемитизма не имеют никакого другого объяснения, кроме дьявольской природы человека» (73, 31). Конкретное и фактически убедительное объяснение можно найти у последовательного мистика Леона Блуа, который, подобно пророкам Израиля, восстановил против себя многих современников желанием открыть им истину. Леон Блуа писал:

«Антисемитизм, возбужденный Дрюмоном и его единомышленниками, – грязное дело... Вопрос вовсе не в том, в чем они видят его. Что такое финансовая сила евреев в сравнении с силой протестантских миллионеров? На самом деле еврейский вопрос – нечто большее, нечто совсем иное, глубокое и очень важное. Сознание христиан, обремененное ужасным долгом, несет в себе некое неясное предчувствие большой опасности. Ничего не зная, ничего не понимая, они чувствуют, что к ним приближается блудный сын, помнящий отцовский дом. Инстинктивно они предугадывают его возвращение из той отдаленной страны, где он так долго ухаживал за свиньями и мечтал об объедках, от которых отказывались даже эти животные. Что-то предупреждает их, что это возвращение бесконечно страшно для них, и таковы подлинные, хотя и глубоко скрытые истоки их отвращения к еврейскому народу» (29, 315). Ни 'этот «ужасный долг», ни «потрясающая опасность», столь неясная и далекая, как не так давно казалось людям, читавшим Леона Блуа, не уменьшились. Более, чем за сто лет до него, английский поэт Уильям Каупер *13 понял, что если Израиль действительно наказан за свои грехи, у других народов нет ни малейшей надежды избежать наказания:

Их слава угасла и их народ рассеялся – Сегодня последний из народов, а некогда первый; Они – предупреждение и урок гордецам, дабы те внимали, Были мудры или ждали отмщения в свой черед:

«Если мы не избегли этого, если небо не пощадило нас, Превратив в нищих, гонимых, угнетенных, И если нас постигла кара за то, Что мы были порочны, на что надеетесь вы?»

«Грязное дело», начатое Дрюмоном и его учениками, спустя двадцать лет проникло в Англию и в английскую литературу, главным образом благодаря сочинениям Хилари Беллока. Интересно наблюдать, как историки попадают под влияние чужих книг. Каждый, кто пишет или готовится писать работу по истории, перенимает традиционные идеи, которые изначально были почерпнуты из какого-либо забытого источника. Никто никогда не написал истории со своей оригинальной точки зрения. Даже первая история, которую, согласно еврейской хронологии, рассказала Ева, не была сочинена ею самостоятельно – ей помог змей. Змеем, скрывающимся за книгой Беллока, был Эдуард Дрюмон.

Анализируя еврейский характер, Беллок заимствует у Дрюмона идеи и даже стиль. Оба автора хотели убедить читателей в том, что евреи всегда более христиан стремились к наживе и что они всегда контролировали и контролируют до сих пор банки, политику и прессу. Оба согласны в том, что евреи – трусы по европейским или арийским понятиям, но отнюдь не по еврейским. «Согласно вульгарному представлению, – писал Дрюмон, – еврей – трус». Но это представление, по его мнению, требует определенного уточнения, потому что у евреев есть особое, своеобразное мужество: «Восемнадцать столетий преследований в сочетании с невероятной твердостью характера свидетельствуют, что если еврей и не обладает воинственностью, у него есть другой род мужества, называемый выносливостью». Однако еврею недоступно мужество «арийского солдата, который находит в войне свою подлинную стихию, который наслаждается опасностью и храбро встречает смерть».

Беллок высказывает свое презрение к еврейскому мужеству, сравнивая его с «арийским». Евреи, на его взгляд, обладают великой силой выносливости в страданиях, что тоже, конечно, своего рода мужество, – но это мужество не британское. «Вы услышите, что враги обвиняют евреев в трех пороках: трусости, жадности и вероломстве... таковы три из наиболее распространенных обвинений... Человек, обвиняющий евреев в трусости, подразумевает, что они не любят сражений, как любит их он, и методов ведения войны, которыми пользуется он» (20, 73). Тем не менее, евреи обладают пассивным мужеством, хотя и лишены храбрости наших бойцов, «солдат и моряков с простыми лицами, занятых делом, наиболее типичным для нашей расы». (Но теперь евреи узнали, что это «типичное» британское занятие не всегда достойно и не всегда служит предметом гордости. Они видели «солдат с простыми лицами» 6-й Эарборнской дивизии и «моряков с простыми лицами» королевского флота, сражавшихся в Хайфском порту с кораблями иммигрантов, переполненными женщинами

и детьми.) Мужество еврея, как заключает Беллок, «мужество еврейского сорта, направленное на достижение еврейских целей и отмеченное характернейшей еврейской печатью».

Беллок соглашается с французскими антисемитами в том, что евреи не признают лояльность в английском или французском смысле этого слова; они преданы лишь одной единственной идее – идее наживы. Любовь к своей стране в обычном понимании этого слова, по убеждению Дрюмона, не имеет для семита никакого смысла. «Евреи, – писал Баррес, – не имеют родины в том смысле, в каком это понимаем мы... для них это место, где они получают наибольшую выгоду... Евреи находят родину везде, где сосредоточены их главные интересы»(13, 153).

В сходных выражениях Дрюмон и Беллок сравнивают европейскую и еврейскую концепции лояльности. Дрюмон пишет:

«Мы не должны судить евреев по нашим меркам... Невозможно отрицать, что всякий еврей предает своего работодателя... Евреи не могут предать какую-либо страну, ибо у них нет страны... Родина, в нашем понимании, не существует для семита... Еврей рассматривает любую страну или место... за исключением Иерусалима, как место, где он чувствует себя удобно и может получить определенную прибыль за предоставление услуг...»

Дрюмон продолжает подобные рассуждения еще на нескольких страницах, приводя множество примеров (относительно которых сегодня невозможно сказать, подлинные они или выдуманные) того, как тот или иной еврей проявил нелояльность к своему работодателю, особенно останавливаясь на «предательстве» евреев в 1870м году. Беллок, со своей стороны, утверждает, что говорить о еврейской лояльности – просто абсурд, поскольку ее не существует в том смысле, какой мы придаем этому слову. Евреям чужд патриотизм, их интересы – только деньги: «Понятие национального чувства должно казаться евреям смехотворным, а если и не смехотворным, то, по меньшей мере, вторичным в сравнении с более важными соображениями личной выгоды». Он полагал, что все евреи либо предатели, либо потенциальные предатели: «Еврей будет служить Франции против Германии или Германии против Франции, при этом безразлично, живет ли он в стране, которой он помогает, или в стране, которой он наносит ущерб, ибо обе страны ему безразличны».

Эти поверхностные суждения с еще меньшим пониманием реальности были сформулированы выдающимся немецким философом конца 18 века Гердером *15, который писал:

«Положение еврея почти с самого начала лишило его добродетелей патриота. Народ Бога, которому когда-то сам Всевышний дал родину, многие века – фактически с самого своего возникно-

веня – был как растение-паразит, существующее за счет других наций; народ, который почти во всем мире занят одним ремеслом – ростовщицеством, народ, который, несмотря на преследования, нигде не стремится обрести собственное достоинство, собственный дом, собственную родину» (83, 12).

Действительно, странно, что Гердер явно ничего не знал об огромной массе европейского еврейства, угнетенного и всегда несчастного, чьей единственной надеждой в жизни в течение веков было древнее приветствие: «В следующем году – в Иерусалиме!»

В «Еврейском государстве» Герцль ответил словами, исполненными мудрости, вдохновленными предвидением будущего, всем, кого ненависть толкала на искажение истории:

"Мы – народ, единый народ. Мы повсюду честно стремились к участию в общественной жизни окружающих народов, желая лишь сохранить веру наших отцов. Нам не позволили этого. Напрасно были мы верными патриотами, порой – даже наиболее рьяными; напрасно мы жертвовали жизнью и имуществом так же, как и наши сограждане; напрасно стремились мы прославить наши родные страны в науке и искусстве или увеличить их благосостояние ремеслом и торговлей. В странах, где мы жили веками, нас все еще считают чужими, и зачастую это делают те, чьи предки еще не поселились в той стране, где евреи уже пережили немало страданий... В мире, каким он существует сегодня и каким он, повидимому, будет оставаться еще неопределенно долго, справедливость принадлежит сильному. Поэтому нам бесполезно быть лояльными патриотами, так же, как гугенотам, которых все равно вынудили эмигрировать. Если бы нас только оставили в покое..."

Но я думаю, что нас не оставят в покое". Всякий, кто возьмет на себя труд проанализировать написанное Эдуардом Дрюмоном, увидит, что невозможно отрицать его влияние на формирование идей, содержащихся в книге Хилари Беллока «Еврей». Примечательно, что Беллок в своей книге, не называя имени Дрюмона, описывает влияние «Еврейской Франции» на умы и поведение французов. Он начинает со своего обычного приема, сообщая английскому читателю, что в последней четверти 19 века французские евреи были агрессорами.

«Первой реакцией на это были всевозможные антисемитские сочинения во Франции и особенно в Германии. Хотя они были превосходно документированы, первоначально их влияние было незначительно. Подавляющее большинство образованной публики... игнорировало подобные сочинения как сумасбродство фанатиков; но, тем не менее, эти фанатики заложили основы будущих

действий, приведя огромное количество фактов, которые не могли не запасть в память даже тем, кто весьма презрительно относился к новой идее» (20, 49).

Ни одно из «всевозможных антисемитских сочинений», появившихся во Франции в последней четверти 19 века, не было «превосходно документировано». По большей части эти сочинения состояли из невежественных нападок. Единственной книгой, в которой приводились документальные материалы и которая претендовала на объективность исторического анализа, была «Еврейская Франция»; именно эту книгу Беллок и имел в виду. Среди «огромного количества фактов», которые Дрюмон сообщил своим читателям и которые «не могли не запасть в память даже тем, кто весьма презрительно относился к новой идее», наиболее примечательны были, например, такие (их можно найти не только в «Еврейской Франции», но и во многих других «всевозможных антисемитских сочинениях» этого времени):

«В средние века евреи использовали кровь христианских детей и распинали их. Евреи организовывали заговоры прокаженных с целью отравления колодцев. В 14 веке они продолжали плести интриги, осквернять гостий и душить детей в Страстную пятницу».

Дрюмон объяснял, что «на данный момент официальная наука отрицает эти факты... потому что в настоящее время подлинные документы, если они не угодны евреям, не принимаются во внимание». Он делал вид, что верит в то, что между французскими учеными есть соглашение объявлять «апокрифическими все документы, которые неблагоприятны для евреев». Все французские историки были подкуплены еврейским золотом.

Антиеврейская «новая идея» последней четверти 19 века была тем же старым смешением невежества, глупости и ненависти, которое существовало во всем христианском мире на протяжении тысячелетия. Повторяя эти домыслы, которые в воображении Хилари Беллока были «огромным количеством фактов», Дрюмон действительно помог заложить основание для будущих действий. На этом основании Гитлер построил фабрики смерти.

«Неизбежный провал»

*Увы! Земле не обратиться вспять!
Идя вперед в труде и боли,
Она родит народы только раз.
Народ, что умер, не восстанет боле.*

*Генри Лонгфелло *1, «Надпись на еврейской могиле в Ньюпорте»*

Теодор Герцль обратился к еврейскому народу с призывом сбросить иго, избавиться от рабского состояния, в котором тот пребывал более 1800 лет, и стать суверенной нацией, обосновавшись на земле, которую он мог бы назвать своей. Однако западный мир, испокон века привыкший рассматривать униженное положение евреев как естественный и неизменный признак существующего социального порядка, почти не обратил внимания на этот революционный призыв.

Согласно Эрнесту Ренану *2, семитская раса представляет собой «низший тип человеческой природы» (148, 4). Почти повсеместное господство арийской расы рассматривалось как доказательство морального и интеллектуального превосходства арийцев Европы. «Научное» обоснование этого превосходства принадлежало Х. С. Чемберлену *3. А католические мыслители все еще продолжали верить в то, что преследуемые гневом Божьим евреи не могли и не хотели заниматься ничем, кроме ростовщичества.

В первой половине 19 века эта традиция нашла свое выражение в сочинениях испанского теолога Х.Л.Балмеза *4, который, согласно «Католической энциклопедии», снискал себе в глазах всего мира славу одного из величайших философов современности. В 1948 году отмечалось столетие со дня смерти Балмеза. «Его сочинения, – читаем мы в литературном приложении к газете „Тайме“ (16 октября 1948), – отличаются сочетанием убедительности со сдержанностью, готовностью к всестороннему обсуждению каждого пункта и богатством информации... Его соотечественникам сегодня не хватает духовного проникновения Балмеза, его страстного интереса к истории человека и общества и его нежелания довольствоваться повторением старых учебников...» Видимо, эти поклонники Балмеза не заметили или, может быть, не сочли достаточно важным того, что его страстный интерес к истории человека и общества не распространялся на историю евреев, что, говоря о них, он вполне довольствовался повторением старых учебников. Своим презрением к евреям Балмез снискал себе место в длинном ряду деятелей совершенно определенного направления, ведущего начало от Св. Иоанна Златоуста и включающего Эдуарда Дрюмона. В наиболее известном сочинении Балмеза, озаглавленном в английском переводе «Протестантизм и католицизм и их влияние на европейскую цивилизацию», содержится абзац, достойный века Торквемады:

«Этот единственный в своем роде народ, носящий на лбу печать отверженности, рассеянный среди народов, подобно плавающим в жидкости кусочкам нерастворимого вещества, пытается найти утешение в накоплении богатств и, видимо, желает отомстить за презрительное пренебрежение к нему со стороны дру-

гих народов, овладевая их богатствами посредством ненасытного лихоимства» (12, 74). Идеалы сионизма, попытка бегства от этого «презрительного пренебрежения» и в особенности возвращение в Землю Обетованную рассматривались многими католиками конца 19 века, да и позже, как сопротивление воле Божьей. Хотя практика постоянного угнетения евреев и не входила в официальное церковное учение, она давно уже была усвоена католическим благочестием. Вот характерная выдержка из руководства по церковной литургии Геранжера:

«В течение 18 столетий Израиль был лишен князя или вождя... И после всех этих долгих веков страдания и унижения кара Отца небесного все еще не завершилась... Само наложенное на убийц наказание напоминает миру, что они – богоубийцы. Их преступление не имеет себе равных, и наказание должно быть соразмерным преступлению – оно должно длиться до конца времен... Клеймо отцеубийства тяготеет над этим неблагодарным и святотатственным народом: подобно Каину, он будет блуждать по земле скитальцем. Прошло 18 столетий; рабство, бедствия и презрение были их уделом, а клеймо все еще на них» (81, 252 и 450).

Возможно, хорошее знание Библии было причиной того, что англичане обычно отличались более оптимистическим взглядом на будущее еврейского народа. В 18 веке многие из них были убеждены в том, что время его возвращения в Землю Обетованную близко. Епископ Рочестерский зашел так далеко, что даже назначил время этого события. Он провозгласил, что «восстановление Израиля произойдет около 1866 года». В книге пророка Исаяи он обнаружил свидетельство того, что Великобритании суждено стать орудием Провидения: «Так, Меня ждут острова... чтобы перевести сынов твоих издалека...» «Какой британец, – восклицал Томас Уитерби, – читая эти строки, не испытывает страстного желания... чтобы Британские острова (которым Бог в Своем Провидении соизволил дать столь видное место в мореплавании и торговле) снискали высокую честь... содействовать благу Израиля?» (194, 296). Далее Уитерби довольно точно предсказывает то, что на самом деле произойдет в 1917 и 1947 годах *5:

«Прежде, чем свершится великое возвращение евреев в свою землю, которое будут замечено всеми и станет возможным лишь благодаря усилиям всех народов, произойдет частичное возвращение, которое, повидимому, станет возможным благодаря благочестию протестантских государств после того, как они отбросят свои предрассудки относительно евреев» (194, XII).

В английской церковной литературе первой половины 19 века есть множество свидетельств того, что ожидание неизбежного возвращения евреев в Палестину было характерным для этой

эпохи. В 1840 году преподобный Эдуард Бикерстет в книге «Восстановление евреев в их собственной стране» дал превосходный совет относительно того, как следует бороться за это, совет, к сожалению, не привлечший к себе достаточного внимания: «Народу, – писал он, – который неблагочестиво вмешается в их возвращение и использует их как орудие в достижении эгоистических целей, угрожает немалая опасность... Любая помощь, которую наша нация сможет оказать их мирному возвращению... будет угодна Богу Авраама, Исаака и Иакова и станет источником благословения для страны, оказавшей такую помощь».

Сегодня история подтвердила пророческий дар писательницы Джордж Элиот *6. Предвидение «Мордехая»⁷ в ее романе «Даниэл Деронда», сочинении, которое лишь немногие читатели нашего времени могут счесть заслуживающим внимания, сегодня стало реальностью:

«Заложенный в нас запас мудрости достаточен для того, чтобы основать новое еврейское государство: величественное, простое, справедливое, подобное еврейскому государству древности; основать республику, гарантирующую каждому равное право на безопасность. Это право, сверкая, подобно звезде, на челе нашей древней общины, дало ей больше, чем блеск западной свободы, больше, чем восточный деспотизм. Лишь тогда у нашего народа будет естественный центр... в суде наций будет обеспечена защита оскорбленному еврею... и мир выиграет от этого не меньше, чем выиграет Израиль. Ибо тогда в авангарде Востока возникнет общество, которое будет нести в себе культуру всех великих народов мира и будет близко каждому из них. Это будет земля, призванная гасить враждебность, – нейтральная полоса Востока... Трудности? Я знаю, что есть трудности. Но дайте духу великих свершений овладеть сердцами нашего народа, и работа начнет».

Джордж Элиот знала, что «равное право на безопасность» было тем, в чем особенно нуждались евреи. Зависая от христианских правителей, они столетиями были лишены этого права и обеспечить его могли лишь с достижением национальной независимости.

Хотя перспективы будущих поселенцев в те времена были малопривлекательны, многие умы уже работали над практически аспектами возвращения. Во время своего второго посещения Иерусалима в 1839 году сэр Мозес Монтефиоре *8 составил план создания компании по приобретению земли в окрестностях города и подготовке ее для строительства. «Я надеюсь, – писал он, – побудить к возвращению в Землю! Израиля десятки тысяч наших братьев».

Участь горстки евреев, живших в Палестине во времена четырехсотлетнего господства турок (1517 – 1917), вряд ли отличалась от участи других турецких подданных. Однако вплоть до 1865 года турецкие земельные законы ограничивали продажу имущества и не гарантировали прав собственности еврейских поселенцев-земледельцев. Затем, когда возникла возможность покупать по бросовой цене земли, пусть запущенные, но с плодородной почвой, не было организации, которая могла бы заниматься этим в крупных масштабах. Но идея набирала силу. «Кажется, в мире крепнет убеждение, – писал один из миссионеров в 1877 году, – что настало время возродить опустошенный Сион... Ярким выражением этого служит факт образования в прошлом году Сирийско-Палестинского колониационного общества». Это общество было создано «для содействия колонизации Сирии и Палестины достойными поселенцами, как христианами, так и евреями». План не был приведен в исполнение из-за нестабильности турецкого режима и нездорового климата этих мест. Так, немецкие колонисты, попытавшиеся обосноваться в Изреельской долине, не смогли акклиматизироваться там и в большинстве своем погибли от малярии.

В начале 20 века многие евреи Европы и Америки, в том числе и те, кто располагал значительными средствами, не разделяли идей Герцля и не желали следовать за новым Моисеем в пустыню. За несколькими знаменательными исключениями, еврейские миллионеры подтвердили сказанное в 1800 году Томасом Уитерби: «Следует опасаться того, – писал он, – что национальное чувство многих зажиточных евреев не слишком горячо, и вопрос о том, вернутся ли колена Израилевы когда-нибудь в Иерусалим, глубоко безразличен для этих людей» (195, 30).

Противники сионизма редко отличались осведомленностью в вопросе. Некий американский еврей написал книгу, в которой объяснял, что земля Палестины никогда не отличалась плодородием, что там нет воды и что, скорее всего, эту землю вообще никто никогда не возделывал. С его точки зрения было бы абсурдом привести евреев в подобное место для того, чтобы сделать из них земледельцев. Некоторые из выдающихся ученых Европы с завидной самоуверенностью выражали свое неодобрение идее сионизма. Так, в XVII томе «Джуиш Квотерли Ревью», в статье под заголовком «Сионистская погибель» Люсьен Вольф утверждал, что «сионизм представляет собой попытку обратить вспять ход современной истории». Согласно мнению Исраэля Абрахамса, сионизм – «концепция, у которой нет ни корней в прошлом, ни плодов, которые она может принести в будущем» (2, 9). Наконец, в 1915 году Исраэль Зангвилл *9 сказал, что «в качестве практиче-

ского решения еврейского вопроса в Палестине сионизм уже потерпел банкротство».

Ассимилированные евреи Германии опасались, что, выказывая симпатии к сионизму, они могут навлечь на себя обвинение в нелояльности по отношению к стране, в которой они жили в течение столетий. «Немецкие евреи, – писал в 1905 году один из этих близоруких оптимистов, – должны считать своей родиной лишь Германию... Любое стремление создать совместно со своими единоверцами еврейскую нацию за пределами Германии является прямой неблагодарностью по отношению к народу, в среде которого они живут». Несколько лет спустя, в 1913 году, влиятельная ассоциация немецких евреев – Центральное общество подданных Германии еврейского вероисповедания – приняла резко антисионистскую резолюцию. Они провозгласили, что на земле немецкого отечества они желают быть членами немецкого общества и оставаться верными сотрудничеству, освященному религией и историей.

«Мы должны размежеваться с сионистами, отрицающими немецкое национальное чувство, ощущающими себя пришельцами в среде чуждого народа и обладающими исключительно еврейским национальным чувством».

Лишь немногие в состоянии были предвидеть воплощение мечты Израиля. Пол Гудмэн писал в 1909 году, что настанет день, когда Палестина станет «сплачивающим центром всех евреев, способствующим поднятию их духа во всем мире, центром, где их интеллектуальный гений вновь соприкоснется с родной почвой, где он будет возрожден заново» (75, 80). После погромов 1903 года в России лидер ирландских националистов Майкл Дэвитт стал «убежденным сторонником сионистского лекарства». Это был год, когда весь цивилизованный мир был протрясен чудовищными известиями из Кишинева. Однако, когда жертвами являются евреи, память цивилизованного мира обычно на удивление коротка. В конце концов, кишиневские зверства были лишь отклонением от нормы. Кишиневский погром отличает сочетание отголосков средневековья с современностью: средневековья потому, что резня началась с обвинения евреев в убийстве, а современности потому, что каждому убийству, сколь бы свирепым оно ни было, можно найти параллель в современной немецкой истории. Майкл Дэвитт отправился в Россию, чтобы на месте изучить положение. Он записал некоторые подробности:

«Евреев выволакивали из тайников в подвалах и на чердаках и подвергали жестоким мучениям. Многим из тех, кто был смертельно ранен, было отказано в последнем ударе, и они были брошены умирать в агонии. Во многих случаях в голову жертвы

забивали гвозди или выкалывали глаза. Младенцев бросали на мостовую с верхних этажей домов, тела женщин подвергались увечьям, насиловали девушек и женщин... Те евреи, которые пытались дубинками отбиться от нападавших, были обезоружены полицией... Местный архиерей разъезжал в экипаже, благословляя народ...»

Следует заметить, что эти подробности Кишиневского погрома во многих отношениях напоминают современные. Если у евреев есть оружие, их, как правило, разоружает полиция. Однако благословения церковного иерарха – это уж чересчур. Возможно, архиерей не совсем представлял, что происходит вокруг него, а может быть, он пытался умиротворить толпу. Православные иерархи имеют обыкновение благословлять народ направо и налево, куда бы они ни направлялись.

Естественно, что после Кишинева идея переселения в Палестину начала привлекать евреев России. Однако тогда, в 1903 году, антисионисты говорили то же самое, что и 40 лет спустя, – что переселившиеся в Палестину евреи будут неизбежно вырезаны арабами и что жизнь в Европе гораздо более безопасна. Дэвитт ответил на это возражение словами, сохраняющими свою актуальность и по сей день:

«Одно из возражений против сионистского движения за репатриацию основывается на том, что лишенные помощи европейские евреи, не будучи воинственным народом, будут брошены в Палестине на произвол турецких властей и враждебных арабов. Однако во всем, что касается современного антисемитизма, сравнение европейских христиан с их теплыми чувствами, с одной стороны, и турок, с другой, оказывается в пользу турок... Арабы же до сих пор проявили в отношении к своим израильским собратьям склонности ничуть не более свирепые, чем те, которые в последние годы мы наблюдали у русских семинаристов и румынских христиан. Более того, два-три миллиона евреев в Палестине наверняка сумеют развить в себе национальное чувство и национальный идеал, которые вскорости послужат питательной почвой для духа патриотизма, способного обеспечить им защиту от возможной арабской агрессии. Евреи мира станут их зарубежными друзьями и союзниками, тогда как цивилизованные нации с рассеянным в их среде еврейским населением не преминут принять живое участие в защите и благополучии одной из древнейших наций мира, возродившейся на Земле Израиля» (50, 243-244).

В конце 19 века идея возможного национального возрождения Израиля рассматривалась большинством французов как чистая фантазия. По мнению Дрюмона, евреи, если им вообще будет

позволено жить где бы то ни было, должны быть сосланы куда-нибудь в пустыню, в такое место, где они смогут причинять лишь незначительный вред. «Еврейская раса не способна жить в организованном обществе; это раса номадов и бедуинов. Где бы она ни разбивала свои шатры, она разрушает все вокруг, рубит деревья, иссушает источники и оставляет после себя лишь пепел» (54, XVI). В интервью, опубликованном газетой «Ревью оф Ревьюз», Дрюмон в 1898 году объяснял, что Франция почти совершенно разорена еврейской финансовой эксплуатацией, а французский антисемитизм – это не более, чем форма самозащиты. «Если безнравственные источники их дохода будут перекрыты, – сказал он, – евреи, возможно, прислушаются к благоразумному совету Герцля и начнут массами возвращаться в Палестину».

Анатоль Леруа-Больё, выступавший в защиту евреев во время процесса Дрейфуса, ни на миг не переставал испытывать к ним презрения; он был убежден, что евреи никогда не отправятся в Палестину из-за ограниченных возможностей заниматься там финансовыми махинациями. «Даже если бы мы возвратили десяти коленам территорию Израиля, – писал этот французский филосемит, – чтобы привлечь их в Иерусалим, нужно было бы построить на Сионской горе фондовую биржу, банки, торговую палату и все прочее, что необходимо для тех деловых операций, к монополии в которых они всегда стремятся». Ему было кое-что известно о первых шагах практического сионизма, так как в примечании он добавляет:

«В последние годы евреи основали несколько поселений, которые весьма преуспели, но это совершенно не меняет ситуации в целом». Ситуация в целом не изменилась и тогда, когда «десять колен» вместо того, чтобы построить на Сионской горе банки и торговую палату, построили на горе Скопус Еврейский университет; один английский автор, многие из друзей которого были евреями, назвал его «храмом мамоны» *10. Приблизительно в то же время столь же пессимистическое мнение о еврейском начинании в Палестине было высказано доминиканцем отцом Джарретом, оскорбительный тон которого десятью годами позже был усвоен нацистами:

«Специализацией евреев всегда были деньги... Физический труд в промышленности и тем более в сельском хозяйстве никогда не привлекал их. Следовательно, они никогда не возвратятся в Палестину, где основным и почти единственным источником благосостояния является сельское хозяйство. И в самом деле, почему евреев, у ног которых распростерт почти весь мир, должна волновать Палестина? Да, весь мир у их ног, ибо они контролируют всю социальную иерархию, господствуя на ее вершине и вы-

зывая беспорядки в низах».

Все были согласны в том, что евреи способны на все, что угодно, кроме одного – обычной работы, что они никогда не смогут выполнить ни одной задачи, требующей физического труда, например, возделывания земли. «Израильтянина никогда не видели держащим заступ, – сказал Уильям Коббет», – но, подобно ненасытному слизню, он всегда готов пожрать созданное чужим трудом". И даже проеврейски настроенный историк Дж.Ф.Эббот писал, что «хотя еврей способен отличиться в большинстве сфер деятельности, одна сфера, по всей видимости, находится за пределами его возможностей. Он не умеет копать землю» (1, 364). Во время своего путешествия по Палестине четверть века спустя французские журналисты Жером и Жан Таро не могли не заметить того факта, что кто-то в этой стране все-таки обрабатывает землю. Однако для удовлетворения французских читателей они продолжали повторять старую выдумку о том, что евреи способны жить лишь за счет труда других народов. «Я не люблю пахать землю, – говорит еврей в их книге. – Я давным-давно утратил этот навык, и весь Израиль тоже... если только „пахать землю“ не означает заставлять кого-то другого делать это; именно этим мы всегда и занимались» (175, 148).

Наконец, настало время, которому так удивительно созвучны слова Исаяи: «Горсть станет тысячей и малый – народом сильным». Мир вынужден был признать, что цель, к которой стремился Израиль на протяжении почти двух тысяч лет, достигнута не благодаря еврейскому золоту, а благодаря физическому труду еврейского народа. Деньги не были решающим фактором. «Земля становится еврейской, – писал доктор Вейцман *12 в 1917 году, – не вследствие того, что ее купили евреи, а вследствие того, что евреи ее заселяют и возделывают».

Немногие политические декларации 20 века повлекли за собой такие сложные противоречия и конфликты, как декларация Бальфура. Этот документ был составлен с большой политической изобретательностью и, по всей очевидности, задуман так, чтобы подразумевать нечто большее, чем то, что было сказано:

«Правительство Его Величества благосклонно относится к созданию в Палестине национального очага еврейского народа и будет всемерно способствовать достижению этой цели; при этом, однако, не будут предприняты шаги, которые могли бы поставить под угрозу гражданские и религиозные права нееврейских общин Палестины, равно как и права и политический статус евреев любой другой страны». Утвержденный Лигой Наций текст британского мандата на Палестину внес ясность в двусмысленные формулировки Декларации Бальфура, четко определив обязанно-

сти мандатных властей. В то время, как правительство Его Величества «относилось с благосклонностью» и было готово «всемерно способствовать», мандатные власти были обязаны действовать совершенно определенным образом: «Мандатные власти будут ответственны за создание в стране таких политических, административных и экономических условий, которые обеспечат создание там еврейского национального очага». Более того, администрация обязывалась «способствовать еврейской иммиграции на приемлемых условиях» и «поощрять массовое поселение евреев на земле, включая государственные земли и пустоши, не нужные для общественных целей».

Нельзя сказать, чтобы мандатные власти преуспели в осуществлении хотя бы одного из этих обязательств или взялись за дело с энтузиазмом. В их оправдание часто указывается, что при составлении Декларации Бальфура не были приняты в расчет интересы палестинских арабов; это объяснение не слишком убедительно, ибо, как указал Ллойд Джордж *13, «мы не могли вступить в контакт с палестинскими арабами, так как они воевали против нас». В конечном итоге, сопротивление арабских националистов доказало свою несостоятельность даже тогда, когда оно было наиболее искренне, потому что и тогда оно не опиралось на рациональную экономическую основу. Если бы палестинские арабы имели веские причины возражать против перспективы расселения еврейских иммигрантов, они могли бы остановить этот процесс. В условиях британского мандата ничто не мешало им приняться за работу и собственными силами развивать страну по обе стороны Иордана.

По крайней мере один англичанин, хорошо знакомый с Ближним Востоком, был совершенно уверен в том, что именно так они и сделают. На состоявшемся 9 декабря 1917 года в Манчестере собрании, целью которого было просветить британскую общественность относительно значения сионизма и Декларации Бальфура, сэр Марк Сайке высказал прогноз относительно будущего Ближнего Востока. Как вскоре показала история, этот прогноз был слишком оптимистичен. Сайке не совсем ошибался: предсказанные им события действительно произошли, однако их конкретное осуществление полностью противоречило его ожиданиям. Он был уверен в том, что Ближний Восток стоит на пороге скорого и полного экономического возрождения, но оно будет претворено в жизнь не евреями, а арабами, которые, освободившись от турецкого господства, в скором времени поразят весь мир:

«Их семь или восемь миллионов, но численность их населения быстро растет. Мы видим сочетание человеческих ресурсов, дев-

ственной почвы, нефти и предприимчивости. К чему все это приведет в 1950 году? Семь или восемь миллионов неизбежно превратятся в 20 миллионов; месопотамская ирригационная система будут восстановлена; Сирия станет житницей Европы; Багдад, Дамаск и Алеппо не уступят по величине Манчестеру; возникнут университеты и сильная пресса. Я предвижу приближение арабской цивилизации. Ни султан, ни кайзер уже не могут остановить ее развития. И когда она возникнет, ею не смогут управлять ни империалисты, ни финансовые воротилы».

Вслед за этим сэр Марк объяснил, почему возможный наплыв еврейских иммигрантов пугает арабов. Он не упоминал об арабском национализме. У воинственного населения в семь-восемь миллионов человек не было причины опасаться еврейских винтовок. Чего они действительно боялись, по мнению оратора, так это еврейского золота: силы международного еврейского капитала, фондовых бирж, банков и прочего финансового аппарата, который, по словам Леруа-Больё, следовало разместить на горе Сион для привлечения еврейских эксплуататоров. На вопрос: «Чего боятся арабы?» – Сайке ответил так:

«Они боятся сосредоточения в Палестине финансовых корпораций, которые будут контролировать Сирию и Месопотамию. Они боятся, что земля Палестины будет скуплена компаниями, а они сами превратятся в пролетариев, работающих на этой земле на чужих хозяев. Они боятся, что палестинские колонисты оставят свои поселения и, наводнив Сирию и Месопотамию в качестве маклеров, фактически уничтожат арабов. Исключительно важно, чтобы сионисты поняли опасность подобного развития событий и не питали на этот счет никаких иллюзий. Арабы осмеливаются сказать это, ибо они верят в сионизм и видят в нем не предпринимательские действия, а идейное движение».

Подобно многим своим современникам, Марк Сайке был, видимо, убежден, что финансовые корпорации, компании и маклеры являются «опасностью» лишь тогда, когда речь идет о евреях. Действительно, финансовые корпорации зорко следили за ситуацией на Ближнем Востоке, ожидая возможностей, которые должны были открыться с окончанием войны. Однако не Палестина находилась в центре их интересов, и это были отнюдь не еврейские корпорации. Подобно хищникам, они уже наметили свою добычу; они появились на сцене, когда чернила на Декларации Бальфура еще не успели просохнуть, и могущество, которое они приобрели, сохраняется и по сей день. Если бы Сайке мог прочесть опубликованный в 1946 году Американским советом по общественным делам отчет о влиянии нефтяных монополий на развитие Ближнего Востока, он пришел бы в ужас:

«Запасы горючего, которыми располагает Палестина в пределах своих границ, крайне скудны. Однако ее преимущество состоит в непосредственной близости к нефтяным полям Ирана, Ирака и Аравийского полуострова. Но это естественное преимущество не может быть обращено в экономическое. Цены, которые с согласия британского правительства установлены нефтяными монополиями, серьезно тормозят экономическое развитие района. Доходы нефтяных монополий, видимо, считаются важнее развития Палестины... Потенциал, заложенный в благоприятном географическом положении страны, растрачивается вследствие... горячей заботы монополий о капиталовкладчиках» (130, 182-183).

Арабы по сей день располагают своими человеческими ресурсами, девственной почвой, нефтью и предприимчивостью. Но они по-прежнему праздны, их почва сохранила свою девственность, а их предприимчивость ушла на выбивание максимальной арендной платы с английских и американских корпораций за добычу нефти. Эти деньги могли бы обеспечить каждой арабской семье воду, жилье, образование, медицинское обслуживание – и еще оставались бы средства на гаремы и роскошные лимузины. Между тем, арабские крестьяне продолжают влачить жизнь в нищете, болезнях и невежестве. «Трудно поверить, – писал в 1936 году преподобный Джон Ирвин в своем „Путешествии в Иерусалим“, – что из народа, чьи младенцы узнают слово „бакшиш“ раньше слова „Аллах“, может вырасти правящая раса. С момента нашего прибытия в Капернаум и вплоть до отплытия из Хайфы вой „бакшиш!“ не переставал звучать в наших ушах».

Г. К. Честертон, посетивший страну в 1920 году, смотрел на все, связанное с евреями, как человек, убежденный, что «евреи располагают колоссальной космополитической мощью» (из заметок, сделанных в Иерусалиме), что погоня за деньгами всегда интересовала их больше, чем христиан, а основным их занятием является ростовщичество. У него был зоркий взгляд, когда дело касалось этой стороны деятельности евреев, но он был слеп к арабскому ростовщичество. «На данный момент, – писал он, – основным вопросом палестинской политики является вопрос о ростовщичестве». И он был прав. Однако, подобно Марку Сайксу, он в то же самое время был совершенно не прав. Он обнаружил, что «палестинским земледельцам угрожает гнет, в особенности, как это часто случается с земледельцами, гнет ростовщиков и перекупщиков». Если бы он пробыл в Палестине подольше, он мог бы сделать еще более важное открытие: земледельцы подвергались эксплуатации в течение столетий и продолжали подвергаться ей в его время, но еврейское ростовщичество было тут не при чем. Более миллиона акров земли в этой крошечной стране были

«собственностью» 250 семейств, многие из которых разбогатели, ссуживая деньги под грабительские проценты и под залог земли. Просрочка выплаты долга лишала должника права выкупить свою землю. В 1920 году те арабские крестьяне, у которых еще была своя земля, находились в кабальной задолженности у арабских ростовщиков. Согласно сообщению одного из путешественников, «... эти палестинские стервятники оказались более хищными, чем их собратья в других странах, так как они требуют сто процентов за трехмесячную ссуду. Если к концу этого срока должник не расплатится, процент увеличивается, и он вынужден платить триста процентов за полгода и шестьсот процентов за год» (68, 40). Правда, Норман Бентвич утверждает, что процент, запрашиваемый арабскими ростовщиками (обычно богатыми торговцами или землевладельцами), как правило, не превышал 100% (130, 172). В период британского мандата финансовое положение арабских земледельцев не изменилось к лучшему, и лишь рост цен на сельскохозяйственную продукцию во время Второй мировой войны позволил некоторым из них выплатить свои долги. В 1936 году 60% земледельческого населения Палестины все еще отдавало от 1 / 5 до 1 / 3 доходов с каждого урожая землевладельцам. Фактически эти люди, «попавшие в постоянную кабальную задолженность к лихоимцам», были крепостными местных эфенди *14 (86, 100).

Как Честертон, так и Марк Сайке придерживались западного представления о том, что слово «еврей» неотделимо от слова «ростовщик». Подобно выступавшему перед манчестерской публикой Сайксу, Честертон сообщил своим читателям, что враждебность арабских крестьян к притоку еврейских иммигрантов объясняется страхом перед ростовщицеством и еврейской эксплуатацией:

«Сирийцы, арабы и все земледельческое и скотоводческое население Палестины встревожено и раздражено усилением евреев; справедливо это или нет, но причина этого вполне практическая и простая, а именно – репутация, которой пользуются евреи во всем мире... Справедливо это или нет, но определенные круги населения Палестины боятся прихода евреев точно так же, как боятся нападения саранчи; они видят в евреях паразитов, кормящихся за счет общества при помощи многообразных финансовых махинаций и экономической эксплуатации» (43, 293-296). Каковы бы ни были причины того, что земледельческое и скотоводческое население Палестины могло возражать против волны еврейских иммигрантов, ясно одно – не страх перед еврейским ростовщицеством был тому причиной. Политика арабских землевладельцев напоминала политику французских антисемитов конца 19 века:

они отвлекали от себя возрастающее недовольство угнетенного пролетариата, направляя его против евреев. В момент, когда возникла возможность пожить за чужой счет, эта антиеврейская политика, сопровождаемая программой грабежа, сплотила почти все арабское население не только Палестины, но и всего Ближнего Востока.

«То, в чем нуждаются арабы, – сказал доктор Вейцман, – это наши знания, наш опыт и наши деньги». Честертону это утверждение казалось бредом сумасшедшего или детской верой идеалиста, утратившего связь с реальностью. «Без всякого труда и в самых простых словах, – ответил он, – я могу объяснить, что именно страшит арабов в евреях. Они боятся именно их знаний, их опыта и их денег... Когда добродетели такого рода обретают свободу, люди запирают двери на засов или прячутся в подвалы». Двадцать лет спустя эти слова с благодарностью вспомнил журналист Дж. Джеффрис, чьи публикации по вопросам ближневосточной политики оказывали значительное влияние на английское общественное мнение: «Я полагаю, что это – наиболее верные, поучительные, убедительные и колкие слова, когда-либо произнесенные по палестинскому вопросу. В следующий раз, когда этот вопрос будет поставлен на обсуждение в палате общин, их следует внести туда, как эмблему на знамени или как плакат, набранный полуметровыми буквами» (92, 707).

Однако доктор Вейцман был совершенно прав. Еврейские знания, опыт и деньги, действительно, были тем, в чем нуждались арабы. Арабские государства располагали огромными природными ресурсами, сравнимыми с теми запасами угля, благодаря которым Британия создала в 19 веке свою индустриальную и торговую мощь. Надежды сэра Марка Сайкса на то, что благодаря этим ресурсам на Ближнем Востоке будет создана новая цивилизация, не оправдались. Как и опасался доктор Вейцман, арабы стали добычей хищников.

Евреи принесли в Палестину не фондовые биржи и банки, а промышленность, упорство и творческий пыл, восторжествовавший не только над песками, но и над бюрократическими преградами. Сейчас в Палестину приезжают люди из дальних стран: из Индии и Западной Африки, долгое время находившихся под британским управлением. Они приезжают, чтобы непосредственно познакомиться с достижениями сионизма. Эти люди не запираются на засовы и не прячутся по подвалам, когда на свободе разгуливают такие добродетели, как умение выращивать персики в Негеве *15.

Несмотря на свои антисемитские предрассудки, Честертон после посещения Палестины на время превратился в убежденного

сиониста. Характерно, что, предвидя будущие успехи евреев, он выступал как пророк, не верящий в собственные пророчества. Он сказал, что теория сионизма «на первый взгляд, совершенно резонна. Согласно этой теории, все отклонения, характерные для евреев, – следствие ненормальности их положения. Они являются торговцами, а не производителями, потому что у них нет земли, на которой они могли бы что-либо производить». Более чем за сто лет до Честертона этот очевидный факт был признан Уильямом Хэзлитом, который в «Эссе об эмансипации евреев» указывал, что «они не могут посвятить себя занятию сельским хозяйством, пока у них нет права владеть даже пядью земли». Честертон видел условия, при которых возрождение Израиля может стать реальностью, не менее ясно, чем сионистские лидеры (некоторые из которых, несомненно, помогли ему в этом). Однако сам он не верил в такую возможность. Его привлекала поэтическая сторона сионистского идеала, и он был почти единственным из посетивших Палестину англичан, кто обладал мужеством открыто выразить свое восхищение.

В 1920 году было сделано еще очень мало. Тель-Авив был деревушкой с населением в 2084 человека. На земле, которая была заброшена и запущена в течение столетий, несколько поселений боролись за жизнь. Лишь немногие из них были способны обходиться без посторонней помощи. Администрация, посторонние наблюдатели, паломники, христианские общины, армия – словом, все британская Палестина относилась к сионистскому начинанию с равнодушием или презрением. Однако Честертон сумел увидеть осуществлявшийся у него на глазах план во всем его поэтическом величии. Он писал:

«Еврейское государство будет иметь успех только тогда, когда евреи в нем будут дворниками, трубочистами, портовыми рабочими, землекопами, грузчиками и каменщиками... Наша главная претензия к евреям состоит в том, что они не возделывают землю мотыгой; очень трудно будет отказать еврею, если он однажды скажет: „Дайте мне землю, и я буду возделывать ее; дайте мне мотыгу, и я начну работать ею...“...Если еврей однажды скажет: `Дайте мне землю, и я буду любить ее`, позиция того, кто останется глух к этой просьбе, не будет иметь оправдания... Если еврей просит мотыгу, он должен работать ею, а не использовать ее, как тот, кто нанимает полсотни человек, чтобы они работали за него. Если он просит землю, он должен возделывать ее, иными словами, сродниться с землей, а не просто присваивать себе эту землю... Нет ни малейшего сомнения в патриотизме и даже в поэтическом воодушевлении, с которым многие из них надеются, что их древняя пустыня расцветет благодаря их усилиям, подобно

розе. Несмотря на то, что их пророчествам не суждено осуществиться, они, несомненно, займут место в ряду великих пророков Израиля» (43, 293-296).

Эта картина будущего, в котором евреи будут пахать и сеять, а не сидеть в банках, вынашивая замыслы уничтожения христианства, не соответствовала вкусам британской публики. Английская газета, в которой печатались статьи Честертона, не согласилась на публикацию этих строк. «Расхождение во взглядах между автором этой книги и редакцией газеты, – писал он в предисловии к своей книге очерков, – предотвратило публикацию полного текста главы о сионизме».

Когда Хилари Беллок написал в «Еврейях», что «вероятнее всего» сионизм обречен на провал, большинство его читателей надеялось, что он окажется прав, ибо он уведомил их, что одной из главных задач сионизма является «экспроприация местных землевладельцев». Однако, подойдя к вопросу с совершенно иной точки зрения, нежели Марк Сайке или Честертон, он понял, что необходимо для победы сионизма, хотя и был абсолютно уверен, что этого не произойдет:

«Если сионистский эксперимент имеет право на существование, его осуществление должно зависеть исключительно от еврейской полиции и еврейской армии... Если мне возразят, что евреи не способны создать свою полицию и армию и что они неизбежно будут разбиты и подавлены враждебным воинственным большинством, окружающим их, то лучше им проводить свой эксперимент где-нибудь в другом месте. Но нет ни малейшего сомнения в том, что для евреев наиболее губительной из всех возможных форм правления является существующая ныне форма нового протектората. Я совершенно уверен в том, что ближайшее будущее подтвердит мою точку зрения» (20, 244).

Для тех, кто считал, что единственная сфера деятельности евреев – банковская и конторская служба, предположение, что они могут создать армию и полицию, казалось абсурдным. В равной степени абсурдной представлялась таким людям мысль, что евреи когда-нибудь смогут оказать сопротивление «враждебному воинственному большинству» палестинских арабов, которые в 1946 году характеризовались меморандумом Королевского комитета по иностранным делам как «принадлежащие к расе воинов».

В своем сопротивлении сионизму верхушка арабского общества и его интеллигенция, стоявшая во главе арабского национального движения, руководствовались вовсе не экономическими (что было бы абсурдным с их стороны), а дальновидными и серьезными политическими причинами. Они понимали, что сионизм «угрожал навязать им политическую жертву, которая со-

стояла в утрате ключевых позиций в Палестинском государстве» (130, 66).

Джордж Антониус, лидер и публицист движения арабских националистов, понимал политические последствия создавшейся ситуации лучше, чем многие его единомышленники. Это был культурный, честный и умный человек, смерть которого была большой потерей для Ближнего Востока. Он тоже, хотя и не без некоторых колебаний, предсказывал провал сионизма. Возможно, он был не вполне уверен, что палестинские арабы возьмутся за оружие. «Без насильственного выселения крестьянства, – писал он, – которое предпочтет потере земли смерть, создание еврейского государства в Палестине не представляется возможным. Даже если отвлечься от чисто политической проблемы, одной этой причины достаточно, чтобы обречь на провал попытку осуществления сионистской мечты» (5, 410).

Англичане надеялись, что у евреев ничего не получится, а эксперты были просто уверены в этом. Согласно отчету, составленному для института Карнеги, сионистское движение «...не считается с реальностью и обречено на неудачу... Такие экономические факторы, как бедность страны, скудость ее ресурсов и отсутствие промышленности обрекают всякое начинание подобного рода на провал. Все предприятие носит надуманный характер, его основным двигателем является энтузиазм людей, которые, несмотря на благие намерения, по-видимому, не отдают себе отчета в сложности проблемы и не принимают в расчет интересы коренного населения». Между тем, несмотря на возникавшие время от времени экономические проблемы, на отсутствие понимания и сочувствия со стороны нееврейского мира и многих состоятельных евреев Запада, работа, неприметная для взглядов большинства посещавших Святую землю туристов и паломников, продолжалась. Равнодушие, а зачастую и законодательные препоны мандатных властей были причиной того, что в течение первых лет поселенцы смогли продержаться лишь благодаря тяжелой борьбе. Когда наслышанные о сионистской авантюре туристы спрашивали, как продвигается дело, им отвечали, что оно потерпело неудачу. За пределами еврейской общины предложения помощи или проявления симпатии были крайне редки, и лишь немногие посторонние наблюдатели желали, чтобы эксперимент увенчался успехом. Пионеры сионизма жили и работали в атмосфере, отравленной недоброжелательством. Однако их вера в будущее Страны Израиля оставалась непоколебимой.

Совершенно несправедливо подозревавшиеся в юдофильстве журналисты братья Таро испытывали жалость к этим заблуждавшимся людям. В 1927 году они сообщили, что все начинание фак-

тически близится к провалу:

«Все эти социальные эксперименты, которыми так гордятся эти несчастные, – не более, чем высокопарное прикрытие убогой реальности. Вне зависимости от того, по какому принципу – коммунистическому, социалистическому, кооперативному или семейному – они организованы, никто из них не смог бы прокормиться без помощи извне. Подобно плачущим у Стены плача, они живут еврейской благотворительностью. Ни одно из этих поселений не является экономически независимым... Каждый такой земледелец-пионер может существовать лишь за счет еврейских богатств... Ах, сколь далеко это от романтических грез Герцля!... Очень многие из них уже уехали, и скольких из тех, кто еще здесь, я застаю в стране, если вернусь сюда через десять лет?» (174, 163 и 172). Английские друзья в Палестине были довольны репортажами двух французских антисемитов, и военный губернатор Иерусалима сэр Роналд Сторрз воздал им должное: «Лишь немногие писали о еврейском народе с большим восхищением и большей симпатией» (170, 363). Однако эти французы зачастую проявляли свою симпатию весьма странным образом. «Склонность Израиля к стонам и жалобам, – писали они в 1920 году, – порой тешит себя неслыханными преследованиями, неслыханной резней и несправедливостью». Возможно, при своем посещении Палестины они придерживались благовоспитанной разновидности антисемитизма, однако во Франции уже не пытались скрыть свои подлинные чувства. Как писал в 1935 году Жан Дроль, они послужили «связующим звеном между декларациями Дрюмона и действиями Гитлера» (51, 328). Они были рады узнать в Иерусалиме, что сионизм обречен, и довели эту благую весть до сведения своих французских читателей. Они писали, что сионистское движение зиждется на «восточной любви к преувеличениям и неуместном тщеславии»; что «евреи по своей природе не склонны к любому виду физического труда», и нет никакого сомнения в том, что Израиль «вскорости будет занят иным делом, а реально всю работу будут исполнять арабы, так что великая попытка сионистов обновить свой народ через его союз с землей потерпит провал» (176, 255).

Несомненно, английские туристы, которые по возвращении домой из Палестины описывали свои впечатления, выражались куда откровеннее, чем два вышеупомянутых француза; они редко делали вид, что симпатизируют сионистскому начинанию, и зачастую не стеснялись в выражениях. Один из наиболее искренних и злобных комментариев принадлежит перу женщины:

«С высокомерием, каким всегда отличался этот жестоковыйный народ, сионисты постоянно пытаются убедить мир в том, что

ислам и арабы не идут в расчет, что евреи принадлежат к особой и привилегированной расе и что у них есть свой собственный и единственно истинный Бог... Когда первый энтузиазм „репатриантов“ начнет ослабевать, как эти псевдорабочие думают справиться с сельскохозяйственными проблемами?...Безусловно, недостаточно просто принести в страну материальное благосостояние... Роскошь еще не составляет цивилизации» (157, 145-149). Однако некоторым англичанам начинало приходиться в голову, что этот жестоковыйный народ и в самом деле может преуспеть в своих планах по возвращению Палестине ее древней славы страны молока и меда. Вследствие этого автор предисловия к книге Дугласа Даффа «Картинки Палестины» сэр Арнольд Вильсон в 1936 году посоветовал евреям оставить плантации и научно-исследовательские институты и сосредоточить свою деятельность вокруг Стены плача. Если они хотят заниматься земледелием, им следует отправиться в другое место, на иную, менее священную землю:

«Разве не очевиден тот факт, что сионизм в его нынешнем понимании является могилой еврейства? Разве настоящие сионисты не пришли к осознанию того, что и для них Земля обетованная – скорее духовная, нежели материальная ценность? Разве не ясно, что сочетание символического национального очага в Палестине (что, на мой взгляд, и имел в виду лорд Бальфур) с поселениями колонистов в других странах послужит последовательным выражением этой идеи?» (58).

Задумайтесь на миг над смыслом сказанного. Сэр Арнольд Вильсон надеялся, что все добрые евреи последуют примеру добрых англичан и «тоже» научатся видеть в Палестине религиозный музей. Он предлагал им «дом» в «других странах», зная, что двери всех стран мира были закрыты перед ними. И в то же самое время, когда он лицемерно опасался, что сионизм станет могилой еврейства, в Германии планы уничтожения еврейства начали уже приобретать определенность. Пройдет несколько лет, и тела евреев будут варить, чтобы делать из них мыло для немецких женщин, а их кости раздробят, чтобы удобрять немецкие сады. Евреям будет отказано даже в той последней привилегии, которая, как думал Байрон, была предоставлена им навсегда:

У голубя есть гнездо, у лисы – нора,
У людей – страна, у Израиля – лишь могила.

Особой последовательностью в пророчествах о провале сионизма в Палестине отличались церковные авторы, в первую очередь, иезуиты. Они редко брали на себя труд проверить, что на самом деле происходит в этой стране, поскольку доходившие до них

слухи подтверждали неизбежность провала. Так, преподобный Джозеф Бонсэрвен написал для шестого тома «Европейской цивилизации» Айра (1937) статью о современном еврействе, включив в нее краткий обзор современного состояния сионизма. Уже его повествование о деятельности евреев вне Палестины не внушает доверия, в особенности когда он провозглашает, что «нет никакого сомнения в том, что все крупные банки связаны с еврейскими домами» (sic!) и что «торговля деньгами в значительной степени находится в еврейских руках». После такого многообещающего начала не приходится удивляться тому, что в своем описании деятельности евреев в Палестине он пользуется весьма устаревшими сведениями. «За несколько лет возник современный город Тель-Авив. Его население насчитывает 40 тысяч жителей». В 1936 году население Тель-Авива насчитывало 148 тысяч жителей. Подобным образом вводит в заблуждение и его статистика развития, еврейского сельского хозяйства. «Число сионистских фермеров едва превышает семь тысяч». Разумеется, выражение «сионистские фермеры» неточно. В сионистской системе сельского хозяйства нет «фермеров» в английском смысле этого слова. Конечно, не составляло никакого труда установить, что согласно статистике Еврейского агентства *16 число занятых производительным сельскохозяйственным трудом евреев «возросло с 4 тысяч в 1922 до 12,3 тысяч в 1931 году». В 1936 – 37 годах число «сионистских фермеров» не просто превышало семь тысяч – оно превосходило эту цифру приблизительно в пять раз. Не менее серьезной ошибкой было писать в 1936 – 37 годах, что «хозяйства коммунистического (sic!) типа не окупаются, не обладают экономической независимостью и содержатся в худшем состоянии, нежели земельные участки, на которые распространяется право частной собственности».

Факты относительно развития еврейских сельскохозяйственных поселений в Палестине в период между 1927 – 1937 годами были доступны каждому – следовало только обратиться в отдел общественных отношений Еврейского агентства. Однако прогресс, достигнутый к этому времени, остался не замеченным отцом Бонсэрвенем. Большинство коллективных поселений уже достигло самоокупаемости: «Ни одна из старых *квучот* не убыточна; из новых 14 прибыльны и лишь 2 убыточны»¹⁸. Несмотря на отсутствие поддержки со стороны британской администрации и чинимые ею трудности, сионисты смогли создать в Палестине сельскохозяйственную систему, которая в 1930 году доказала свою устойчивость и жизнеспособность в период региональной и мировой экономической депрессии. Однако отец Бонсэрвен пришел к выводу, что эксперимент потерпел неудачу: «Кажется,

развитие сионизма временно парализовано, если не остановлено вообще» (34, 6, 853).

В течение десятилетия, предшествовавшего публикации статьи отца Бонсэрвена, еврейское сельское хозяйство в Палестине ни разу не находилось в застое, а развитие промышленности не замедлялось. Согласно статистике, число евреев, занятых в промышленности, выросло с 4750 в 1921 до 28616 в 1937 году, а доход с годового валового продукта увеличился с 2 миллионов до 34,01 миллиона фунтов стерлингов (130, 222). Согласно отцу Бонсэрвену, одной из причин застоя, якобы переживаемого сионистской промышленностью и сельским хозяйством, было «раздражение арабов, вызванное захватом земель и политической власти сионистами». Вместе с тем он заверял читателей, что в настоящее время нет никаких причин для беспокойства: «Развитие сионизма замедлено, и его нынешние масштабы делают осуществление сионистской мечты совершенно невозможным» (34, 6, 853).

Однако «осуществление сионистской мечты» было именно тем обязательством, которое совершенно недвусмысленно взяла на себя Великобритания при получении мандата на Палестину. Более того, заявление о «захвате сионистами земель и власти» лишено всякого смысла. Сионисты не принимали и не могли принимать реального участия в управлении Палестиной, которое отличалось самовластным, а временами даже деспотическим стилем *19. Приобретая арабскую землю, сионисты всегда платили высокую цену:

«Плата, которую арабские землевладельцы получали от евреев, была столь щедрой, что позволяла им, продав часть своей земли, выплатить долги и, приобретя более совершенное сельскохозяйственное оборудование, интенсифицировать обработку оставшейся части надела... Если бы столь значительное число арабов, продававших евреям землю, не владели ею лишь номинально, фактически являясь жителями Сирии или Ливана, приобретение земли евреями послужило бы мощным стимулом улучшения положения арабских земледельцев в Палестине» (130, 183-189). Более того, британская администрация, которая согласно шестому параграфу мандата на Палестину обязана была «поощрять массовое поселение евреев на земле, включая государственные земли и пустоши, не нужные для общественных целей», совершила ошибку, предоставив обширные участки заболоченной земли и пустоши бедуинам, которые немедленно продали часть этой земли евреям по завышенной цене и не сделали ничего для развития оставшейся у них части. Следует отметить, что деньги для покупки земли сионистам давали не «крупные банки, связанные с еврейскими домами». Хотя за землю Палестины действительно

было заплачено еврейским золотом, «на протяжении очень многих лет это золото поступало не из карманов еврейских миллионеров, а из карманов еврейских бедняков». Это – свидетельство президента Вейцмана, а уж он-то должен был знать, откуда шли деньги, значительная часть которых была собрана благодаря его усилиям (190, 316).

Совершенно ясно, что информацию отцу Бонсэрвену предоставили люди, не желавшие видеть тех поразительных достижений, которых сионисты добились, несмотря на отсутствие поддержки и сочувствия со стороны властей.

Издатель «Мане» Джозеф Китинг внушал своим английским читателям, что вся деятельность сионистов – чистое надувательство. Он писал, что когда верховным комиссаром Палестины был сэр Герберт Сэмюэл *20, «деньги рекой текли на экспроприацию земель коренного населения... и ничего не делалось для смягчения эксплуатации Палестины евреями». Он обвинял британское правительство в том, что оно «дало волю горстке евреев, не способных устроиться в других местах». Он также предположил, осторожно выбирая выражения, что попытка «эксплуатации» страны исходит от мирового еврейского капитала, и если не последует немедленного международного вмешательства, все окажется в руках евреев: «Чтобы предотвратить установление монополии Рутенберга *21, представлявшей собой попытку подчинить почти все экономическое развитие Палестины группе еврейских финансистов, потребовалось вмешательство Постоянной международной судебной комиссии». Эта информация страдает неточностью. Британское правительство обратилось к Постоянной международной судебной комиссии по вопросу о правомочности концессий на общественные работы в Палестине, якобы предоставленных перед началом Первой мировой войны турецкими властями некому греческому подданному. Судебная комиссия отвергла все претензии греческого подданного, за исключением концессии на снабжение Иерусалима электричеством, и подтвердила правомочность концессий, предоставленных в 1921 году британскими властями г-ну Пинхасу Рутенбергу, основателю Палестинской электрической компании и ее директору вплоть до его смерти в 1942 году. Постоянная международная судебная комиссия не вмешивалась и не получала просьбы о вмешательстве «для предотвращения установления монополии Рутенберга». Решение о концессиях, «представляющих собой попытку подчинить почти все экономическое развитие Палестины группе еврейских финансистов», было принято самими британскими властями в 1923 году.

Последствия этого шага были не столь катастрофическими, как представлял их себе Джозеф Китинг, и, несомненно, большинство его читателей. Г-н Рутенберг не терял времени и сразу же принялся за работу. Через три года, в 1926 году, большая часть его плана по электрификации Палестины была уже осуществлена, и вся страна получила электроэнергию и свет. Как следствие «еврейской эксплуатации», в 1926 году Электрическая компания выдала 2,344 миллиона киловатт-часов, а в 1944 году – уже 184 миллиона. Более половины этой мощности шло на нужды промышленности и ирригационных работ (130, 179-180). Столь быстрое развитие страны, водные ресурсы которой ни турки, ни арабы, ни англичане никогда не пытались использовать, могло бы удивить читателей «Мане». Ведь в 1922 году им сообщили, что концессия Рутенберга – «нелепая» и «чудовищная», а в 1925 году заверили, что «согласно заслуживающим доверия источникам, единственным результатом сионизма стал наплыв в страну подонков еврейских гетто, вызвавших шок и деморализацию в среде местного населения».

И в самом деле, в первые годы мандата эти «подонки» вызвали немалую тревогу в кругах британской администрации. Конечно, г-н Рутенберг не пользовался особой симпатией у представителей этой администрации, многие из которых не желали успеха его предприятия, поскольку оно было еврейским. Как писал в 1922 году гражданский советник британской администрации С.-Р.Эшби, «будет интересно видеть... неизбежный провал плана Рутенберга» (7, 214). На самом деле палестинские чиновники ожидали не просто «неизбежного провала плана Рутенберга», они ожидали неизбежного провала всех начинаний сионизма.

Гордость, высокомерие, ненависть

Не только по отношению к евреям, но и по отношению ко всем восточным народам, с которыми британцы вступают в соприкосновение, они выказывают дух высокомерия и презрительную властность, составляющие наш национальный позор.

Джордж Элиот

В целом христианские авторы всегда с подозрением относились к любой попытке сделать землю Израиля плодородной и поднять уровень жизни в стране. Многие из них верили, что и эта земля, и ее народ обречены Богом на вечную нищету. Когда один французский писатель 17 века, описывая бесплодие страны, объяснял его тем, что «Бог наказал землю Палестины за преступление ее обитателей», Баснаж, с характерным для него здравым

смыслом, указал, что гипотеза о божественном вмешательстве является не единственным объяснением пустынности и заброшенности Иудеи, «ибо земля становится бесплодной тогда, когда люди перестают ее обрабатывать» (15, 19).

Но земля не просто становится бесплодной – распространяется эрозия, почва смывается со склонов, дожди и ветры образуют трещины в земле долин, состав их почвы меняется – и жалкие стада коз и верблюдов под присмотром голодных пастухов ищут клочки травы в глубоких оврагах, на каменистых склонах, а зачастую – в малярийных болотах. Американский путешественник, посетивший Палестину около 50 лет назад, заметил, что угроза эрозии нависает над немногими оставшимися плодородными участками земли. «Если процесс будет продолжаться, вся Саронская долина *1 будет поглощена медленно надвигающейся пустыней» (46, 333). Если бы этот процесс не был остановлен благодаря энергии евреев, вся страна была бы сегодня в таком же заброшенном состоянии, в каком пребывает значительная часть Сирии и Трансиордании, и на карте мира была бы обозначена еще одна пустыня.

Англичане, которые посещали страну в 18 веке, зачастую были более либеральны и более наблюдательны, чем торопливые путешественники наших дней. Доктор Томас Шоу (1694 – 1751), ректор Оксфордского колледжа Сент Эдмундсхолл, более двухсот лет тому назад отправился на Ближний Восток, интересуясь, главным образом, ботаникой. Однако он подметил и некоторые факты состояния земли Израиля и положения ее обитателей, сохранившие свою актуальность вплоть до времени британского мандата. Если бы в течение последних 25 лет министры британского правительства удосужились прочесть его книгу, Великобритания смогла бы сэкономить много хлопот и денег, сопряженных со снаряжением многочисленных комиссий для изучения фактов. На д-ра Шоу произвела большое впечатление абсорбирующая способность страны *2. Разумеется, он не пользовался этим вновь изобретенным выражением, с радостью включенным чиновниками палестинской администрации в свой словарь удобных штампов. Он писал еще в то время, когда англичане, включая членов совета колледжа, старались говорить то, что думают, и, как правило, думали то, что говорили. Отчет д-ра Шоу гораздо более информативен и немногословен, чем нелепые выводы всех комиссий экспертов, которые в течение первых двадцати лет мандата направлялись в Палестину почти ежегодно. Экономические возможности страны были подытожены Шоу всего в нескольких фразах, актуальных как для 1738, так и для 1938 года:

«Бесплодие и нужда, на которые злостно или злонамеренно жалуются некоторые авторы, проистекают не от несостоятельности или естественного неплодородия этой страны, а от недостатка в жителях; отвращение к труду и отсутствие усердия со стороны тех немногих, кто владеет землей, поистине велико... Эта страна – хорошая страна, и она все еще в состоянии снабжать соседние страны теми же количествами зерна и масла, какие, как известно, производились в ней во времена Соломона»³ (164, 365-366).

Американский исследователь пуританского толка, руководивший в 1848 году экспедицией по изучению Иордана и Мертвого моря, характеризовал Палестину как «землю, погубленную гневом оскорбленного Бога». Однако он не верил в то, что евреи навечно осуждены на разлуку со своей страной. Его прогноз будущего поразителен тем, что, по его мнению, евреи смогут вернуться лишь после того, как будет сокрушена власть не только Турции, но и «почитателей Тора» *4:

«Необходимо лишь падение этой державы (Турции), которая на протяжении стольких столетий возлежала, подобно инкубу *5, на теле Востока, и возвращение евреев в Палестину будет обеспечено. Рост терпимости, сближение вер, единодушие, сопровождающее все благотворительные начинания, служат для наблюдательного ума доказательством того, что сочувствие, укрепленное верой, сотрет с лица земли вековое предубеждение против этого несчастного народа вместе со всеми прочими проявлениями фанатизма... Прежде, чем это случится, должны быть сметены многочисленные Торы с их Эддами *6, но это время придет» (110, 319).

В конце 19 века шотландский миссионер д-р Джеймс Смит находил, что страна могла бы быть плодородной, «если бы ее возделывали менее нищие, менее неспособные и менее ленивые земледельцы... Если бы заброшенные колодцы были открыты вновь и если бы обнаруженная вода распределялась более разумно, для этой несчастной страны, некогда бывшей столь счастливой, началась бы эра процветания» (167, 27). Под турецким господством условия жизни местного населения были совершенно нищенскими. Джеймс Смит с унынием пишет о «виде и запахе улиц» и почти повсеместном отсутствии освещения и канализации. По его данным, население Иерусалима составляло 70 тысяч человек, в том числе 40 тысяч евреев, многие из которых жили «в скалах и пещерах за пределами города». Немецкий консул отмечал, что еврейские бедняки Иерусалима «покупали – и не задешево – воду, уже использованную богатыми для мытья и купания; я наблюдал это еще в 1900 году» (152, 7).

Среди литературных знаменитостей, описавших свои впечатления от посещения Палестины, никто, включая Шатобриана, не

соединял предвзятость взгляда с поэтическим романтизмом так трогательно, как это сделал в книге «Иерусалим, Галилея» Пьер Лоти *7. Он был далеко не набожным христианином, но его меланхолический скептицизм ни на йоту не ослабил привитого ему презрения к народу Израиля. После посещения Стены плача он выразил это презрение в выражениях, почти не отличавшихся от тех, которыми за поколение до него пользовался Балмез: «Несомненно, на их челе запечатлен особый знак – знак проклятия, которым заклеены весь их народ». Он хотел бы "плакать вместе с ними... не будь они *евреями*; если бы их отталкивающий вид не пробудил в моем сердце странного холода". Земля тоже несла на себе печать проклятия. Путешествуя по весенней Галилее, Пьер Лоти нашел ее «безмолвной под огромным саваном цветов». Он скорбел о «неизлечимом запустении Самарии» и видел «тяготешую над Иудеей смерть». Усилия горстки старых евреев в Тверии, мечтавших о «навсегда ушедшем прошлом», вызывали в нем жалость. Арабы, неизменно исполненные достоинства и величавые, пришли сюда, «чтобы осуществить угрозы библейских пророчеств, чтобы медленно опустошить, медленно разрушить, распространить по всей стране странное оцепенение». Разумеется, для надежды более не было места – так считали и Златоуст, и Боссюэ. Витающие над развалинами видения древней славы будут «недвижимы во веки веков», и «есть что-то окончательное в тяготеющей над всей Святой землей меланхолии заброшенности, что-то, обреченное длиться вечно». Угасание было необходимо и неизбежно. И в самом деле, лучше, «чтобы священная почва Галилеи так и оставалась бы замершей и мертвой для мира», с тем, чтобы даже почти разуверившийся «христианин мог бы всегда в покое пролить свои слезы над бедствием земли и ее древнего народа». Это место не предназначено для жизни и работы людей. «Никакие алтари из золота, никакие возведенные императорами базилики не соответствовали бы этому полному великих воспоминаний месту так, как соответствует ему эта заброшенность, это господство тишины, это царство сорной травы, этот конец времен».

Все, кто посетил страну в начале нашего столетия, были единодушны в том, что в техническом отношении возрождение сельского хозяйства страны сопряжено с непреодолимыми трудностями. Явная тщетность попыток развития района Мертвого моря (где с тех пор евреи сумели создать химическую промышленность и несколько поселений) произвела на одного американца в 1903 году такое впечатление, что он написал следующее:

«Сионисты, которые пытаются вновь поселить Р Палестине евреев, горячо отстаивают возможность создания большого и

прибыльного поселения в этой противоестественной и зловещей впадине... Однако они не принимают в расчет ряда факторов... Никакая сила не может склонить рабочих к пребыванию в районе, где жара летом невыносима, где тучи комаров и других насекомых зачастую нестерпимы и где воздух напитан ядовитыми испарениями» (46, 510).

Подобно многим другим до и после него, этот путешественник не только был убежден в невыполнимости подобных планов экономического развития, но и считал, что эти планы противны Божьей воле. Он одним из первых утверждал в печати, что страну следует навсегда оставить в ее заброшенном состоянии в качестве святого места для паломников. «Если бы Палестину можно было сохранить и поддерживать в качестве великого религиозного музея, это было бы благословенным делом» (46, 162). В те дни «музей» представлял собой плачевное зрелище и рассматривался многими паломниками как неизбежное зло. Как заметил в 1913 году сэр Фредерик Тривс, «нищие почти так же необходимы в Иерусалиме, как алтарь, мощи и ладан». Из поколения в поколение посещавшие этот город приучались раздавать милостыню толпам попрошайек, сторожившим подходы к любой христианской святыне; самым прибыльным местом был переулок, ведущий к Храму Гроба Господня. Сэр Фредерик Тривс оставил яркое описание этого места:

«Поскольку проход крут, он вымощен, и в нем сделаны ступени. С обеих сторон – глухие стены. На ступенях у стен лежат нищие. Они сгрудились в бурую, влажную, слегка шевелящуюся массу. Кажется, что их выдуло из водосточного желоба, и они свалились кучей здесь, у стен, как листья и мусор после порыва ветра... Кажется, будто они медленно стекают по ступеням густой непрерывной массой, состоящей из негармонических человеческих частей. Вот тянется пепельно-серая человеческая рука. На ней отсутствуют пальцы, лишь единственный большой палец непрерывно движется взад-вперед. Вот на плитах мостовой распростерты парализованные конечности, похожие на ветви засохшего дерева, и трудно определить, к какой именно куче лохмотьев относится эта пара. Вот свисает изуродованная ступня. Она так посинела от холода, что напоминает багровый корень. Из-под капюшона выглядывает безносое и безглазое лицо. Рядом костлявое колено поражает своей ноздреватой опухолью, похожей на раздавленный помидор. Есть и чудовищные язвы, выставленные напоказ так, как выставляют подлинную драгоценность. И над всем этим месивом калек стоит непрерывный, низкий, монотонный звук, тоскливый, как звук зимнего ветра вокруг одинокого дома» (181, 63). Хотя пять лет спустя вступление в Иерусалим

войск Антанты *8 и положило конец большей части этих ужасов, мысль о том, что местным жителям следует дать возможность заняться чем-то получше нищенства, не встретила всеобщего одобрения. Многие все еще были во власти представления, что внедрение современной промышленности где бы то ни было, а в особенности в Святом городе или его окрестностях будет чуть ли не святотатством. Практическая энергия сионистов ставила под непосредственную угрозу этот сентиментализм, это превращение места в объект идолопоклонства.

Общий интерес временно объединил христианские общины Палестины, и они составили меморандум, который был вручен американской комиссии, посетившей страну в 1920 году. В этом меморандуме выражалось опасение, что «чрезмерная колонизация» представляет угрозу для арабов, а некоторые арабы-христиане сделали довольно злое предложение позволить им справиться с этой опасностью «своими собственными методами». Более того, большинство христианских церквей осудило сионизм как угрозу безопасности христиан. Преподобный д-р Юинг, пресвитерианский священник, много лет проживший в Палестине, смертельно боялся могущества еврейского золота. Он считал, что в конце концов мусульмане смогут "за определенную цену смириться с частичным вторжением евреев", и что в таком случае христианское население будет «стерто в порошок между молотом ислама и наковальней еврейства». За редкими исключениями, католические противники сионизма были плохо информированы. На католическом съезде, состоявшемся в 1921 году в Ливерпуле, кардинал Бури призвал обратить внимание на процесс экспроприации коренных жителей еврейскими синдикатами; введенный в заблуждение своими представителями папа Бенедикт XV выразил протест, заявив, что положение христиан в Палестине хуже, чем оно было при турках, и призвал «правительства христианских наций, даже если они не католики», выступить с коллективным протестом в Лиге Наций.

По предположению братьев Таро, «поскольку евреи считают, что они жертвы преследований на протяжении двух тысяч лет, не исключено, что как только в их руках окажется власть, они тут же используют ее для того, чтобы отомстить христианам» (174, 125). Четверть века спустя еженедельный бюллетень Конгрегации по распространению религии («Фидес», 9 мая 1949) высказался в том духе, что сионизм, вероятно, «черпает вдохновение в двухтысячелетнем желании отомстить христианам». С церковной точки зрения, Святая земля была страной, где владение «святыми местами» было вопросом гораздо большей важности, нежели благосостояние живущих там людей. «На сегодняшний день, –

писал в 1923 году один из французских клерикалов, – в Палестине обнаруживается протестантская опасность, являющаяся почти неизбежным следствием английского влияния, и еврейская опасность, проистекающая из устремлений сионистов; чтобы бороться с этой двойкой опасностью, потребуются объединенные усилия всех католиков».

«Еврейская опасность» угрожала нарушить благочестивые обычаи паломников, желавших, чтобы земля навеки оставалась заброшенной, и считавших, что в религиозном музее нет места трактору. Несмотря на свою сентиментальность, они страдали отсутствием чувства историзма. Св. Бенедикт не согласился бы с монахом своего ордена, который, посетив Палестину в 1930 году, написал о ней книгу (78). Этот пилигрим чувствовал, что молитва и работа в святых местах несовместимы, он не мог мирно возносить свою молитву, когда тишину заброшенных земель в Генисаретской долине *9 нарушал шум тракторов. Он нашел, что «сравнительное запустение, царящее в этой удушливой долине большую часть года, позволяет христианскому паломнику легче войти в атмосферу тех дней, когда люди обрели здесь Откровение». Если бы этот монах был знаком с сочинениями Иосифа Флавия, он знал бы, что во времена Христа эта долина была одной из самых густонаселенных областей страны, и вплоть до начала мусульманского опустошения в 7 веке она была сплошь покрыта плантациями и славилась своим плодородием. Ренан писал:

«Следует избегать ложного впечатления, производимого тем ужасающим состоянием, в которое пришла Галилея, в особенности в окрестностях Тивериадского озера. Вся эта ныне выжженная область в древности была небесным раем. Отвратительные сегодня на вид Тверийские купальни когда-то служили украшением Галилеи, и Иосиф восхвалял прекрасные деревья Генисаретской долины, из которых ныне не осталось ни одного» (149, 1, 64).

Подобно многим другим, посетившим Палестину во время британского мандата, этот паломник мало интересовался благосостоянием евреев или арабов; места влекли его больше, чем люди; потому Иерусалим разочаровал его с первого взгляда: «Повсюду евреи. Вывески магазинов на иврите». Он не был удивлен тем, что присутствие этих евреев вызывало беспокойство его английских друзей, ибо евреи уже давным-давно доказали, что они могут составить серьезную проблему даже для величайшего из законодателей. «Моисей, – писал он, – был ответственен перед Богом за самую безнадежную группу людей, которая только могла быть вверена чьему-либо попечению» (78, 236).

В то время, как эта «безнадежная группа людей» осушала болота и превращала скалы и песок в виноградники и сады, англича-

не, издали взиравшие на их деятельность, не испытывали ничего, кроме равнодушия или презрения. Вследствие полученного ими в закрытых школах воспитания, многие военные и гражданские представители администрации, по преимуществу городские жители, относились к деревне как к месту, предназначенному для спорта и отдыха: в Англии – для охоты, рыбной ловли и стрельбы, в Индии – для поло и верховой охоты на кабанов, в Палестине – для охоты на болотных уток и шакалов. Представление об англичанах на Ближнем Востоке можно получить благодаря характерной зарисовке Х. В. Мортонна:

"Англичанин в бриджах, носках гольф и твидовом пиджаке. «Доброе утро, – сказал он бодро. – Осматриваетесь?» «Да, – ответил я. – Как вы смотрите на то, чтобы выпить по рюмочке в отеле?» «Стоит попробовать. Не правда ли, жарко? Я стрелял перепелок в Иорданских болотах. В это время года их здесь тьма...» «Вы живете здесь?» – спросил я. «Я здесь с 1921 года. Служу в полиции. Неплохая страна, по крайней мере для меня. Есть где поохотиться» (129, 97-98).

Двенадцатью годами позже другой путешественник осматривал еврейское поселение в Негеве – безводной пустыне, где на протяжении двух тысяч лет не выращивали ничего. После пяти лет работы у поселенцев были виноградник, фруктовый сад и несколько акров зерновых и корнеплодов. Посаженные ими эвкалипты через несколько лет дадут тень, о которой давно забыла пустыня. Обязанности гида исполнял молодой еврей, выходец из Центральной Европы. Если бы не загоревшая дочерна кожа, этот высокий, стройный блондин в рубашке и шортах цвета хаки выглядел бы совершенным англичанином. В нескольких сотнях метров от этого укрепленного поселения, построенного на высоком холме, выбеленного и обнесенного колючей проволокой, находился резервуар для воды площадью в 50 и глубиной в 15-20 метров. Туда стекала вода, два-три раза в год низвергавшаяся по руслу близлежащего вади *10. В резервуаре обнаружилась течь, и его чинили: около тридцати человек полосами смолили цементное дно. «Там внизу очень жарко, – сказал гид, – но дело близится к концу». «Ваше дело, – довольно глупо заметил турист, – никогда не кончится». Молодой человек улыбнулся: «В свободное от работы время мы строим теннисные корты».

Когда в первые годы мандата паломники, смутно наслышанные о земледельцах-пионерах с тракторами, угрожающими нарушить покой Святой земли, обращались с запросами, им отвечали, что для беспокойства нет никаких причин. «Проект терпит неудачу, – писал в 1924 году преподобный Реджинальд Джиннз, проводивший в Иерусалиме три года, – как того и следовало ожидать. Им

следовало бы выбрать Палестину местом своей деятельности в последнюю очередь... Палестина будет могилой политического сионизма». Этот доминиканский монах прибыл в Палестину без всяких антиссионистских или антисемитских предубеждений. Однако он нашел, что англичане в стране не выказывают подобной беспристрастности. Он писал:

«Зачастую потрясает явное отсутствие христианского чувства по отношению к евреям даже со стороны тех, кто посвятил свою жизнь служению Богу. Иногда создается впечатление, что закон милосердия не распространяется на евреев, что они находятся за его чертой, без надежды на исправление. Действительно, усилия по обращению евреев в христианство нигде не тяжелы так, как в Иерусалиме. Выражение „грязные евреи“ слышно повсюду... За последние несколько лет моральная атмосфера в Иерусалиме стала удушливой, и вы почти неощутимо подпадаете под ее влияние. Христианские симпатии почти повсеместно на стороне арабов». Насколько отец Джиннз сам подпал под влияние местной атмосферы, можно заключить из его рассказа о его собственных страхах и фантазиях. Прогуливаясь однажды в еврейском квартале Иерусалима, он встретил нескольких еврейских мальчиков, которые, очевидно, из любопытства, последовали за ним; а он опасался, что они хотят плюнуть на распятие, которое он нес в руках.

Политики, эксперты, специальные уполномоченные и члены комиссий, писавшие отчеты о палестинской проблеме, ни разу не коснулись главной причины того, почему британский мандат оказался явно «неэффективным»; эту причину объяснил отец Реджинальд Джиннз: она заключалась в удушливой моральной атмосфере антисемитизма. Христианское чувство не просто, как правило, было на стороне арабов – враждебность к евреям была почти повсеместной и распространенной не только среди тех, «кто посвятил свою жизнь служению Богу», но и среди тех, чья жизнь, хотя бы временно, была посвящена выполнению условий мандата Лиги Наций. Записи чиновников палестинской администрации, рассказы паломников и туристов и в особенности поведение и высказывания служащих в стране офицеров с очевидностью свидетельствуют, что с первых же дней мандата англичане ни в грош не ставили социальную идею сионизма и не проявляли интереса к созидательной деятельности сионистов. Уже в 1920 году д-р Вейцман доложил на Лондонской сионистской конференции, что «военная администрация Палестины настроена анти-сионистски, а может быть, и антиеврейски».

Пасхальные беспорядки 1920 года были прямым следствием антисемитских настроений британской военной администра-

ции. Когда отряд еврейской самообороны, организованный лейтенантом Жаботинским" с ведома и при вынужденном согласии военных властей, попытался оказать помощь еврейскому населению Старого города Иерусалима, британские части закрыли перед ним ворота. Убийства, насилие и грабежи беспрепятственно продолжались три дня. Когда, наконец, погром был прекращен, англичане тут же арестовали руководителей соединений еврейской самообороны. Жаботинский был приговорен военным судом к 15 годам каторжных работ, однако по распоряжению Лондона этот приговор был вскоре аннулирован. Британский командир Палестинского еврейского батальона полковник Дж. Паттерсон писал:

«Вся история этого жестокого насилия – грязное пятно на нашей репутации... Жаботинского бросили в тюрьму, надели на него одежду заключенного, обрили ему голову и заставили вместе с двумя арабскими насильниками пройти через Иерусалим и Кантару, где все знали его как офицера британской армии. Вряд ли даже худший из тех гуннов, о которых мы знаем из книг, проявил бы такую степень варварства и тирании, какую проявили военные власти по отношению к Жаботинскому – офицеру, который отважно сражался за нас и во время войны приложил все усилия, чтобы помочь Англии в ее борьбе».

Не следует возлагать ответственность за эту судебную ошибку, во многих деталях напоминавшую дело Дрейфуса, на отдельных антисемитов в британской администрации. Так, например, трудно утверждать, что верховный главнокомандующий лорд Алленби *12 не несет никакой ответственности за позорное поведение своих офицеров.

Носителями антиеврейских настроений, о которых говорил д-р Вейцман, были не только гарнизонные и штабные офицеры; подобные взгляды разделяли и открыто выражали многие гражданские лица, посещавшие Палестину или жившие в ней. У этих людей была курьезная и совершенно необъяснимая уверенность в промышленном и военном потенциале палестинских арабов; многие из них разделяли ставшую популярной точку зрения Марка Сайкса, что отныне ничто не может помешать этим неудачливым в прошлом труженикам в их прогрессе и создании новой Палестины. Характерно мнение писательницы, социальное положение которой за годы, прожитые в Палестине, позволило ей хорошо изучить не столько местное население, сколько местное английское общество. Дочь англиканского епископа Иерусалима пишет:

«Сейчас, при британском правлении, арабскому крестьянину, возможно, впервые в истории есть на что надеяться. Он может

трудиться без опасения, что плоды его труда будут у него отняты... В лице феллаха *13... Англия имеет лучшее, чем можно воспользоваться для строительства Палестины в настоящем и ее обороны в будущем» (20, 295). Более четверти века палестинскую проблему до такой степени смешивали с разглагольствованиями о строительстве арабами нового Ближнего Востока, что в конце концов она стала казаться неотделимой частью всех этих проектов. В 1917 году Марк Сайке выразил уверенность, что арабы немедленно примутся за создание нового общества. Спустя 27 лет глава американского госдепартамента г-н Кордел Халл выразил «граничащую с уверенностью надежду», что они начнут свою работу в «скором времени». В своих «Записках» он отмечал:

«Оставляя свой пост (1944), я питал граничащую с уверенностью надежду в том, что арабские государства Ближнего Востока в скором времени начнут предпринимать экономические, социальные и культурные шаги, необходимые, по нашему мнению, для достижения политического единства; что они будут в состоянии уладить конфликты, вызванные честолюбием своих лидеров, и что вскоре по окончании войны в этом районе мира установятся стабильность, единство и экономическое процветание» (85, 2, 1547).

По мнению сэра Джона Хоупа Симпсона, арабские земледельцы могли бы улучшить свое положение, если бы имели возможность изучить более прогрессивные методы ведения хозяйства и получили бы необходимый для их применения капитал. Однако для того, чтобы собрать урожай с земли, заброшенной в течение целого тысячелетия, нужно нечто большее, чем просто капитал.

Возрождение арабской цивилизации – долгое дело, и мандатные власти не предпринимали сколько-нибудь серьезных попыток для содействия ему. Они не вели последовательной борьбы с болезнями и неграмотностью и не делали серьезных шагов для ослабления феодальной системы, державшей арабское крестьянство в состоянии безысходной нищеты. При британском мандате одинаковый уровень жизни арабов и евреев мог быть достигнут лишь посредством ограничения деятельности сионистов, и потому власти не были склонны поощрять их до тех пор, пока арабы не проявят готовность следовать за ними. В скором времени стало уже невозможно отрицать тот явный факт, что арабы продолжают оставаться праздными, а евреев ничто, включая равнодушные власти, не может оторвать от работы. Более того, эти, как назвал их Балмез, «плавающие в жидкости частицы нерастворимого вещества» начали постепенно срастаться; развиваясь беспрепятственно, этот процесс мог в конце концов привести к нежелательным результатам.

Британская администрация видела в развитии сионизма политическую опасность, социальный протест людей, неразумно отказывающихся «знать свое место». По мнению посетившего Палестину английского журналиста, представлявшего популярную британскую газету, уделом этих людей было рассеяние, к которому, согласно христианской догме, их приговорил Бог:

«Наиболее ярким свойством евреев является их свойство быть своего рода концентратом, который нуждается в том, чтобы его растворяли и разбавляли. Он полезен только в растворе, подобно некому входящему в тысячу лекарств ингредиенту, применяющемуся повсюду, но в различных целях. В концентрированном виде он излишен, бесполезен, а возможно, даже опасен» (92, 709).

«Сконцентрировавшись», евреи были, несомненно, опасны. В Палестине «частицы» сплачивались в общину, угрожавшую нарушить политическое равновесие на Ближнем Востоке.

Британские официальные лица, включая тех, кто искренне стремился к выполнению условий мандата, испытывали раздражение при виде «заносчивости» молодых еврейских иммигрантов, которые часто шагали по улицам Тель-Авива или Иерусалима, распевая патриотические песни и тем самым демонстрируя то, что они находятся в стране не из милости, а по праву (между прочим, официально признанному Англией). Причиной глубокой неприязни англичан к сионизму было то, что сионисты восставали против установления, царившего в течение двух тысяч лет на Западе, и вели себя, как сказали бы средневековые папы, «дерзко и неблагодарно». Хотя, как отмечал в 1924 году отец Джиннз, выражение «грязные евреи» часто звучало на улицах Иерусалима, в последние два года британского мандата оно проносилось уже гораздо реже. В 1946 году молодой английский офицер вошел в тель-авивское кафе. Возможно, он был слегка навеселе. Во всяком случае, он бросил официанту: «Эй ты, грязный еврей, пошевеливайся!» Официант, член Хаганы *14, взял посетителя за шиворот и за штанину и аккуратно вынес его на мостовую. Именно из-за нежелания евреев терпеть унижения англичане ненавидели сионизм.

Попытки евреев избежать навязанной извне власти не только придали антисемитизму новую силу, но и привели к проявлению действия этого микроба в самых неожиданных местах, даже в среде англичан самого либерального толка. Возможно, они и сами не осознавали, что заражены.

Так, Х. Х. Эсквит считал идеи политического сионизма «фантастическими»; однако он готов был признать, что в Палестине евреи выглядят счастливее, «чем в тех жалких местах, из которых они вывезены». У него не вызывала энтузиазма идея, что «рассе-

янные по всему миру евреи со временем скучатся здесь» (8, 2, 219-220). На взгляд Эсквита, евреи не эмигрировали и не переезжали с места на место, как все прочие люди; их «вывозили», словно скот, они «скучивались», словно саранча. Посетив в 1924 году Палестину, он писал другу:

«Тверия кишит евреями, тогда как Назарет полон христиан» (9, 112). Возможно, его нерасположение к евреям было следствием его общественных и политических контактов с некоторыми ассимилированными английскими евреями, которых не возмущало презрительное отношение к ним и которые, следовательно, вполне заслуживали такого отношения. Марго Эсквит писала: «Хотя среди евреев у меня были и есть преданные друзья, мне часто приходилось вспоминать поговорку, гласящую, что на евреев нельзя полагаться». Она считала, что сравнение с англичанином – величайший комплимент, какой только можно сделать одному из ее «преданных» еврейских друзей. «Руфус Айзеке – один из самых симпатичных людей на свете... Еврей по рождению, он англичанин до мозга костей: чуждый обидчивости, беспокойства и подозрительности, он сочетает мудрость с осторожностью и смеется, как английский школьник» (10, 272).

Чиновник британской администрации в Палестине С. Р. Эшби рассказывает, над чем смеялся в Иерусалиме 25 лет назад один бывший английский школьник. «Английский офицер, принадлежавший к тому типу рыжеволосых англичан, которые во что бы то ни стало добиваются своего, пришел к Стене плача в тот день, когда там ничего не происходило. Достав из кармана шиллинг, он схватил первого попавшегося еврея и закричал: „Бери деньги и плачь, зануда!“ И тот стал плакать» (7, 6). Презрение англичан к евреям еще более ярко обнаруживается в другой истории, рассказанной тем же автором. Некий сионист английского происхождения сказал, что он не представляет себе более благородной смерти, чем пасть во главе еврейского батальона, защищающего страну от арабов. Англичанин, передавший Эшби эти слова, присовокупил: «Господи! Человек, который был англичанином, хочет стать, – тут он сделал паузу, и его голос упал до невыразимых глубин, – левантинцем!» (7, 171).

Арабское сопротивление сионизму поощрялось с нескрываемой юдофобией, проявляемой практически всеми представителями британской администрации. «Вы должны выглядеть суровыми и недружественными, – писал Дуглас Дафф. – Проявление неуместных симпатий к возвращающимся (в Палестину) евреям может повредить вам в глазах вышестоящих» (59, 118). Эшби записывает отрывок разговора на официальном банкете. Такой разговор мог бы состояться во дворце верховного комиссара или

в офицерском клубе в любой день британского мандата. «На данный момент евреи в немилости, и потому их нет в числе приглашенных. 'Но, – сказал сидевший слева от меня чиновник, – сейчас речь идет не об этом. Задача настоящего момента... это создание армии, а арабы умеют воевать'» (7, 9). Британские офицеры редко питали иллюзии относительно боевых качеств арабов. Когда они говорили, что арабы умеют воевать, они на самом деле подразумевали, что евреи воевать не умеют. Несостоятельность арабов на поле боя была очевидна для военных специалистов еще со времен Наполеона. Однако, несмотря на эту несостоятельность, арабы – и даже палестинские арабы – считались достаточно хорошими бойцами для того, чтобы без труда расправиться с евреями. Эшби пишет, что в 1920 году один сионист сказал своим английским собеседникам: «Если вы выведете свои войска, мы за год – за два сможем вполне управиться сами» *15. «Вздор, – ответил ему англичанин Джон Смит». Это было то, что и следовало говорить на банкетах во дворце верховного комиссара.

Арабы считались хорошими воинами и джентльменами. Подтекстом обоих утверждений было то, что евреи не были ни тем, ни другим. «Араб, – писал Эшби, – в гораздо большей степени джентльмен». К этой категории он относил и Хадж-Амина ал-Хусейни *16 (7, 148), которого после его подстрекательства к убийству евреев во время арабских беспорядков 1920 года сэр Герберт Сэмюэл назначил иерусалимским муфтием. Тот стал частым гостем за столом верховного комиссара, где его живописное одеяние способствовало созданию популярного восточного колорита. Несомненно, есть доля истины в его словах о том, что многие из его лучших друзей были британскими офицерами. Спустя 23 года этот достойный арабский джентльмен в Берлине подавал Гитлеру советы, как довести до конца уничтожение евреев Европы.

Для еврея снискать честь быть признанным англичанами джентльменом было трудным, но не совсем безнадежным делом. Преподобный д-р Юинг писал, что арабы и христиане с подозрением отнеслись к назначению сэра Герберта Сэмюэла верховным комиссаром Палестины. Их не вполне успокоило заверение, что, «хотя он и еврейского происхождения, сэр Герберт фактически является достойным и честным английским джентльменом» (62, 218). «Почему вы придерживаетесь проарабских и антиеврейских взглядов?» – спросил в 1936 году один турист английского офицера, занимавшего довольно высокий пост. «Потому что арабы – джентльмены, а евреи – нет», – огрызнулся тот. Но самое выразительное определение отношения среднего британского офицера времен мандата к ситуации в Палестине дал Горас Сэмюэл: «Они считают Декларацию Бальфура чертовским вздором, евреев –

чертовской помехой, а арабов – чертовски хорошими ребятами» (161, 39). Приводимые ниже строки принадлежат перу С. Р. Эшби, представителю наиболее образованных кругов гражданской администрации. Средневековые предубеждения переплетены у него с предубеждениями современными, а критика и прогнозы на будущее служат образчиком взглядов, характерных для официальных лиц в подмандатной Палестине 25 лет назад:

"Я не встречал еще ни одного сиониста, о котором я мог бы с уверенностью сказать, что его политика умна и конструктивна... Все умные евреи или равнодушны, или враждебны. Во всем этом движении есть что-то наигранное, что-то журналистское... Как-то мой американский друг, прогуливаясь со мной по иерусалимским улицам, сказал, указав на медленно плетущихся, вялых горожан: «Эти люди – не материал, необходимый для создания государства».

Кроме того, невозможно представить себе еврея вне сферы торговых сделок, он несет на лбу клеймо ловкого дельца Иакова, и, несмотря на все благородство его убеждений, на величие его мессианской идеи, нельзя быть уверенным в том, что в качестве сиониста он не займется экономической эксплуатацией Святой земли в своих интересах и в интересах своего племени" (7, 65). Ни паломники, ни туристы, ни журналисты, пишущие книги о Святой земле, обычно не упоминают о трагических последствиях этого недоброжелательства. Убийство еврея или араба редко рассматривалось властями как преступление, равное убийству англичанина. Во время беспорядков 1929 года власти не только не обеспечили безопасность еврейского населения, но фактически запретили евреям защищать самих себя: разоружив еврейское население, они тем самым лишили его права на самозащиту. Такое поведение британских властей убедило арабов в том, что евреев можно убивать безнаказанно. Никто всерьез не пытался найти убийц, а тех, кто все же был пойман, обычно оправдывали «за недостатком улик». «Произошли стычки между арабами и евреями», – к этому выражению неизменно прибегали власти для обозначения нападений на людей, которых они разоружили, людей, за безопасность которых они несли прямую ответственность. Словесные уловки такого рода годятся лишь на короткое время, позволяя не называть вещи своими именами. «Постоянно происходили стычки», – так описывал еврейские погромы 1938 года один из военных преступников в Нюрнберге. Гиммлер прибег к такой же уловке, чтобы оправдать убийство немецким населением английских и американских летчиков, выбрасывавшихся с парашютами над территорией Германии: «Вмешательство в стычки между немцами и английскими и американскими пило-

тами-террористами не является задачей полиции».

Разумеется, комиссия, прибывшая из Англии для расследования причин «волнений», пришла к заключению, что администрация сделала все возможное. Английское общественное мнение было успокоено историями о галантных и обаятельных арабах.

Однако иностранцев нельзя было одурачить так легко. «Массовые убийства и грабежи во время беспорядков 1929 года, – писал голландский консул Дж. Н. Канн, – навсегда останутся пятном на репутации британской администрации» (97, 36 и 57). Г-н Канн был шокирован не только поведением палестинской полиции, которая зачастую потворствовала убийствам, а по некоторым сообщениям даже принимала в них участие, но и предубежденностью суда, неоднократно уклонявшегося от признания виновности убийц. Он приводит историю судебного фарса, разыгранного после убийства 24 августа 1929 года еврейской семьи русского происхождения. В течение многих лет семья Маклеф жила в поселении Моца в 4 милях от Иерусалима. За два дня до нападения они получили предупреждение; тогда же они обратились с просьбой о помощи в полицию, но получили отказ. Отец семейства, две его дочери и сын были убиты на месте, а жена смертельно ранена. Другой сын, восемнадцатилетний Хаим, прикладом ружья убил главаря бандитов и вместе с девятилетним братом Мордехаем выпрыгнул из окна на задний двор. Добежав до шоссе, находившегося на расстоянии трехсот метров от дома, они обратились за помощью к бронированному конвою британских ВВС, остановившемуся напротив фермы. Англичане смотрели на пламя и дым, поднимавшиеся от дворовых построек. Хаим умолял командира конвоя оказать помощь его матери, которая, несмотря на множество ножевых ран, была еще жива. Офицер отказался, и конвой проследовал дальше. На следующий день вступило в действие британское правосудие: Хаим был арестован по обвинению в убийстве. Его продержали в тюрьме несколько дней, а затем освободили. Вслед за тем были арестованы арабы, участвовавшие в погроме. Они были опознаны Хаимом, его младшей сестрой, которой тоже удалось спастись, Мордехаем и двумя соседями. Всех их оправдали «за недостаточностью улик».

Когда им сообщили, что они оправданы, пораженные арабы и их друзья истолковали это так, что власти втайне одобряют резню. «Правительство с нами! Англичане на нашей стороне!» – эти возгласы сопровождали первые убийства. Эти возгласы раздавались на улицах Иерусалима во время беспорядков десять лет тому назад. Эти возгласы означают: евреев можно безнаказанно убивать», – писала ивритская газета. Голландский консул отмечал, что «еврейское население утратило веру в правосудие британ-

ской администрации. Когда опознают арабов, принимавших участие в нападениях, нет нужды доказывать, что именно они нанесли смертельный удар. Достаточно самого факта их присутствия. В случае, подобном этому, полное оправдание является ни чем иным, как актом явной несправедливости» (97, 47 и 49).

Консул отмечал, что англичане в Палестине «были настроены антиеврейски, а еще более – антиссионистски». «Считается хорошим тоном, – писал он, – смотреть на еврейскую общину свысока» (97, 57). По-видимому, считалось хорошим тоном и не препятствовать арабам убивать евреев. В городах, где было убито множество безоружных евреев, солдаты и полицейские получили правительственные награды за храбрость. В Хевроне, где 80 евреев были убиты и трупы многих из них подверглись надругательству *17, полицейский офицер Кафферата получил медаль за храбрость. Однако, как отметил один палестинский адвокат, «офицер яффской полиции Риггс... стрелявший в арабов и тем самым предотвративший массовое убийство евреев в Тель-Авиве, не получил никакой награды» (161, 306).

Через 20 лет после убийства семьи Маклеф 240 бойцов Хаганы, в распоряжении которых было 50 винтовок и несколько пулеметов, отбили у арабов город Хайфу. Во главе отряда стоял Мордехай Маклеф.

После немецкой оккупации Голландии в 1940 году г-н Дж. Н.-Канн, его жена и все члены его семьи, за исключением одной из дочерей, были вывезены в нацистский концлагерь и погибли там.

Немногие английские писатели выражали свое презрение к еврейскому народу так тонко и в такой популярной форме, как Х. В. Мортон. В самой известной из его книг «По стопам Учителя» (1-е издание – 1934, 11-е издание – 1941) Христос и его апостолы – почти единственные евреи, о которых говорится без злонамеренных намеков и пренебрежения. Соломон предстает перед читателями как «первый крупный еврейский финансист». Арабы косвенно представлены как наследники народа, жившего в Палестине во времена Христа; этот эффект обычно достигается умолчанием некоторых общеизвестных фактов. Так, например, Мортон пишет: "Когда Иисус воскресил дочь Иаира, он сказал: «Талита куми», что переводится в нашей Библии как: «Девушка, тебе говорю, встань»... Слово «куми» еще и сегодня повсеместно употребляется арабами в смысле «встань». Никто не напомнил английским читателям, что «куми» – ивритский глагол, который повсеместно употреблялся евреями и в 1934 году, и задолго до того Соломоном, причем в контексте, не имевшем никакого отношения к финансам:

Возлюбленный мой начал говорить мне:

«Встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди! Вот, зима уже прошла; дождь миновал, перестал; цветы показались на земле; время пения настало, и голос горлицы слышен в стране нашей; смоковницы распустили свои почки, и виноградные лозы, расцветая, издают благовоние. Встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди!»

Песнь Песней, 2:10-13

Мортон открыл, что в Палестине 1934 года по стопам Учителя следовали, прежде всего, живописные арабы, несравненный Арабский легион *18 и замечательные британские полицейские. Он писал, не краснея: «Британская страсть к правосудию запечатлена на древнем лике Вифлеема в виде нового здания вифлеемской полиции». Арабы и в самом деле были живописны; однако уровень детской смертности в их среде является пятном позора для любой колониальной державы мира. Никто не ставил читателя в известность об этом факте. Читателя приглашали восхищаться «высоким престижем Арабского легиона». Ему приводили слова, которые один бельгиец якобы сказал одному англичанину: «Вещи, подобные Арабскому легиону, оправдывают вашу колонизацию». Арабы оставались живописными даже тогда, когда совершали убийство. Мортон посетил тюрьму в Трансиордании, где был свидетелем того, как 90 осужденных за убийство арабов «весело и деловито занимались стиркой». Видимо, ему не довелось увидеть убийцу-еврея: если еврей в Палестине совершал убийство, его приговаривали не к прачечным работам, а к повешению. Согласно палестинскому уголовному кодексу, предоставление убежища убийце каралось заключением сроком на пять лет; однако если еврей был уличен в том, что предоставлял убежище своей жене, матери или дочери, бежавшей от нацистов, он подлежал восьмилетнему тюремному заключению.

Английский антисемитизм почти всегда был скрытым; считалось, что его не существует. Это достигалось при помощи той сноровки в иносказаниях, которая достигла в Англии особого совершенства вследствие строгости закона о диффамации *19. Изошрившимся в словесных ухищрениях журналистам не составляло особого труда избежать обвинения в антисемитизме. Считается, что закон о диффамации очистил английскую прессу. Но он породил и методы оскорбления, которые позволяют оскорбителю избежать судебного преследования, выставляют его в выгодном свете, дают ему возможность уклониться от дискуссии и зачастую оставляют его жертву совершенно беззащитной. Ловкий писатель часто прикрывает оскорбление прозрачной вуалью лжи, которая приносит еще больший вред. Так, многим из тех, кто

посещал Иерусалим в предвоенную декаду, наверняка доводилось слышать на вечеринках, в офицерском клубе или в баре отеля «Кинг Дэвид», что «евреи распяли Христа, и они сделали бы это снова, если бы им представилась возможность». Это высказывание воспринималось всеми как глубокая и ужасная истина; оно привилось и вошло в моду, хотя, конечно, ни разу не было произнесено публично и не появлялось в прессе. Первым, кто решился обнародовать его в печати, был Х. В. Мортон, который прибег для этого к иносказанию. Многие из его читателей, как в Палестине, так и в Англии, не могли не понять, что он имеет в виду, и, вероятно, были в восторге от такта, с которым он это выразил:

"Возвышавшийся над ущельями город (Иерусалим)... был, казалось, местом, где обитали безжалостные чувства – Гордость, Высокомерие и Ненависть... И я подумал про себя: «Да, это поистине место, где был распят Иисус». И, подобно эху моей мысли, пришел ко мне ужасный ответ: «И это может повториться вновь». «Для того, чтобы обеспечить создание еврейского национального очага, – сказал сэр Герберт Сэмюэл, – его нужно возводить на фундаменте доброй воли». Такой фундамент нельзя было создать под властью администрации, представители которой относились к евреям с плохо скрываемым презрением. «Очень жаль, – писал главный инспектор палестинской полиции, – что британские официальные лица редко бывают гостями еврейских семей. Это случается, как правило, лишь в рамках исполнения служебных обязанностей и только в покровительственной форме». Новичков, которые на светских приемах или в офицерских клубах проявляли хоть малейшие признаки интереса к еврейским поселенцам или произносили хотя бы слово в защиту евреев, тут же ставили на место и преподавали им краткий курс антисемитизма. Бригадир Ф.Х.Киш докладывал в 1931 году комиссии О'Доннела, что «невозможно ожидать эффективного функционирования администрации, пока ее глава и целый ряд высокопоставленных чиновников определенно не симпатизируют идее еврейского национального очага в той ее интерпретации, какую дает мандат». Высокопоставленные чиновники не скрывали, что их неприятие закона, за исполнение которого они получали жалование, было вызвано не просто недостатком симпатии. Один из них намекнул, что евреи подкупили Лигу Наций. Он характеризовал мандат как «злополучный документ», «навязанный» Лиге Наций «международным еврейством». Стоимость подкупа государств – членов Лиги Наций, к сожалению, не была названа: очевидно, с тех пор, как французских евреев обвинили в подкупе совести архиепископа, произошло резкое падение цен.

В политическом размежевании в Палестине большую роль сыграла западная юдофобия. Копии «Протоколов сионских мудрецов» широко распространялись среди англичан и арабов, а выдержки из них печатались в ежедневной иерусалимской газете на арабском языке. В то же время «Коричневая книга гитлеровского террора» была запрещена британским цензором, и администрация молчаливо санкционировала продажу английского и арабского переводов гитлеровского «Майн кампф». У берлинских нацистов были палестинские двойники. Три американских сенатора, посетившие страну в 1936 году, констатировали, что «непрерывающийся террор в Святой земле является следствием открытой симпатии к вандалам и убийцам со стороны многих (британских) офицеров». «Подавляющее большинство палестинских государственных чиновников, – писал современник, – с самого начала было в значительной степени проникнуто симпатией к арабам и антипатией к евреям, что весьма трудно совмещалось с обязанностями, налагаемыми на них условиями мандата» (114, 47).

Разумеется, были и исключения. Так, Хэмфри Бауман, длительное время занимавший пост главы отдела просвещения, отмечает, что среди постоянно проживавших в Палестине англичан не было почти ни одного, у кого не было бы еврейских друзей. Среди «знаменательных исключений» первых лет мандата президент Вейцман называет «Виндхэма Дидса, Гилберта Клейтона и самого главнокомандующего (Алленби)» (190, 276). Вместе с тем он отмечает, что «люди, вступавшие в повседневный контакт с населением... люди, занимавшие низшие посты в военной иерархии, за редким исключением не обладали широтой восприятия, остротой взгляда, а зачастую – даже элементарной доброжелательностью». Тем не менее, все три наиболее дееспособных верховных комиссара Палестины были военными. Сильная рука Плюмера, не переносившего глупостей, кто бы их ни делал, гарантировала мир и даже прогресс в годы его правления. Безвременная смерть Горта была настоящей катастрофой. Вполне возможно, что, проживи он еще несколько месяцев, он сумел бы хоть частично исправить тот вред, который нанес доброму имени Великобритании его бездушный предшественник сэр Гарольд Мак-Майкл.

Для палестинских чиновников, как и вообще для большинства англичан, такие понятия, как еврейская нация, еврейская армия, евреи на плацу, евреи, не испытывающие страха, всегда были и будут совершенно абсурдными. В 1828 году английский священник, понимавший, что если евреи когда-нибудь вернуться на землю Израиля, им придется воевать, так же, как столетие спустя чиновники палестинской администрации, был уверен, что «пре-

зренное племя никогда не выдержит испытания войной». «Для того, чтобы покорить страну, евреи должны будут вести себя как воины... Если это случится, перемена в их обычаях, в способах их дохода, в их положении среди других народов будет столь велика, что само легковерие затруднится поверить в такую возможность» (171, 118).

Прошло сто лет, но лишь немногие англичане готовы были поверить, что евреи когда-нибудь смогут стать солдатами, способными побеждать. Согласно господствующему мнению, которое открыто высказывалось в Палестине, евреи в своем большинстве были трусами. Еврейская политика «сдержанности» (*хавлага*)²⁰, воспрещавшая любой вид активных ответных действий против арабских погромщиков, рассматривалась арабами и англичанами как еще одно доказательство их малодушия. Когда арабские налетчики атаковали поселения в Изреельской долине *21, а поселенцы воздержались от ответного нападения на арабские деревни, арабы дали евреям презрительную кличку «дети смерти». Арабы и в самом деле сумели создать в представлении англичан и всего Ближнего Востока мираж «священной войны» и в конце концов сами поверили в свою доблесть, ни разу не испытав ее на деле. Готовность, с которой англичане поверили в этот мираж, частично проистекала из мифа об арабских воинах, созданного почитателями Лоуренса *22. Чаще, однако, всеобщее презрение к еврейской трусости было естественным результатом английской разновидности антисемитизма, инстинктивной склонности к насмешке над евреями, которую еще лет десять назад не могли побороть многие англичане, включая представителей интеллигенции. Этой традиционной ошибкой не избежал даже Дж. Н. Шофилд – писатель, обладавший чувством ответственности историка. «Иехуда Маккавей *23, – сказал этот знаток еврейской истории в 1938 году, – был неистовым воином того типа, который и по сей день встречается в Палестине, но он присущ скорее представителям арабских племен, а не современным евреям» (162, 253).

В большинстве книг, написанных в годы палестинского мандата туристами, паломниками и чиновниками британской администрации, презрение к еврейской трусости и восхищение арабской доблестью находило свое выражение иногда в явной, но чаще в скрытой форме. Англичанин, посетивший страну в 1933 году, имел счастье встретиться с целым рядом «обаятельных и образованных арабов». Он отдал должное спокойному достоинству этих воинов пустыни и их презрению к стяжателям-евреям. «Нация начинается не с богатства, – объяснил ему один араб, – она начинается с войны... Евреи должны воевать за свою землю. Одного того, что она куплена ими, еще недостаточно... По природе

своей еврей ценит безопасность выше доблести». Другой сын пустыни заметил: «Еврей всегда трус – трус по природе». Англичанин совершенно согласен с ними: "Вся чудовищность сионистского кошмара осознается лишь тогда, когда вы вспоминаете, что вместо того, чтобы воевать за землю, они просто *покупают* ее. Ни один великий народ никогда не покупал своей земли... Среди сионистов слишком много ученых и слишком мало солдат и земледельцев" (32, 98 и 115).

Другой английский турист, посетивший страну во время «беспорядков» 1936 года и, по его собственному признанию, «пытавшийся быть беспристрастным», признал, что «нет никакого сомнения в том, что не все евреи – трусы». Тем не менее, он был вполне уверен, что в большинстве своем евреи живут в постоянном страхе и не способны обороняться от неистовых арабов. «Я не могу забыть одного вечера в Иерусалиме, – писал он. – Я прогуливался с двумя знакомыми арабами, немного знавшими английский. Где-то к нам присоединились два солдата шотландского полка». Оба шотландца были пьяны. Один из них зашел в еврейское кафе, чтобы выпить еще. Англичанин попросил арабов пойти за пьяным и вернуть его.

«В кафе сидело сорок-пятьдесят рослых молодых евреев, но при появлении двух угрюмых арабов они съежились и замолчали, и это молчание показалось мне испуганным. Грубое и оскорбительное сравнение пришло мне в голову: пустите горностаю в заячью нору и посмотрите, что будет! Справедливо или несправедливо, но такова была расхожая английская шутка в Палестине тех дней...» (69, 76 и 77).

Несколько дней спустя, рассказывает тот же автор, английский капрал, который не был пьян, подытожил всю ситуацию в словах, под которыми подписалось бы большинство англичан в Палестине: «Арабам не хватает ума, евреям не хватает храбрости».

Пока арабские террористы ограничивались убийством евреев, палестинская администрация взирала на них с пассивным неодобрением. Однако когда в 1937 и 1938 году стало ясно, что арабские волнения перерастают в организованное восстание, направленное не только против идеи создания еврейского национального очага, но и против британских интересов на всем Ближнем Востоке, администрации пришлось принять меры. Силы британских войск в Палестине (в то время они составляли приблизительно две дивизии) оказались недостаточными для того, чтобы устрашить повстанцев или обеспечить безопасность нефтепровода.

Весной 1938 года Орду Уингейту *24, офицеру, прикомандированному к разведывательному отделу британской армии, удалось убедить одного из своих начальников в том, что ситуация требует

изменения политики. Без особого энтузиазма ему разрешили применить свои идеи на практике. Немедленный успех разработанной им тактики породил немалую тревогу не только среди арабов, но и среди чиновников палестинской администрации. «Я получил, – писал Уингейт, – трех офицеров и тридцать шесть солдат». Он действовал против тысяч арабских повстанцев с помощью отряда, прошедшего боевую подготовку под его руководством. Отряд состоял из «отобранных более или менее случайно» 200 – 300 палестинских евреев. Однако менее чем за пять месяцев, в течение лета 1938 года, арабы были выбиты из своих опорных пунктов в Северной Палестине, и безопасность нефтепровода была обеспечена. Согласно отчету Уингейта, успех операции «был следствием особых качеств еврейских отрядов». Он обучил своих еврейских товарищей разработанным им методам ведения боевых действий, и с тех пор они не раз наглядно доказали, насколько хорошо они усвоили его уроки. Сегодня многие из учеников Уингейта стоят во главе Армии Оборона Израиля.

Однако Палестина, в которой царит мир, или, во всяком случае, Палестина, в которой мир воцарится с помощью евреев, очевидно, не входила в политические планы британской администрации. От полковника (позже фельдмаршала) Монтгомери Уингейт получил приказ о роспуске его особых «ночных отрядов». Весьма поучительно прочесть комментарий самого Уингейта к этому приказу:

«В этот период власти не хотели привлекать евреев к активным действиям по подавлению восстания, и эксперимент постепенно был сведен на нет. С глубоким сожалением я должен признать, что позднее (в каком-то смысле так было во все времена) власти обращались с евреями, проявившими такую преданность и отвагу, исключительно гнусным образом».

В письме в лондонскую газету «Тайме» от 21 июля 1938 года Джосия Веджвуд в нескольких фразах сформулировал истинную причину беспорядков в Палестине: «В течение двух лет британские власти оставляли безнаказанными убийства евреев и уничтожение их собственности. Администрация продолжает все с тем же строгим беспристрастием относиться как к убийцам, так и к их жертвам. Эта черная страница бездеятельности и двуличия беспрецедентна в британской истории».

Большинство участников арабского восстания, многие из которых получали финансовую помощь государств «Оси»²⁵, были помилованы; несколько человек все же были расстреляны. Как и следовало ожидать, их главе, иерусалимскому муфтию, не составило никакого труда избежать английского правосудия. Пока что вся история закончилась так, как и предсказывало большинство

наблюдателей: арабские националисты получили все, что хотели получить, и даже более того. В 1939 году британское правительство выпустило документ, известный как Белая книга Макдональда, где прямо говорилось об отказе Великобритании выполнять условия мандата, обязанности, исполнение которых было единственным законным оправданием ее присутствия в этой стране. Мандат обязывал британские власти «способствовать еврейской иммиграции на приемлемых условиях» и «поощрять массовое поселение евреев на земле». Два указа, которые были признаны мандатной комиссией незаконными, были прямым нарушением этих обязательств. Согласно первому из этих указов, вся еврейская иммиграция, за исключением той, на которую согласятся арабы, приостанавливалась на пять лет. Согласно второму указу, налагался запрет на покупку земли евреями фактически на всей территории Палестины.

Вопрос о том, являются ли условия мандата справедливыми, никогда не стоял на повестке дня. Британское правительство приняло на себя обязательство выполнять условия мандата, управляло Палестиной вследствие мандата и не имело на эту страну никаких прав, за исключением тех, которые предоставлял ей мандат. Власть администрации, которая не соблюдала условий мандата, была властью произвола; несмотря на благие намерения, которыми она руководствовалась, она следовала примеру Муссолини и Гитлера. Британское правительство приняло на себя обязательства по созданию еврейского национального очага, оговорив при этом, что «не будет предпринимать шагов, которые могли бы поставить под угрозу гражданские и религиозные права нееврейских общин Палестины». Выпустив Белую книгу Макдональда, британское правительство фактически декларировало, что эта оговорка делает невозможным создание еврейского национального очага. Таким образом, англичане аннулировали международное соглашение, заменив его новым, более частным и односторонним, которое Лига Наций, выдавшая мандат Великобритании, отказалась санкционировать. Начало Второй мировой войны позволило на время избежать ответственности тем, кто был виновен в этом политическом провале. Война дала им в руки хорошее оправдание их неблагоприятного поведения, и они тут же объявили о своем намерении вернуть Лиге Наций мандат, от выполнения обязательств которого они фактически уже отказались.

Итак, на данный момент судьбу Израиля решили не юридические доводы относительно значения и законной силы определенной декларации или обязательства, а сила, точнее, угроза применения силы, которую приветствовали мандатные власти. Но один

вопрос все еще оставался открытым: что делать с евреями? В течение последующего десятилетия на этот вопрос были даны различные ответы. Пока же никого, кроме самих евреев, особенно не заботил ни самый вопрос, ни ответ на него, пришедший из Германии.

Эпилог

Негритянка сказала, что если дожидаться, чтобы кто-то пришел и устроил все ваши дела, вам придется ждать вечно.

Бернард Шоу

Теперь мир был вполне готов к расправе. На всех границах стояли солдаты, готовые дать отпор любому беспомощному и бездомному человеку, которому удалось вырваться из когтей смерти. Все входы были закрыты, все лазейки охранялись, все чрезвычайные распоряжения, изданные в интересах «безопасности», надежно гарантировали, что евреи останутся запертыми в ловушке, где миллионы их жили (пока еще жили) под сенью смерти. В период между 1939 и 1943 годами английское и американское правительства совместно обсуждали шаги, которые следовало бы предпринять для их спасения. Когда миру стала известна правда о том, что немцы собираются уничтожить всех евреев, и в первую очередь – детей, женщин и стариков, «американское правительство и американский народ, в особенности американское еврейство, – писал американский государственный секретарь Кордел Халл, – уделили самое серьезное внимание вопросу, как воспрепятствовать осуществлению этих планов... Мы повсюду искали место, где они могли бы найти спасение, начиная с Мадагаскара, Киренаики, Палестины и французской Северной Африки и кончая Доминиканской республикой и Эквадором». Эти поиски не увенчались успехом; но если бы такое место и было найдено, оставалась еще одна проблема: как вывезти их из Германии.

Весной 1943 года было принято решение о проведении официальной встречи, которая стала известна как Бермудская конференция по проблемам беженцев. Достижения этой конференции были невелики. С самого начала делегаты объявили, что они занимаются не только проблемой евреев, а в принципе проблемой «беженцев». Они полагали, что было бы несправедливо отдавать предпочтение беженцам, исповедующим иудаизм. Представители Всемирного еврейского конгресса обратились к конференции с просьбой вступить в переговоры с державами «Оси», чтобы добиться освобождения европейских евреев и обеспечить достав-

ку продуктовых посылок в гетто и концлагеря, где евреи умирали от голода. Делегаты конференции отказались обсуждать эти предложения. США отклонили предложение о смягчении американских иммиграционных законов. Великобритания не согласилась на въезд в Палестину еврейских детей. Единственным практическим результатом Бермудской конференции по проблемам беженцев было то, что Гитлер еще более уверился в безразличии мира к судьбе евреев, и его решимость уничтожить их еще более укрепилась.

И британскому министерству иностранных дел, и американскому госдепартаменту было хорошо известно, как можно спасти евреев. Они знали, что немцев можно подкупить, и они охотно продадут евреев в обмен на деньги союзников. Однако союзники не были готовы заплатить даже сравнительно ничтожную сумму, на которую были согласны немцы: от двух до десяти долларов за человеческую жизнь. Несколько миллионов долларов и немного доброй воли могли бы спасти жизнь сотням тысяч детей. Однако у американского госдепартамента не было подходящих людей для ведения подобных переговоров. И дети, словно овцы, загнанные в товарные вагоны, были оторваны от родителей и отправлены навстречу смерти. Халл пишет:

«Немцы выпускали евреев только тогда, когда им за это щедро платили. Мы не желали переводить крупные суммы на счета нацистов, даже если эти вклады предназначались для швейцарских банков и их можно было бы получить только после войны, когда, по всей видимости, нацистские лидеры не могли бы воспользоваться ими. Наконец, госдепартамент не имел в своем распоряжении ни таких крупных денежных средств, ни людей, которые могли бы вступить в контакт с немецкими чиновниками, ответственными за программу уничтожения, и подкупить их» (85, 2, 1539). Британское министерство иностранных дел разделяло нежелание американского госдепартамента платить за жизнь евреев. Даже после всех предосторожностей, гарантировавших, что деньги не будут использованы противником на военные нужды, когда сопротивление министерства военной экономики было сломлено, прошло много месяцев, пока было получено окончательное разрешение. Как пишет Моргентгау *1, разрешение задерживалось, несмотря на то, что из Берна были получены телеграммы с сообщением, что «во Франции четыре тысячи детей от двух до четырнадцати лет отняты у родителей и в запечатанных товарных вагонах без окон, по шестьдесят детей в вагоне, без сопровождения взрослых, без еды, воды и элементарных санитарных условий, депортированы... Но самое худшее еще впереди». Однако Моргентгау привели в ужас не столько эти новости, сколько

новости, поступившие из Лондона:

«17 декабря 1943 года госдепартаментом была получена телеграмма из Лондона, в которой приводилось письмо, поступившее в американское посольство из британского министерства военной экономики. Министерство иностранных дел, говорилось в этом письме, обеспокоено трудностями, с которыми сопряжено устройство сколько-нибудь значительного числа евреев в случае, если они будут вывезены с территории противника. По этой причине министерство иностранных дел не готово санкционировать даже предварительных мер, хотя министерство военной экономики теперь считает эти шаги приемлемыми». Подобное безразличие к судьбе еврейства, проявленное высокопоставленными должностными лицами в Англии и в США, было причиной срыва или роковой задержки всех попыток спасения евреев. Мари Сыркин рассказывает (173), что был случай, когда "при обсуждении предложения Брандта (о проведении большой операции по спасению евреев) один британский чиновник настолько забылся, что воскликнул: «Но что мы будем с ними делать?». «Что будет с нами, – спросил Чертока мистер Рэндел из британского министерства иностранных дел, – если немцы предложат свалить нам на голову целый миллион евреев?» (182, 121).

Итак, существовало три следующих возражения против любого плана по спасению миллионов или хотя бы нескольких сотен тысяч детей, обреченных на смерть: 1. у нас нет денег (ведение войны стоило более 40 миллионов долларов в день); 2. у нас нет людей; 3. у нас нет места для тех, кто будет спасен от нацистской бойни. «Единственный способ, которым мы можем спасти их, это выиграть войну», – говорили эти люди. Но когда война была выиграна, 6 миллионов евреев уже были мертвы.

Если «борьба не на жизнь, а на смерть», которую вели немцы, требовала убийства более миллиона детей, то союзники заявляли, что любая попытка спасти этих детей может «ослабить военные усилия». Палата общин выразила свою позицию двумя символическими минутами молчания; письма читателей были опубликованы в газете «Тайме»; в Англии и Америке были проведены митинги протеста. Однако не было сделано ничего или почти ничего. К августу 1942 года, почти через восемнадцать месяцев после того, как нацистский план уничтожения стал известен миру, американский госдепартамент, как пишет Г. Моргентгау в своих «Дневниках», фактически не принял еще никаких мер. «Должностные лица уклонялись от этой неприятной ответственности, не торопились с рассмотрением конкретных планов спасения, предложенных их вниманию, а иногда даже препятствовали распространению информации о зверствах, совершаемых в Европе,

чтобы избежать давления возмущенного общественного мнения».

Неудивительно, что явное нежелание союзников принимать какие бы то ни было меры по оказанию помощи евреям, пока почти все они не были уничтожены, укрепляло уверенность немцев в том, что все остальное человечество втайне сочувствует их методам решения еврейской проблемы. Эти «частицы человеческого вещества», презираемые и ненавидимые всеми на протяжении тысячелетия, не были желанны ни в одном уголке мира. Ни одна страна не хотела принимать их. Им не было места нигде. Они не вписывались ни в мир союзных держав, ни в тот новый мир, который строил Гитлер. Разве научный и сравнительно безболезненный план Гитлера не оказался в конце концов наиболее логичным и наиболее милосердным решением проблемы? Что еще можно было с ними сделать?

Молодой солдат из северо-восточной Шотландии, один из первых, кто вступил в Берген-Бельзен в начале 1945 года, на следующий день после освобождения лагеря отправился в соседнюю немецкую деревню. На обочине дороги лежали три трупа. Все трое были убиты выстрелами в затылок. Ни один из них не был военным. Он спросил немку в деревенской гостинице, кто были эти трое. Она ответила: «Это отставшие от колонны, проходившей здесь несколько дней назад. У них не было сил идти дальше». «Почему их застрелили?» – продолжал расспрашивать солдат. «А что было с ними делать? – ответила женщина. – Ведь это евреи».

Что было с ними делать? Многие задавались вопросом, что было делать с теми из них, кто остался в Европе после поражения Германии. Месяцы и годы, в течение которых обсуждался этот вопрос, оставшиеся в живых продолжали содержаться за колючей проволокой. Они получали питание и медицинское обслуживание; однако английский министр иностранных дел заявил им, чтобы они не пытались «пройти без очереди». Они не отличались покорностью; некоторые из них были «дерзки» и «неблагодарны». Они протестовали против колючей проволоки и немецких охранников. Кое-кто в Англии поговаривал, что жаль, что Гитлер не довел начатое до конца. Евреям внушали, что их долг – содействовать восстановлению Германии или экономическому возрождению Польши. Земля Палестины оставалась для них запретной. Тысячи из них бежали из мест своего заключения, пробираясь через всю Европу и до отказа переполняя негодные для плавания суденышки. Но британский флот стоял на страже палестинских берегов.

Нежелание как евреев, так и арабов терпеть в Палестине присутствие дорогостоящей и бездеятельной армии и рост еврейско-

го террора сделали положение англичан в Палестине нестерпимым. В 1946 году британское правительство согласилось принять во внимание выводы англоамериканской комиссии, однако когда, вопреки ожиданиям, комиссия рекомендовала принять в страну 100 тысяч еврейских беженцев, англичане уклонились от выполнения своего обещания.

В ноябре 1947 года подавляющим большинством голосов членов Генеральной ассамблеи ООН (англо-арабская группировка голосовала против) было принято решение о создании еврейского государства на части территории Палестины. Этому предшествовал отказ Великобритании от мандата на Палестину. Англичане разоружили евреев, вооружили арабов как в самой стране, так и за ее пределами, а британский флот продолжал нести охрану берегов. После этого они вывели все свои войска и стали ждать, что будет дальше. Как действия, так и бездействие Великобритании в период, непосредственно предшествовавший созданию государства Израиль, были вкратце подытожены Гансом Дж. Моргантау, профессором политологии Чикагского университета:

"Не только слова, но и действия арабских стран не оставляли никаких сомнений, что арабы в Палестине и за ее пределами воспротивятся плану раздела силой оружия. До голосования (в ООН) и после него Великобритания неоднократно заявляла, что не намерена способствовать претворению в жизнь любого плана, который не будет одинаково приемлем как для евреев, так и для арабов. Ввиду арабского сопротивления это было равнозначно заявлению, что Великобритания не окажет содействия выполнению рекомендаций Генеральной ассамблеи.

Однако Великобритания пошла дальше простого отказа от содействия. Она сделала все, что было в ее силах, кроме прямого вооруженного вмешательства, для того, чтобы сорвать выполнение резолюции Генеральной ассамблеи. С этой целью Великобритания продолжала снабжать оружием граничащие с Палестиной арабские страны, одновременно препятствуя ввозу оружия в Палестину. Кроме того, она отказалась признать право палестинских евреев обеспечивать себя оружием и создавать военизированные организации в переходный период между британским правлением и фактическим разделом страны. Наконец, Великобритания не позволила ООН осуществить немедленные приготовления для мирного и упорядоченного перехода власти и создания временных органов управления до того, как англичане покинут страну. Все эти меры проводились с тем, чтобы поставить арабов в благоприятное положение, ухудшив положение евреев. Если бы британское правительство открыто провозгласило своей целью сделать переход к новому правлению хаотичным

и насильственным, а не упорядоченным и мирным, и обеспечить победу арабов в надвигавшейся гражданской войне, трудно представить, какие еще меры оно могло бы принять для осуществления этой цели" (124, 357).

Большинству сторонних наблюдателей казалось несомненным, что армии шести арабских государств, вооруженные современной военной техникой, частично прошедшие подготовку под руководством британских и нацистских офицеров, моментально сбросят трепещущих евреев в море. Но наступление, которое велось с помощью танков и артиллерии, было остановлено на всех фронтах. В Дгании *2 оно было остановлено сотней поселенцев, вооруженных несколькими винтовками и ручными гранатами собственного производства. В самый критический момент в Тель-Авив прибыл корабль с грузом оружия, проскользнув ночью мимо английских сторожевых судов. Той же ночью оружие было выгружено, а утром отправлено на фронт. Все висело на волоске. Если бы отряды почти безоружных людей не удержались в Дгании, в Гешере, в Мишмар ха-Эмек, в Негбе *3 и в десятке других мест, двухтысячелетняя история могла бы завершиться последней расправой.

Возвращение Израиля свершилось. Надежда, никогда не угасавшая в течение долгих веков изгнания, стала реальностью. После темнейшей из ночей вдруг воссиял свет, в который не переставали верить многие поколения.

Ни один народ еще не покупал свободы столь страшной ценой – ценой бесчисленных безвестных смертей. Лишь немногим удалось избежать презрения и ненависти, терпимости и покровительства западного мира. Но вопрос, заданный немецкой женщиной из Берген-Бельзена, никогда не будет задан вновь. Никогда больше не будут созываться конференции для решения вопроса о том, что делать с еврейским народом. Ворота Израиля открыты перед всеми, кто желает войти:

Щит Давида *4 будет защитой для них и для их детей:

Так говорит Господь Бог: от четырех ветров приди, дух, и дохни на этих убитых, и они оживут. И я изрек пророчество, как Он повелел мне, и вошел в них дух – и они ожили и стали на ноги свои – весьма, весьма великое полчище. И сказал Он мне: сын человеческий!

Кости сии – весь дом Израилев. Вот, они говорят:

"Иссохли кости наши, и погибла надежда наша:

мы оторваны от корня". Посему изреки пророчество и скажи им:

так говорит Господь Бог:

вот, Я открою гробы ваши и выведу вас, народ Мой, из гробов ваших и введу вас в землю Израилеву. И узнаете, что Я – Господь, когда открою гробы ваши и выведу вас, народ Мой, из гробов ваших, и вложу в вас дух Мой, и оживете, и помещу вас на земле вашей.

Иезекииль, 37:9-14

ПРИМЕЧАНИЯ

Златоуст

1 Лорд Эктон Джон Эмеридж Эдвард Далберг (1834 – 1902) – английский писатель-моралист и историк либерального толка.

2 Св. Павел (? – ок. 65 н. э.) – христианский апостол. Первоначально был гонителем христиан, но после явленного ему откровения стал ревностным христианином. Ему принадлежат 13 посланий к христианским общинам, в том числе к коринфской.

3 Блуа Леон (псевд., наст. имя Мари Жозеф Казн Маршнуар; 1846 – 1917) – французский писатель и критик, теоретик символизма и неоромантизма.

4 Средневековая концепция христианского «всемирного государства» была выдвинута католической церковью, претендовавшей тем самым не только на духовную, но и на политическую власть во всех христианских странах.

5 Солон (между 640 и 635 – ок. 559 до н.э.) – выдающийся афинский законодатель.

6 Бентли Ричард (1662 – 1742) – английский филолог, выдающийся текстолог и родоначальник исторической филологии.

7 Масарик Ян (1868 – 1948) – чехословацкий политический деятель. Министр иностранных дел и заместитель премьер-министра в чехословацком правительстве в изгнании, действовавшем с 1940 г. По возвращении правительства в Прагу в 1945 г. остался на посту министра иностранных дел и занимал эту должность и после коммунистического переворота 25 февраля 1948 г., однако менее чем через две недели после этого новое коммунистическое руководство известило страну, что Ян Масарик выбросился из окна министерства.

8 Нюрнбергские законы – расистское антиеврейское законодательство, принятое в сентябре 1935 г. нацистской Германией.

9 На Эвианской конференции был создан постоянный межправительственный Комитет по делам беженцев с центром в Лондоне.

10 Здесь принята следующая система библиографических отсылок: первая цифра в скобках указывает порядковый номер, под которым данное издание указано в сокращенном алфавитном библиографическом списке в конце книги; вторая цифра – страницу; в многотомных изданиях вторая цифра указывает том, а третья – страницу. Когда, цитируя труды древних писателей, автор ссылается не на том и страницу печатного издания, а на главу и параграф, первая указывается римской цифрой, а второй – отде-

ленной двоеточием арабской цифрой.

11 Согласно решению Лиги Наций от 24 июля 1922 г. Великобритания получила мандат на управление Палестиной; в условие мандата входило обязательство создать в стране национальный очаг для еврейского народа.

12 Маритэн Жак (1882 – 1973) – французский философ и эстетик неотомистского направления.

13 Аргумент, что среди евреев могли оказаться маскировавшиеся под евреев немецкие шпионы, не выдерживает критики. Беженцев можно было проверять, а кажущихся подозрительными – интернировать. Более того, дети не могли быть шпионами. Палестина была открыта для беженцев из Польши, *если они не были евреями*, и тысячи поляков прибыли в Палестину во время войны. (Прим. авт.)

14 Хадж (Мухаммад) Амин ал-Хуссейни (1893 – 1974) – иерусалимский муфтий с 1922 г.; с 1919 г. принимал активное участие в организации националистических и террористических выступлений палестинских арабов против евреев и британских мандатных властей. В 1937 г., опасаясь ареста, бежал в Дамаск. В 1940 г. участвовал в пронацистском путче в Ираке. До конца Второй мировой войны сотрудничал с нацистской Германией, был главным пропагандистом ее политики на Ближнем Востоке; рекрутировал мусульманских добровольцев и поддерживал нацистскую программу уничтожения евреев.

15 Еврейский знак – отличительный знак, который по приказу мусульманских и христианских правителей в средние века должны были носить на одежде евреи. Обычно такой знак в виде матерчатого лоскута предписанного цвета, величины и формы пришивался к верхней одежде. В нацистской Германии евреи были обязаны носить отличительный знак в виде желтой шестиугольной звезды («Маген-Давид»).

16 Сартр Жан-Поль (1905 – 1980) – французский писатель и философ, представитель экзистенциализма. В области политики придерживался левых взглядов.

17 Боссюэ Жак Бенинь (1627 – 1704) – французский епископ, писатель и проповедник; в своих сочинениях отстаивал идею божественного происхождения монархической власти и трактовал историю как реализацию божественной воли.

18 Отцы церкви – традиционное название деятелей христианской церкви 2 – 8 вв., определивших ее догматику и структуру. Наиболее значительные отцы церкви в католицизме – Амвросий Медиоланский, Августин, Иероним, Григорий I Великий; в православии – Афанасий Александрийский, Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст.

19 Ориген (185 – 254) – один из отцов церкви. Жил в Александрии. Был первым христианским богословом, изучавшим иврит. Осуществил свод изданий еврейского текста Библии и его греческих переводов.

20 Спиноза Бенедикт (Барух; 1623 – 1677) – голландский философ-рационалист и основоположник библейской критики. Происходил из семьи марранов, открыто вернувшихся к иудаизму. Вследствие конфликта с руководством еврейской общины Амстердама был отлучен от общины, однако никогда не переходил в другую религию.

21 Моррас Шарль (1868 – 1952) – французский публицист, критик и поэт. В 1899 г. организовал правомонархическую группу «Аксон франсэз» («Французское действие»), а в 1908 г. – газету под тем же названием. Пропагандировал идею превосходства «латинской расы». После поражения Франции в 1939 г. стал официальным идеологом правительства Петэна. За свою деятельность в период оккупации был приговорен в 1945 г. французским судом к тюремному заключению. В 1951 г. помилован в связи с преклонным возрастом.

22 Все сочинения Морраса по приказу папы были включены в 1914 г. в папский Индекс (список книг, запрещенных для чтения). (Прим. авт.)

23 Клаузнер Иосиф Гедалия (1874 – 1958) – литературовед, историк и лингвист, активный деятель сионистского движения, один из инициаторов возрождения еврейской национальной культуры на иврите. Профессор Еврейского университета в Иерусалиме.

24 Сократ (ок. 470 – 399 до н. э.) – греческий философ. Был несправедливо обвинен в «поклонении новым божествам» и «развращении молодежи» и приговорен афинянами к смерти.

25 Св. Петр – один из двенадцати христианских апостолов. Его настоящее имя было Шимон, но Иисус назвал его Кифа (арамейск., букв. «скала»), откуда его греческое имя Петр. Деятельный проповедник христианства, впоследствии стал главой христианской общины в Риме, где, по-видимому, погиб (в 64 или 69 г.) во времена гонений Нерона. Церковная традиция считает Петра первым римским епископом.

26 Маймонид (Моше бен-Маймон, Рамбам; 1135 – 1204) – великий еврейский философ средневековья, теолог и комментатор Талмуда, врач, математик, астроном. Родился в Испании, с 1165 г. жил в Фостате (ныне Каир).

27 Абельяр Пьер (1079 – 1142) – французский философ, теолог и поэт. Неоднократно осуждался церковью за неортодоксальность своих концепций.

28 Иоанн Златоуст (греч. Хрисостом; ок. 354 – 407) – один из главных отцов восточной христианской церкви. В 386 – 387 гг. произнес в Антиохии (Малая Азия) восемь проповедей против евреев, с обличением не только догматов иудаизма, но и образа жизни, характера и т. п. евреев.

29 Бернар Клервоский (1090 – 1153) – французский монах, проповедник, теолог, вдохновитель Второго крестового похода. Основал знаменитое цистерцианское аббатство в Клерво, где написал большинство своих произведений: проповеди, трактаты, стихи.

30 Спустя более 19 столетий англичане в Палестине следовали этому примеру, когда летом 1946 г. вели поиски оружия в еврейских поселениях, зачастую проявляя при этом излишнюю жестокость, избивая женщин и стариков. (Прим. авт.)

31 Имеется в виду взятие Иерусалима в 70 г. н.э. императором Титом в ходе подавления антиримского восстания в 66 – 73 гг. (так наз. Иудейская война I). При захвате города был сожжен Второй храм, построенный в 516 г. до н.э. Первый храм – святилище Бога Израиля – был построен царем Соломоном (965 – 928 до н.э.), разрушен вавилонским царем Навуходоносором в 586 г. до н.э.

32 Имеется в виду восстание Бар-Кохбы (Иудейская война II; 132 – 135) – антиримское восстание в Иудее, вызванное декретом императора Адриана о введении смертной казни для евреев за совершение обрезания и о постройке нового города на месте Иерусалима. По размаху восстание приобрело масштабы войны, угрожавшей Римской империи, и было жестоко подавлено римлянами.

33 Евреи, жившие в Александрии и в Египте, по большей части занимались торговлей и ремеслами. Они преуспевали, поэтому их недолюбливали, выдвигая обычные экономические, политические и религиозные обвинения. Некоторые авторы предполагают, что это процветание было результатом не способностей и тяжелого труда, а специфически еврейской торговли деньгами. Это предположение не подтверждается документами. Сэр Гарольд Идрис Белл, опубликовавший в 1924 г. результаты своих исследований социальной истории александрийских евреев, не обнаружил никаких свидетельств «финансовой мощи» евреев. «Они не были банкирами или ростовщиками, как можно было бы ожидать... Сохранилось единственное обвинение евреев в лихоимстве, но и оно относится ко времени, когда антисемитские настроения были особенно сильны» (19, 11). (Прим. авт.)

34 Иероним (342 – 420) – один из отцов церкви; родился в Риме; с 386 и до конца жизни был настоятелем монастыря в Вифлееме. Перевел Библию с еврейского оригинала на латынь; этот перевод (так наз. Вульгата) был признан церковью каноническим.

35 Феодосии II (408 – 450) – византийский император, изгнавший евреев из Константинополя и угрожавший им наказанием за участие в шуточных представлениях, устраиваемых во время Пурима, полагая, что в них подвергается насмешкам христианская религия.

36 «Foedum taetrumque Judaeorum nomen». *Codex Theodosianus* (16, 8, 19).

37 Евсевий (260 – 339) – римский церковный писатель, архиепископ Кесарии с 311 г. Написал историю христианства до 324 г., где доказывал, что иудаизм является единственным предшественником христианства, однако резко выступал против евреев за их отказ принять новую религию.

38 Созомен Саламанес Гермейос (400 – 450) – византийский христианский историк и церковный деятель, автор многотомной «Церковной истории» (324 – 425).

39 Сократ Схоластик (380 – 450) – византийский историк церкви. Его «Церковная история» 4 – 5 вв. была в эпоху средневековья основным источником сведений о раннем периоде христианской церкви.

40 Юлиан Отступник (331? – 363) – римский император, тщетно стремившийся возродить язычество в империи, уже принявшей христианство.

41 Афанасий (ок. 295 – 373) – христианский теолог, с 328 г. епископ Александрии.

42 Содом и Гоморра – города, которые были уничтожены сошедшим с неба огнем за грехи их жителей (Бытие, 19).

43 Амвросий (ок. 339 – 397) – один из великих отцов католической церкви. С 373/74 г. епископ Милана.

44 Григорий Нисский (ок. 331 – ок. 394) – христианский теолог, в 372 – 375 гг. и 379 – 394 гг. епископ Ниссы (Каппадокия).

45 Баснаж Жак – глава французской реформированной церкви в Руане, был изгнан из Франции после отмены Нантского эдикта в 1686 г. и поселился в Амстердаме, где написал свою «Историю евреев». (Прим. авт.)

46 Агиография – род церковной литературы, посвященный жизнеописанию святых.

Кровь брата твоего

1 «Кровь брата твоего» (точнее «голос крови брата твоего». Бытие, 4:10) – библейский рассказ о первом в мире убийстве Каином его брата Авеля.

2 Гийом дю Вер (1556 – 1621) – французский теоретик ораторской прозы, один из ранних представителей французского клас-

сицизма.

3 Карл Великий (742-814) – король франков с 768 г. и император Священной римской империи с 800 г.

4 Агобард (779 – 840) – архиепископ лионский, один из главных противников еврейства во Франции IX в. В своих посланиях выдвигал ряд обвинений против евреев, требуя их дискриминации.

5 Второзаконие – пятая книга Пятикнижия Моисеева, так наз. Торы. Тора – один из трех разделов Библии, включающий книги: Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие.

6 Григорий VII (ок. 1020 – 1085) – папа с 1073 г.

7 Готфрид Бульонский (ок. 1060 – 1100) – французский крестоносец, отряд которого в 1099 г. первым пошел на приступ Иерусалима. В том же году нанес поражение египетскому войску под Ашкелоном, что позволило крестоносцам установить контроль над всей территорией Палестины. Был фактическим правителем Иерусалима.

8 Храм Соломона – превращенная крестоносцами в церковь мечеть ал-Акса на Храмовой горе в Иерусалиме.

9 Сарацины – средневековое название мусульманских народов, принятое у европейцев.

10 Мишле Жюль (1798 – 1874) – французский историк, автор многотомных «Истории Франции» (1833 – 1867) и «Истории французской революции» (1847 – 1853).

" Ансельм Кентерберийский (ок. 1033 – 1109) – архиепископ Кентербери, один из наиболее значительных средневековых философов и теологов.

12 Эфраим бен Яаков из Бонна (1133 – после 1196) – литургический поэт и комментатор Библии, автор «Книги поминовения», посвященной жертвам и страданиям евреев во время Второго крестового похода.

13 Цистерцианцы – члены католического монашеского ордена, основанного в 1098 г. Первый монастырь ордена – Цистерциум (ок. Дижона, Франция). С 12 в., после реорганизации ордена Бернаром Клервоским, стали называться и бернардинцами. В 12 – 13 вв. орден имел в Европе ок. 700 монастырей.

14 Иосеф ха-Кохен (1496 – 1575?) – еврейский врач, филолог и историограф. Родился в Авиньоне (Франция), с 1501 г. жил в Италии. В «Юдоли плача» (1558) описывает «тяжелые испытания, выпавшие на нашу долю со времени изгнания евреев из их страны».

15 Энциклика – послание главы католической церкви, обращенное ко всем католикам, как правило, по вопросам религии и политики.

16 У Св. Бернара были все основания утверждать, что евреи были не единственными, кто любил деньги, и что «торгашество проникло в монастырь». Спустя 40 лет после его смерти, в 1191 г., главный церковный совет признавал, что папские чиновники «не перестают заниматься стяжательством, а любовь к собственности стала просто бичом». Странствующий менестрель Гийо Провансальский в 1203 г. свидетельствовал: Они покупают приходы и церкви и всячески плутуют Они знают, как купить и продать, и дожидаться расчета И самой высокой цены на свое зерно. И я точно слышал и видел, Что они ссужают деньги евреям. (Прим. авт.)

17 Матфей Парижский (1200? – 1259) – английский монах-бенедиктинец; в 1236 г. получил должность историографа в монастыре Св. Олбана и продолжал вести создававшуюся там «Великую хронику» английской истории.

18 Латеран – папский дворец в Риме, место проведения церковных соборов.

19 Благодетельный Петр (ок. 1092 – 1156) – церковный писатель, с 1122 г. аббат цистерцианского монастыря в Клуни.

20 Гиббон Эдвард (1737 – 1794) – английский историк, автор знаменитого труда «Упадок и гибель Римской империи» (1776 – 1788).

21 Церковные писатели 18 в., как правило, употребляли слово «рвение» в смысле «добродетель». Ж.-Б.Массиллон определял рвение как «святое желание человека быть полезным ближним». (Прим. авт.)

22 Честертон Гилберт Кит (1874 – 1936) – английский писатель. Как сторонник ортодоксального католицизма, идеализировал структуру средневекового общества, видя в нем гармонию демократической свободы личности и жесткого иерархического общественного порядка.

23 Беринг Морис (1874 – 1945) – английский писатель, критик и журналист. В 1904 – 1905 гг. – репортер на русско-японском фронте, а затем (до 1912 г.) – корреспондент лондонских газет в России. Переводил на английский язык русских прозаиков и поэтов.

24 Августин (354 – 430) – христианский теолог и философ, с 395 г. епископ г. Гиппон (Сев. Африка), основоположник христианской философии истории.

25 Штрайхер Юлиус (1885 – 1946) – немецкий журналист, активный деятель нацистской партии, основатель антисемитской газеты «Дер Штюрмер»; казнен по приговору Нюрнбергского трибунала.

26 Ибн Габирол Шломо бен Иехуда (лат. Авицеброн или Авицеброль; ок. 1021 – ок. 1052) – великий поэт еврейского средневе-

ковья; философ-неоплатоник, оказавший влияние на Фому Аквинского, Джордано Бруно. Писал на иврите и арабском.

27 Не зная ни арабского, ни иврита. Св. Бернар не мог знать о современнике Ибн Габирола, еврейском писателе Бахье Ибн Пакуде, посвятившем свое сочинение глубинам духовной жизни человека. (Прим. авт.)

28 Иехуда ха-Леви (1086 – ок. 1142) – величайший еврейский поэт мусульманской Испании. Автор стихов на иврите и философских сочинений на арабском.

29 Элоиза – возлюбленная Абеяра (см. прим. 27 к гл. «Златоуст»), одна из самых образованных женщин Франции 12 в. История трагической любви Элоизы и Абеяра отражена в их переписке.

30 См.: «Еврейская средневековая поэзия в Испании», изд. «Библиотека-Алия», Иерусалим, 1981, стр. 73, пер. В.Лазариса.

31 Хорев – другое название горы Синай, где, согласно Библии, Моисей получил от Бога Скрижали завета, на которых был высечен текст Десяти заповедей.

32 Гиват-Бреннер -киббуц в центральной части прибрежной равнины Израиля, к югу от Реховота.

33 «Есть лишь немногие евреи, которые, если бы не влияние пропаганды, действительно предпочли бы стать отцами-основателями своего нового государства, а не предпринимателями в Нью-Йорке» (Газ. «Тэблет» от 29 мая 1948). (Прим. авт.)

34 См.: «Еврейская средневековая поэзия в Испании», изд. «Библиотека-Алия», Иерусалим, 1981, стр. 77, пер. В.Лазариса.

35 Беллок Хилари (1870 – 1953) – английский католический писатель и историк. Отличался блестящим литературным стилем.

36 Торквемада Томас (1420 – 1498) – глава испанской инквизиции. Обладая значительным влиянием при дворе, стал инициатором изгнания арабов и евреев (1492) из Испании.

37 Ахад-ха-Ам (ивр., букв. «один из народа»; псевд., наст. имя Ашер Гирш Гинцберг; 1856 -1927) – еврейский писатель-публицист и философ. Родился на Украине, с 1922 г. – в Палестине. Развивал концепцию т. наз. культурного сионизма – обновления еврейского национального самосознания путем воспитания масс в духе обновленного иудаизма и еврейской традиции.

38 Эразм Роттердамский (1469 – 1536) – гуманист эпохи Возрождения, филолог, писатель; автор сатирической «Похвалы Глупости». Сыграл большую роль в подготовке Реформации.

39 Талмуд – основная книга еврейских законов, законченная к V в. н.э., содержащая правовые нормы иудаизма, научные сведения, запись устных преданий и т.д. В Талмуд входят Мишна (соб-

ственно текст) и Гемара (комментарии). Каббала (ивр., букв. «полученное по преданию учение») – еврейское эзотерическое теософское учение с элементами мистики и магии, рассматривающее текст Торы и других священных книг как символическое описание Бога и Божественных процессов. Тетраграмматон (греч., букв. «четырёхбуквие») – написание в Торе главного и произносимого имени Бога.

40 Скот Иоанн Дунс (ок. 1266 – 1308) – английский философ-схоласт, монах францисканского ордена.

41 Таро Жером (наст. имя Эрнест; 1874 – 1953) и Жан (наст. имя Шарль; 1877 – 1952) – французские писатели, по большей части работавшие в соавторстве; выдающиеся представители жанра документального очерка.

42 Давид – второй царь Израиля, царствовал 40 лет (ок. 1010 – 970 до н.э.); традиционно именуется «сладким певцом Израиля». Библия приписывает ему авторство некоторых псалмов, в более поздние времена его стали считать автором всей книги Псалмов. Согласно Библии, юноша Давид был принят ко двору царя Саула благодаря своей искусной игре на арфе.

Всемирные скитальцы

1 Иннокентий III – папа с 1198 по 1216 г. Инициатор широких церковных реформ, вел активную борьбу с ересями.

2 Авраам – один из трех патриархов, родоначальников еврейского народа (Авраам, Исаак, Иаков). По велению Бога покинул родной город Ур и отправился в землю Ханаанскую. Заключил союз с Богом, получив обетование о многочисленном потомстве, которое будет владеть землей Ханаанской.

3 Фома Аквинский (1225 – 1274) – итальянский монах-доминиканец, крупнейший католический философ и теолог средневековья.

4 Хильперик I (561 – 584) – франкский король династии Меровингов, в 582 г. проводил массовое насильственное крещение евреев.

5 Григорий Турский (ок. 540 – 594) – епископ г. Тура, автор «Истории франков в 10 книгах».

6 Григорий Великий (ок. 540 – 604) – папа с 590 г., инициатор реформы церковной литургии.

7 Феррер Винсент (1350 – 1419) – доминиканский монах-проповедник, один из идеологов необходимости изгнания евреев из Испании. Своей главной заслугой считал обращение евреев в христианство.

8 Филипп Август (1165 – 1223) – французский король с 1180 г.; установил наследственную преемственность монархии.

9 Песах – семидневный праздник в память об исходе евреев из Египта (XV в. до н. э.) и освобождении из египетского рабства. Приходится обычно на апрель-май.

10 Маца – лепешки из пресного теста, которые едят во время праздника Песах в память о пище евреев в пустыне после исхода из Египта. Они пекли лепешки из пресного теста, так как должны были спешно покинуть свои дома, и тесто, взятое ими с собой, не успело закваситься.

11 Средневековый запрет евреям нанимать христианских слуганок был возобновлен в Германии в 1935 г. «Закон об охране немецкой крови и немецкой чести» гласил: «Евреям запрещается использовать в качестве домашней прислуги женщин моложе 45 лет, в жилах которых течет немецкая или родственная ей кровь». (Прим. авт.)

12 Лорд Бальфур Артур Джеймс (1848 – 1930) – английский политический деятель. В 1916 – 1919 гг. министр иностранных дел, с именем которого связана декларация британского правительства (Декларация Бальфура), провозгласившая положительное отношение Великобритании к стремлению евреев создать в Палестине свой национальный очаг. 24 апреля 1920 г. эта декларация была утверждена на конференции Антанты в Сан-Ремо, а 24 июля 1922 г. была включена в текст мандата на Палестину, данного Великобритании Лигой Наций (см. прим. 11 к гл. «Златоуст»).

13 Гостия – облатка из пресного теста, употребляемая во время обряда причастия католиками и лютеранами.

Знак позора

1 Марло Кристофер (1564 – 1593) – английский поэт и драматург, современник У. Шекспира.

2 Констан определено имеет в виду слова Евангелия от Иоанна: «И воины, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову, и одели Его в багряницу, и говорили: радуйся. Царь Иудейский» (19:2-3). Эти воины, конечно же, были не евреями, а римлянами. (Прим. авт.)

3 Плиний Младший (ок. 62 – ок. 114) – римский писатель и оратор. Занимал важные административные посты при императоре Траяне, деловая переписка с которым сохранилась.

4 Клодель Поль Луи Шарль (1868 – 1955) – французский драматург католического направления.

5 Роберт Большоголовый (Гросетест; ок. 1168 – 1253) – английский теолог, с 1235 г. епископ Линкольна.

6 Людовик IX Святой (1214 – 1270) – король Франции с 1226 по 1270 г.

7 Григорий IX (ок. 1170 – 1241) – папа с 1227 г.

8 Алхаризи Иехуда бен Шломо (1170 – 1235) – еврейский поэт и переводчик. Родился в Толедо, путешествовал по юж. Франции и Ближнему Востоку, содействуя ознакомлению местных общин с культурой евреев Испании.

9 В 1290 г. евреи были изгнаны из Англии.

10 Автор имеет в виду произведения Данте «Новая жизнь» и первую часть «Божественной комедии» – «Ад».

11 Еврей Шейлок – герой трагедии Шекспира «Венецианский купец».

12 Ныне Братислава в Чехословакии.

Убийственная ложь

1 Иннокентий IV (ок. 1200 – 1254) – папа с 1243 г.

2 Шломо бен-Авраам – раввин в Монпелье в первой половине 13 в. Своей известностью обязан расколу, внесенному им в испанское и французское еврейство, когда он призвал доминиканский орден принять участие в борьбе с просветительными элементами еврейства.

3 Маймонид (см. прим. 26 к гл. «Златоуст») в своей книге «Сефер ха-мицвот» («Книга заповедей») изложил 14 принципов, согласно которым те или иные предписания должны включаться в 613 предписаний иудаизма или исключаться из них. В своей рационалистической интерпретации иудаизма Маймонид опирался на учение Аристотеля.

4 Легат – титул высших дипломатических представителей Ватикана.

5 Булла – папское послание, грамота; а также название самой металлической печати, скреплявшей этот официальный документ.

6 Кровавый навет – обвинение евреев в убийстве иноверцев (главн. обр. христиан) для использования их крови в ритуальных целях; возникло в Римской империи в первые столетия н.э., особенно широкое распространение имело в Европе в средние века.

7 Григорий X (1210 – 1276) – папа с 1271 г.

8 Фридрих II (1194 – 1250) – с 1198 г. – король Сицилии, с 1212 г. – король Германии, с 1220 г. – император Священной римской империи.

9 Фердинанд II (1452 – 1516) – король Арагона; после брака с Изабеллой Кастильской (1469) и объединения обоих королевств (1479) – король Испании.

10 Пилат – римский наместник в Иудее и Самарии (25 – 36). Согласно евангелиям, во время суда над Иисусом нашел, что тот не виновен, но позволил совершиться казни, умыв руки в знак своей непричастности к убийству.

11 Чосер Джеффри (1340? – 1400) – английский поэт, автор «Кентерберийских рассказов», одного из первых памятников на общеанглийском литературном языке.

12 Лэм Чарлз (1775 – 1834) – английский писатель, эссеист.

13 Автор имеет в виду процесс Дрейфуса (1894) – судебное дело по ложному обвинению в шпионаже в пользу Германии офицера французского генерального штаба еврея Альфреда Дрейфуса (1859 – 1935). Дело Дрейфуса, вызвавшее огромный политический резонанс, закончилось в 1906 г. полным оправданием подсудимого.

14 Бенедикт XIV (1675 – 1758) – папа с 1740 г.

15 Дубнов Семен (Шимон) Маркович (1860 – 1941) – еврейский историк, публицист и общественный деятель. Жил и работал в Петербурге, Одессе и Вильне. В 1922 г. поселился в Ковно, а затем в Берлине, откуда, после прихода к власти Гитлера в 1933 г., переселился в Ригу. 8 декабря 1941 г. был взят из дома и включен в колонну смертников; точная дата и место смерти неизвестны.

16 Сикст V (1520 – 1590) – папа с 1585 г. Инициатор широкой реформы церковной администрации.

17 Тамплиеры – религиозный рыцарский орден, возникший в Палестине во время крестовых походов. В 1306 г. тамплиеры переселились в Париж, где в следующем году членов ордена арестовали по обвинению в отречении от Христа, кощунстве, противонародных пороках и др. Имущество ордена было конфисковано французской казной, а члены ордена под пытками признали свою вину. Процесс длился до 1311 г. В 1312 г. папа официально отменил этот орден, а французский король приказал сжечь тамплиеров, еще остававшихся в живых.

18 Иосиф Флавий (Иосеф бен Маттитьяху; ок. 38 – после 100) – еврейский историк, писавший по-гречески. В начале антиримского восстания 66 г. возглавлял силы повстанцев в Галилее, где попал в плен. Автор двух исторических трудов – «Иудейская война» (о восстании 66 г.) и «Иудейские древности» (апологетическая история еврейского народа). В небольшом сочинении «Против Апиона» выступил с опровержением антиеврейских клеветнических вымыслов александрийского Апиона Грамматика.

19 Тацит Публий Корнелий (ок. 55 – ок. 120) – римский писатель и историк, автор «Истории» (окончена ок. 109) и «Анналов» (не завершены).

20 Дизраэли Исаак (1766 – 1848) – английский историк и эссеист, отец английского государственного деятеля и писателя Бенджа-

мина Дизраэли (лорда Биконсфилда). Потомок испанских (сефардских) евреев, в 1817 г. из-за ссоры с руководством сефар декой конгрегации Лондона вышел из общины и крестил своих детей.

«Их бог – деньги»

1 Адриан (76 – 138) – римский император (117 – 138) из династии Антонинов. Его решение построить на развалинах разрушенного во время антиримского восстания 66 – 73 гг. Иерусалима римский город Элиа Капитолина послужило одной из причин восстания Бар-Кохбы (132 – 135). После восстания Адриан издал ряд эдиктов (остававшихся в силе до его смерти), воспрещавших под страхом смерти изучение Торы (Св. Писания) и исполнение обрядов иудаизма.

2 Доде Леон (1867 – 1942) – французский писатель, журналист и политический деятель. Сын писателя Альфонса Доде. Придерживался националистических и монархических взглядов, призывал к установлению во Франции «сильной власти».

3 Филипп Красивый (1268 – 1314) – французский король с 1285 г., в 1309 г. перевел резиденцию пап в Авиньон.

4 Людовик X (1289 – 1316) – в 1305 – 1314 гг. король Наварры, с 1316 г. король Франции.

5 Черная смерть – страшная эпидемия чумы, поразившая Европу в 1348 г.

6 Петрарка Франческо (1304 – 1374) – итальянский поэт, оказал значительное влияние на развитие европейской поэзии.

7 Клемент VI (ок. 1291 – 1352) – папа с 1342 г.

8 Карл VIII – король Франции (1483 – 1498) из династии Валуа.

9 Веспасиан (9 – 79) – римский император с 69 г., основатель династии Флавиев. Шире, чем его предшественники, распространил на провинциалов права римских граждан, правление его отличалось умеренностью.

10 Лукиан (ок. 120 – 180) – греческий писатель, автор сатирических диалогов.

11 Пифагор (6 в. до н.э.) – греческий философ. Родился на о. Самос, жил в Южной Италии, где основал Пифагорейский союз – философско-политическое общество, быстро приобретшее политическое влияние в греческих колониях Южной Италии.

12 Тир – древний портовый город в Финикии (ныне в Южном Ливане).

13 Курций Руф Квинт – римский историк и ритор, живший, очевидно, в 1 в. н.э. Автор сохранившейся частично «Истории Александра Великого Македонского» в 10 книгах.

14 В настоящее время – Научно-исследовательский институт им. Х. Вейцмана в Реховоте.

15 Св. Иоанн из Капистрано (1385 – 1456) – францисканский проповедник, действовавший главным образом в Италии. Неаполитанская королева Иоанна II, племянница Людовика Святого, побуждала францисканца к ведению антиеврейской пропаганды. «По-видимому, чтобы искупить свои скандальные амурные похождения, она благоволила к церкви и позволяла Иоанну из Капистрано отравлять евреям жизнь» (Жан Спондаус, цитируется по 18). (Прим. авт.)

16 Бернанос Жорж (1888 – 1948) – французский писатель и публицист католического толка.

17 Немцы не всегда ждали, пока люди будут убиты, чтобы вырвать у них золотые зубы. Зачитанный на Нюрнбергском процессе отчет, составленный для нацистского руководства, гласил: «В присутствии сотрудников СС еврейский дантист должен был вырывать все золотые зубы и извлекать золотые пломбы изо рта у немецких и русских евреев перед тем, как их умерщвляли». (Прим. авт.)

18 Утверждение еврейского историка Соломона (Шломо) ибн Верги (кон. 15 – нач. 16 в.), что «триста тысяч евреев были принуждены покинуть земли Его католического Величества в один день», является явным преувеличением. (Прим. авт.)

19 В 1453 г. Константинополь, столица Византийской империи, был взят турецкими войсками. Это событие было концом Византийской империи.

20 Брант Себастьян (ок. 1458 – 1521) – немецкий писатель-гуманист. Его «Корабль дураков» (1494) получил широкую известность уже при жизни автора.

21 Сикст IV (1414 – 1484) – папа с 1471 г.

22 4 июня 1391 под влиянием антиеврейской пропаганды архидьякона Ферранте Мартинеса вспыхнули антиеврейские беспорядки в Севилье. Еврейский квартал был разгромлен, многие евреи убиты или насильственно крещены, еврейские женщины и дети проданы в рабство мусульманам, синагоги превращены в церкви, а дома заселены христианами. В том же месяце беспорядки распространились на Андалусию, а в следующем месяце – на Арагон.

23 Курия – система административных учреждений, посредством которых папа осуществлял управление католической церковью.

24 Иоанн XXII (1249 – 1334) – папа (с 1316), резиденция которого была в Авиньоне.

25 Бонифаций IX (ок. 1355 – 1404) – папа с 1389 г. Восстановил контроль над Папскими областями и папскую власть в Риме.

26 Антипапы – лица, незаконно претендовавшие на понтификат либо вследствие вакансии папского престола, либо вследствие отказа признать права избранного папы.

27 Симония – раздача церковных должностей или привилегий за плату.

28 Лютер Мартин (1483 – 1546) – немецкий религиозный деятель Реформации и писатель, основоположник протестантизма.

29 Исход – событие, ставшее в еврейском национальном самосознании решающим фактором для становления еврейского народа. Бог повелел Моисею (ивр. – Моше) вывести евреев из египетского рабства. В пути беглецов настигло войско фараона, но воды Красного моря расступились перед ними, а *затем поглотили войско фараона. Говоря о "новом исходе"* через Средиземное море, автор имеет в виду *алию*, возвращение евреев на родину в 20 веке.

30 Хагана (ивр., букв. «оборона») – подпольная военная организация еврейской самообороны в подмандатной Палестине, действовавшая с 1920 г. до провозглашения независимости Израиля в 1948 г. Составила ядро Цахала – Армии Обороны Израиля.

31 Мистерия – жанр религиозного представления в средневековом европейском театре. Сюжеты мистерий заимствовались, как правило, из Нового завета или из житийной литературы.

32 Монтень Мишель (1553 – 1592) – французский писатель-гуманист, философ-моралист, юрист и политический деятель.

33 Браунинг Роберт (1812 – 1889) – английский поэт, черпавший сюжеты из эпохи средневековья и Возрождения.

34 Юлий II (1443 – 1513) – папа с 1503 г. Укрепил Папское государство. В его понтификат было начато строительство собора Св. Петра в Риме (1506).

35 Контрреформация – широкая система церковно-политических реформ, проведенная католической церковью в ответ на Реформацию.

36 Бисмарк Отто Эдуард (1815 – 1898) – германский государственный деятель, в 1871 – 1890 гг. рейхсканцлер Германской империи. Фридрих II (1712 – 1786) – прусский король с 1740 г., проводил политику широких территориальных захватов.

37 Выражение «евреи – наше бедствие», ошибочно приписываемое А.Трейчке (1834 – 1896), было использовано в качестве лозунга Адольфом Штокером, который в 1878 г. был главой немецкой христианско-социалистической партии. В нацистский период это выражение приобрело особую популярность. (Прим. авт.)

38 Шед (ивр.) – черт, дьявол.

39 Вассерман Якоб (1873 – 1934) – немецкий писатель еврейского происхождения. Был сторонником ассимиляции евреев, однако приход нацистов к власти *заставил его пересмотреть свою позицию*.

40 Герцль Теодор (Биньямин Зеев; 1860 – 1904) – австрийский журналист еврейского происхождения, основатель политического сионизма, провозвестник возрождения еврейского государства и создатель Всемирной сионистской организации. Поворотным пунктом в жизни Герцля был процесс Дрейфуса и сопровождавший его взрыв массового антисемитизма во Франции.

41 Кромвель Оливер (1599 – 1658) – лидер республиканской революции в Англии, с 1653 г. – лорд-протектор английской республики.

42 Карл II (1630 – 1685) – король Англии с 1660 г. (после реставрации королевской власти).

43 Яков II (1633 – 1701) – английский король (1685 – 1688).

44 Фаге Эмиль (1847 – 1916) – французский литературовед и критик, последователь позитивистской методологии И.Тэна.

45 Пеге Шарль (1873 – 1914) – французский поэт и публицист. В молодости разделял социалистические взгляды, позднее склонялся к католицизму и консерватизму. Во время Первой мировой войны добровольцем пошел на фронт и погиб в бою.

46 Паскаль Блез (1623 1662) – французский ученый, философ и писатель.

47 Боссюэ (см. прим. 17 к гл. «Златоуст») прибегал к подтасовке текста Св. Писания, чтобы использовать его для своих доказательств. Так, например, он вставил собственное слово в Евангелие от Марка (13:8), чтобы сказанное там выглядело относящимся к евреям: "Это начало их болезней". (Прим. авт.)

48 Руссо Жан-Жак (1712 – 1778) – французский писатель и философ-просветитель. Развивал теорию общественного договора и выдвигал концепцию абсолютного суверенитета народа.

49 Вольтер (псевд., наст. имя Франсуа Мари Аруэ; 1694 – 1778) – французский писатель и философ, глава французских просветителей. Резко выступал против религии и церкви.

so Ламенне Фелисите Робер де (1782 – 1854) – французский публицист и религиозный философ, один из родоначальников христианского социализма.

51 Шатобриан Франсуа Рене де (1768 – 1848) – французский писатель романтического направления. Сент-Бёв Шарль Огюстен (1804 – 1869) – французский критик и поэт.

Крестные отцы Берген-Бельзена

Берген– Бельзен -нацистский пересыльный концлагерь около Ганновера в Германии, организованный в 1943 г. и предназначенный в основном для евреев, которых предполагалось обменять на немецких военнопленных. К моменту освобождения англичанами (15 апреля 1945 г.) лагеря Берген-Бельзен в нем находилось 60 тысяч заключенных. Политический экономист и сторонник общественных реформ, Исаак Перейр пропагандировал улучшение образования трудящихся классов и боролся за устранение бедности. Он выступал за реформу французской финансовой системы. Перейр переписывался с папой Львом XIII, призывая его приблизить церковь к решению проблем современности. (Прим. авт.)

Дроль Жан (псевд., наст. имя Альфред Жандро; 1866 – 1951) – французский журналист и прозаик. В 1946 г. был осужден за антисемитизм. Рассел Бертран (1872 – 1970) – английский математик и философ, один из основоположников современной математической логики. Брюнетьер Фердинанд (1844 – 1906) – французский критик, теоретик литературы и историк; приверженец монархии и католицизма. Лёб Изидор (1839 – 1892) – французский историк, писатель; автор работ по истории французского и испанского еврейства.

Жорес Жан (1859 – 1914) – французский политический деятель, основатель газеты «Юманите». С 1905 г. – лидер французской Объединенной социалистической партии и II Интернационала. «Давайте же помолимся, – писал Дрюмон, – младенцам-мученикам прежних времен... прося у них защиты для их сегодняшних товарищей – жертв еврейского масонства» (53, 393). (Прим. авт.) Это письмо было написано доктором Л.Пзеннером, редактором «Остеррайхише Фольксфройнд». Датированное 31 мая 1886 г., оно было найдено в одной из книг библиотеки Дрюмона. (Прим. авт.) Туссенель Теодор (1806 – 1885) – французский историк и переводчик с немецкого, автор сочинения «Евреи – короли нашей эпохи» (Париж, 1848). Одно из сочинений Айзенменгера имело название «Иудаизм без маски, или Полное и истинное описание того, как жестоковейные евреи несказанно богохульствуют и бесчестят Святую Троицу, оскорбляют Матерь Божью, издевательски критикуют Новый завет, евангелистов и христианство и безгранично презирают и проклинаяют христианскую религию» (Кенигсберг, 1711).

Дрюмон был смещен с поста редактора после дуэли с Артуром Мейером, крещеным евреем, издателем роялистской газеты «Ле Голуа». Монсиньор дТольс был, конечно, рад избавиться от Дрюмона. (Прим. авт.) 13 Гонкур Эдмон (1822 – 1896) и Жюль (1830 – 1870) – французские писатели, создатели импрессионистического стиля в прозе.

14 «Египтянин... бей их, сбрось их в Красное море!»
– имеется в виду преследование евреев египетским войском во время исхода из Египта (см. прим. 29 к гл. «Всемирные скитальцы»).

15 Номадический – не имеющий оседлости, кочевой (от греч. «номад» – кочевник).

16 Джойс Уильям (1906 – 1946) – англо-американский журналист, пропагандировавший идеи нацизма. За стиль и содержание статей и радиопередач во время Второй мировой войны получил прозвище «лорд Хау-хау» («лорд Гав-гав»). Был осужден как нацистский преступник и казнен в Лондоне.

17 Клемансо Жорж (1841 – 1929) – французский политик, в 1906 – 1909 гг. и 1917 – 1920 гг. премьер-министр Франции.

18 Баррес Морис (1862 – 1923) – французский писатель консервативного и расистского толка.

19 Лазар Бернар (1865 – 1903) – французский критик и публицист еврейского происхождения.

20 Шимон бен Гамлиэль – еврейский законоучитель талмудического периода.

21 Коппе Франсуа Эдуард Жоакен (1842 – 1908) – французский поэт, драматург и прозаик консервативного толка. В последние годы жизни был председателем «Лиги французского отечества».

22 Пурим (ивр., букв. «жребий») – праздник в память об избавлении евреев от уничтожения, которое готовил им Аман, министр персидского царя Ахашвероша (5 в. до н.э.) (см. Кн. Эсфирь). Отмечается в феврале-марте.

23 «Ла Либр Пароль» от 12 февраля 1898 г.

24 «Газетт де Франс» от 5 сентября 1898 г.

25 Абердин Джордж Гамильтон (1784 – 1860) – английский политический деятель, один из лидеров партии тори.

26 Гарпии – в греческой мифологии богини вихря, крылатые существа омерзительного вида.

27 Луази Альфред (1856 – 1940) – французский религиозный философ. 28 Бонифаций VIII (ок. 1235 – 1303) – папа с 1294 г.

29 Вольф Люсьен (1857 – 1930) – английский публицист и историк еврейского происхождения. Первоначально был сторонником Герцля, однако впоследствии выступал против сионизма. В 1893 г. основал Еврейское историческое общество. В 1912 – 1914 гг. издавал бюллетень о положении евреев в России.

30 Пинскер Лев (Иехуда Лейб; 1821 – 1891) – еврейский журналист и общественный деятель, лидер движения Хиббат-Цион, провозвестника сионизма.

31 «Пятьдесят праведников, которых не нашлось в Содоме...» – см. Бытие, 18:26: «Господь сказал: если Я найду в городе Содоме

пятьдесят праведников, то Я ради них пощажу все место сие».

Борцы за несправедливость

1 Фримэн Эдвард Август (1823 – 1892) – английский историк.

2 Дизраэли Бенджамин (1804 – 1881) – английский государственный деятель, лидер консерваторов, премьер-министр Великобритании (1868 и 1874 – 1880), писатель.

3 Нераскаявшийся разбойник – согласно Евангелию от Луки, вместе с Иисусом были осуждены на смерть и распяты два разбойника, один из которых и на кресте бранил Иисуса и насмеялся над ним, другой же, – напротив, покался.

4 «Протоколы сионских мудрецов» – клеветническое сочинение, обвиняющее евреев в стремлении к мировому господству, фальсифицированное русской жандармерией. Было опубликовано в 1902 г. и принято на вооружение антисемитами.

5 Всемирный Еврейский альянс – международная организация, основанная в 1860 г. с целью «защиты чести еврейского имени». Цели этой организации были сформулированы в ее уставе следующим образом: 1) повсеместно содействовать эмансипации и моральному прогрессу евреев; 2) оказывать действительную помощь евреям, преследуемым за их еврейство; 3) содействовать изданиям, направленным на достижение этих целей. (Прим. авт.)

6 Папен Франц фон (1879 – 1969) – один из главных нацистских военных преступников; содействовал приходу нацистов к власти.

7 Бердяев Николай Александрович (1874 – 1948) – русский философ и публицист, один из родоначальников экзистенциализма. В 1922 г. был выслан из СССР, с 1925 г. жил в Париже...

8 Шопенгауэр Артур (1788 – 1860) – немецкий философ, поздний представитель немецкого идеализма.

9 Тиберий Клавдий (42 до н.э. – 37 н.э.) – римский император с 19 г. н.э.

10 Цицерон Марк Туллий (106 – 43 до н.э.) – римский оратор, писатель и политический деятель.

11 Ратенау Вальтер (1867 – 1922) – политический деятель Веймарской республики; в 1922 г. занял пост министра иностранных дел.

12 Цвейг Стефан (1881 – 1942) – австрийский писатель еврейского происхождения. С 1934 г. – в эмиграции. Вследствие душевного кризиса, вызванного торжеством нацизма и войной, покончил самоубийством.

13 Каупер (Купер) Уильям (1731 – 1800) – английский поэт-сентименталист.

14 То есть во время франко-прусской войны 1870 – 1871 гг.

15 Гердер Иоганн Готфрид (1744 – 1803) – немецкий философ, литературовед и писатель, провозвестник романтизма.

«Неизбежный провал»

1 Лонгфелло Генри Уордсуорт (1807 – 1882) – американский поэт-романтик. 2 Ренан Эрнест (1823 – 1892) – французский писатель, историк и филолог-востоковед, автор восьмитомной «Истории христианства» и пятитомной «Истории народа израильского».

3 Чемберлен Хьюстон Стюарт (1855 – 1927) – английский философ, один из основоположников теории арийского расового превосходства.

4 Балмез Хайме (1810 – 1848) – испанский философ-томист и политический мыслитель.

5 В 1917 г. была опубликована Декларация Бальфура (см. прим. 12 к гл. «Всемирные скитальцы»), а в 1947 г. провозглашено независимое государство Израиль.

6 Элиот Джордж (псевд., наст. имя Мэри Анн Эванс; (1819 – 1880) – английская писательница, автор социальных романов и стихотворных драм.

7 Мордехай – приближенный персидского царя Ахашвероша, родственник царицы Эстер. Помешал истреблению евреев Персии, задуманному приближенным царя Аманом, и добился его казни (см. прим. 22 к гл. «Крестные отцы Берген-Бельзена»).

8 Монтефиоре Мозес (Моше; 1784 – 1885) – английский еврейский филантроп, много сделавший для облегчения положения евреев. С этой целью посетил Польшу, Россию, Румынию и многократно – Палестину.

9 Зангвилл Исраэль (1864 – 1926) – еврейский писатель, публицист и общественный деятель. Писал на английском языке. Вышел из Всемирной сионистской организации, считая, что попытка еврейского заселения Палестины, принадлежавшей тогда Турции, обречена на провал. После опубликования Декларации Бальфура вернулся к сионизму.

10 Мамона (греч.) – в греческой мифологии божество, покровительствующее богатству.

11 Коббет Уильям (1762 – 1835) – английский публицист, автор «Истории протестантской реформации» (1824 – 1827).

12 Вейцман Хаим (1874 – 1952) – ученый-химик, один из лидеров сионистского движения, президент (1920 – 1931; 1935 – 1946) Всемирной сионистской организации, первый президент государства Израиль.

13 Ллойд Джордж Дэвид (1863 – 1945) – английский политический деятель, в 1905 – 16 гг. – министр в британском правительстве, в 1916 – 22 гг. премьер-министр Великобритании.

14 Эфенди (тур. «повелитель, господин») – форма почтительно-го обращения, в частности, к духовенству, чиновникам, иностранцам.

15 Неgev – полупустынная южная часть Израиля.

16 Еврейское агентство – международная еврейская организация, название и функции которой были впервые установлены Лигой Наций в британском мандате на Палестину в 1922 г. В задачу Еврейского агентства входило содействие еврейскому заселению Палестины и осуществление связи между еврейским населением страны и еврейством диаспоры. Эти функции организация осуществляет и поныне.

17 Квуца (ивр., букв. «группа»), множ. квуцот – первоначальное название киббуца.

18 Bulletin of the Audit Union of the Jewish Agricultural Labor Cooperatives in Palestine, 1934 – 1935.

19 «Хотя суверенитет Палестины был провозглашен законом, на деле подлинным сувереном являлись мандатные власти, так как они никому не были подотчетны и осуществляли законодательство, вовсе не принимая в расчет условий, оговоренных в мандате» (95, 11). (Прим. авт.)

20 Сзмюэл Герберт Льюис (1870 – 1963) – британский государственный деятель и философ еврейского происхождения, первый верховный комиссар Палестины (1920 – 1925).

21 Рутенберг Пинхас (Петр; 1879 – 1942) – участник русского революционного движения; придя к заключению, что и революционные круги заражены антисемитизмом, в 1919 г. прибыл в Палестину, где внес решающий вклад в электрификацию страны.

Гордость, высокомерие, ненависть

1 Саронская долина, Шарон – плодородная долина в центральной части прибрежной полосы Израиля.

2 Абсорбирующая способность (или «экономическая емкость») страны – способность хозяйства и экономики страны абсорбировать определенное число иммигрантов.

3 Соломон (Шломо; 965 – 928 до н. э.) – третий царь Израиля, сын царя Давида. Построил Иерусалимский храм, создал торговый флот, основал порт Эйлат. Во время его правления древний Израиль достиг наивысшего расцвета.

4 Тор – один из богов древнегерманского пантеона.

5 Инкуб – согласно средневековым повериям, демоническое существо, склоняющее женщин к любовной связи.

6 Эдда – сборник древнеисландских мифологических и героических песен, сохранившийся в рукописи 13 в.

7 Лоти Пьер (псевд., наст. имя Луи Мари Жюльен Вио; 1856 – 1923) – французский писатель, создатель жанра экзотического «колониального» романа.

8 Иерусалим был сдан турками британским силам под командованием генерала Алленби 11 декабря 1917 г.

9 Генисаретская долина – долина на северо-западном побережье озера Киннерет (Тивериадского озера).

10 Вади (араб.) – сухой овраг, образованный потоками воды в период дождей.

11 Жаботинский Владимир Евгеньевич (Зеев; 1880 – 1940) – еврейский писатель и публицист (писал по-русски), один из лидеров сионистского движения, идеолог и основатель так называемого ревизионистского течения в сионизме. Инициатор создания Еврейского легиона в британской армии, во время службы в котором был произведен в офицеры.

12 Алленби Эдмунд (1861 – 1936) – английский военачальник, командовал Египетским экспедиционным корпусом; в 1917 – 1918 гг. нанес поражение турецким войскам в Палестине.

13 Феллахи – в арабских странах оседлое население, занятое земледелием; крестьяне.

14 Хагана – см. прим. 30 к гл. «Их бог – деньги».

15 Когда в 1933 г. британское правительство отказалось от своего мандата на Ирак, предварительно не решив проблемы ассирийского меньшинства, иракцы моментально решили эту проблему, учинив резню, в которой погибло большинство ассирийцев. Братья Таро были уверены, что при первой же возможности история повторится: они не сомневались, что, если англичане уйдут из Палестины, «в течение 24 часов после их ухода ни одного сиониста не останется на земле праотцев» (177, 194). (Прим. авт.)

16 Хадж (Мухаммад) Амин ал-Хуссейни – см. прим. 14 к гл. «Златоуст».

17 Речь идет о погроме в Хевроне в 1929 г., когда была уничтожена вся местная еврейская община.

18 Арабский легион – обученные и возглавлявшиеся британскими офицерами вооруженные силы короля Трансиордании Абдаллы.

19 Диффамация – распространение порочащих сведений.

20 Хавлага (ивр., букв. «сдержанность») – политика по отношению к арабскому террору, которой в 1936 – 1939 гг. придерживались официальные органы еврейской общины Эрец-Исраэль и

Еврейское агентство, считавшие, что еврейская самооборона не должна превращаться в слепую месть и насилие, направленные против арабского гражданского населения.

2! Изреельская долина – тянущаяся с северо-запада на юго-восток долина, разделяющая горы Самарии и горы Галилеи. Земли этой заболоченной долины были приобретены еврейскими поселенцами и после осушения стали одним из плодороднейших районов страны.

22 Лоуренс Томас Эдвард (1888 – 1935) – английский офицер и писатель, известный под именем Лоуренс Аравийский, центральная фигура арабского восстания против Турции во время Первой мировой войны.

23 Иехуда Маккавей (ум. 161 до н.э.) – глава поднятого его отцом, Маттитьяху Хасмонеем, восстания против власти Селевкидов; восстания, в конечном счете приведшего к созданию независимого Хасмонеяского царства. Нанес ряд поражений греко-сирийцам; погиб в бою.

24 Уингейт Орд Чарлз (1903 – 1944) – английский офицер. Во время арабских беспорядков в Палестине в 1936 г. предложил подпольной организации еврейской самообороны Хагане новую наступательную тактику борьбы с арабскими террористами. Именем Уингейта назван созданный в 1957 г. израильский Институт физкультуры и спорта.

25 Ось Берлин – Рим – соглашение о военном и политическом сотрудничестве между нацистской Германией и фашистской Италией; подписано 29 октября 1936 г. Продолжением этого союза стал Антикоминтерровский пакт, созданный Германией и Японией (1936), к которому присоединилась Италия.

Эпилог

1 Моргентау Генри (1856 – 1946) – американский финансист и дипломат еврейского происхождения.

2 Дгания – киббуц на южном побережье озера Киннерет. Первый киббуц в Палестине, основан в 1911 г.

3 Мишмар ха-Эмек – киббуц в Изреельской долине, основан в 1926 г. Негба – киббуц, основан в 1939 г.

4 Щит Давида (ивр. *Маген-Давид*) - традиционный еврейский символ, шестиконечная звезда, образованная двумя треугольниками с вершинами, обращенными в противоположные стороны. Помещен в центре флага государства Израиль.

Сокращенный библиографический СПИСОК ИСТОЧНИКОВ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ АВТОРОМ

1. Abbot, G.F. *Israel in Europe*. London, 1907.
2. Abrahams, Israel. *Jewish Life in the Middle Ages*. London, 1896. New ed., 1932.
3. Ademar of Chabannes. «Chronicle». In J.P. Migne, *Patrologia latina*. Vol. CXLI.
4. Anchel, Robert. *Les Juifs en France*. Paris, 1946.
5. Antonius, George. *The Arab Awakening*. London, 1938.
6. Arnoulin, S. *Edouard Drumont et les Jesuites*. Paris, 1902.
7. Ashbee, C.R. *Palestine Notebook, 1918-1923*. London, 1923.
8. Asquith, H.H. *Memories and Reflections*. London, 1928.
9. Asquith, H.H. *Letters to a Friend*. 2nd series (1922-27). 1934.
10. Asquith, Margot. *Autobiography*. London, 1923.
11. Balfour, Arthur James. *Essays. Speculative and Political*. London, 1920.
12. Balmez, Jaime. *Protestantism and Catholicity in Their Effects on the Civilization of Europe*. London, 1849.
13. Barres, Maurice. *Scenes et doctrines du nationalisme*. Paris, 1902.
14. Basnage, Jacques. *History of the Jews*. Tr. by Thomas Taylor. London, 1708.
15. Basnage, Jacques. *Antiquites juddiques, ou remarques critiques sw la republique des Hebreux*. Amsterdam, 1713.
16. Batault, Georges. *Le Problemejuif*. Paris, 1921.
17. Baudrillart, Alfred. *Vie de Mgr. d'Hulst*. Paris, 1914.
18. Bayle, Pierre. *Dictionnaire historique et critique*. Amsterdam, 1730.
19. Bell, Harold Idris. *Jews and Christians in Egypt*. London, 1924.
20. Belloc, Hilaire. *The Jews*. 2nd ed., London, 1928.
21. Belloc, Hilaire. *The Contrast*. London, 1923.
22. Berdyaev, Nicholas. *Le Christianisme et l'antisemitisme*. Tr. from the Russian by Princess Theodore. Pub. by the Academic Religieuse et Philosophique Russe de Paris, n.d.
23. Berger, E. *Les Registres d'Innocent IV*. Paris, 1884.
24. Bernanos, G. *La Grande pew des bien-pensants: Edouard Drumont*. 23rd ed., Paris, 1931.
25. Bernanos, G. *Les Grands cemeteries sous la lune*. Paris, 1938.
26. Besse, R.P. *Les Religions latiques*. Paris, 1913.
27. Bickersteth, Edward. *The Restoration of Jews to Their Own Land*. 2nd ed., London, 1841.

28. Bloy, Leon. *Le Salut par les Juifs*. Paris, 1905.
29. Bloy, Leon. *Le Vieux de la montagne*. Paris, 1910. 6th ed., 1919.
30. Biyth, Estelle. *When We Lived in Jerusalem*. London, 1927.
31. Boncour, J. Paul. *Entre deux guerres*. Paris, 1945.
32. Bolitho, Hector. *Beside Galilee*. London, 1933.
33. Bonsirven, Joseph. *Juifs et Chretiens*. Paris, 1936.
34. Bonsirven, Joseph. «The Jews in the European System». In Vol. VI of *European Civilization, Its Origin and Development*, by various contributors, under the direction of Edward Eyre. London, 1937.
35. Bosch, Firmin van den. *Vingt annees d'Egypte*. 2nd ed., Paris, 1932.
36. Bossuet, J. Benigne. *Discours sur l'histoire universelle*. Paris, 1724.
37. Bourquelot, F. «Etudes sur les regles du commerce aux XII-XIV siecles». In *Academic des Inscriptions et Belles Lettres*. 2nd series. Vol. V. Paris, 1865.
38. Burns, C.D. *The First Europe*. London, 1947.
39. Buzy, Denis. *Les Paraboles*. Paris, 1932. 16th ed., 1948.
40. *Cambridge Modern History*.
41. Chagny, Louis-Martin. *L'Anglais est-il Juif a Paris*, 1895.
42. Chainé, Leon. *Les Catholiques francais*.
43. Chesterton, O.K. *The New Jerusalem*. London, 1920.
44. Constant (Popot). *Les Jiiifs devant l'Eglise el l'histoire*. Paris, 1897.
45. Coube, Stephen. *Amesjuives*. Paris, 1907.
46. Curtis, W. Eleroy. *Today in Syria and Palestine*. New York, 1903.
47. Daniel-Rops. *Histoire sarnie: lepeuple de la Bible*. Paris, 1947.
48. Dark, Sidney. *The Jew Today*. London, 1933.
49. Daudet, Leon. *La France en alarme*. Paris, 1904.
50. Davitt, Michael. *Within the Pale*. London, 1903.
51. Drault, Jean. *Edouard Drumont, «La France juive», et «La Libre Parole»*. Paris, 1935.
52. Drumont, Edouard. *La France juive*. Paris, 1886.
53. Drumont, Edouard. *La Fin d'un monde*. Paris, 1889.
54. Drumont, Edouard. *La Derniere bataille*. Paris, 1890.
55. Drumont, Edouard. *Le Testament d'un antisemite*. Paris, 1891.
56. Dubnow, S.M. *History of the Jews in Russia and Poland*. Tr. by I. Friedlander. Philadelphia, 1916.
57. Duchesne, Louis. *Early History of the Christian Church*. London, 1912.
58. Duff, Douglas. *Palestine Picture*. London, 1936.
59. Duff, Douglas. *Sword for Hire*. London, 1934.
60. Dulaure, J.-A. *Histoire civile, physique, et morale de Paris*. 3rd ed., Paris, 1826.
61. Esposito, Mario. «Un proces contre les Juifs de la Savoie en 1329». In *Revue d'Histoire Ecclesiastique*, Vol. XXXIV, 1938.

62. Ewing, W. *Palerson of Hebron*. London, n.d.
63. *Fabliaux ou conies du XIe et du XIIIe siecle*. Paris, 1781.
64. Ferrata, Dominique. *Memoires*. Rome, 1920.
65. Fisher, H.A.L. *History of Europe*. London, 1936.
66. Fleury, Claude. *Histoire ecclesiastique*. Paris, 1732.
67. Flick, Alexander Clarence. *Decline of the Mediaeval Church in the Fourteenth and the Fifteenth Centuries*. 1930.
68. Forbes, Rosita. *Conflict*. London, 1931.
69. Gibbons, John. *The Road to Nazareth*. London, 1936.
70. Gipps, Philip. *Across the Frontier*. London, 1939.
71. Ginsberg, M. *Reason and Unreason in Society*. London, 1947.
72. Glaber, Rodolphus. «Chronicle». In J.P. Migne, *Patrologia latina*. Vol. CXLII.
73. Goldman, Solomon. *Crisis and Decision*. New York, 1938.
74. Goncourt, Edmond de. *Journal des Goncourt*. Paris, 1894.
75. Goodman, Paul. *The Synagogue and the Church*. London, 1909.
76. Goyau, Georges. *St. Bernard*. Paris, 1927.
77. Graetz, H. *History of the Jews*. London, 1891-1892.
78. Graf, Ernest. *In Christ's Own Country*. The Catholic Book Club. London, 1937.
79. Gregory of Nyssa. «Oratio in Christi resurrectionem». In J.P. Migne, *Patrologia graeca*. Vol. XLVI.
80. Grisar, Hartmann. *Luther*. Tr. by E.M. Lamond. London, 1913-1916.
81. Gueranger, Prosper. *L'Annee liturgique*. 14th ed., 1894. Tr. by L. Shepherd as *The Liturgical Year*. Dublin, 1868-1870. Newed., Westminster, Maryland, 1949.
82. Guerin, Jules. *Les Trafiquants de l'antisemitisme: la maison Drumont «and Co»*. Paris, 1905.
83. Herder, Johann Gottfried von. *Ideen zur Geschichte der Menschheit*. 1787.
84. *Histoire Litteraire de la France*, by the Benedictines of St. Maur. 1733-1906.
85. Hull, Cordell. *The Memoirs of Cordell Hull*. 1948.
86. Infield, Henrik F. *Cooperative Living in Palestine*. International Library of Sociology and Social Reconstruction. 1946.
87. Isaac, Jules. *Jesus et Israel*. Paris, 1948.
88. disraeli, Isaac. *The Genius of Judaism*. London, 1833.
89. Jaquemet, G. *Catholicisme hier, aujourd'hui, domain*. Paris, 1957.
90. Jarrett, Bede. *Social Theories of the Middle Ages*. London, 1926.
91. Jaures, Jean. *Histoire socialisle de la Revolution francaise*. Paris, 1922.
92. Jefferies, J.M.N. *Palestine the Reality*. London, 1939.

93. Jessop, A., and James, M.R. *Life of St. William of Norwich*. Cambridge, 1896.
94. Job, Charles de. *De l'influence du Concile de Trente sur la litterature el les beaux-arts chez les peuples catholiques*. Paris, 1884.
95. Joseph, Bernard. *British Rule in Palestine*. Washington, 1948.
96. Juster, Jean. *Les Juifs dans l'empire romain*. Paris, 1914.
97. Kann, J.N. *Some Observations on the Mandatory Government of Palestine*. 1930.
98. Kay, J.W. *The Administration of the East India Company: A History of Indian Progress*. 2nd ed., London, 1853.
99. Klausner, J. *Jesus of Nazareth*. Tr. from Hebrew by Herbert Danby. New York, 1925.
100. Lagrange, M.-J. *L'Evangile selon Saint Jean*. 8th ed., Paris, 1947.
101. Lamb, Charles. *Essays of Elia*.
102. Langlois, Charles. «Le Proces des Templiers». In *Revue des Deux Mondes*, Vol. CIII.
103. Lca, Charles. *History of the Inquisition of Spain*. New York, 1906-1907.
104. Lecanuet, E. *L'Eglise de France sous la Troisieme Republique*. Paris, 1910.
105. Lingard, J. *History of England*. Ed. by Lingard and Belloc. London, 1912.
106. Livermore, H.V. *History of Portugal*. London, 1947.
107. Loeb, Isidore. «Le Juif de l'histoire et le Juif de la legende». In *Revue des Etudes Juives*. Vol. XXI. 1890.
108. Luchaire, A. *Histoire de France jusqu'a la revolution*. Paris, 1901.
109. Luther, Martin. *Werke*. Weimar, 1920.
110. Lynch, W.F. *Narrative of the U.S. Expedition to the River Jordan and the Dead Sea*. London, 1849.
111. Maimonides, Moses. *The Guide for the Perplexed*. Tr. by M. Friedlander. 2nd ed., London, 1947.
112. Mann, Horace K. *Lives of the Popes in the Middle Ages*. London, 1902-1910. 2nd ed., 1925.
113. Maritain, Jaques. *Anti-Semitism*. London, 1939.
114. Marlowe, John. *Palestine Rebellion*. London, 1947.
115. Maxe, Jean. *L'Anthologie des defaitistes*. Paris, 1925.
116. Meurin, Leon. *La Francmaconnerie synagogue de Satan*. Paris, 1893.
117. Migne, J.P. *Patrologia latina*.
118. Milman, H.H. *History of Latin Christianity*. London, 1854.
119. Milman, H.H. *The History of the Jews*. 3rd ed., London, 1863.
120. Mirabaud, Jean-Baptiste de. *Opinions des Anciens sur les Juifs*. Londres (Paris), 1769.
121. *Monumenta Germaniae historica*.

122. Moore, George. *Hail and Farewell*. London, 1925.
123. Moore, G.F. *Judaism in the First Centuries of the Christian Era*. Cambridge, Mass., 1927.
124. Morgenthau, Hans J. *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York, 1948.
125. Morgenthau, Henry. «The Morgenthau Diaries». In *Collier's*. Nov., 1947.
126. Morison, J.C. *Life and Times of St. Bernard*. London, 1863.
127. Morris, W.B. *The Divinity of Christ*. London, 1898.
128. Mortier, D.A. *Histoire des Maltres generaux de l'Ordre des Freres Precheurs*. Paris, 1903.
129. Morton, H.V. *In the Steps of the Master*. London, 1934.
130. Nathan, Robert P., Joss, Oscar, and Creamer, Daniel. *Palestine: Problem and Promise*. American Council of Public Affairs. 1946.
131. Neander, J. August W. (David Mendel). *Life and Times of St. Bernard*. Eng. tr. London, 1843.
132. Neuman, Abraham. *The Jews in Spain*. Philadelphia, 1944.
133. Newman, J.H. *Historical Scotches*. Vol. II. London, 1872-1873.
134. Newton, Thomas. *Dissertation on the Prophecies*. London, 1765.
135. Origen. *De Principiis*.
136. Paassen, Pierre van. *The Forgotten Ally*. New York, 1943.
137. Parkes, James. *Judaism and Christianity*. London, 1948.
138. Pascal, Blaise. *Pensees sur la religion, et sur quelques autres sujets*. Paris, 1754.
139. Pastor, Ludwig von *History of the Popes* Eng ed London, 1910
140. Patkin, A L *The Origins of the Russian Jewish Labor Movement* Melbourne, 1947
141. Peers, E Allison *Spain* London, 1930
142. Peguy, Charles *Noire jeunesse* Paris, 1910
143. Pike, L O *History of Crime in England* London, 1873
144. Pirenne, H *Economic and Social History of Mediaeval Europe* London, 1936
145. Petit de Julleville, L *Les Mysterel* Paris 1880
146. Puech, Aime *St Jean Chrysostome* Paris, 1902
147. Reinach, Joseph *Histoire de l'affaire Dreyfus* Paris, 1901-1911
148. Renan, Ernest *Histoire generate el systeme compare des langues semitiques* 5th ed, Paris, 1878
149. Renan, Ernest *Vie de Jesus* 3rd ed, 1863
150. Rhodes, W E «Italian Bankers and Their Loans to Edward I» In *Owen College Essays* 1902
151. Rohrbacher, R F *Histoire unverselle de I Eglise catholique* 1832-1847 New ed, 1851
152. Rosen, F *Oriental Memoirs of a German Diplomatist* London, 1930
153. Roth, Cecil *History of the Jews in Italy* 1946

- 154 Roth, Cecil *History of the Marranos* 1932
- 155 Roth, Cecil *The Ritual Murder Libel and the Jew* London, n d
- 156 Roth, Cecil *Short History of the Jewish People*
- 157 Rowan-Hamilton, N *Both Sides of Jordan* London, 1928
- 158 Rupp, Arthur *Jewish Fate and Future* Tr by E W Dicks London, 1940
- 159 Russell, Bertrand *Philosophy and Politics* London, 1947
- 160 Samuel, Herbert *The Unknown Land* London, 1942
- 161 Samuel, Horace *Unholy Memories of the Holy Land* London, 1930
- 162 Schofield, J N *The Historical Background of the Bible* London, 1938
- 163 Seneraga, Bartholomew « De Rebus Genuensibus, 1488-1514» In Muraton *Rerum Italicarum Scptores* Vol XXIV
- 164 Shaw, Thomas *Travels or Observations Relating to Several Parts of Barbary and the Levant* Edinburgh, 1738
- 165 Slosson, Preston William «The Great Crusade and After» In *A History of American Life* Ed by Arthur M Schlesmger and Dixon Ryon Fox Vol XII 1914-1928
- 166 Smith, Goldwm *The United Kingdom* London, 1899
- 167 Smith, James A *Pilgrimage to Palestine* 1895
- 168 Stephens, W R W *Saint Chrysostom* London, 1872
- 169 Storrs, RS *Bernard of Clairvaux* London, 1892
- 170 Storrs, Ronald *Orientalisms* London, 1937
- 171 Swaine, Edward *Objections to the Doctrine of Israel's Future Restoration to Palestine* London, 1828
- 172 Symonds, John Addington *Renaissance in Italy* London, 1886
- 173 Syrkin, Mane *Blessed is the Match* 1948
- 174 Tharaud, Jerome, and Tharaud, Jean *L'An prochain a Jerusalem* Paris, 1924
- 175 Tharaud, Jerome, and Tharaud, Jean *La Jument errante* Paris, 1933
- 176 Tharaud, Jerome, and Tharaud, Jean *Petite histoire des Juifs* 26th ed, Paris, 1927
- 177 Tharaud, Jerome, and Tharaud, Jean *Quand Israel n'est plus roi* Paris, 1933
- 178 Thibaudet, Albert *Les Idees de Charles Maurras* Paris, 1919
- 179 Thurston, Herbert «The Ritual Murder Tnal at Kiev» In *The Month*, 1913
- 180 Trail, H D, and Mann, J S *Social England* London, 1901
- 181 Treves, Frederick *The Land That Is Desolate* London, 1913
- 182 Trevor, Daphne *Under the White Paper* 1948
- 183 Vacandard, E *Vie de Saint Bernard* Paris, 1895
- 184 Vacandard, E *Etudes de cntuque el d'histoire religieuse* 3rd series Paris, 1912

- 185 Valois, Noel *Guillaume d'Auvergne, eveque de Paris (1228-1249)* Paris, 1880
- 186 Vermeersch, A *La Tolerance* Louvain, 1922
- 187 Vitry, Jacques de «Histoire des croisades» In *Collection des memoires relatifs a l'histoire de France, depuis la fondation de la monarchie francaise jusqu'au treizieme siecle*. Ed by F. Guizot. Paris, 1823-1827.
188. Wasserman, Jacob. *Mem Weg als Deutscher und Jude* (1921). Tr as *My Life as German and Jew*. London, 1934.
189. Weill, Georges. *Histoire du mouvement social en France*. Paris, 1924.
190. Weizmann, Chaim. *Trial and Error*. London, 1949.
191. Williams, A. Lukyn. *Adversus Judaeos*. Cambridge, 1935.
192. Wilson, Arnold. *Loyalties, Mesopotamia 1914-1917*. London, 1930.
- 193 Wilson, Thomas. *A Discourse upon Usury* (1572). Ed. by R.H. Tawney. London, 1925.
194. Witherby, Thomas. *An Attempt to Remove Prejudices Concerning the Jewish Nation*. London, 1804.
195. Witherby, Thomas. *Observations on Mr Bicheno's Book entitled The Restoration of the Jews, The Crisis of all Nations...* London, 1800.
- 196 Zevaes, Alexandre. *L'Affaire Dreyfus*. Paris, 1931
197. Ziff, W. *The Rape of Palestine*. 1938.
198. Zweig, Stefan. *The World of Yesterday*. London, 1934.